

"Ласковый обманщик"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джуд Деверо

Ласковый обманщик

Пролог

Январь 1991 г.

Луисвилл, штат Кентукки

— И как только мой отец мог так со мной поступить? Я-то думала, он любит меня, — сказала Саманта Эллиот адвокату и другу отца, которого помнила с самого раннего детства. И то, что этот человек с кротким голосом находился в сговоре с ее отцом, удваивало чувство боли и одиночества.

Видит Бог, ей были сейчас совсем не нужны дополнительные переживания! Всего три часа назад она стояла возле могилы отца и наблюдала сухими воспаленными глазами, как опускают туда его гроб. Саманте было только двадцать восемь лет, но несмотря на это, она уже пережила больше смертей, чем обычно люди переживают за всю свою жизнь. Теперь она осталась совсем одна. Умерли ее родители, умерли бабушки и дедушки. Ее муж Ричард для нее тоже как бы умер — в день кончины своего отца она получила последние документы о разводе.

— Саманта, — мягким, умоляющим голосом произнес адвокат, — твой отец любил тебя. Любил очень, очень сильно, и именно поэтому он так и поступил.

Говоря это, он пристально рассматривал ее. Его жена недавно высказала обеспокоенность тем, что Саманта с момента смерти отца не пролила ни единой слезинки.

— Это хорошо, — заметил он тогда. — У нее отцовская сила воли.

— Ее отец был слабаком, — бросила ему в ответ жена. — Именно Саманта всегда была сильной. Но это же противоестественно: все последнее время она была с ним рядом, наблюдала, как он усыхал и умирал на ее глазах, и ни разу даже не заплакала!

— Дейв всегда говорил, что за Самантой он как за каменной стеной. — Адвокат закрыл свой атташе-кейс и ушел, не дожидаясь, пока она что-либо успеет ответить. Он страшился того момента, когда придется огласить содержание завещания Дэвида Эллиота, а еще больше — неизбежного разговора с женой по этому поводу.

И вот теперь, глядя на стоящую перед ним Саманту, он чувствовал, как пот струится по шее при одном воспоминании о своих тщетных попытках уговорить Дейва Эллиота изменить завещание. Но переубедить старого друга так и не удалось. К тому времени, когда Дейв закончил писать это последнее завещание, он весил не более 42 килограммов и с трудом мог разговаривать.

— Я ее должник, — прошептал он тогда, — Я отнял у нее жизнь, а теперь должен вернуть. Я должен предоставить ей еще один шанс.

— Но Саманта уже не ребенок. Она взрослая женщина и должна самостоятельно решать за себя, — возразил адвокат, но Дейв сделал вид, что не слышит, и продолжал говорить свое:

— Речь идет лишь об одном годе. Это все, что я от нее прошу. Всего один год... Она будет в восторге от Нью-Йорка...

Адвокат подумал, что скорее всего она возненавидит Нью-Йорк, но промолчал.

А Дейв все говорил торопливым, лихорадочным полусшепотом:

— Ты не понимаешь... Я виноват перед ней... Я высосал из нее все соки... Я такое с ней сделал, что отец просто не должен делать со своим ребенком... — он умолк, а адвокат вдруг очень живо вспомнил случившееся несколько лет назад, еще до замужества Саманты.

Она тогда пришла домой из гимнастического зала и, думая, что дома никого нет, прошла в гостиную... Дейв говорил по телефону в своем рабочем кабинете, а он, адвокат, держа в руках стакан чая со льдом, подошел к раздвижным стеклянным дверям и уже хотел было поздороваться с девушкой, но в это время Саманта в гостиной сбросила с себя шаль и начала растягивать мышцы, закинув на спинку дивана длинную стройную ногу. Адвокат позабыл о том, что она дочь его друга, что он знает ее с рождения, и восхищенно уставился на девушку. Долгие годы он не обращал внимания на ее внешность, считал малышкой, — ведь совсем недавно играл с ней в лошадки! Но сейчас он впервые заметил, как мягко выются ее золотистые волосы, какая у нее розовая кожа и какие густые ресницы обрамляют ее ясные голубые глаза. Губы у нее были такие пухлые, что, казалось, будто она на что-то дует, а на носу — прелестная маленькая горбинка. О фигуре и говорить нечего — такие соблазнительные округлости и изящные линии он раньше видел только в журналах.

— Они быстро взрослеют, правда? — голос Дейва, внезапно раздавшийся из-за спины, испугал адвоката. Он залился краской. Его «застукали» глазающим на молодую девушку, которая годилась ему в дочери! И его «нехорошие» мысли были явно написаны у него на лице! Застеснявшись, он отвернулся и вышел вместе с Дейвом.

И сейчас он четко представил себе тот день и охватившее его возбуждение. Такое чувство нельзя испытывать к дочери своего друга. Но он его испытал. И потому не желал выслушивать исповедь Дейва, хотя тот был его другом и находился на смертном одре. Адвокат поспешно прервал разговор, отложил все документы и ушел.

Теперь, конечно, ему хотелось бы узнать, что же Дейв сделал с Самантой — если он действительно с ней что-либо сделал. Но спрашивать он не станет. У него не хватит смелости шагнуть в тот мир, о котором он предпочитал ничего не знать...

— Я не хочу туда ехать, — Саманта опустила взгляд на свои руки. — У меня были другие планы.

— Это же всего один год, — ответил адвокат, повторяя слова Дейва. — А в конце года ты получишь очень кругленькую сумму.

Говоря все это, он внимательно смотрел на Саманту. Молодая женщина, стоящая перед ним, была совсем не похожа на ту прелестную девушку. Она была похожа на старуху. Казалось, она делала все, чтобы скрыть свою женственность. Гладко зачесывала назад свои красивые волосы, почти не пользовалась косметикой, темная, невзрачная одежда скрывала ее фигуру. Но главное, что он понял, — изменилась душа Саманты. В самом деле, уже несколько лет он почти не видел, как она улыбается, и уж совсем не мог припомнить, когда она в последний раз смеялась.

Подойдя к окну, Саманта положила руку на парчовую занавеску. Эти занавеси были последней их с матерью совместной покупкой. Саманта помнила, как они перебрали сотни образцов ткани, пока не нашли идеальный цвет и фактуру.

На заднем дворе росло дерево, которое Саманта посадила вместе с дедом, когда была еще

малышкой. А когда ей исполнилось десять, дед Кэл вырезал на стволе крупную надпись «K + C» и сказал при этом, что, пока дерево живет, он и Саманта будут вместе. Повернувшись, она оглядела комнату — комнату, которая была когда-то отцовской. Здесь она сидела у отца на коленях, здесь они всей семьей вместе играли и веселились. В этой комнате Ричард сделал ей предложение.

Она торжественно подошла к большому отцовскому письменному столу и взяла камень, который он использовал как пресс-папье. На его гладкой поверхности детскими неуклюжими буквами с помощью голубой краски была выведена фраза: «Папа, я люблю тебя!» Сделала она это пресс-папье, когда училась в третьем классе...

Отец тайно продал этот дом, чуть ли не со всем содержимым, за две недели до своей смерти, когда Саманта ухаживала за ним и думала, что они стали близки, как никогда раньше. За эти недели у нее не нашлось времени подумать о себе. Хотя отец настойчиво интересовался, чем она собирается заниматься после его смерти. Саманта тогда неохотно ответила, что скорее всего проживет здесь, поучится в колледже, а зарабатывать будет частными уроками, обучая людей обращению с компьютером. И вообще будет делать то, что обычно делают те, кто не обременен ежедневной работой, и чего она не могла себе позволить последние два года. Выслушав ее, отец не вымолвил ни слова, но, очевидно, сказанное ему не понравилось.

Саманта поставила пресс-папье на место и взглянула на адвоката.

— Он не объяснил, почему продал дом?

— Он только сказал, что хочет, чтобы ты провела один год в Нью-Йорке. И попыталась за это время разыскать свою бабушку. Правда, по-моему, твой отец не верил, что она еще жива. Думаю, он хотел, чтобы ты разузнала, куда она уехала после того, как покинула семью. У твоего отца были планы самому порыскать по архивам и выяснить, какова ее судьба, но он...

— Да, он многое не успел из того, что хотел сделать, — довольно резко заметила Саманта. Лицо ее собеседника при этом нахмурилось. — И теперь я должна ее разыскивать вместо отца?

Адвокат нервно откашлялся, прикидывая, как скоро он сможет откланяться, чтобы это не выглядело невежливо.

— Не думаю, чтобы он в буквальном смысле имел в виду, что ты должна начать розыски. Должно быть, он просто беспокоился, что ты останешься в этом доме совсем одна и ни с кем не будешь встречаться. Мне кажется, что так как у твоей матери не было родственников, а со стороны отца из всей семьи осталась лишь его мать, если, конечно, она еще жива, я имею в виду... — Он не стал продолжать.

Саманта отвернулась, чтобы адвокат не видел выражения ее лица. Она не хотела выдать свои чувства, не хотела, чтобы кто-то был свидетелем того, как ей больно от отцовского предательства. Больше всего на свете ей хотелось остаться одной, чтобы этот человек покинул ее дом, захлопнул за собой парадную дверь и исчез навсегда. А самой потом заползти в теплое, темное местечко, закрыть глаза и никогда больше их не открывать. Господи, сколько же страшного способен пережить человек, и есть ли мера его выносливости?

Адвокат вынул связку ключей и положил ее на письменный стол.

— Это ключи от отцовской квартиры. Дейв все подготовил. Он хотел раньше положенного уйти на пенсию, переехать в Нью-Йорк и разыскать свою мать. Для этого снял квартиру и даже обставил ее. Все было готово, но тут Дейв решил провериться у врача и... был обнаружен рак.

Потихоньку он начал пятиться к двери. Саманта все еще не оборачивалась к нему лицом.

— Хочу повторить еще раз, Саманта, я очень сожалею о кончине Дейва. Я любил этого человека, и знаю — ты тоже. И хотя в данной ситуации это может показаться тебе странным, — и он тебя любил. Очень любил и желал тебе только хорошего. Поэтому я убежден: что бы он ни сделал, делал он это любя.

Адвокат сам чувствовал, что говорит слишком торопливо. Может, ему следует Саманте что-нибудь предложить? Может, все, что нужно в данную минуту, — это подставить свое плечо, чтобы дать ей выплакаться? Но правда заключалась в том, что он не хотел быть свидетелем ее страданий. Но он отнюдь не горел желанием стать ей опорой. Он мечтал скорее уйти домой, домой к своей цветущей, улыбчивой жене и никогда не возвращаться в этот дом. Возможно, и прав был Дейв, что продал его. Может, с ним связано так много плохих воспоминаний, что, только расставшись с ним навсегда, удастся стереть их из памяти.

— Я оставляю документы на нью-йоркскую квартиру на письменном столе, — проговорил он, продолжая пятиться к двери. — Ключи от входной двери получишь у хозяина дома, когда доберешься до места; а тут, на полу, коробка с вещами твоей бабушки.

Прикоснувшись к дверной ручке, поверенный Дейва испытал то же чувство, какое испытывает спринтер, ожидающий выстрела стартового пистолета.

— Саманта, если тебе что-нибудь понадобится, дай мне знать!

Она кивнула, так и не обернувшись к нему, когда он уходил. Вместо этого она продолжала смотреть на задний двор отцовского дома, где стояли потерявшие листву деревья. Впрочем, это был уже не отцовский дом. И не ее.

Когда она была маленькой, то думала, что когда-нибудь ее дети будут расти в этом доме, а теперь... Она моргнула несколько раз подряд, чтобы в глазах прояснилось. И внезапно осознала, что у нее осталось лишь девяносто дней, чтобы навсегда освободить дом своего детства.

Она обернулась и взглянула на пакет документов, лежащих на отцовском столе — да нет, ведь и стол теперь принадлежит кому-то другому! У нее был большой соблазн бросить всю эту затею и не соглашаться на то, что навязывала ей последняя воля отца. Саманта знала, что прекрасно сможет содержать себя, а понадобится — и еще кого-то. Однако если она не исполнит завещание отца, то потеряет все деньги, оставленные ей: и вырученные от продажи дома, и те, что отец копил всю свою жизнь, и, кроме того, деньги, которые передал ему в наследство его отец. Получив же деньги, если она будет бережливой, она сумеет стать финансово независимой до конца дней. И тогда сможет жить там, где пожелает, и делать то, что пожелает.

Но ее отец по какой-то непонятной причине решил, что перед тем, как эти деньги достанутся ей, она должна целый год прожить в большом грязном городе, просматривая пыльные архивы в надежде найти какую-нибудь ниточку, что приведет к женщине, которая бросила свою семью, когда Саманте — ее внучке — было всего восемь месяцев. Эта женщина оставила мужа, который ее обожал, любящего сына, невестку, которая скучала по ней, и внучку, которой теперь так ее не хватает.

Обернувшись, Саманта взяла каменное пресс-папье, и на какой-то момент ее охватило желание бросить его в окно. Но потом она медленно и аккуратно положила камень на место. Если ее отец желал, чтобы она попыталась разыскать его мать, она так и сделает. Ведь уже многие

годы она делала именно то, что желал ее отец.

Саманта собралась уходить, но, замешкавшись в дверях, обернулась, взяла старомодную шляпную картонку, в которой находились все оставшиеся от бабушки вещи, и унесла ее с собой наверх. Она не испытывала никакого любопытства к содержимому этой коробки, у нее даже не возникло желания открыть ее. Саманта была твердо убеждена, что лучше сейчас вообще ни о чем не думать, ни о чем не вспоминать. Лучше заняться делом, чем терзать себя мыслями, а ей предстояло очень много хлопот, связанных с отъездом.

Глава 1

Апрель 1991 года

Нью-Йорк

Не прошло и пятнадцати минут после приземления самолета в аэропорту Нью-Йорка, как у Саманты украли кошелек. Она знала, что сама во всем виновата, потому что, когда полезла в сумочку, чтобы достать бумажную салфетку, забыла потом закрыть ее на молнию. Все, что оставалось сделать вору, так это запустить в сумочку руку и вынуть кошелек: Пропали кредитные карточки «Мастер Кард» и «Американ Экспресс» и почти все наличные деньги. Хорошо, что у нее хватило ума положить сотенную и пятидесятидолларовую бумажки в дорожную сумку — осталось хотя бы что-то.

После того, как она обнаружила пропажу, ей пришлось познакомиться с ранее неизвестной для нее процедурой — отменой кредитных карточек. Для Саманты все происходящее было одной сплошной травмой: и посещение впервые большого, страшного города Нью-Йорка, и «гостеприимство» воришки, а теперь еще и это... Для скучающей молодой женщины, сидящей за стойкой с табличкой «Жалобы», подобные претензии были привычным делом. Она выслушивала такое по пятьдесят раз на дню. Передав Саманте бланки для заполнения, она указала на плакат с телефонами компаний, занимающихся кредитными карточками, и велела самой туда позвонить. Пока Саманта разговаривала по телефону, женщина успела надуть пузырь из жвачки, который громко лопнул, отполировать ногти, поговорить с дружком по телефону и сделать заказ своему коллеге по стойке на ленч — и все это практически одновременно. Саманта пыталась донести до сознания молодой особы, что пропавший кошелек принадлежал еще ее покойной матери, что на его кожаной подкладке был рисунок, который отец называл «психоделическим стилем». Но женщина бросила на нее невыразительный взгляд и сказала: «Ну да. Конечно...» Если бы эта особа не продемонстрировала только что такую живость и расторопность в собственных делах, Саманта, глядя в ее пустые глаза, решила бы, что женщина полная идиотка.

К моменту, когда Саманта вырвалась из «отдела жалоб», ее чемодан успели запереть в комнате со стеклянными стенами, и ей пришлось искать охранника, чтобы тот ее открыл. Это оказалось не такое уж легкое дело, так как никто из тех, к кому она обращалась, не знал, у кого же находится ключ. Более того, складывалось впечатление, что никто не знал даже и о существовании этой самой запертой комнаты.

Когда Саманта заполучила свой чемодан и тащила его за собой на тележке, а увесистая дорожная сумка свисала с плеча, ее уже колотило от усталости и она была доведена до отчаяния.

Теперь ей оставалось лишь поймать такси — первое такси в ее жизни — и добраться до города.

Спустя полчаса она сидела в автомобиле — самом грязном, который когда-либо видела. Он так сильно провонял сигаретным дымом, что Саманте стало дурно, но когда она решила открыть окно, то обнаружила, что с внутренней стороны дверцы отсутствовали ручки. Она бы обратилась к водителю, но его имя на документе у таксометра содержало в основном не свойственные английскому языку буквы, и было очевидно, что по-английски он особо не понимает.

Саманта глядела в замызганное окно такси, пытаясь делать невозможное — не дышать», а главное — ни о чем не думать. Не думать, где она, почему, и сколько времени ей здесь придется пробыть.

Такси проехало под мостом, который выглядел так, будто был обсечен, далее по улицам, казалось, сплошь состоящим из малюсеньких магазинчиков и лавчонок с грязными витринами. Когда водитель в третий раз переспросил адрес, Саманта, пытаясь не выплеснуть на него свое отчаяние, вновь объяснила ему, куда ехать. В бумагах, которые адвокат отца передал ей, указывалось, что квартира находилась в аристократическом районе, где-то на Шестидесятых улицах восточного Нью-Йорка, между Парк-авеню и Лексингтон-авеню.

Наконец они оказались на улице, которая была почище и потише тех, которые они проезжали раньше. Водитель притормозил, разыскивая нужный дом. Когда такси остановилось, Саманта заплатила, быстро соображая, сколько нужно дать чаевых. Затем без помощи водителя вытащила багаж из машины.

Перед ней был пятиэтажный дом, по фасаду которого имелись всего два окна на каждом этаже. Это было очень красивое здание с высокой лестницей, ведущей к двери с веерообразным окном над ней. Вьющиеся розы по всей левой стороне дома до самой крыши были покрыты нежными бутонами, готовыми вот-вот распухнуть.

Саманта нажала на звонок у входной двери и стала ждать; никто не открывал. Никто не открыл после третьего звонка и пятнадцати минут ожидания.

— Ну конечно, — сказала она и села на чемодан. Чего же она еще могла ожидать? Будет хозяин дожидаться ее приезда, чтобы вручить ей ключи от входной двери, только потому, что она написала ему письмо и информировала о времени ее прибытия! Очень ему нужно бросать все дела и немедленно мчаться сюда только затем, чтобы впустить незнакомую женщину в дом... Какое ему дело до того, что она мечтает принять душ и сесть на что-то такое, что бы не двигалось.

Итак, сидя на чемодане в ожидании человека, который вполне мог не появиться вообще, она пыталась представить себе, что будет делать в таком громадном городе, как Нью-Йорк, если останется без крыши над головой, стоит ли ей снова взять такси и отправиться в гостиницу переночевать, или позвонить отцовскому адвокату и попросить перевести ей по почте деньги, пока она не сможет открыть счет в Нью-Йоркском банке?

Прошло еще несколько минут, но никто не пришел. Никто из прохожих даже не замечал ее. Несколько мужчин, правда, улыбнулись ей, но она отвернулась.

Неожиданно Саманта обратила внимание на еще одну дверь, ведущую в дом на уровне земли. Может, это и есть входная дверь, и ей следует постучаться в нее?

Немного поколебавшись, она все-таки решила оставить озон вещи здесь, на лестнице. Молясь про себя, чтобы их не украли, спустилась вниз, обогнула дом, прошла вдоль красивой ограды, сваренной из железных прутьев с острыми наконечниками, и подошла к двери. Постучала

несколько раз, но никто не открыл.

Тяжело вздохнув, она обернулась, чтобы взглянуть на свои вещи — они были целы. Близ нижней двери росла в корзине красная герань, и вид цветов заставил Саманту улыбнуться. По крайней мере, хоть цветы, кажется, были счастливы. Они были хорошо ухожены, на них не было ни одного засохшего листика, земля была влажной, но не мокрой.

Все еще улыбаясь, она направилась обратно к парадному крыльцу. Но едва она зашла за угол, как над ее головой просвистел мяч, да так близко, что ей пришлось пригнуться. Но это было только начало. За мячом последовало нечто мужского рода весом килограммов в сто, в спортивных шортах и майке, разорванной по швам под мышками до самого пояса.

Саманта сделала попытку убраться с пути этого человека, прижавшись к боковой стенке лестницы, но не успела. В ловком прыжке он поймал мяч, пролетавший прямо над ней, а самое Саманту заметил лишь тогда, когда уже падал на нее. Реакция его была мгновенной. Он успел одновременно выпустить из рук мяч и схватить Саманту в тот самый момент, когда она уже начала падать.

Крепко обхватив руками, он рефлекторным движением защиты прижал ее к себе. Она успела лишь судорожно глотнуть воздух.

На какой-то миг она оказалась в его объятиях. Он был выше ее ростом — возможно, где-то за метр восемьдесят. Но так как он импульсивно склонился к ней, их глаза оказались на одном уровне. Два незнакомых человека, почти оторванные от окружающего мира... Сзади — высокая лестница, перед ними — лестница соседнего дома, сбоку — ограда и корзина с цветами... Саманта хотела было поблагодарить этого молодого мужчину, но, едва взглянув на него, она позабыла все слова.

Он был чрезвычайно красив собой. Черные вьющиеся волосы, тяжелые черные брови, темные глаза с такими ресницами, за которые любая женщина отдаст полжизни. Рот с пухлыми губами, будто созданный самим великим Микеланджело. Но при всей своей красоте он выглядел отнюдь не женственно. И дело было даже не в его переломанном в нескольких местах носе, не в трехдневной черной щетине на подбородке и не в мощных мускулах. Мужское начало просто окружало его, как ореол. И это сразу заставило Саманту почувствовать себя слабой и незащищенной, будто она была девушкой в пышных бледно-розовых кружевах. От этого человека исходил не искусственный химический запах всяких снадобий, которые можно приобрести в лавке. От него пахло настоящим мужским потом, немного — пивом и еще — горячей от солнца и физических упражнений бронзовой кожей.

Но все-таки именно рот этого мужчины покорила и очаровала Саманту. Это был самый красивый мужской рот, какой она только видела. Он выглядел одновременно твердым и нежным, и она не могла оторвать от него взгляда. И когда заметила, что эти губы приближаются к ней, она не стала сопротивляться. Поначалу они прижались к ее губам нежно, будто спрашивая разрешения. Поддавшись инстинкту и желанию, Саманта чуть приоткрыла рот под их натиском, и они прижались сильнее. Она не смогла бы оторваться от этих теплых, ласковых губ, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Тем не менее какое-то внутреннее чувство заставило ее поднять руку для сопротивления, но та лишь инстинктивно опустилась на его плечо. Саманта уже почти не помнила, когда последний раз ощущала мужское тело в своих объятиях. Но такого плеча, как это, ей не доводилось ощущать еще никогда. Ее пальцы скользили по твердым, крепким мускулам, как бы пытались зарыться в них.

Когда она обхватила его плечо, он прижался еще сильнее. Его большое, крепкое, тяжелое тело

почти слилось с ней. Рука Саманты, соскользнув в вырез майки на спине, ощутила бугры мышц.

Ей показалось, что она сейчас растворится в его теле, из груди вырвался стон.

Обхватив своей большой рукой ее затылок, мужчина повернул ее голову к себе и начал страстно целовать. Она еще никогда в жизни не испытывала ничего подобного. Он целовал ее именно так, как она всегда мечтала, как бывает лишь в добрых сказках, как пишут в прекрасных книгах, как никто никогда ее раньше не целовал.

Руки Саманты крепко обняли его шею, она чувствовала между своих узких бедер его большое мускулистое бедро. И обнимала его все крепче.

Его губы мягко соскользнули на ее шею, затем начали целовать мочку уха, а руки двигались все ниже и ниже по спине. Захватив руками ее ягодицы, он перенес всю ее тяжесть на свое бедро, а его рука опустилась по ее ноге и подняла ее так, что лодыжка оказалась на уровне его пояса.

— Эй, Майк, ты собрал вокруг себя целую толпу людей!

Поначалу Саманта даже не услышала этого голоса. Она растворилась в чувствах.

Но мужчина услышал. Он вырвался из объятий Саманты, оторвал от нее губы и, поглаживая большим пальцем ее щеку, глядел ей в глаза и улыбался.

— Послушай, Майк, не это ли твоя давно пропавшая сестренка? Или это подружка, которую ты подцепил на углу?

Наклонившись, мужчина еще раз нежно поцеловал Саманту и отпустил ее лодыжку, затем взял Саманту за руку.

В тот момент, когда он выпустил ее из объятий, к Саманте вновь вернулась способность соображать. И первое чувство, которое она ощутила, был ужас. Страшный, всеобъемлющий ужас от мысли, что же она такое натворила. Она пыталась выдернуть свою ладонь, но мужчина держал ее крепко.

Перед ними стояли трое потных, расхристанных парней, из тех, что носят сигареты, завернутые в рукава футболок, и пьют на завтрак пиво. Они смотрели искоса, на их лицах застыла ухмылка, будто они знали о чем-то таком, о чем знать не следует.

— Так, может, ты представишь нас?

— Конечно, — сказал мужчина, удерживая руку Саманты, несмотря на все ее попытки вырваться. Он выдвинул ее вперед.

— Познакомьтесь, это... — и обернувшись, посмотрел на нее вопросительно.

Саманта отвернулась. Она боялась вновь взглянуть на это лицо. И без всякого зеркала знала, что ее щеки залиты яркой краской стыда. Однако ей удалось выдавить из себя:

— Саманта Эллиот.

— Ах, вот как? — удивился мужчина. Он повернулся к парням, прервав их нарочито громкое обсуждение того факта, что Майк, оказывается, еще не познакомился с дамой, которую

несколько мгновений назад целовал так, что, казалось, хочет проглотить.

— Познакомьтесь, пожалуйста, это моя квартирантка, — расплывшись в улыбке, объявил мужчина. — Она будет жить со мной в моем доме.

Эти слова прозвучали с гордостью и удовлетворением.

Саманта резко дернулась и освободила свою руку. Только что ей казалось, что она испытала предел унижения, но, сообразив, кем был этот мужчина, она поняла, что такое настоящий позор. Испуг, унижение, паника переполнили ее. Ей хотелось убежать. Или умереть. А еще лучше — то и другое одновременно.

— Вот это жиличка! — хмыкнул один из парней, окинув ее взглядом с ног до головы и плотоядно посмеиваясь.

— А со мной не хочешь пожить, девочка? Ты только дай знать! — загоготал второй.

— С ним и с его женой, — подхватил третий парень, игриво пихнув второго под ребра. — А вот я, дорогуша, не женат. Я буду хорошо заботиться о тебе. Лучше, чем Майк... Гораздо лучше!

— Эй, катитесь-ка отсюда! — крикнул Майк в ответ, но крикнул шутя, без всякой враждебности в голосе. Потом поднял мяч и бросил его парням.

Один из них поймал мяч, и все трое пошли вниз по улице, задирая друг друга и смеясь.

Мужчина повернулся к ней и произнес!

— Я Майк.

Он протянул ей руку для пожатия и, кажется, даже не понял, почему Саманта стояла не шелохнувшись и глядела на него.

— Майкл Таггерт, — вновь представился он. Когда же она и на этот раз не отреагировала, начал объяснять ей: — Я хозяин этого дома. Вы написали мне письмо, помните?

Не говоря ни слова, Саманта прошла мимо, опасаясь прикоснуться к нему, и начала взбираться по лестнице. Когда он догнал ее, багаж был уже у нее в руках.

— Подождите минутку, пока я открою дверь. Надеюсь, квартира вам понравится. Я нанял людей, чтобы убрались и постелили свежее белье. Извините за то, что меня не оказалось дома к моменту вашего приезда. Я потерял счет времени — увлекся, и... послушайте, куда же вы?

Держа чемодан и сумку в руках, Саманта спустилась по лестнице, и к моменту, когда он отворил дверь, она уже успела уйти довольно далеко по улице.

Перескакивая через несколько ступенек, Майк догнал ее и протянул руки к багажу. Она сделала попытку его обойти, но он не дал.

— Вы же не сердитесь на то, что я опоздал, правда?

Бросив на него быстрый и жесткий взгляд, Саманта вновь попыталась его обойти. После трех безуспешных попыток она развернулась и пошла в другую сторону. Но он и здесь преградил ей дорогу... Наконец она остановилась и свирепо посмотрела на него.

— Дайте, пожалуйста, мне пройти!

— Я не понимаю. Куда вы идете?

«Идиот! — подумала она. — Неужели весь город кишит такими типами?» А вслух сказала:

— Мистер Таггерт, я буду жить в гостинице.

— В гостинице?! Но я приготовил к вашему приезду квартиру. Вы даже не взглянули на нее, поэтому она вам просто не могла успеть не понравиться. Дело же не во мне, не так ли? Я же принес свои извинения за опоздание. Обычно пунктуален, но я намочил часы на прошлой неделе — и они остановились... и я не знаю точно, который час. А эти клоуны, с кем я был, тоже наверняка этого не знают... даже если бы носили часы и научились их заводить...

Взглянув на него так, что ее взгляд должен был бы испепелить его на месте, Саманта прошла мимо.

Но Майк был не из тех, кто так просто сдается, и начал пятиться перед шагающей Самантой.

— Все дело в этих парнях, так? Правда, очень грубые? Я приношу за них извинения. Я встречаюсь с ними, лишь когда хочу перекинуться с кем-нибудь мячом, или в гимнастическом зале. То есть я хочу сказать, что не вожу с ними компанию, если это вас интересует, и вам не придется с ними встречаться в нашем доме... Я обещаю...

Снова остановившись на мгновение, Саманта в недоумении воззрилась на него: как могло случиться, что такой красавец столь удручающе глуп? Она заставила себя отвернуться. Ведь именно его красота послужила причиной того, что она влипла в такую дурацкую историю с первого момента их знакомства.

Она пошла дальше; Майк от нее не отступал.

— Ну если причина не в моем опоздании и не в этих парнях, тогда какие проблемы? — спросил он.

Не удостоив его ответом, Саманта дошла до угла и встала в раздумье. Что же ей теперь делать? Она не представляла себе, где находится и куда идет, но видела много желтых такси, проезжающих мимо. В фильмах люди подзывают их, стоя на углу и поднимая руку. Она закинула свою дорожную сумку на плечо и подняла руку. Буквально через секунду перед ней остановилась машина. С таким видом, будто проделывает это в тысячный раз, она протянула руку к дверце.

— Одну минуту! — остановил ее Майк. — Ты не можешь вот так просто уехать. Ты в первый раз в городе и даже не знаешь, куда ехать!

— Я еду как можно дальше от тебя, — не глядя на него, отрезала Саманта. Майк был явно удивлен.

— А мне показалось, я тебе понравился...

Задыхаясь от возмущения и доведенная до предела, Саманта рванула дверцу такси.

Но Майк ловким движением подхватил чемодан и одновременно схватил ее за руку. И то и другое он держал крепко.

— Ты куда не едешь, — заявил он ей, затем, взглянув на водителя, бросил ему: — Проваливай!

Водитель взглянул на Майка, на то, как играют мускулы на его теле, слегка прикрытом одеждой, и не задав ни единого вопроса, даже не дождавшись, пока тот захлопнет дверцу, умчался восвояси.

— Хорошо, — тихо произнес Майк, как будто говорил с норовистой лошадью. — Я не знаю, что случилось, но мы это сейчас выясним.

— И где же? В твоём доме? В доме, где предположительно я должна с тобой жить? — гневно спросила Саманта.

— Ах, вот в чём дело? Ты на меня злишься, потому что я тебя целовал?

Он мягко улыбнулся и шагнул к ней поближе.

— А мне показалось, что тебе понравились мои поцелуи.

— Оставь меня, — Саманта сделала шаг назад. — Я знаю, что люди в этом городе равнодушные, но мне кажется, что кто-нибудь да обратит внимание, если я начну кричать.

После этих слов Майк отступил назад и посмотрел на Саманту. Она была одета в чопорное темно-голубое «одеяние» — единственное слово, которое он подобрал для определения её наряда. Это был очень скромный костюм — юбка ниже колен и жакет с белым воротничком и манжетами. Каким-то образом этот скучный наряд полностью скрывал очертания её тела. Если бы Майк несколько минут назад не успел изучить это тело собственными руками и не почувствовал при этом восхищения, он бы подумал, что перед ним женщина плоская, как доска. Но когда он целовал её, его рука оказалась у самого основания спины, там, где начиналась аппетитная кругленькая попка.

А потом рука прошлась по прелестному изгибу вниз, к очень крепкому и стройному бедру... Он готов был поспорить, что просто невозможно спрятать подобное тело под любым количеством одежек, но Саманта как-то умудрилась это сделать.

Рассматривая её лицо, он увидел, что оно довольно милое, пожалуй, даже хорошенькое. Но на нём почти не было косметики, будто Саманта стремилась умалить свою красоту вместо того, чтобы подчеркнуть её. Светлые волосы были гладко зачесаны назад, и могло показаться, что они абсолютно прямые, но одна кудряшка выскочила из-под обруча сзади и длинная вьющаяся прядь свисала по щеке. Майк вспомнил, как его руки высвободили эту прядь, и ему ужасно захотелось вновь притронуться к её лицу.

Глядя на неё сейчас, трудно было поверить, что это та самая женщина, которую он недавно целовал. В её лице и теле не было ничего сексуально привлекательного. В этом чопорном костюмчике, с волосами, собранными сзади в тугую, предельно аккуратный пучок, она была похожа на многодетную мать, преподающую в воскресной школе. Если бы он проходил мимо по улице и случайно увидел её, он бы второй раз на неё не взглянул. Но Майк живо вспомнил, насколько другой она была лишь несколько минут назад. Где-то там была спрятана испытывающая вождление, жаждущая красавица, которая его целовала.

Когда Майк чуть было не сбил её с ног и лишь случайно успел поймать, он уже было открыл рот, чтобы спросить, не ушиблась ли она, но, заглянув в эти глаза, не смог вымолвить ни слова. Она смотрела на него так, будто он был самым красивым и желанным мужчиной в мире. Майк

с детства знал, что его внешность привлекает девушек, и пользовался этим при первой же возможности, однако ни одна женщина не смотрела на него так, как эта.

Конечно, он должен был признать, что, может быть, тогда смотрел на нее так же страстно. Ее большие нежные голубые глаза, полные желаний, смотрели на него, а за очаровательный носик и пухлый, капризный рот, казалось, можно умереть.

Сначала он сомневался в том, можно ли ее поцеловать. Не желал совершить ошибку и испугать ее. Но как только коснулся ее губами, уже знал, что не сможет остановиться. Так его не целовала еще ни одна женщина. В этих поцелуях было не просто страстное желание, это был голод. Она целовала его так, будто последние десять лет была заперта в тюрьме, и теперь, когда ее освободили, он был тем самым мужчиной, которого она хотела больше всего на свете.

И теперь Майк был не в состоянии объяснить ту перемену, которая произошла с Самантой. Как могло случиться, что совсем недавно она так целовала его, а спустя какие-то минуты смотрит на него с неподдельным отвращением? И неужели его действительно могла так целовать вот эта чопорная, аккуратная женщина?..

У Майка не находилось на это ответов, он вообще не понимал, что сейчас происходит. Но одно знал наверняка: он не может позволить ей уйти. Он обязан выяснить, что заставляет эту женщину так стремиться бросить его. Ему хотелось одного: взять ее на руки, отнести обратно в свой дом и задержать там... навсегда. Но если она сперва что-то от него хочет, например, чтобы он забрался на небеса, набрал с дюжину звезд, связал их вместе и повесил в ее спальне, то пусть скажет ему об этом. Должен же он знать ее пожелания, чтобы их исполнить.

— Я прошу прощения за что бы то ни было, чем я мог обидеть тебя, — проговорил он, хотя и не вполне искренне. Она ведь не сопротивлялась его ласкам и сама их желала.

Саманта сощурила глаза.

— Я должна после всего случившегося теперь поверить тебе? — Она глубоко вздохнула, пытаясь выглядеть спокойно, так как заметила, что их разговор начал привлекать к себе внимание прохожих.

— Мы можем куда-нибудь пойти и все спокойно обсудить? — спросил Майк.

— Может, к тебе домой?

Не уловив сарказма в ее голосе, он подумал, что идея хорошая, но решил не говорить этого вслух.

— Нам не о чем говорить, — добавила Саманта. — Тем более в твоём доме.

На сей раз она прямо дала понять, что считает его дом «подземельем грехопадения». Майк тяжело вздохнул.

— Мы вернемся домой, сядем на веранде — на глазах у всего Нью-Йорка — и обсудим, в чем же заключается проблема. Затем, если ты по-прежнему захочешь уйти, я помогу тебе подыскать гостиницу.

Саманта понимала, что ей не надо его слушать. Ей следовало поймать такси и поехать искать место, где можно было бы переночевать.

— Послушай, ты ведь даже не знаешь, куда ехать, не так ли? Или ты собираешься сесть в такси и просто сказать — отвезите меня в гостиницу? Так сейчас никто не делает. Знаешь, где ты можешь в результате оказаться?! Поэтому дай я позвоню и закажу тебе номер.

Почувствовав, что она заколебалась, Майк взял инициативу в свои руки и направился к дому, надеясь, что Саманта последует за ним, а также за своим чемоданом. Не желая испытывать судьбу, он шел молча, медленно, то и дело останавливаясь, чтобы убедиться, что она следует за ним.

Добравшись до дома, он отнес ее чемодан на верхнюю площадку лестницы, поставил там и, обернувшись к Саманте, сказал:

— Ну теперь, может, ты расскажешь мне, что же произошло?

Разглядывая свои руки, Саманта думала, что очень устала от тяжелого, изнуряющего дня. А точнее, от тяжелого, изнуряющего года, который она прожила.

— Кажется, причина очевидна. — Она пыталась не смотреть на Майка, так как он был почти раздет. Облокотившись на перила, он рукой влез под свою майку без рукавов, чтобы почесать грудь, и Саманта увидела живот, похожий на стиральную доску, сделанную из мышц. Не получив ответа, она вновь заговорила, на сей раз намериваясь быть предельно доходчивой.

— Я не собираюсь жить в одном доме с человеком, который меня преследует. У меня траур по отцу, я только развелась с мужем, и мне не нужны новые неприятности.

Возможно, Майку не следовало бы обижаться на нее, но по ее словам выходило, что он какой-то старый развратник, который не может пропустить ни одной сочной молоденькой девочки. Он с трудом сдерживал желание заявить ей, что у него не было никакого намерения навалиться на нее — это произошло чисто случайно, — а также напомнить, что, кроме поцелуев, между ними практически ничего не было. И вовсе нет повода вести себя так, будто он сексуальный маньяк, только что пытавшийся ее изнасиловать.

— Хорошо, каковы правила игры?

— Я не понимаю, о чем ты?

— Отлично понимаешь. Все, кто одевается подобным образом, должны жить по правилам. Многочисленным правилам. А теперь скажи, по каким правилам ты живешь?

Саманта решительно взяла в одну руку свою дорожную сумку и протянула другую руку к чемодану, но он не дал ей.

— Ну хорошо, — в его голосе появилась интонация проигравшего, — я еще раз прошу прощения. Давай попробуем начать наши взаимоотношения заново?

— Нет, — отрезала она, — это невозможно. Пусти мой чемодан, и я уйду.

Однако Майк не собирался ее отпускать. Он желал ее так, что даже пот струился по груди, несмотря на прохладный день; но была и еще одна причина — обещание, данное ее отцу. Саманта ничего не знала о близкой дружбе между ним и ее отцом. Ничего не знала и о том, что Дейв и Майк провели много времени вместе. Потом Дейв сообщил Майку, что Саманта ушла от мужа и возвращается домой. И после этого он ограничил их дружеские взаимоотношения перепиской через адвоката, потому что по какой-то причине не желал,

чтобы Майк и Саманта встретились. Во всяком случае, пока он жив. Затем, за два дня до своей смерти, Дейв позвонил Майку, хотя к тому моменту был уже слишком слаб, чтобы рассказать все, что хотел. Но Майк понял основное. Дейв сказал, что посылает дочь к нему в Нью-Йорк, и попросил позаботиться о ней. И Майк дал ему слово, потому что у него не было никакого выбора. Обещал, что будет защищать Саманту и присматривать за ней. Но, конечно, подумал он, вряд ли Дейв хотел, чтобы у них сложились именно такие отношения, как при их первом знакомстве.

Майк посмотрел на вещи Саманты.

— Где у тебя постельное белье?

Саманте показалось, что это довольно странный вопрос, хотя все, что с ней произошло за последние полчаса, было самым странным и невероятным за всю ее жизнь.

Не дожидаясь ответа, он взял ее сумку и открыл дверь в дом.

— Я тебя прошу об одном — дай мне пять минут. Подожди пять минут, а потом позвони в дверь.

— Пожалуйста, отдай мою сумку.

— Сколько сейчас времени?

— Пятнадцать минут пятого, — автоматически ответила она, посмотрев на часы.

— Хорошо. В двадцать минут пятого позвони.

И он ушел в дом, оставив Саманту перед дверью с частью ее багажа. Она тут же нажала на кнопку звонка, но никто не открыл. У нее возникло желание взять чемодан и уйти без сумки, но мысль об оставшихся там деньгах заставила ее присесть на чемодан и начать ждать.

Стараясь не вспоминать ни о своем отце и его поступке, ни о муже — точнее, бывшем муже, — она смотрела на улицу. Смотрела на прохожих — мужчин в джинсах и женщин в бесстыдно коротких юбках. Даже в Нью-Йорке в воздухе витала лень воскресного вечера.

Этот человек по имени Майк Таггерт сказал, что хочет начать все отношения с ней заново. Господи, если бы такое было возможно, она бы хотела прожить заново всю жизнь, начиная с того утра, когда скончалась ее мать. Потому что после этого все в ее жизни пошло кувырком. То, что она сейчас здесь, всего лишь звено той цепочки страданий и бед, которые начались тогда.

Саманта взглянула на часы, чтобы узнать время, и подумала, что их можно заложить в ломбард. Но даже когда они были новыми, их цена была тридцать долларов, и вряд ли сейчас за них ей бы что-нибудь дали. Увидев, что уже больше половины пятого, она решила все-таки позвонить в дверь: возможно, Майкл Таггерт откроет и отдаст ей сумку. Тогда она сможет заняться поисками места, где остановиться. Чем быстрее она начнет отбывать свой годовой срок, тем скорее сумеет выбраться из этого ненавистного ей города.

Саманта тяжело вздохнула, расправила юбку, пригладила волосы и протянула палец к кнопке дверного звонка.

Глава 2

Не успела Саманта оторвать палец от кнопки, как Майк открыл ей дверь. Несколько секунд она просто стояла, хлопая глазами, удивленная переменой, которая произошла с этим человеком. Он был одет в чистую голубую рубашку, расстегнутую у ворота, но очень опрятную, и темно-голубые летние шерстяные брюки; туфли его были до блеска начищены, а рубашку украшал небрежно завязанный шелковый галстук. Густая щетина исчезла с его лица, а черные кудри были старательно приглажены. Буквально за считанные минуты из опасного, хотя и сексуально притягательного предводителя шайки хулиганов он превратился в процветающего молодого банкира, находящегося на отдыхе.

— Здравствуйте. Должно быть, вы мисс Эллиот, — произнес Майк, протягивая руку. — Я Майк Таггерт. Добро пожаловать в Нью-Йорк.

— Верните мне, пожалуйста, сумку, — проигнорировав протянутую руку, сказала Саманта. — Я хочу уйти.

Он улыбался и вел себя так, будто она ничего не говорила.

— Пожалуйста, пройдите. Ваша квартира готова.

Саманта не хотела входить в дом этого человека. Однако ее привело в замешательство, насколько быстро и радикально он смог изменить свой облик. Всего за несколько минут мускулистый мужлан, у которого явно хватало ума лишь на то, чтобы заучить несколько футбольных приемов, преобразился в молодого интеллектуала... Если бы она познакомилась с этим человеком с самого начала, ей бы даже в голову не пришло, что он может быть другим. А сейчас она была в замешательстве. Каков же настоящий Майк Таггерт?

Саманта увидела у двери свою сумку и шагнула внутрь, чтобы забрать ее. Но едва ее рука прикоснулась к дверной ручке, как она услышала, что входная дверь захлопнулась. Разгневанно сжав губы, она резко повернулась, но его глаза избегали встречи с ней.

— Что вы предпочитаете: сначала осмотреть весь дом или пока только вашу квартиру?

Она не хотела видеть ни того, ни другого, но Майк загородил путь к двери. Он стоял, как скала у выхода из пещеры.

— Я хочу выйти, я хочу...

— Значит, начнем с осмотра дома, — радостно произнес он, будто получив ее полное согласие. — Здание было выстроено в двадцатых годах... Точную дату я не знаю, но вы можете убедиться, что комнаты сохранили первоначальные лепные украшения.

Саманта стояла не двигаясь, решив никуда не уходить от сумки.

Но Майк все-таки заставил ее участвовать в своей игре, взяв под локоть и слегка потянув в направлении гостиной. Перед ее взором открылась большая комната с удобными глубокими креслами из черной кожи и диваном. Она заметила грубый, ручной работы ковер на полу, стоявшие повсюду безделушки и сувениры, собранные со всего мира; а в углах у окон стояли огромные пальмовые деревья. На стенах висели несколько масок, китайские гобелены и картины с острова Бали. Это была чисто мужская комната — выдержанная в темных тонах, много кожи и дерева. Обстановка свидетельствовала о хорошем вкусе владельца.

Комната вовсе не напоминала бордель — а именно это она ожидала увидеть после первого их знакомства. Мужчина, похожий на банкира, что стоял рядом с Самантой, явно чувствовал себя

в этой обстановке естественно и непринужденно. И похоже, что настоящий Майк был именно он, а не тот мужлан, с которым она познакомилась сначала.

Она почувствовала, как Майк всматривается в выражение ее лица, и поскольку он перестал с силой сжимать ее локоть, поняла, что он, похоже, доволен увиденным. Без особого желания, но уже не так злясь, как прежде, Саманта проследовала за ним из комнаты в комнату.

С каждой минутой она все более расслаблялась. Майк показал ей библиотеку с дубовыми стенами и полками книг до потолка. Сначала она была поражена количеством книг, но потом заметила, что все они имели отношение к американским гангстерам — к их истории, биографиям, даже к экономике черного рынка. С отвращением, отвернувшись, она увидела в углу комнаты рядом с большим письменным столом, заваленным бумагами, большие белые картонные коробки, на которых красовались названия фирм, производящих электронику. Саманта взглянула на Майка с удивлением.

— В этих коробках компьютер, — ответил Майк на ее немой вопрос.

Саманта едва сдержала восторженный возглас: компьютеры были ее слабостью. Она просто теряла рассудок при виде мощной электронной техники, которая стояла запакованной и без дела. Должно быть, такое чувство испытывает коллекционер игрушек на пыльном чердаке при виде коробок с надписями «прабабушкины куклы», которые ему не дают открыть.

— Мисс Эллиот, вы случайно не знаете, с какой стороны нужно подходить к компьютеру? — Майк задал свой вопрос самым невинным голосом. Ему было прекрасно известно, что она просто гений в обращении с электроникой. И купил он именно то, что Саманта рекомендовала приобрести своему отцу. А Дейв Эллиот написал об этом Майку.

— Я лишь немного в них разбираюсь, — невнятно пробормотала Саманта, отворачиваясь от коробок.

Затем он отвел ее наверх и показал две жилые комнаты. Их украшали декоративные растения и произведения искусства со всего света.

— Нравится? — поинтересовался он.

Саманта улыбнулась, не успев взять себя в руки.

— Да, нравится.

Когда он усмехнулся в ответ, Саманта чуть не задохнулась от злости. Он был еще красивей с этой улыбкой, выражающей только удовольствие и добродушие. Ее бросило в жар, и она направилась к двери.

— Хочешь теперь посмотреть свою квартиру?

Она кивнула, не глядя на него.

Они поднялись на третий этаж. И когда Майк открыл дверь в первую комнату, Саманта забыла все плохое, что думала о Нью-Йорке и о человеке, который так взбесил ее. Она почувствовала что-то отцовское в этой комнате. Ее отец любил говорить, что если ему удастся начать жизнь сначала, то он декорирует свой дом в зеленых и бордовых тонах. И эта комната была создана для отца. Темно-зеленый диван стоял под углом к камину из зеленого мрамора. Напротив дивана — два больших удобных кресла в зеленую полоску. Прочая мебель — темного красного

дерева, на крепких ножках. На полу — восточный ковер ручной работы в зеленых и кремовых тонах.

Подойдя к каминной полке, Саманта увидела рамки с семейными фотографиями. Ее мать. Родители вместе. Дедушка со стороны отца. Она, Саманта, — от новорожденного младенца до самой последней фотографии, сделанной в прошлом году. Она взяла в руки портрет своей мамы в серебряной рамке и взглянула вверх, на секунду закрыв глаза. Ощущение присутствия в комнате отца было столь сильным, что казалось — если обернуться, он будет стоять здесь.

Но когда она обернулась, вместо отца увидела незнакомца, стоящего в дверном проеме и хмуро наблюдающего за ней.

— Не нравится? — спросил Майк. — Эта комната тебе не подходит?

— Очень даже подходит, — мягко ответила Саманта. — Я прямо чувствую здесь присутствие моего отца.

Майк еще сильнее нахмурил брови.

— Правда, чувствуешь? — Сейчас, глядя на комнату новым взглядом, он видел, что она совсем не для молодой блондинки. Эта комната предназначалась для мужчины. Точнее, для Дэвида Эллиота.

— Здесь проход в спальню, — Майк теперь видел каждый уголок комнаты совершенно иными глазами. Эти комнаты, как и те внизу, обставляла его сестра. В свое время Майк похвастался Дейву, что ему надо только сказать, как должен выглядеть конечный результат, и она сделает все остальное и именно так, как надо. Дейв выразил желание, чтобы его апартаменты выглядели как Английский клуб. И в результате они именно так и выглядели.

И теперь Саманта смотрелась здесь как женщина, случайно оказавшаяся в мужском клубе.

Стены спальни были окрашены в густой зеленый цвет, а окна, выходящие на балкон, занавешены тяжелыми вельветовыми портьерами — зелеными в темно-красную полосу. По углам кровати стояли четыре стойки для балдахина, а обои были выдержаны в шотландском стиле, с изображением беговых собак. Саманта, ласково проведя рукой по стеганому одеялу, спросила:

— Мой отец когда-нибудь здесь останавливался?

— Нет, никогда. Все это создавалось по его указаниям по телефону и в письмах. Он планировал приехать сюда, но...

— Я так и знала, — произнесла она, глядя на изображения собак на обоях. Здесь, в этой комнате, ей казалось, что ее отец не умер, что он еще жив.

Майк показал ей чулан для вина рядом со спальней, затем две ваннные комнаты из темно-зеленого мрамора и гостиную с креслами в красно-зеленую полосу и книжными полками. Книги были в основном биографические — ее отец их обожал. На четвертом этаже располагались спальня для гостей и кабинет с тяжелым дубовым письменным столом. Французские окна вели на балкон. Отворив створки, Саманта вышла туда и внизу увидела сад.

Она не ожидала увидеть в Нью-Йорке сад, по крайней мере, такой, как этот. Можно было позабыть, что находишься в городе, глядя на сочный зеленый газон, два больших дерева,

декоративный кустарник и только что засаженные клумбы.

Саманта обернулась со счастливым лицом, чтобы посмотреть на Майка; он все еще хмурился.

— Кто ухаживает за садом?

— Я...

— Можно я буду помогать? Я имею в виду, если я здесь останусь, я бы хотела помогать в саду.

Он перестал хмуриться и улыбнулся.

— Это будет честью для меня.

Казалось, ее слова должны были полностью удовлетворить его, но он никак не мог понять, что же его беспокоит. Раньше он желал, чтобы она осталась, но теперь ему хотелось, чтобы она ушла. Пожалуй, это чувство возникло у него после того, как она столь по-домашнему вела себя в этих комнатах — комнатах Дейва. Что-то, связанное с тем, как она схватила эту фотографию матери и прижала к сердцу...

— Хочешь посмотреть кухню? Она кивнула; он подошел к стене и открыл дверь, которая вела на узкую темную лестницу.

— Это черная лестница для слуг, — объяснил он. — Дом не перестраивался под отдельные квартиры, так что кухня у нас будет общей.

Она внимательно взглянула на него.

— Пусть тебя не беспокоит мое присутствие. — Его раздражало, что опять приходится защищаться. Возможно, ему остается лишь показать ей справку на бланке полиции, подтверждающую, что он не насильник и не убийца и что самое большое нарушение, которое он совершил, — это превысил скорость вождения автомобиля.

— Я еще меньше разбираюсь в кухонных делах, чем даже в компьютерах. Так что ты не часто будешь сталкиваться со мной там. Я могу справиться с холодильником — и это, кажется, все. Даже тостеры приводят меня в замешательство.

Она молча глядела на него, тем самым давая понять, что далеко не убеждена в его благих намерениях.

— Послушай, Сэм, вероятно, оба мы встали сегодня не с той ноги, но я тебя уверяю, что я вовсе не... что бы ты там обо мне ни думала. Ты будешь в полной безопасности здесь со мной. В том числе в безопасности от меня. Все твои двери снабжены хорошими крепкими замками, и ключей у меня нет. Все они были у твоего отца. Что касается кухни, то, если ты пожелаешь, мы можем составить график пользования ею. Вообще, если хочешь, можем всю нашу жизнь организовать по графику, так, что совсем не будем встречаться. Твой отец выплатил арендную плату завесь год вперед, и я думаю, тебе стоит здесь остаться. Эти деньги я уже истратил и не в состоянии вернуть их тебе назад.

Она не знала, что ответить — остается она или уходит. Возможно, ей не следовало оставаться здесь с ним после того, что произошло при встрече, но могла ли она покинуть и этот дом — второй дом, созданный ее отцом? Она уже потеряла дом в Луисвилле, наполненный воспоминаниями и привидениями ее предков; но тут она чувствовала зарождение новых

воспоминаний.

Она нехотя поставила на место фотографию матери и стала спускаться по лестнице на первый этаж, где находилась кухня. Хотя этот человек утверждал, что ничего не смыслит в кухне и готовке, но кто-то точно знал в этом толк. Красивая, просторная, голубая с белым кухня выглядела вполне благоустроенной и укомплектованной.

Она начала было задавать вопросы, но тут в противоположном конце кухни увидела двойные стеклянные двери, ведущие в сад. Отвернувшись от Майка, она устремилась туда. Сад занимал не очень много места — так уж устроены все задние дворики — и был окружен глухой деревянной оградой в восемь футов высотой. Он оказался гораздо красивее, чем выглядел с балкона четвертого этажа. Вдоль ограды росли кусты красных, едва распустившихся роз. Розы были старомодные, с сильным запахом, как всегда любила Саманта — не то что эти современные, которые совсем не пахнут.

Повернувшись, она улыбнулась Майку.

— Отличная работа.

— Спасибо, — сказал он, кажется, по-настоящему польщенный услышанным.

Вдохнув аромат роз и подумав о комнатах наверху — комнатах ее отца, — она прошептала:

— Я остаюсь.

— Прекрасно. Может, завтра я смогу показать тебе несколько мест, где можно прикупить мебель. Я уверен, ты захочешь сменить обстановку в квартире, ведь она не совсем подходит для женщины. Моя сестра — дизайнер, и я смогу через нее достать кое-что по оптовым ценам. Так что...

Она строго взглянула на него.

— Мистер Таггерт, большое спасибо за это предложение, но я хочу, чтобы все было предельно ясно: я не нуждаюсь в друге, любовнике или гиде. У меня в этом городе есть работа, и как только она будет закончена, я уезжаю. С этого момента и до последнего у меня нет ни малейшего желания... заводить какие-либо отношения. Понятно?

Он посмотрел на нее очень серьезно, показывая всем видом, что отлично ее понимает.

— Все предельно ясно. Ты не хочешь иметь никаких отношений со мной. Хорошо. Твои ключи лежат на кухонной стойке. Один ключ от входной двери, другой от всех дверей в твоих апартаментах. Твой отец желал, чтобы ко всем дверям подходил один ключ, дабы не возиться со связкой.

— Спасибо, — поблагодарила она и пошла в дом.

— Саманта, — обратился он к ней, когда она проходила мимо, — у меня есть к тебе одна просьба.

Она не обернулась, но, подбадривая себя, спросила:

— Какая просьба?

— Иногда мы будем встречаться, в частности, на кухне. И я хотел тебя попросить... — Его голос

стал тише. — Если ты будешь спускаться ночью или ранним утром, не надевай ничего такого кружевного, белого цвета. Ну, ты знаешь, такое, развевающееся. Я нормально отношусь к ночным пеньюарам красного или черного цвета. Или голубого. Тогда я еще могу совладать с собой. Но если я увижу белую кружевную рубашку, — я за себя не отвечаю.

Не взглянув на него, Саманта вбежала в дом, схватила ключи и понеслась по лестнице наверх.

Глава 3

Первую свою ночь в Нью-Йорке Саманта проспала в кровати, выбранной ее отцом, и весь кошмар прожитого дня как-то смягчился. Но едва проснувшись, она почувствовала себя хуже, чем когда ложилась спать. Действительность как будто навалилась на нее всей своей тяжестью. Все бы было хорошо, если бы она очутилась дома, в Луисвилле. Но теперь она была в незнакомом доме, кругом были посторонние люди. Никогда еще она не оставалась совсем одна. Не то что никогда не оставалась наедине с собой, но у нее были родители, дед, затем муж. А теперь она действительно оказалась совсем одна.

Услышав какой-то шум на улице, Саманта вылезла из постели и подошла к окну взглянуть на небольшой садик внизу. Этот человек — ее домовладелец — поливал растения. Но в тот самый момент, когда Саманта отдернула занавеску, он обернулся и помахал рукой, как будто услышал ее. Это заставило Саманту отпрянуть от окна и вновь задернуть занавеску.

Ей пришла в голову мысль, что она не просто одна в этом мире, а окружена хищниками. Представилось, что она затеряна в море и борется со стихией лишь в одном спасательном жилете, и видит, как рядом проплывает океанский лайнер, полный счастливых, смеющихся людей, которые так веселятся, что даже не слышат ее криков о помощи. А вокруг плавают акулы. И все они похожи на Майка Таггерта. Она приняла душ, оделась, зачесала волосы назад и стала ждать, пока не услышала, как открылась, а затем захлопнулась входная дверь. Лишь тогда она спустилась вниз и остановилась в замешательстве у двери — ей не хотелось выходить на улицу. Не хотелось покидать этот дом. Но нужно было купить продукты и открыть в банке счет для перевода денег из Кентукки.

Нью-Йорк ее пугал. Пока она выглядывала из-за занавески на окружающий ее город, в голове промелькнуло все, что она когда-либо слышала или читала о нем. Для всего мира этот город олицетворял что-то вроде пугала для взрослых. Когда что-то страшное случалось в любой другой точке США, люди обычно говорили: «Наш город стал таким же, как Нью-Йорк» или «Слава Богу еще, что мы живем не в Нью-Йорке». Но она оказалась в настоящем Нью-Йорке. И ей предстояло столкнуться с ним один на один. Через застекленную дверь она видела проходящих мимо женщин. Некоторые прогуливали на поводке собак, другие не спеша шли куда-то в своих длинных кожаных куртках и мини-юбках, — но никто из них, кажется, ничего не боялся. Набрав побольше воздуха, чтобы чувствовать себя более уверенно, она наконец вышла из дома, заперла дверь, спустилась по ступенькам, дошла до конца улицы и повернула налево. Взглянув на зеленый указатель, сообразила, что теперь находится на Лексингтон-авеню. Идя по ней в северном направлении, она заметила продовольственный магазин с вынесенными на улицу прилавками, полными овощей и фруктов. Затем — обувной магазин, прачечную, отделение «Нью-Йорк Банк», крошечный пункт проката видеокассет, кулинарию, в витрине которой были выставлены только что выпеченные булочки и кондитерские изделия, и книжный магазин.

Не прошло и двух часов, как она успела открыть счет в банке, купить продукты, цветы и какой-то дешевый роман. И все это — практически не доходя до следующего угла. Потом она возвратилась назад, снова повернула за угол, дошла до своего дома, отперла входную дверь,

быстро захлопнула ее за собой и, опершись о нее спиной, тяжело выдохнула. Саманта была довольна. Она только что совсем одна совершила набег на город Нью-Йорк и вернулась живой и невредимой. Никто не угрожал ей ножом, никто не выхватил ее сумку и не предлагал ей наркотики. Она чувствовала себя так, будто взобралась на вершину горы, установила там флаг и победоносно вернулась домой, чтобы рассказать об этом.

Убрав продукты по местам, она насыпала в миску кукурузных хлопьев, заварила чашку цветочного чая, из пакета с хлебом достала пирожок с клюквенным вареньем и, водрузив все это на поднос, отправилась в сад. В саду села в одно из кресел-качалок, вытянулась и пошевелила пальцами ног. Саманта не чувствовала одиночества. Напротив, она думала о том, как это прекрасно — не иметь никаких обязанностей и дел. Иногда ей казалось, что всю свою жизнь она за кем-то ухаживает. А уж с тех пор, как вышла замуж, у нее не было ни секунды для самой себя. Ее мужу всегда было что-нибудь от нее нужно. Если он не был голоден, то просил ее что-то для него найти, или ему нужна была чистая одежда, или чтобы она выслушала его жалобы о том, как несправедлива к нему судьба.

При этой мысли Саманта стиснула губы. Лучше вообще не вспоминать о бывшем муже и его «художествах».

— Вижу, ты посетила продуктовый магазин.

Саманта чуть было не подпрыгнула от неожиданности, когда услышала этот голос. Она тотчас села, как ученица за партой — выпрямившись, потупив взор, руки на коленях, как будто никогда в жизни и не сидела в свободной и ленивой позе.

— Были какие-нибудь проблемы? — поинтересовался Майк, глядя на нее сверху вниз и внутренне закипая при мысли, что его, кажется, по-прежнему принимают за бывшего уголовника, убийцу и сексуального маньяка.

— Нет, никаких, — она встала и направилась к дому.

— Тебе нет необходимости уходить, когда я здесь, — сказал он раздраженно.

Она даже не удостоила его взглядом.

— Конечно, мне не обязательно уходить. Просто у меня дела. Вот и все.

Майкл хмуро наблюдал, как она возвращается в дом, понимая, что причина ее ухода именно в нежелании быть с ним рядом.

Саманта прошла в комнаты, которые выбрал ее отец, комнаты, которые напоминали о нем, комнаты, в которых она чувствовала себя в безопасности. Устроилась в полосатом кресле и начала читать только что купленный роман. Впереди у нее был целый день, и она могла позволить себе делать именно то, что ей захочется. По правде говоря, у нее еще вся жизнь впереди, и она сможет посвятить ее только себе. Все, что ей нужно было делать, — это отбыть свой срок в Нью-Йорке. И тогда она станет свободной.

Последующие несколько недель Саманта наслаждалась своей свободой так, как может наслаждаться только тот, кто всю жизнь был зависим от других. С тех самых пор, как умерла ее мать, у нее не стало времени для чтения или для того, чтобы просто расслабиться и помечтать.

Когда она была маленькой, то любила сидеть в ванне с мыльными пузырями, но после смерти мамы привыкла по-быстрому принимать душ — и все. Размышляя о предстоящей жизни, Саманта думала, что теперь наконец сможет прочитать все те книги, которые хотела, и непременно подберет себе интересное хобби. У нее будет время на все что угодно.

Каждое утро Саманта просыпалась и, улыбаясь, разглядывала отцовскую комнату. Она наслаждалась чувством, что отец рядом с ней и что ее ожидает длинный, свободный от всех дел день. Она составила список книг, которые хотела прочитать. Для начала взяла в отцовской библиотеке биографию королевы Виктории, тянущую по весу на все два килограмма.

Она почти не покидала квартиры, разве только для того, чтобы сбежать в продуктовый магазин. Да и зачем? Все необходимое было под рукой. На кухне была стиральная машина и сушилка. Рядом был сад. В ее распоряжении была видеосистема и кассеты с разными записями. У нее были книги. Было кабельное телевидение. И, главное, у нее было время.

Единственное, что ее беспокоило в ее прелестной, размеренной жизни, так это домовладелец. Он строго держал свое слово, не беспокоил ее. Если судить по первым двум неделям, то можно было подумать, что она здесь одна. Правда, она сама многое для этого сделала. Саманта желала бы изучить его привычки, чтобы совсем с ним не встречаться, но, как ей показалось, он не придерживался четкого распорядка. Бывали дни, когда он уходил рано утром, иногда не уходил до полудня, а то и вовсе оставался на весь день дома. В такие дни избежать встречи было трудно. Казалось, ему всегда нужно выйти на кухню именно в тот момент, когда она спускается туда взять чего-нибудь поесть. И ей приходилось быстро взбегать вверх, чтобы не столкнуться с ним.

В те дни, когда он отсутствовал, она иногда прохаживалась по его комнатам, так как дверей он не запирает. Ни до чего не дотрагиваясь, она рассматривала вещи, читала названия книг про гангстеров, но ни одна из них ее не заинтересовала. Майк, видимо, не был очень аккуратным человеком. Оставлял одежду прямо там, где раздевался. По средам приходила убираться довольно красивая девушка. Она собирала все грязное белье, стирала и клала на место. В одну из сред Саманта услышала, как зазвонил телефон, а затем захлопнулась входная дверь. Она поняла, что на этот раз девушка ушла раньше времени.

Спустившись вниз, Саманта увидела, что сушилка забита выстиранным бельем, а стол в столовой уставлен грязной посудой. Не отдавая себе отчета, она принялась за уборку. Когда таймер на сушилке прозвенел, сигнализируя, что одежда высушена, она сложила белье, отнесла в комнату Майка и положила на полку. И все это время твердила себе, что она свободный человек и если хочет что-то делать, то будет делать. Кроме того, хозяину дома никогда в голову не придет, что всем этим занималась именно Саманта.

Только прожив здесь больше двух недель, Саманта узнала, что есть в Нью-Йорке такая услуга, как доставка продуктов на дом. Один раз, когда она выносила из магазина три тяжелых пакета, продавец предложил ей доставить их на дом, объяснив, что эта услуга оказывается бесплатно. Все, что нужно, так это дать пару долларов разносчику. И добавил, что в случае, если клиент занят, можно сделать заказ и по телефону — тебе принесут что желаешь. Саманта решила, что это прекрасная идея. На следующее утро первым делом она пошла в банк и сняла пятьсот долларов наличными со своего счета. Этой суммы хватит на долгое время, и ей вообще не придется выходить из дома.

Когда она возвратилась, в доме никого не было. Саманта с облегчением вздохнула и начала строить дальнейшие планы. Уговаривая себя, что свободный человек может делать все что угодно, она поджарила себе воздушную кукурузу, вернулась в постель и стала смотреть

видеокассеты. Однако все записи, приобретенные ее отцом, были с какими-то научными фильмами о жизни всяких букашек и птиц, поэтому она почти сразу заснула. Как же замечательно иметь возможность поспать днем, думала Саманта, засыпая. Ведь дневной сон — это роскошь для привилегированных. Когда уже стало смеркаться, ее разбудил чей-то смех. Она вылезла из постели, подошла к окну и выглянула в сад. Кажется, ее домовладелец устраивал вечеринку. Он жарил мясо на рашпере, и Саманта успела отметить для себя, что делает он это неправильно — протыкает мясо, когда переворачивает. Человек шесть хорошо одетых гостей потягивали пиво.

Казалось, какое-то неведомое чувство подсказывало ему, что она на него смотрит. И как это уже случалось не раз, он внезапно повернулся и помахал ей, давая понять, чтобы она спускалась и присоединялась к компании. Но Саманта отпрянула от окна и задернула занавески. Она вставила в проигрыватель компакт-диск, села в отцовское кресло и приступила к чтению. Сейчас она читала толстенную, весом эдак под три килограмма, биографию Екатерины Великой. Когда же смех внизу стал громче, она увеличила громкость проигрывателя. На всех отцовских компакт-дисках была музыка двадцатых-тридцатых годов, блюзы, траурные песни, в исполнении таких певцов, как Бесси Смит и Роберт Джонсон. Саманта никогда сама не купила бы таких записей. Но теперь они все больше нравились ей, только потому, что нравились отцу.

Когда она еще не уехала из Луисвилля, то, так и не решившись расстаться с вещами отца, часть из них запаковала в ящик и отправила в Нью-Йорк. Она чувствовала, что когда носит его рубашки поверх своих джинсов, это сближает ее с отцом еще больше. Ей нравилось спать в его пижаме, но особенно она любила носить его громадный фланелевый халат.

Саманта спала иногда целыми днями, просыпаясь только затем, чтобы спуститься вниз за миской кукурузных хлопьев, а то и вовсе ничего не ела.

Едва она вставала, как ее вновь тянуло в сон, поэтому она не затрудняла себя тем, чтобы переодеться из отцовской пижамы во что-нибудь еще.

За этот промежуток времени она еще несколько раз слышала раздававшийся из сада смех. Но больше уже не вставала любопытствовать, что же там происходит. И хозяин дома ее теперь не волновал. Иногда она сталкивалась с ним на кухне, но уже не убегала от него, а лишь сонно улыбалась и возвращалась к себе наверх.

Саманта положила книгу на ночной столик у кровати и выключила свет. Было всего семь часов вечера и на улице еще совсем светло, но ее одолевал сон и она не могла больше ему сопротивляться. Засыпая, она думала, что как только отдохнет, то дочитает эту книгу, а затем прочтет и все другие книги в доме. Но сейчас она просто хотела спать.

В саду Дафния Ламморч внимательно разглядывала Майку, сидя напротив за раскладным столом. Не надо быть прорицателем, чтобы догадаться, что его что-то терзает. Обычно Майк был веселым, всегда шутил и не жаловался на аппетит (он съедал мяса столько, сколько, кажется, весил сам), но сегодня вечером он ковырял свой кусок вилок без всякого аппетита.

Дафния не могла понять, зачем он ее пригласил. Хотя вернее было бы сказать, что она сама себя пригласила к нему, напросившись на встречу. Она сейчас находилась в положении, которое в разговоре деликатно называют «быть между работами». Клуб, где она работала, нанял нового управляющего (маленькое гадкое пресмыкающееся!), который считал, что делает Дафнии большое одолжение, желая развратничать с ней. Когда же Дафния отвергла такую

честь, то он ее попросту уволил. Она скопила кое-какие деньги и думала, что протянет до тех пор, пока не найдет новое место. Тем не менее приходилось экономить, а она знала, что у Майка в гостях всегда можно сытно поесть.

— Послушай, с тобой все в порядке? — поинтересовалась она.

— Конечно. Все хорошо, — ответил он тихим голосом.

Дафния никогда раньше не видела его в таком состоянии.

Он всегда был «душой компании», всегда смеялся, был заводным и легким на подъем. Женщины постоянно влюблялись в него. Хотя чаще всего это Майка особо не волновало. Когда девочки из бывшего ее клуба бегали за ним, Дафния всегда говорила, что они зря стараются. Майка Таггерта им не заполнить.

Ей было прекрасно известно, что все девицы судачат, будто она спит с Майком. И она не пыталась их в этом разубедить. Но на самом деле между ними были лишь дружеские отношения.

У Дафнии была одна проблема, которая, к сожалению, встречается у многих женщин. Ей очень нужен был человек, которого она могла бы любить. Но ей были безразличны мужчины, которые любили ее. Поэтому всю свою энергию, время и деньги она тратила на поиски таких, от которых ничего, кроме оскорблений, не получала. Тогда она начинала плакаться в жилетку тем, кто любил ее. И рассказывала им, что все мужики дрянь, даже ее отец. Что касается Майка, то ему было приятно плакаться, на него было приятно смотреть, и он всегда заботился о ней, когда ее бросал очередной ухажер. И он никогда не относился к ней с презрением, как те, к кому Дафнию тянуло. Но как мужчина он для нее не существовал.

Когда Дафния была трезвой, она смеялась, вспоминая, как много мужчин бросили ее. Будучи нетрезвой, плакала. Но в каком бы она ни была состоянии, она отлично понимало одно: из всех клубных женщин именно она вхожа в этот богатый дом. И причина тому — она никогда не пыталась охмурить Майка.

— Как продвигается твоя книга? — поинтересовалась она.

Майк пожал плечами.

— Нормально... В последнее время что-то руки до нее не доходят.

Дафния ничего не ответила. Для нее оставалось непостижимой загадкой, когда кто-то писал что-то на бумаге и это «что-то» имело какой-то смысл. Поэтому она предпочитала говорить на другие темы. Вообще она была немного растеряна, так как эти попытки веселить и поддерживать Майка в трудную минуту были чем-то совершенно новым. Обычно Дафния ревела, а Майк смешил и утешал ее.

— Ну а как поживает твоя квартирантка?

— Думаю, у нее все в порядке. Я с ней не встречаюсь. — Он продолжал ковырять вилкой в тарелке. — Мне кажется, я ей не нравлюсь.

Дафния рассмеялась.

— Это ты-то, Майк? Да есть ли такая девушка на планете, которой бы ты не понравился? — Он

ничего не ответил. Дафния, все еще смеясь, продолжала: — А что ты думаешь о ней?

Майк посмотрел на Дафнию такими глазами, что она, выдавшая мужчин в самых отчаянных положениях, и то отпрянула от него и сделала большой глоток холодного пива, прежде чем что-нибудь из себя выдать. Прислонив ледяную бутылочку пива к щеке, она прошептала:

— Не знаю. То ли я ей завидую, то ли боюсь за нее...

Майк опять уставился в тарелку.

— Та ее приглашал куда-нибудь?

— Пытался. Но как только я приближаюсь к ней на расстояние десяти шагов, она тотчас от меня бежит. Едва слышит, что я иду на кухню, сразу взбегает по лестнице. Никогда не покидает своей квартиры, сидит там все время. Спускается только поесть.

— Что же она делает целыми днями?

— Мне кажется, спит, — с отвращением в голосе произнес Майк.

Дафния отрезала кусочек мяса.

— Несчастливая девчонка. Ты вроде говорил, что у нее недавно умер отец и она только что развелась с мужем?

— Да. Но судя по всему, развод с таким мужем — небольшая потеря.

— Может, и так. Но все равно потерять парня — это всегда очень портит настроение. Помню, когда меня впервые бросил парень... Боже правый! Я была в него так влюблена! Он был первым, и я готова была пожертвовать для него всем на свете. Делала все, что он ни попросит. — Она возмущенно фыркнула при этом воспоминании. — Тогда-то я впервые начала заниматься стриптизом. Я перед ним раздевалась, и он сказал, что у меня хорошо получается. Сказал, что я могу заработать для нас кое-какие деньги. Но даже когда я сделала все, что он хотел... однажды я пришла домой, а его нет. Ни записки, ничего. Конечно, когда я сейчас его вспоминаю, мне кажется, что этот бродяга просто не умел писать. Но Боже мой, как я была тогда подавлена. Мне казалось, что жизнь потеряла всякий смысл. Я заставила себя ходить еще несколько дней на работу, но потом и ее бросила. Закрылась в квартире и спала. К черту! Я, наверное, до сих пор бы спала. Но этот тип дал мне повод задуматься, и я поняла, какой же он на самом деле гад, и что он не заслуживает, чтобы из-за его ухода проспять всю свою жизнь.

Майк вполуха слушал ее. Эти ее рассказы всегда действовали на него удручающе. Как-то он сказал ей, что если бы она находилась в толпе, состоящей из ста добропорядочных мужчин, среди которых затесался лишь один сукин сын, то она за считанные секунды наверняка положила бы на него глаз. Дафния тогда посмеялась и ответила, что если бы Майк оказался достаточным негодяем, он тут же оказался бы в ее квартире, а она взяла бы его на полное содержание.

Но мысли Майка сейчас были о Саманте. Возможно, за многие годы женщины, которые его любили, испортили его — слишком их было много и слишком легко они ему доставались. Но Саманта стала для него определенным вызовом. С тех пор как она приехала в Нью-Йорк, он делал все возможное, чтобы привлечь к себе ее внимание, вплоть до того, что подсовывал под ее дверь записочки с приглашениями. Он абсолютно «случайно» сталкивался с ней на кухне. Он даже намекал, что у него возникло желание учиться пользоваться компьютером, но она

смотрела на него так, будто слышит слово «компьютер» впервые.

Он никак не мог ее разгадать. Существовала, с одной стороны, эдакая скромница, которая даже не желает находиться в доме наедине с мужчиной. Но одновременно существовала и горячая, как мексиканский перец, особа, которая его целовала с такой страстью, как никто никогда его не целовал. И кроме того, в последнее время появилась еще одна Саманта — нечто вроде неряшливого зомби, которая беззвучно передвигалась по кухне в отцовской пижаме и халате. Теперь редко можно было услышать ее шаги наверху. Когда он ее встречал, она всегда зевала, и вид у нее был такой, будто она только что встала с постели.

Майк внезапно поднял голову и спросил у Дафнии:

— Что ты сказала?

— Я сказала, что так сильно по нему скучала, что носила только его вещи. Его рубашки не сходились у меня на груди, но это не имело значения. Главное, я чувствовала его близость, когда носила его одежду. Если бы этот...

— Кто? — Майк поднялся со стула.

— Ну, этот мужчина в больнице, — удивленно пояснила Дафния. — Ты что, не слышал, что я рассказывала? Я хотела заснуть навеки. И решила именно так и сделать. Я приняла упаковку таблеток и проснулась лишь в больнице. Вот там-то этот человек и беседовал со мной и убедил, что я должна жить.

Майк какое-то время тупо смотрел на нее сверху вниз. До него начал доходить смысл сказанного Дафнией. Он вспомнил, как отец Саманты говорил как-то ему по телефону: «Саманта очень многое пережила, Майк. — Он говорил отрывисто, слабым голосом, в котором уже чувствовалось приближение смерти. — У нее была суровая жизнь, и я не знаю, что с ней будет, когда я умру. Я так и не узнал по-настоящему свою дочь, хотя мне бы очень этого хотелось. Я не знаю, что там у нее в голове, но, покидая этот мир, я бы хотел быть уверенным, что она будет в надежных руках. Присмотри за ней, Майк. Я ей сделал много плохого. Возмести ей то, что я не успел. Возьми на себя заботу о ней вместо меня. Мне больше некого попросить...»

Майк в свое время тяжело пережил смерть очень близкого ему человека — дяди Майкла, но это была единственная утрата в его жизни. И ему трудно было понять, что чувствовала Саманта, пережившая смерть отца, тем более он был единственным ее другом и последним близким родственником.

Он посмотрел на окна спальни Саманты. Они, как всегда, были зашторены. Не вызывало сомнений, что она опять спит. И хочет заснуть навеки, как говорила Дафния.

— Ты никудашный ангел-хранитель, Таггерт, — сказал он сам себе и повернулся, чтобы взглянуть на Дафнию.

— Мне пора сматываться? — догадалась она и, взяв сумочку, направилась к дому, чтобы выйти через него на улицу. Но у двери обернулась.

— Микки, лапочка, если что нужно, только скажи. Я в долгу перед тобой.

Майк рассеянно кивнул головой. Он смотрел на окна своей квартирантки, и все его мысли были о ней. Спустя две минуты он сидел на телефоне и заказывал ужин на дом в роскошном

ресторане «Ля Коте Баск».

Глава 4

Стоя у дверей Саманты, Майк набрал воздуха в легкие и наконец постучал. Он не знал, правильно поступает или нет. Но намеревался сделать все, на что был способен.

Она не ответила на стук, но Майк этого и не ждал, поэтому вынул из кармана ключ, пытаясь в другой руке удержать поднос, вставил ключ в замок и открыл дверь. Весь свет в квартире был потушен. Прежде чем войти, он поднял взор к небу и умоляюще прошептал:

— Дай Бог, чтобы она была не в белой ночной рубашке!

Саманта просыпалась медленно, неохотно, с трудом открывая глаза и пытаясь сфокусировать взгляд. Какое-то время она лежала в кровати, моргая от яркого света. И наконец достаточно проснулась, чтобы понять, что над ней склонился хозяин дома с подносом в руках.

— Что ты тут делаешь? — спросила она, хмурясь и делая попытку сесть на кровати. В ее голосе не чувствовалось страха или нервозности. Она настолько устала, что у нее даже ныли кости, и ничто теперь не могло бы вызвать в ней бурных эмоций.

— Я принес тебе кое-что поесть. — Он поставил поднос на письменный стол у окна. — Приготовлено в одном из лучших ресторанов Нью-Йорка. Саманта потеряла глаза.

— Я не хочу есть.

Она проснулась окончательно и бросила взгляд на входную дверь, которую сама запирала.

— Как ты сюда попал?

Улыбаясь, будто демонстрируя смешной фокус, Майк вытащил ключ.

Саманта натянула одеяло до подбородка. Сонливость прошла, уступив место ярости.

— Ты наврал мне! Сказал, что у тебя нет ключа. Ты сказал... — Ее глаза расширились, и она еще сильнее прижалась к спинке кровати. — ...Если ты сделаешь хоть один шаг, я закричу...

В этот момент по Лексингтон-авеню проехала «скорая помощь» и из приоткрытого окна раздался раздражающий рев сирены. Он был настолько громким, что, казалось, зашевелились занавески.

— Думаешь, кто-нибудь тебя услышит? — спросил Майк, все еще улыбаясь.

Похоже, Саманта это осознавала. Судя по выражению лица, ее начала охватывать паника. Стараясь выглядеть спокойной, она сбросила одеяло и хотела слезть с кровати, но Майк схватил ее за руку.

— Послушай, Саманта, — проговорил он просящим тоном, — извини, что я каким-то образом произвел на тебя впечатление сексуально неуравновешенного человека. Но я не такой. Я поцеловал тебя, потому что... — по-детски улыбнувшись, он оборвал фразу. — Мне от тебя надо гораздо более важное, чем секс. Я пришел поговорить о Тони Бэррете. Я хочу, чтобы ты познакомила меня с ним.

Саманта перестала выдергивать руку и посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— Пусти наконец руку!

— Ох, да, конечно, — отозвался он. С явной неохотой он выпустил ее локоть, хотя Саманту сейчас никак нельзя было назвать женщиной его мечты. Она выглядела так, будто несколько недель не мылась. Волосы жирные и спутанные, под глазами черные круги, а кончики ее замечательного рта устало опущены вниз. Но независимо от ее вида Майк никогда еще так страстно не желал забраться к женщине в постель, как сейчас. Может, на него действует весна? Тогда ему надо просто провести несколько дней с одной из подружек Дафнии. А может быть, ему нужна именно Саманта...

Майк отступил от кровати.

— Мне кажется, нам следует поговорить.

Саманта, тяжело вздохнув, посмотрела на часы у кровати. Они показывали десять минут двенадцатого.

— Когда я встретилась с тобой, ты почти что напал на меня. Сегодня ты открыл дверь своим ключом, которого, как ты божился, не существует. Мистер Таггерт, вы когда-нибудь слышали такие слова: «частная жизнь»?

— Я слышал много слов, — отпарировал он спокойно. Затем присел на край кровати и начал на нее глядеть. Саманта вновь попыталась встать с постели.

— Это возмутительно! — заявила она.

— Я рад видеть тебя в гневе. По крайней мере ты бодрствуешь и не проспишь всю свою жизнь.

— Это мое личное дело, как я распоряжаюсь своей жизнью. И тебя это не касается, — отрезала она, встав с кровати и схватив отцовский халат.

Майк повернулся к подносу, приподнял салфетку с корзинки и взял булочку. Затем он откусил большой кусок душистого хлеба и с набитым ртом обратился к Саманте:

— Не надевай этот халат. Он тебе слишком велик. У тебя что, нет ничего более женственного?

Кинув на него испепеляющий взгляд, она демонстративно всунула руки в рукава огромного фланелевого халата. Этот человек становился просто невыносим.

— Если ты хочешь чего-нибудь женственного — Боже, слово-то какое устаревшее! — то тебе нужно пойти в другое место.

Ни ее тон, ни враждебность, не говоря уже о недвусмысленной просьбе оставить ее, не произвели на него никакого впечатления. Он доел свою булочку.

— Я старомодный парень... А вот этого я бы на твоём месте не делал.

Саманта, уже взявшаяся за дверную ручку, после этих слов по-настоящему испугалась.

— Послушай, Саманта, — начал он. Его голос был раздраженным и усталым. — Тебе не нужно меня бояться. Я тебе ничего плохого не сделаю.

— И я должна тебе верить? — Она старалась выглядеть спокойной и скрыть свой испуг, но это ей не удалось. — Ты же наврал о ключе.

Майк услышал страх в ее голосе. А он не хотел, чтобы она его боялась. Этого он не хотел больше всего на свете. Медленно поднявшись с кровати, не делая никаких резких движений, он направился к ней. Она по-прежнему не оборачивалась. Очень нежно он положил ей руки на плечи и нахмурился, когда она вся сжалась, как будто в ожидании удара. Бережно и осторожно он проводил ее к кровати, откинул одеяло и предложил ей лечь, улыбаясь, как ему казалось, успокаивающе.

Очевидно, она решила, что он стремится уложить ее в постель, чтобы тут же наброситься на нее.

— Нет, — прошептала она, ее голос срывался от страха.

Никогда раньше ни одна женщина не считала его насильником. Никогда женщины не боялись его. Ему было обидно и неприятно, а главное — он никак этого не заслуживал!

— Ну и к черту все! — рявкнул Майк и пихнул Саманту на кровать. Ему надоело, что его принимают за сексуального маньяка, постоянно насилующего своих квартиросъемщиков. Отойдя от кровати, он сердито сверкнул глазами.

— Ну, хорошо, Саманта, давай начистоту. Ну, я поцеловал тебя. Возможно, по правилам, по которым ты живешь, меня за это надо повесить или по крайней мере кастрировать, однако мы живем в обществе, где такое допускается. Что мне сказать? У нас есть люди, продающие детям наркотики, люди, которые совершили целую серию убийств, люди, которые насилуют детей, и... я. Я целую красивых девушек, которые всем своим видом показывают, что они хотят, чтобы я их поцеловал. К счастью, закон не преследует людей с такими отклонениями, как у меня.

Сложив руки на груди в оборонительной позе и поджав губы, она процедила:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что нас ждет работа, и я уже устал дожидаться, пока ты соизволишь высунуться из дома вдохнуть свежего воздуха.

— Работа? Я не понимаю, о чем ты!

Ему потребовалась целая минута, чтобы сообразить, что она действительно говорит правду.

— Ты что, не читала завещание отца?

Гнев и боль переполняли ее, но она сумела справиться с собой.

— Конечно, я его читала. Во всяком случае, я знаю его содержание.

— Значит, ты его не читала, — безнадежно вздохнул он.

— Я очень хочу, чтобы ты ушел.

— Я никуда не уйду, поэтому зря не старайся. Мне надоело, что ты постоянно скрываешься, ничего не ешь, ничем не интересуешься. Сколько времени прошло с того момента, когда ты в последний раз выходила из дома?

— Что я делаю или не делаю, тебя не касается. Я тебя даже не знаю!

— Может, оно и так. Но я твой защитник и опекун.

Саманта посмотрела на него, открыла рот, чтобы начать говорить, закрыла, вновь открыла и закрыла опять. Этот человек просто ненормальный. Опекун — это что-то из средневековых романов, а не из реальной жизни. И даже в романах опекуны не назначались двадцативосьмилетним женщинам, к тому же разведенным. Как только ей удастся выставить его отсюда, решила Саманта, она немедленно соберет вещи и покинет этот дом навсегда.

Майку не составило труда догадаться по ее глазам, о чем она думает. Это разозлило его. Он решил, что заставит эту женщину выслушать все до конца, даже если придется привязать ее к кровати. Но вместо этого (уж тогда она бы точно затаскала его по судам) он взял поднос с едой и, поставив ей на колени, приказал: «Ешь!»

Саманта хотела отказаться, но слишком его боялась, чтобы не подчиниться. Пока она пребывала в замешательстве, он намазал что-то на хлеб и поднес к ее рту. У Саманты было такое впечатление, что сейчас он зажмет ей нос и заставит есть, поэтому она неохотно раскрыла рот. Это был паштет из утиной печени, одно из самых божественных блюд, которые ей когда-либо приходилось пробовать. Прожевывая, она немного расслабилась и уже не сопротивлялась, когда он вновь протянул ей хлебец.

— А теперь, — заявил Майк, кормя ее из рук, — я буду говорить, а ты будешь есть.

— А у меня есть выбор? — поинтересовалась она, прожевывая третий кусочек. Только теперь она почувствовала, что действительно голодна.

— Нет. Выбора нет. Ты не умеешь слушать, не так ли? Очевидно, ты не выслушала своего адвоката, когда он просил тебя ознакомиться с содержанием завещания твоего отца.

— Я отлично умею слушать, и я планировала прочитать завещание.

Он едва успевал намазывать паштетом теплый хлеб.

— Так же, как ты планировала принять ванну, — этим он хотел одновременно и оскорбить ее, и убедить самого себя, что она вовсе не самая потрясающая девушка, которую он когда-либо видел. Но даже теперь, когда она была столь непривлекательной, у него несколько раз мелькнула мысль о том, что бы он сейчас сделал с этим аппетитным — хотя в данный момент это было вовсе не подходящее слово — маленьким телом. Он бы не возражал, чтобы этот язычок прикасался к чему-то еще, кроме как к кусочку паштета, упавшему на ее кисть... В общем, если бы Саманта умела читать мысли, она испугалась бы по-настоящему.

— Если тебя не устраивает моя компания, я тебя не держу, — сказала она. Теперь, когда она полностью отошла ото сна и страх перед Майком уменьшился, она начала его рассматривать. На нем была темно-коричневая хлопчатобумажная рубашка и джинсы, и он бы выглядел очень респектабельно, если бы выпуклые мышцы на его груди не просматривались так отчетливо сквозь рубашку. Намазывая для Саманты паштет на хлебцы, он и сам съел не меньше, и когда жевал, его нижняя пухлая губа была вся в движении... Саманта отвернулась.

— Я не уйду, пока ты не выслушаешь меня до конца. Когда же ты собираешься начать розыски своей бабушки?

Это заставило Саманту вновь посмотреть на него. Откуда ему известно?..

— Я взрослый человек, и я...

Майк нахмурился и перебил ее:

— Я так и думал. Ты просто не намерена разыскивать ее, не так ли?

— Но ведь это абсолютно тебя не касается! Я не права?

— Очень даже касается. Тебе никогда не приходило в голову, кто именно должен следить за ходом твоего расследования? Кто должен одобрять проделанную тобой работу и в конце концов принять решение, что ты сделала все, что нужно, и можешь ли ты получить деньги, которые тебе завещал отец?

У Саманты хлебец с паштетом застрял в горле. Она внимательно посмотрела на Майка. В самом деле, ни один из этих вопросов не приходил ей раньше в голову.

Убедившись, что хотя бы немного привлек ее внимание, Майк встал и пошел в чулан. Он знал, что там хранится пара-другая бутылок вина, потому что сам их туда положил к приезду Саманты. Как он и предполагал, все бутылки были на месте и запечатаны. Возможно, у нее и существуют кое-какие проблемы, подумал он, но она не пьяница. Штопором он открыл бутылку, налил до краев две рюмки и отнес все в спальню. Саманта хотела что-то сказать, но он резко прервал ее:

— Это вовсе не прелюдия к ухаживанию, так что можешь не смотреть на меня, как на сатира. Хочешь — пей, хочешь — не пей, выбирай сама. Я уверен, что такой зажатый человек, как ты, скорее всего постесняется сделать столь дикую вещь, как выпить рюмку вина.

Прикусив верхнюю губу, она изобразила на лице выражение, как она надеялась, глубочайшего презрения. Потом взяла рюмку, осушила ее и передала Майку, чтобы он налил ее заново.

— Ну прямо морской волк. А наколок у тебя нет? — засмеялся он.

Саманта не сочла нужным отвечать, но явно пожалела, что выпила это вино. Она в последнее время почти ничего не ела, и вино сразу ударило в голову. В то же время она с отчаянием понимала, что ей сейчас нужно быть начеку, а не расслабленной, с кружащейся головой и притупившимися инстинктами.

— Во всяком случае, тебе я не собираюсь показывать никаких наколок, — Саманта как бы со стороны услышала, как произносит эту фразу, и недовольно насупилась. Она всегда быстро хмелела. Полрюмки вина ей было достаточно, чтобы начать танцевать на столе или, по крайней мере, начать мечтать об этом. Этой ее черты всегда стыдился Ричард, но он решил эту проблему так, как решал все проблемы Саманты. Раз она быстро пьянела — он запретил ей пить.

Увидев, что Майк приоткрыл крышку над толстым сочным куском мяса в соусе, она отвела глаза и заявила:

— Я не употребляю мясо.

— Почему же? Тебе оно не нравится?

— И где это ты пропадал последние лет сто? Ты что, не читаешь научные сообщения? Содержание жиров... артерии становятся ломкими и неэластичными... Избыток холестерина...

— Это все? Воздух, которым ты дышишь, вреднее всякой отбивной. Съешь, Сэм.

— Называй меня полным именем — Саманта, а не... — Она не успела закончить, потому что он всунул ей в рот кусок мяса. Начав жевать, она почувствовала изысканный вкус, по-настоящему изысканный. И вспомнила, что впервые отказалась от мяса в своем меню в целях экономии, чтобы сократить расходы на продукты.

— Отвратительно, не правда ли? — самодовольно произнес он, глядя на нее.

Она проигнорировала его комментарий.

— Мне показалось, тебе надо, чтобы я тебя выслушала. Можешь сообщить то, что хотел, а потом оставь меня в покое.

Он отрезал еще один кусочек мяса и начал кормить ее, будто она была дитя или у них были очень близкие отношения — не такие, как сейчас. Она взяла вилку из его рук и стала есть самостоятельно. Тогда и он взял салатную вилку и начал есть ее мясо вместе с ней, сделав вид, что не обратил внимания на неопикуемый взгляд, которым она его наградила. Саманта старалась не задумываться, как вся эта картина выглядит со стороны: она сидит в подушках на постели, он лежит поперек кровати, головой у ее коленок, и оба едят из одной тарелки.

— Никогда не слыхала о Ларри Леонарде?

— Это очередной человек не из наших общих знакомых! — бойко заявила она. Да, ей точно не надо было пить эту рюмку.

— Ларри Леонард — один, вернее, был одним из писателей, кто рассказывал о загадочных убийствах. Он написал несколько подобных историй, и они плохо продавались, однако получили хорошие отзывы, потому что темы были прекрасно разработаны. Все истории были о гангстерах.

— Вам с ним было бы о чем поговорить. Ты ведь ничего другого не читаешь. — Еще не успев закончить фразу, она смешалась и покраснела.

Майк нахмурил брови.

— Подглядываешь и шпионишь, а? Да, между прочим, спасибо, что убрала мои вещи на место в тот день, когда Тэмми пришлось уйти раньше времени.

Саманта низко нагнулась над тарелкой, лицо ее пылало.

— Но как бы то ни было, — продолжал Майк, — настоящее имя Ларри Леонарда было Майкл Рэнсом, и он был моим уважаемым дядей, другом моего деда, и я назван в его честь. Дядя Майкл жил в штате Колорадо, в гостевом домике, принадлежащем моему отцу, и, когда я был маленьким, я провел уйму времени вместе с ним, мы были... дружбанами, — нежно выговорил он.

Он, кажется, этого не заметил, так как продолжал одновременно есть и говорить.

— Когда дядя Майкл умер три года назад, он все завещал мне. Денег у него не было, но была целая библиотека книг о гангстерах, — он подмигнул ей и улыбнулся, поддразнивая. — Это те самые книги, которые тебе так не понравились.

— Зато твоему вкусу они безусловно соответствуют, — отпарировала она и, опередив его, нанизала на вилку карликовый помидорчик.

— Он также завещал мне материалы по биографии крупного гангстера по имени Доктор Энтони Бэррет, или, как его еще называли, Док.

— Тот самый человек, которого, как ты считаешь, я должна знать.

Приподняв одну бровь в знак уважения к ее хорошей памяти, Майк не ответил, зато воткнул вилку в последний оставшийся кусочек мяса, поднес его ко рту, потом, спохватившись, предложил ей.

Саманта уже готова была съесть этот кусочек, но в последний момент отрицательно замотала головой.

— Я бы попросила наконец-то закончить эту малоинтересную историю и оставить меня. — Ей вовсе не хотелось, чтобы этот интимный ужин продолжался до бесконечности.

Майк приподнял последнюю крышечку на подносе, и перед ее взором предстала глубокая плошка с шоколадным муссом. Саманта начала отказываться, но мусс выглядел столь богато, был таким темным и густым, что не успела она осознать, что делает, как ее ложка уже воткнулась в него одновременно с ложкой Майка.

— Так на чем я остановился? — спросил он, наклонившись к ней и облизывая ложку. Саманта уставилась на него, размышляя, всегда ли он так раскован.

— Ах, да. Биография. Я прочел работу дяди Майкла и заинтересовался этим Тони Бэрретом. Как раз тогда я закончил курсовую работу в школе и думал, чем бы заняться. И решил продолжить то, что начал дядя Майкл. Решил перебраться в Нью-Йорк и продолжить расследование. Когда я перевозил книги дяди Майкла, я обнаружил папку с досье.

Внезапно он замолчал. Саманта иронически взглянула на него:

— Это что, должно меня заинтриговать? Я теперь должна спросить — какое такое досье?

— Я бы стерпел проявление какого-нибудь интереса с твоей стороны. Но чувствую, что не дождусь. — Набрал ложечкой мусс, он продолжал: — Досье было озаглавлено коротко — «Макси», а внутри находились газетные фотографии, на которых запечатлены ты, твоя бабка и твоя собака.

Саманта бросила свою ложечку, и та звонко ударилась о поднос.

— Моя бабушка сбежала от нас, когда мне было восемь месяцев от роду. Никакой фотографии, где мы вместе, не существует!

Облокотившись о кровать, он внимательно, не моргая, глядел на нее, как если бы хотел что-то передать ей мысленно.

— Ах, ну да, — воскликнула вдруг Саманта. — Конечно же!

Потребовалось какое-то время, чтобы она вспомнила этот случай. О нем рассказал ей дед. И сейчас она неуверенно проговорила:

— Брауни... Я тогда оставалась с бабушкой и залезла в трубу, которая лежала в траншее на

заднем дворе...

— И ты застряла, а твоя бабушка вызвала на помощь пожарных.

— Да, а скучающий репортер в надежде найти интересную информацию оказался в пожарной части и приехал вместе с пожарными. Однако меня уже спасла собака по кличке Брауни.

— Твоя собака залезла в трубу, схватила тебя зубами за твои описанные ползунки и вытащила наружу. Репортер запечатлел тебя, твою бабушку и собаку Брауни. Фотография и заметка были разосланы информационными агентствами по всем американским газетам. В одной из них ее и увидел мой дядя Майкл Рэнсом. Он вырезал это фото и на полях написал «Макси». В биографии Бэррета, которую он писал, постоянно упоминается женщина по имени Макси. — Он посмотрел на Саманту изучающим взглядом. — Она была любовницей Бэррета.

Когда Саманта не подпрыгнула к потолку от этой новости (хотя Майк надеялся, что она произведет огромное впечатление), он опрокинулся на кровать и заложил руки за голову.

— Я думаю, что Макси и твоя бабушка — это одно и то же лицо.

Саманта снова никак не отреагировала. Она продолжала вылизывать мисочку с муссом. Он посмотрел на нее. Она опять выглядела сонно.

— Ну? — не выдержал он. Она поставила пустую мисочку.

— Ты все сказал? Это все, что ты хотел мне сообщить? Ты думаешь, моя бабушка была любовницей гангстера? Хорошо, ты мне это сообщил. Все? Теперь можешь идти.

Несколько мгновений Майк был способен только моргать.

— И у тебя нет никакого мнения по этому поводу?

— У меня есть мнение о тебе, — произнесла она мягко. — Ты прочитал слишком много этих гангстерских книг. Я не помню свою бабушку, но знаю, что она была порядочной бабушкой, ну, знаешь, пекла печенье и все такое. И звали ее Гертруда. Она вовсе не была девкой гангстера. — Она подняла руку, когда он попытался ее перебить. — А кроме всего прочего, какая разница, если это и так! Ну, хоть теперь-то ты уйдешь?

Он перекатился на ее сторону кровати и насупил брови.

— Разница в том, что твоя бабка любила Бэррета и родила от него ребенка. Твоим настоящим дедом может оказаться Тони Бэррет.

Саманта очень медленно и аккуратно отодвинула поднос, встала с постели и подошла к двери.

— Уматывай, — произнесла она так, как разговаривают с человеком, который не владеет этим языком. — Пошел вон. Завтра же утром найду себе другую квартиру.

Майк опрокинулся на спину с таким видом, будто ничего не слышал, и, разглядывая потолок, проговорил:

— Однако твой папа считал, что Бэррет его настоящий отец.

— Я больше не хочу об этом слышать, — она повысила голос. — Я хочу, чтобы ты оставил меня.

— Я не уйду, — сказал он, не глядя на нее.

Саманта ничего не ответила, но про себя решила: если он не уйдет, то уйдет она. И, шагнув из комнаты, направилась вниз по лестнице.

Майк поймал ее прежде, чем она успела ступить на нее, и, несмотря на сопротивление, легко удерживал, крепко обхватив руками и прижав спиной к своей груди. Однако она вырывалась все сильнее, и Майк ощутил, как в нем нарастает желание. Он чувствовал ее тело. Ее бедра, плечи, ягодицы касались его.

— Стой, Сэм, не ерзай, — прошептал он с отчаянием в голосе. — Прошу тебя, не вертись!

Было что-то в его тоне, что заставило Саманту прекратить сопротивляться и замереть в его объятиях.

— Я не причиню тебе боли, — голос его дрожал, губы почти прикоснулись к мочке ее уха. — Тебе нечего меня бояться. Все это — желание твоего отца, а не мое. Я говорил ему, что будет лучше, если он сам попросит тебя помочь мне найти Макси, а не станет тебя заставлять делать это.

Все еще прижимая ее к себе, он коснулся ее шеи, почувствовав нежный аромат ее кожи.

Резким движением Саманта освободилась из его объятий и оперлась на перила лестницы. Ее сердце колотилось в груди, она дышала глубоко и неровно. Взглянув на Майка, она увидела, что он тоже взволнован.

— Хочешь, где-нибудь присядем и обсудим все?

— Нет, — ответила она, — я ни о чем не хочу говорить, не хочу ничего слушать. Не хочу выслушивать твои выдумки о моем отце и бабушке или о чем-либо вообще. Все, что я хочу, так это покинуть твой дом и никогда больше не видеть тебя.

— Нет-нет, — умоляюще возразил он, — я не могу тебе позволить уйти. Твой отец доверил мне тебя, нельзя нарушить данное ему обещание.

Саманта несколько секунд молча смотрела на него, прежде чем к ней вернулся дар речи.

— Доверил меня тебе? И ты хочешь оправдать его доверие? — Она не знала, то ли смеяться, то ли просто убежать. — Ты говоришь, как человек из прошлого, из средневековья. Я взрослая женщина, и я...

Неожиданно лицо Майка изменилось.

— К черту все. Ты права. Кто я такой, чтобы весь этот треп воспринимать всерьез. Я и тогда говорил Дейву, что это была глупая затея. Я говорил ему, что надо просто отдать тебе то, что причитается по завещанию, без всяких дополнительных условий. Но он настаивал, что поступает правильно. Он хотел, чтобы ты докопалась до истины.

Майк поднял руки, оповещая о капитуляции.

— Сдаюсь. Из меня никогда не выйдет хорошего тюремщика. Сначала я позволил тебе сидеть здесь одной в комнате, пока ты чуть не оказалась на грани самоубийства. Потом начал давить на тебя и уговаривать, чтобы ты сделала то, чего ты делать не хочешь. Но ведь ты

действительно взрослая и можешь самостоятельно принимать решения. Тебе же все безразлично. Так что иди и опять залезай в свою постель. Можешь забаррикадировать дверь стулом — это не позволит войти даже такому настойчивому сексуальному извращенцу, как я. Утром я вызову сотрудника из конторы по недвижимости и помогу тебе подобрать жилье. И верну тебе деньги за аренду этой квартиры. Кстати, почему бы тебе не взять с собой всю эту электронную аппаратуру? Я все равно не знаю, что с ней делать. Ну, а теперь — спокойной ночи, мисс Эллиот.

Глава 5

Первым желанием Саманты, как только она вернулась к себе в спальню, было немедленно начать паковать вещи. Но она не стала этого делать. Она очень устала. Закрыв дверь, она поставила под дверную ручку стул. Легла в постель. Затем, поразмыслив, встала, поставила стул на место и опять залезла в постель.

Она не могла уснуть. Все ее попытки не думать об отце и его завещании были напрасны. Так всегда бывает: когда хочешь о чем-то не думать, мысли об этом не выходят у тебя из головы.

В три часа ночи Саманта встала с кровати и начала искать завещание отца. Она специально не читала его, так как не желала знать детали той посмертной отцовской игры, которую он хотел ей навязать. Не желала знать, что он ей уготовил.

Саманта нашла завещание среди других документов. Оказалось, что адвокат отца пересказал ей практически все содержание, кроме одной фразы, где говорилось, что она должна отчитываться перед Майком Таггертом о ходе проведения расследования. И лишь после одобрения Таггертом проведенной ею работы она могла получить свои деньги — деньги, которые должна была получить без всяких предварительных условий.

Саманте безумно захотелось разорвать этот документ на мелкие кусочки; но, сдержав свой порыв, она разглядела бумагу и положила на место. Она никогда не сердилась на отца, пока он был жив. И сейчас, когда его нет, она тоже не станет на него сердиться. В сущности, он только хотел, чтобы кто-то приглядывал за ней после его смерти, а это было признаком того, что он любил ее. И какая разница — знает Саманта этого человека или нет; его знал отец, и он был высокого мнения о Майкле Таггерте; в свое время он так же одобрил Ричарда Симса, как ее будущего мужа.

Саманта встала и пошла в ванную; долго стояла под горячим душем, вымыла голову. Когда она вышла оттуда, то почувствовала себя лучше. Надела серые хлопковые слаксы и длинный розовый свитер. Расчесала волосы и гладко зачесала их назад. Она даже накрасилась. На улице все еще было темно, но чувствовалось, что приближается рассвет. Саманта раскрыла двери на балкон и глубоко вдохнула аромат роз, шедший снизу из сада.

Вдруг она замерла, прислушиваясь к звуку, который не сразу смогла определить. Это был стук пишущей машинки, когда по ней стучат тяжелыми, неумелыми пальцами. Услышанное заставило Саманту улыбнуться — она не слышала этого звука много лет.

Она понимала, что ей следует остаться в своей комнате и паковать вещи. Но вместо этого подошла к двери, открыла ее и пошла вниз по ступенькам, на звук.

Майк находился в библиотеке. В комнате было темно, лишь одна лампа горела над письменным столом. Он сидел и яростно долбил указательными пальцами на старинной машинке.

Неожиданно ее охватил страх, и она хотела уйти из комнаты.

— Если у тебя есть что сказать мне, так выкладывай, — произнес он, не оборачиваясь. Она выпалила:

— Мой дед Кэл... он был отцом моего отца. Он был замечательным человеком... я не верю, что он...

Когда он повернулся, чтобы взглянуть на нее, Саманту поразил его усталый вид. Очевидно, он тоже всю ночь не спал.

— Верь, во что хочешь верить, — он вновь отвернулся, вытащил напечатанную страницу и вставил чистую.

— Что ты печатаешь? — Она шагнула к нему. Бросив через плечо красноречивый взгляд, ясно говоривший, что у ее мамы дочка дурочка, — он ответил:

— Да так, кое-что.

Она посмотрела на машинку:

— А почему бы не воспользоваться с тем же успехом долотом и молотком, выбивая буквы на куске камня?

Он ничего не ответил и продолжал печатать. «Нужно возвращаться в комнату и начинать собираться, — подумала Саманта, — или лечь спать», — хотя впервые за это время ее не тянуло в сон. Ей очень хотелось все же узнать, что он печатает.

— А если я не буду заниматься розысками бабушки, ты позволишь мне получить наследство?

— Нет, — решительно произнес Майк.

Саманта хотела было возмутиться, но передумала. В конце концов, у нее был выбор. Это было ее дело, какое принять для себя решение. А деньги — она никогда не считала их самым главным на свете. И знала, что может обойтись без них, так как вполне способна заработать себе на жизнь. Если она не собирается выполнять требования, изложенные в отцовском завещании, то хоть сегодня может покинуть Нью-Йорк и уехать в... Она бы могла уехать в... Ехать ей было некуда и не к кому. Медленно, будто через силу, она направилась к лестнице.

— Твой дед Кэл был бесплодный. — В полной тишине слова Майка прозвучали особенно громко. — За два года до того, как он встретился с твоей бабушкой, он переболел в армии свинкой, и болезнь привела к бесплодию. Он был не способен зачать ребенка.

Саманта тяжело опустилась на стул у двери. «Круг замкнулся», — мелькнуло у нее в голове. Она потеряла бабушку, маму, отца, мужа, а теперь ей сообщили, что и дед не дед, а совсем чужой человек.

Неожиданно она обнаружила, что перед ней стоит Майк. Она не слышала, как он подошел.

— Хочешь, пойдём куда-нибудь поесть, а затем обсудим все? — его голос был полон заботы и участия.

— Нет, — мягко ответила она и поднялась. У нее было сейчас единственное желание: запереться в своих комнатах, там, где она чувствовала себя в безопасности.

Майк схватил ее за плечи и резко повернул к себе лицом, возмущенный тем, что она по-прежнему не хочет никуда идти с ним и опасливо сторонится, принимая за какого-то монстра, одержимого жадной насилья.

— Пока ты в этом доме, я за тебя отвечаю. Что бы ты ни думала обо мне, можешь быть уверена, что я не часто бросаюсь на женщин в людных местах, поэтому позавтракать со мной совершенно безопасно.

Саманта посмотрела на него с удивлением.

— Я не хотела... — и тут же поспешно отвела глаза, потому что у нее вдруг возникло нестерпимое желание уткнуться в его плечо. Как приятно, когда тебя обнимают! Последний, кто дотронулся до нее, не считая, конечно, Майка в памятный день их встречи, был ее отец. В те последние месяцы своей жизни он был таким хрупким...

Как, наверное, хорошо ощутить чьи-то мощные, сильные руки! Но Саманта не имела привычки что-либо просить у людей. Она даже мужа никогда не просила, чтобы он обнял ее, и уж во всяком случае не будет просить этого чужого человека, чтобы он успокоил и согрел ее душу. Поэтому она высвободилась из его рук. Рассерженный, недоумевающий, Майк выпустил ее. Его рот раздраженно скривился.

— Хорошо, я к тебе не притронусь, но ты поешь со мной.

Саманта опять собралась отказываться, но вместо этого вдруг сказала, что ходит за сумкой.

— Зачем тебе нужна сумка? — удивился он.

— Чтобы расплатиться за...

Не дав ей закончить, он взял ее под руку и повел к двери.

— Я же сказал, что старомоден. Плачу я. Когда я с женщиной, независимо от того, сестра она мне, мать или знакомая, — я плачу, я. Никаких пополам. Понятно?

Саманта ничего не ответила. У нее было достаточно всяких проблем и без этой — кому платить за завтрак.

Было раннее утро, народу на улицах еще немного, и поэтому город вызвал у Саманты мрачноватое ощущение одиночества. Молча она последовала за Майком в круглосуточное кафе.

Фамильярно улыбаясь, официантка подала Майку кофе.

— Ты опять всю ночь был занят? — спросила она. Он улыбнулся ей в ответ.

— Это точно, — и затем обернулся к Саманте: — Тебя устроят яйца всмятку и булочки? И чай, да?

Она кивнула, удивляясь, как это он угадал, что она не любит кофе. Но, по правде говоря, Саманта была равнодушна к еде.

Развалившись на диванчике, Майк попивал свой кофе.

— Как бы мне хотелось, чтобы твой отец более обстоятельно просветил тебя по всем этим

вопросам. А не переложил это на меня.

— Мой отец любил... устраивать все.

— Твой отец любил держать в руках чужие судьбы.

— Мне казалось, тебе нравился мой отец...

— Нравился. Мы вели замечательные беседы и стали друзьями. Но я же не слепой. Он любил подчинять людей, заставляя их делать то, что желает он.

Саманта посмотрела на Майка с интересом.

— Хорошо, — сказал Майк. — Я тебя понял. Больше никаких комментариев по поводу твоего святого папы. Хочешь выслушать его теорию — подчеркиваю, не мою, а его теорию — по поводу того, что же произошло с твоими бабушкой и дедушкой?

Ей и хотелось послушать его и в то же время совсем не хотелось. Как будто берешь билет на фильм ужасов, который вроде хочется посмотреть, но боязно.

— Твой отец считал, что в 1928 году Макси забеременела от Бэррета, но что-то помешало им пожениться. Может, она сказала, что ждет ребенка, а он отказался жениться. Точно установлено только то, что она уехала из Нью-Йорка, приехала в Луисвилл, встретила там Кэла и вышла за него замуж. Она прожила с ним 36 лет, и тогда появилась эта фотография в газете. Твой отец думал, что, скорее всего, Бэррет ее увидел и по ней разыскал Макси.

Майк пристально разглядывал Саманту, потягивая кофе. Ее лицо не выражало почти никаких эмоций, и ему трудно было понять, о чем она думает.

— За две недели до своего отъезда Макси много разговаривала по телефону и была расстроена, рассказывал мне Дейв. Даже в прошлом году он продолжал ругать себя за то, что не спросил ее, что же происходит, но он был целиком поглощен мыслями о своей крошечной дочери и больше ни о чем не думал. Потом неожиданно Макси заявила, что заболела какая-то ее тетка и ждет ее приезда, Она уехала, и больше никто из вашей семьи ее не видел. Дейв хотел поехать разыскивать ее, но твой дед Кэл сказал — нет. И сказал это в достаточно резкой форме. Как считал Дейв, Кэлу было известно о том, что Макси вернулась к Бэррету. Суммируя все, твой отец вычислил, что, должно быть, Бэррет увидел ее фотографию в газете, связался с ней и предложил вернуться к нему, что она и сделала.

Саманте потребовалось несколько минут, чтобы переварить сказанное им.

Она смотрела, как официантка расставляет перед ними еду, и молчала.

— Твой отец не был ни в чем уверен, — продолжал Майк. — Какое-то время он был убежден, что его мать пала жертвой грязной игры. Например, ее ограбили, а затем убили. Что-то в этом роде. Но год спустя после ее исчезновения она прислала Кэлу из Нью-Йорка открытку, где писала, что живет в безопасности.

— Какая забота с ее стороны! — саркастически заметила Саманта.

Майк подождал немного в надежде, что она разговорится, но, видя, что она опять замкнулась, заговорил сам:

— Макси писала, что она «в безопасности». Она не писала: «счастлива», или «жива и здорова», или «пришлите мои вещи туда-то». Она лишь писала, что «в безопасности».

— В объятиях своего любимого, разумеется?

— Я слышу горечь в твоих словах...

— Что я переживаю или думаю, тебя не касается. От тебя требуется только сообщить, что мне надо сделать, чтобы выполнить условия завещания.

— Сделай так, чтобы я мог повидать Бэррета. И все. Я хочу встретиться с этим человеком. Никто не видел его за последние двадцать лет. Он отшельник. Живет в усадьбе в штате Коннектикут, у него там высокие заборы, собаки и вооруженные охранники.

— Тебе никогда не приходило в голову, что моя бабушка — если она еще, конечно, жива — может жить там вместе с ним?

— Отчего же, приходило.

Саманта задумалась. Неужели ей удастся вновь увидеть свою бабушку? Эта женщина бросила семью, оставила людей, которые ее любили, променяв их на чужого человека. Саманта не знала, сможет ли простить ее. И еще она подумала о человеке по имени Бэррет, человеке которого она не знает, но который вполне может оказаться ее дедом.

— Возможно, я бы встретила с ним, — проговорила она и быстро добавила: — Но не с ней!

Майк был изумлен:

— Ты можешь простить мужчине, что он гангстер, но не можешь простить женщине измену? А тебе не кажется, что убивать людей — это похуже, чем спать с тем, кто не является твоим законным мужем?

Она проигнорировала его замечание.

— Так что требуется от меня?

— Ничего особенного. Я напишу письмо Бэррету. Там будет сказано, что внучка Макси хочет встретиться с ним. Полагаю, он не замедлит с ответом. Тогда мы отправимся на встречу. Все просто.

— А если он захочет встретиться со мной одной?

— Я думал над этим вариантом. Именно поэтому мне нужна железная причина тебя сопровождать. Ты не хотела бы сегодня выйти замуж?

— Лучше пусть меня зажарят живьем на вертеле! — честно сказала она. Майк засмеялся:

— Неужто тебе так понравилось быть замужем?

Саманта опустила глаза.

— У развода, знаешь, всегда есть причина.

Дейв мало что рассказывал про семейную жизнь дочери, заметил лишь, что одобрял ее развод

и помог ей его добиться. Но Майка поразило, с какой ненавистью она относилась к замужеству. Ему очень хотелось дотронуться до ее руки, лежащей на столе; и хотя он знал, что делать этого нельзя, но удержаться от искушения было выше его сил.

Осторожно взяв руку Саманты, он посмотрел на нее — она была такая маленькая в сравнении с его ладонью — и поцеловал.

— А какая бы у нас была первая брачная ночь!

Она со злостью выдернула свою руку. Он вздохнул.

— Ты так сильно ненавидишь меня или всех мужчин вообще? — Майк сам не понимал, почему так хочет услышать, что она не ненавидит его лично... Но Саманта не ответила на вопрос. Она долго молчала, а потом вдруг спросила сама:

— Что, если ты ему напишешь правду?

— Ты предлагаешь сказать Бэррету, что я хочу написать о нем?

— Вообще-то я вполне понимаю его отрицательное отношение к писакам. — Надо было слышать, с каким отвращением в голосе она произнесла слово «писаки».

— Насколько я могу понять, писательство — еще один мой недостаток, — с грустью констатировал он. — Не скажешь ли, почему?

Ответа, естественно, не было. Да Майк его и не ждал.

— Хорошо. Не раскрывай своих секретов. Ты когда-нибудь слышала такое имя — Аль Капоне? Ну конечно же слышала. А слышала ты о нем не потому, что он был самым крутым гангстером или самым кровавым. А потому, что он любил рекламу, любил быть на виду. Когда он ехал на рыбалку, он созывал целую кучу репортеров. Этот человек считал, что каждое его слово или поступок достойны того, чтобы войти в историю. А в то время в Нью-Йорке Бэррет значил намного больше, чем Капоне. Но Бэррет избегал какой-либо гласности. Не позволял, чтобы его фотографировали, и никогда не давал интервью.

— Понятно. Поэтому ты считаешь, что если напишешь ему правду — что некая девушка, которая, может быть, является его внучкой, и некий писатель, который сует везде свой нос, желают с ним встретиться, — то он откажет.

— Я в этом уверен. Именно поэтому я должен для тебя быть кем-то близким и родным. Неужели роль мужа совершенно исключается? Ну, хорошо, роль жениха?

— Как насчет сводного брата?

— Если Бэррет хоть что-то знает о Макси и ее семье, то наверняка сразу раскусит эту ложь.

Она напряженно размышляла, кем бы он еще мог прикинуться, потому что не хотела никакой близости с этим человеком, даже на один день.

Он видел, о чем она думает, так ясно, будто читал ее мысли.

— Что ты имеешь против меня?

Она пристально посмотрела на него.

— Ты действительно хочешь жениться на мне? Обустроиться? Обзавестись парочкой ребят?

— Вообще-то я не собирался жениться на этой неделе! — ответил он.

— Значит, ты не любишь меня? По-настоящему, от всей души?

— Между нами пока еще не состоялось ни единого разговора, который бы не проходил на враждебных нотах.

— Ага... Значит, все, что тебе действительно нужно, так это лечь со мной в постель. — Она наклонилась к нему. — Так вот что я вам скажу, мистер Таггерт. Вы консервативный мужчина, ну а я — старомодная женщина. Я не из тех, кто после первой встречи с мужчиной обсуждает, ложиться ли с ним в постель. Я из тех, кто раздумывает, позволить ли себя поцеловать после третьей встречи. Я не хочу спать с тобой и, Боже сохрани, ни при каких условиях не хочу вновь выйти замуж. Мой жизненный принцип — не допускать одной ошибки дважды. И я уже совершила ошибку и сделала выводы. Я понятно изъясняюсь?

Облокотившись на спинку дивана, Майк наблюдал за ней и пытался понять — откуда у нее берется эта враждебность? Все, что о ней рассказывал Дейв, никак не подготовило его ни к чему подобному.

— Я так и думала. Теперь, надеюсь, все точки над «i» расставлены в наших отношениях? Я хочу исполнить то, что от меня требуется по завещанию моего отца, и покинуть этот город. Я сделаю все, что необходимо, но не больше. Понятно?

— Немного понятнее, чем раньше, — мягко ответил он.

— Ну хорошо. Тогда продолжим. Ты можешь написать Бэррету, что я приеду с моим женихом. После встречи я сразу же оставлю твой дом, а ты подготовишь для меня документ, что я выполнила свои обязательства. Договорились?

— Почти. У меня есть одно условие. Я хочу эти несколько дней, пока мы отправим письмо и получим ответ, — ты была у меня на глазах.

— Что такое?

— Я не хочу, чтобы ты оставалась одна в квартире твоего отца. Пока его воля не будет исполнена, я за тебя несу ответственность.

— А, понятно. Ты упомянул, что я, якобы, доведена до того, что готова совершить самоубийство. Так я могу вас заверить, мистер Таггерт, что я...

— И я готов вас заверить, мисс Эллиот, что принял окончательное решение по этому вопросу. Мы можем делать все, что тебе угодно, ходить по магазинам, посещать Статую Свободы, все что угодно, но только вместе.

— Я не позволю...

Он встал из-за столика.

— Наш разговор окончен. Вернемся домой, и я помогу тебе упаковать чемодан.

— Упаковать чемодан?

— Чтобы ты могла уехать.

— Но... — Саманта поняла, что он имеет в виду. Либо она делает, что он хочет и как он хочет, либо пусть убираться из его дома. У него были все козыри на руках. И чтобы отцовские деньги достались ей, придется слушаться Майка.

— Ну хорошо, — сказала она и, преодолевая стыд, быстро добавила: — Но не распускаяй руки!

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Этот, твой муж, должно быть, был крупным сукиным сыном.

— Да нет, не особенно. Покажи мне любую женщину, которая была замужем больше двух лет, и это обязательно будет женщина с высокой степенью терпимости к боли.

— Значит, твоя степень оказалась недостаточно высокой, а то бы ты до сих пор была замужем.

— Тут ты ошибаешься, — проговорила она, глядя в сторону. — Мои возможности терпеть боль неограниченны.

Глава 6

Саманта с такой силой захлопнула за собой входную дверь, что было слышно, как задрожало зеркало. «Что он о себе возомнил? По какому такому праву он выдвигает ультиматумы?» Едва этот вопрос мелькнул у нее в голове, как тут же появился ответ. «Но это несправедливо! Отец дал ему право решать, поступаю ли я согласно требованиям завещания, но не уполномочил его контролировать каждую минуту моей жизни», — продолжала негодовать Саманта.

Она открыла дверцы стенного шкафа. «Значит, Статуя Свободы», — брезгливо поморщилась она. Саманта терпеть не могла все, что даже отдаленно могло соответствовать понятию «достопримечательность для туристов». Она не выносила места, куда огромные автобусы без перерыва привозили толпы людей, подчиняющихся расписаниям, составленным для них кем-то другим.

Саманта улыбнулась, рассматривая свой гардероб. Может быть, Майку удастся заставить ее делать то, что ему взбредет в голову, но он не может заставить ее получать от этого удовольствие. Возможно, если она ко всему будет относиться с отвращением, он оставит ее в покое. Порывшись в двух коробках, она наконец нашла то, что искала.

Майк написал Бэррету, вызвал почтальона для отправки срочного заказного письма и лишь после его ухода удовлетворенно вздохнул. Теперь все зависело от решения Бэррета, но Майк надеялся, что тот позволит им с Самантой нанести ему этот визит. Старик почти наверняка очень захочется повидаться со своей внучкой. Но, впрочем, кто может предположить, что на уме у старца, которому уже за девяносто.

Мысли Майка опять вернулись к Саманте. Несмотря на всю ее колючесть и недоброжелательность, он с нетерпением предвкушал, как проведет с ней целый день вместе. И дело даже не в том, что она была самая сексапильная девушка, которую он когда-либо видел, и не в том, что он хотел ее, — в ней было нечто, что интриговало его. Иногда он ловил ее мимолетный взгляд, взгляд, как ему казалось, истинной, настоящей Саманты. И ведь он видел настоящую Саманту — в первый день их знакомства и вчера, когда она выпила бокал вина и шутила... Эти редкие мгновенья позволили ему еще больше убедиться в том, что существует

другая Саманта под маской той, которую она хотела представить миру. А возможно, мелькнуло у него в голове, что такую маску она демонстрировала лишь ему.

Затем он стал размышлять над тем, куда повести молодую женщину, которая изображает даму в шляпе и перчатках, собирающуюся в церковь на воскресный молебен. Конечно, он не мог отвести ее в свои излюбленные нью-йоркские места — например, в какой-нибудь уютный бар. Не оценила бы она и приглашение к Дафнии и ее подружкам. Во всяком случае, так ему казалось.

Он поднял трубку и позвонил сестре Джейн, она должна знать, чем можно развлечь такую девушку, как Саманта. Набрав номер своих родителей, живущих в штате Колорадо, он услышал голос матери.

— Ма, Джейн дома?

— Нет, дорогой, ее нет. — Патрисия Таггерт изучила все нюансы голосов своих детей и сразу почувствовала, когда им нужна помощь. — Может, я могу чем-нибудь помочь?

Майк чувствовал себя немного странно, задавая такие личные вопросы собственной матери, и молил Бога, чтобы она в свою очередь не стала его ни о чем расспрашивать; однако ему нужен был женский совет.

— Я встретил одну женщину, только не думай, что речь идет о подвенечном платье...

— Я ничего не говорила по поводу женитьбы, Майк, это ты сам начал, — сказала Пэт нежным голосом. Майк откашлялся.

— Ну, в общем, я повстречал одну женщину. Понимаешь, это дочка моего друга, и...

— Это та самая молодая женщина, которая живет у тебя в доме?

У Майка искривилось лицо. Его мама находилась в двух тысячах миль от Нью-Йорка, в городе Чандлер в штате Колорадо, однако была в курсе всех его дел.

— Я даже знать не хочу, откуда ты знаешь, кто снимает у меня квартиру, — проговорил он, и Пэт засмеялась.

— Ты забыл, что Тэмми убирается и у твоего кузена Рейни?

Майк закатил глаза. Это трепло — кузен по линии Монтгомери. Ему нужно было догадаться сразу.

— Мам, ты мне ответишь на мой вопрос? Или тебя больше интересуют пикантные подробности моей жизни, сообщенные теми, кто сам узнает обо мне из вторых рук?

— Я бы с удовольствием услышала все это лично от тебя.

— Она никогда раньше не была в Нью-Йорке, и этот город наводит на нее страх. Куда можно ее отвести, чтобы он произвел на нее благоприятное впечатление?

Мысли завертелись в голове у Пэт со страшной скоростью. Если молодая женщина ненавидит Нью-Йорк, то почему она там живет? Чтобы быть рядом с ее сыном? А если она и сын любят друг друга, тогда что она из себя представляет, как выглядит?

— Мам, может быть, отвести ее на смотровую площадку Эмпайр Стейтс... или Рокфеллеровского центра? А как насчет Статуи Свободы? А может, лучше свозить на остров Эллис?

Пэт глубоко вздохнула. Она знала, что Майк ненавидит всякого рода туристические маршруты. Он чувствовал себя гораздо уютнее в прокуренном баре, чем в группе ротозеев, осматривающих достопримечательности. И если ради этой девушки он готов даже на randevу со Статуей Свободы, значит, у него серьезные намерения.

— Она обычная девочка?

— Нет! — рявкнул Майк. — У нее три руки, она исповедует пару диких религий и ведет беседы со своим черным котом. Что ты имеешь в виду под «обычной» девочкой?

— Ты отлично знаешь, что я имею в виду! — отрезала Пэт. — Она вроде той твоей знакомой из стриптиза, которая тебя навещает, или похожа на девушек, что качают мышцы в твоём гимнастическом зале? Зная тебя, Майк, я не удивлюсь, если она окажется и проституткой, которой перестало везти.

Майк улыбнулся:

— А что бы ты сказала, если бы она действительно оказалась одной «из тех» и я бы собирался на ней жениться?

Пэт не раздумывала ни секунды:

— Я бы поинтересовалась, какой свадебный подарок ты хочешь получить.

Майк засмеялся.

— Ну, хорошо, хорошо. Она обычная. Очень обычная, если ты под этим подразумеваешь чопорность и праведность. Сэм могла бы выйти замуж за священника.

Пэт накрыла на секунду ладонью трубку телефона, взглянула на небо и прошептала: «Благодарю тебя, Боже!», затем громко заговорила в трубку:

— Повези ее по магазинам. Покажи ей самые дорогие, на Пятой авеню. Отведи ее в фирменный «Сакс». Твоя кузина Вики одевается в «Сакс».

— Да ну? — вяло поинтересовался Майк. У него было слишком много родни, чтоб помнить хотя бы половину. — Это чья же будет?

— Ты отлично знаешь, что она младшая у Дже-Ти и Арии. Если твоя девушка не полюбит Нью-Йорк после посещения «Сакса», отведи ее прогуляться и поглазеть на витрины магазинов по Мэдисон-авеню, начиная с Шестьдесят первой улицы и до Восьмидесятых улиц.

Майк снова рассмеялся:

— Особое внимание следует уделять витринам ювелирных магазинов. Можно купить ей парочку бриллиантов. Таких, какие обычно в обручальных кольцах! Послушай, мам, сколько женщин ты уже сосватала мне в своем воображении за мою короткую жизнь?

— По крайней мере шесть, — рассмеялась она в ответ. Голос Майка внезапно стал серьезным.

— Мам, у вас с отцом ведь счастливый брак, правда?

Сердце у Пэт замерло от той интонации, с которой он задал этот вопрос. Она почувствовала: что-то беспокоит ее ребенка.

— Конечно, родной, мы с отцом счастливы вместе.

— Саманта — так зовут эту девушку — утверждает, что у каждой женщины, которая прожила замужем больше двух лет, вырабатывается невосприимчивость к боли. Ты считаешь, что это так?

Пэт очень старалась не рассмеяться, но все же не сдержалась. И продолжала смеяться, хотя Майк настойчиво повторял: «Мам, ну мам!» Она не могла остановиться, даже когда услышала, что он повесил трубку.

Майк был зол и обижен на свою мать, на всех женщин, вместе взятых. Если они считают, что быть замужем столь ужасно, почему же так стремятся к этому? Все, кроме Саманты, — подумал он. Или, может быть, ее нежелание — всего лишь игра?

Он пошел в спальню переодеться. Улыбнувшись, решил нарядиться ради Саманты в костюм и надеть галстук. Пожалуй, он даже наденет итальянский костюм, который выбрала ему сестра.

Через сорок пять минут, приняв душ, побрившись и переодевшись, он вышел из спальни. Еще раз придирчиво оглядел себя в зеркале, поправил галстук. «Неплохо, — подумал он. — Чертовски неплохо». И крикнул наверх:

— Сэм, ты готова?

Ему пришлось немного подождать, но когда он увидел Саманту, то улыбнулся и предложил ей руку.

Когда Саманта увидела Майка, ей захотелось умереть. Просто умереть, тут же, на месте. Она думала, что приведет его в смущение и замешательство. Представляла, как он скажет ей, что не собирается появляться на людях с женщиной в таком виде. Так по крайней мере сказал бы ее муж, если бы увидел, что она надела свой домашний наряд, который с трудом разыскала в шкафу. Это был старый розовый спортивный костюм, выцветший и кое-где протершийся до дыр. На груди красовалась надпись — «Сначала он воздвиг меня на пьедестал, а теперь заставляет стирать с него пыль».

Саманта стояла на лестнице и любовалась Майком, который ждал ее внизу в замечательном темном костюме. Она поняла, что еще никогда в жизни не видела более красивого мужчины. Хоть на сей раз ее отец выбрал для нее кого-то привлекательного. С Ричардом ей не так повезло.

Стоило один раз взглянуть Майку в глаза, чтобы понять, что ее внешний вид его несколько не смущает. Более того, она даже не была уверена в том, что он вообще понимает, до какой степени несоответствующе она одета. Улыбаясь так, будто не мог дождаться момента, чтобы вывести ее в свет, он предложил ей руку.

— Не могу... — начала Саманта. — Мне нужно...

— Уже одиннадцать, Саманта! Если ты еще немного провозишься, все магазины закроются.

— Какие магазины? — испуганным голосом спросила она, делая попытку вырваться, но он держал ее руку крепко. — Не могу же я в таком виде идти в магазин! — запротестовала она.

Майк осмотрел ее с ног до головы и внимательно изучил надпись на груди.

— По мне, так ты выглядишь нормально. Розовое тебе идет. Кроме того, мы сможем тебе купить новые вещи, если хочешь.

Очередная попытка выдернуть руку не привела ни к каким результатам.

— Мне необходимо переодеться.

Кинув на нее измученный взгляд, Майк произнес тоном человека, чье терпение наконец лопнуло:

— Если тебе не нравится то, во что ты одета, — зачем ты это носишь?

Саманта не знала, что ему ответить. Не могла же она признаться, что оделась так специально, чтобы он сам отказался с ней идти. И особенно трудно было это сказать теперь, когда он отнесся к ее несуразному виду так спокойно и добродушно.

Чувствуя себя ребенком, которого наказали, она, понурив голову, последовала за ним на улицу. До сегодняшнего дня все ее знакомство с Нью-Йорком ограничивалось прогулками по Лексингтон-авеню. Теперь она шла с Майком по направлению к роскошным Мэдисон-авеню и Пятой авеню. И чем ближе они подходили к Пятой авеню, тем больше Саманта ощущала, насколько неподходяще выглядит. В иллюстрированных журналах можно увидеть фотографии женщин в роскошной одежде, и человеку, живущему в глубинке, в настоящей Америке, часто приходит в голову — для кого же это, черт возьми, шьют? Большинство американцев одеваются в спортивную одежду ярких тонов, будто всю свою жизнь только и делают, что взбираются на горы или участвуют в марафонских забегах. Однако в Нью-Йорке и мужчины, и женщины, особенно женщины, казалось Саманте, только что сошли с подиумов лучших домов моды.

Саманта буквально кожей ощущала присутствие других женщин, пока шла по улице рядом с Майком, который крепко держал ее под руку. Они, эти женщины, были фантастически причесаны. Их волосы выглядели так, будто они их моют сказочным нектаром, их ногти были идеально ровными и отполированными, будто они ничего никогда не делали руками, а их одежда была просто божественной.

Хотя один недостаток у нью-йоркских женщин был — снобизм. Увидев, как Саманта одета, многие смотрели на нее с сожалением, а некоторые с усмешкой, от которой она всякий раз затравленно озиралась и в поисках защиты сильнее прижималась к Майку. А тот, глядя на нее с высоты своего роста, похлопывал ее по руке и улыбался, делая вид, что совершенно не понимает, что происходит между девушкой, которая на нем повисла, и остальными женщинами на улице.

К тому моменту, когда они вышли на Пятую авеню, Саманта хотела только одного — спрятаться в какую-нибудь щель. Казалось, Майк заранее наметил определенную цель, так как они торопливо прошли мимо множества прекрасных магазинов с соблазнительными витринами. Не задержались даже возле фирменных магазинов «Тиффани», «Гуччи», «Кристиан Диор» и «Марк Кросс». Через какое-то время Саманта просто перестала смотреть на витрины: чем больше она видела, тем хуже себя чувствовала.

Наконец на Пятидесятый улице они подошли к большому магазину с темно-голубым навесом.

Майк направился к крутящимся дверям, но Саманта резко отшатнулась, испугавшись, что запутается в них. Это был фирменный магазин «Сакс».

Майк вошел в крутящуюся дверь, увидел, что Саманты с ним нет, вышел, протянув руку, схватил ее, втянул за собой в стеклянный водоворот и вытолкнул оттуда в нужный момент.

Когда они вошли в магазин, Саманта на мгновение остолбенела, ослепленная тем, что предстало перед ней. Для каждого, кто провел четыре года в таком городе, как Санта-Фе, «Сакс» показался бы раем на земле. Здесь были товары, которые не нуждались в навязчивой рекламе. Здесь не было одежды, сшитой из простыней. Продавщицы здесь не одевались в пеструю дешевую мексиканскую хлопчатобумажную одежду и не увешивали себя несметным количеством серебряных цепочек и побрякушек. Они были проворнее, чем ящерики на солнце. Никто здесь не носил обувь, хотя бы отдаленно напоминающую ковбойские сапоги. И, что ей понравилось больше всего, ничью одежду не украшала кожаная бахрама.

— Нравится? — спросил Майк, с улыбкой глядя на Саманту, — с выражением благоговейного трепета на лице она созерцала сверкающие сумки от Джуди Лейбер, стоящие перед ней на прилавке.

Саманта смогла лишь молча взглянуть на него, слишком пораженная увиденным.

— Хочешь что-нибудь купить? — Смех буквально душил его, когда он задал этот риторический вопрос. — Кажется, эскалатор там.

По мере того как Саманта выходила из состояния транса, она стала обращать внимание, что женщины в магазине косо посматривают на нее. «Может, стоит вернуться домой, переодеться и опять прийти сюда», — подумала она. Но в ее гардеробе не было ни одной вещи, которая бы отвечала стандартам одежды посетительниц этого шикарного магазина.

— Я не могу делать покупки в таком виде, — прошептала она Майку.

Он пожал плечами, показывая, что не понимает, о чем она говорит. Иногда, кажется, языковой барьер между мужчиной и женщиной бывает таким же глубоким, как между китайцем и англичанином. Как она могла объяснить ему, что ни одна продавщица не будет иметь никаких дел с женщиной, которая выглядит так, будто не ей нужно предлагать товар, а, напротив, она умоляет ей что-нибудь продать.

— В каком «таком»? У тебя отличный вид! — и Майк подтолкнул Саманту вглубь торгового зала.

Там стояли высокие красивые девушки и предлагали покупателям образцы духов, но к Саманте никто из них даже не обратился. Все встречные женщины бросали взгляд на Майка, затем на Саманту, на ее гладко зачесанные волосы и нелепый, поношенный тренировочный костюм, а потом вновь смотрели на Майка с таким видом, будто хотели спросить, как может красивый, хорошо одетый парень появляться на людях с подобным чучелом.

Когда Майк практически впихнул ее в лифт, Саманта попыталась спрятаться за его спиной от посторонних взглядов.

Он вытащил ее из лифта на девятом этаже и потащил через отдел товаров для детей.

— Ты куда меня тащишь? — спросила она, пытаясь вырваться.

— Я тебя веду повидаться с моим другом, вернее сказать, с моей кузиной.

Они шли мимо каких-то кабинетов, пока не оказались у отгороженной стеклянными стенами кабинки. Там за столом сидела молодая женщина, не столь красивая, сколь очень броская. Ее волосы были аккуратно причесаны, а одежда казалась созданной специально для нее. При виде этой элегантной женщины Саманте тут же захотелось спрятаться, чтобы та ее не заметила.

Как только женщина увидела Майка, она улыбнулась и встала из-за стола. Но Майк не улыбнулся в ответ. Встав по стойке «смирно», он щелкнул каблуками, взял ее руку и почтительно прикоснулся губами к пальцам.

— Ваше королевское величество, — произнес он с интонацией заправского придворного.

— Майк, прекрати немедленно, — сказала женщина, нервно оглядываясь на своих сослуживцев в офисе.

Тогда он схватил ее в объятия, слегка запрокинул, как в романтических фильмах с Фредом Астером, и горячо поцеловал в шею.

— Теперь лучше? — поинтересовался он, ставя ее на место.

— Значительно, — ответила женщина, покраснев и делая вид, что сердится. Она высвободилась из его объятий, хотя было очевидно, что ей это приятно.

— Ну как там поживают дворец и старики? — спросил Майк весело.

— Все поживают нормально, в чем ты сам мог бы убедиться, если бы удосужился навестить нас. Майк, я польщена твоим приходом, но меня ждет работа. Чем могу помочь?

— Помоги нам кое-что купить. — С этими словами он вытащил Саманту из укромного местечка между дверью и шкафом, где она спряталась, и продемонстрировал, как некий предмет, нуждающийся в починке, например, часы.

Видя, как женщина вопросительно смотрит то на нее, то на Майка, крепко сжимающего ее руку, Саманта попыталась было что-то объяснить.

— Это вовсе не то, что может показаться. Просто он мой опекун. — И тут же поняла, насколько глупо это звучит, и что она только все портит, когда открывает рот.

— Почти как Тинкербел, — вставил Майк, улыбаясь.

— Скорее, как капитан Хук, — мгновенно отпарировала Саманта.

После этих слов женщина засмеялась и, подойдя к ней, протянула руку.

— Похоже, ты раскусила его. Меня зовут Виктория Монтгомери, и мы с Майком какие-то родственники. — Окинув Саманту с головы до ног профессиональным взглядом, она оценила ее лицо, фигуру и ее жуткую одежду. — Чем могу помочь?

Саманта виновато улыбнулась:

— Сделайте так, чтобы я выглядела как одна из этих девушек на улице.

Вики в ответ одарила ее улыбкой полного взаимопонимания.

— Полагаю, мы что-нибудь придумаем. — Она обернулась к Майку. — Что, если мы сейчас покинем тебя и встретимся где-то часика через три?

— Никогда в жизни, — отрезал Майк. — Я пройду через все это вместе с вами. Если ее бросить на произвол судьбы, то она вырядится как какая-нибудь Ребекка с фермы «Солнечный ручей». С ней вообще-то можно что-нибудь сделать?

Он говорил о Саманте так, как говорят об автомобиле, из которого выпала коробка передач, и теперь стоит вопрос, можно ли вообще починить его или браться бесполезно. Вики сочувственно взглянула на Саманту, чье лицо моментально сравнялось цветом с одеждой и даже превзошло ее.

— Майк, ты слишком часто пользуешься своими мышцами и слишком редко своими мозгами. Обрати внимание на свои манеры, — строго заявила она кузену. Правда, несмотря на властные нотки, в ее голосе все равно слышалась симпатия.

Саманта благодарно улыбнулась Вики и направилась к лифту. Теперь она чувствовала себя значительно лучше.

— На какую сумму? — прошептала Вики, когда Саманта немного отошла.

— Не важно, — Майк пожал плечами. Вики подняла безупречную бровь.

— На уровне «Кристиан Диор» или «Лиз Клайборн»?

— Насколько я понимаю, это значит «дорого» или «дешево»? Я хочу, чтобы у нее были и те и другие вещи. Все. Все, что есть. Но сделай так, чтобы она не видела цены. А счет пришли мне. — Он немного подумал и добавил: — И не забудь про туфли и... что там еще женщины носят?

Вики внимательно изучала своего кузена. Она отлично знала, что он может себе позволить покупать все, что ему хочется, но знала также и то, что он не из тех, кто разбрасывается деньгами.

— Хорошо. А как насчет прически?

Майк посмотрел на нее умоляющими глазами. Он настолько устал видеть замечательные волосы Саманты закрученными сзади в тугий уродливый пучок.

— Знаешь, по-моему, после того как ее голову приведут в порядок, должно получиться что-нибудь эдакое... ну, не знаю... кудри, может быть...

— Так, значит, ты еще совсем ни в чем не уверен? — лукаво спросила Вики, изо всех сил стараясь понять, что же эта женщина для него значит.

— Пока что нет, — твердо сказал Майк и подмигнул своей кузине. — Пока что нет...

Никогда в жизни она так чудесно не проводила время, как в этот день, с Вики и Майком — в этом Саманта была твердо убеждена. Девочкой она часто совершала рейды за покупками со своей матерью, и это было очень весело. Но после ее смерти у Саманты как-то не находилось времени для этого. Возможно, пропало желание приукрашивать себя. А после замужества и переезда в Санта-Фе для покупок вообще не стало ни времени, ни денег, ни желания.

Но даже тогда, давно, с матерью, это не было так прекрасно. У Вики был безупречный вкус. А как дипломатично она подводила Саманту к нужной вещи. Сначала смущенная Саманта поспешно взяла несколько случайно попавшихся ей под руку платьев и пошла мерить. Но когда взглянула на себя в зеркало, поняла, что выглядит в них совсем обычно, как всегда — серо. Тогда-то Вики тактично и ласково спросила, не позволит ли Саманта подобрать ей несколько вещей. Конечно, она сразу согласилась. Любая женщина обрадуется, если такая элегантная, царственная особа, как Вики, пожелает помочь ей подбирать наряды.

Уже через двадцать минут Саманта поняла, что создается совершенно новый образ. Делая шаг назад, чтобы рассмотреть себя в зеркале в роскошной примерочной на третьем этаже «Сакса», она увидела совсем другую женщину — элегантную без чопорности, сексуальную без вульгарности, домашнюю, но утонченную, модно одетую, но выдержанную в классическом стиле. На ней отлично сидел костюм от «Сейнт Джон».

— Ты позволишь? — спросила Вики и, сняв резинку, распустила светлые волосы Саманты, которые мягко легли ей на плечи.

Саманта посмотрела на себя в зеркало и вспомнила, что впервые зачесала волосы назад, чтобы они ей не мешали работать на компьютере. И тогда же убедилась, что с гладкой прической ее воспринимают значительно более серьезно.

Вики, отойдя от Саманты на несколько шагов, стала изучать ее, как это делает художник, глядя на свою картину то с одной, то с другой стороны.

— Может, мы подровняем волосы? И сделаем укладку, чтобы волосы хорошо лежали, ты не будешь возражать?

Возражать? Да неужели можно возражать, если тебе предлагают что-то вроде райского удовольствия!

— Да нет, отчего же, — пытаюсь сдержать свои эмоции, проговорила Саманта, хотя ей хотелось прыгать и скакать, выкрикивая: «Ура!»

Вики улыбнулась, делая вид, будто не замечает, что происходит у Саманты в душе. Ей редко приходилось наблюдать у своих клиенток столь искреннюю и бурную радость по поводу таких, казалось бы, обычных вещей, как новое платье или прическа.

— А теперь, наверное, пора показаться Майку.

Саманта бессознательно нахмурила брови. Она не хотела ничего показывать Майку. Она даже позабыла о его существовании. Вики разъяснила, что для Саманты будет открыта кредитная карточка «Сакса», и она, Вики, договорится об отсрочке оплаты на несколько месяцев и о существенной скидке — такой же, как для сотрудников магазина. Поэтому Саманта сможет себе позволить целиком обновить свой гардероб. Но если она сама расплачивается за вещи, зачем тогда их показывать этому человеку?

Видя нежелание Саманты демонстрировать Майку свои обновы, Вики была в недоумении. Ведь когда она в первый раз увидела их вместе, Саманта держалась за Майку как утопающий за спасательный круг.

— Ему, наверное, будет приятно увидеть тебя в новых нарядах, — настаивала Вики, чувствуя за собой вину: ведь ей пришлось обманывать Саманту, уверяя ее, что она сама, а не Майк станет оплачивать все эти счета.

Не спеша и с явной неохотой Саманта вышла из примерочной и направилась в зал для отдыха посетителей, где их поджидал Майк, рассевшись на удобном розовом диване, попивая чай и просматривая газеты, которые ему принесли. Он выглядел настолько уютно и естественно и так вписывался в здешний интерьер, будто был владельцем всего этого магазина, и чувствовал себя как дома среди нарядных женщин и изысканной одежды — точно так же, как в первый день их встречи чувствовал себя вполне комфортабельно в совершенно ином интерьере, одетый в спортивный костюм и рваную майку.

Саманта не хотела выступать перед ним в роли манекенщицы, так как слишком хорошо помнила абсолютное равнодушие, которое проявляли ее отец и муж к тому, во что она одевалась. Ее муж желал видеть ее чистой и опрятной, остальное ему было безразлично. Отец же не заметил бы разницы, явись она перед ним в ажурных чулках и на высоких каблуках или в джинсах и майке.

Но Майк явно проявлял к Саманте интерес, и ему она вовсе не была безразлична. При виде ее он отложил газету, медленно встал с дивана и пошел ей навстречу. Потом взял ее за руку и осмотрел, внимательно и оценивающе. Он разглядывал и цвет, и покрой, и как сидит костюм.

— Да, весьма... — заявил он после тщательного осмотра. — Этот костюм очень выгодно оттеняет твою внешность.

Саманта постаралась сдержать усмешку. Как, однако, ловко он сделал ей комплимент. Можно было подумать, что она красавица и необходимо решить, достойны ли эти наряды прикасаться к ее телу. Она уже повернулась, чтобы отправиться с Вики назад в примерочную, как вдруг Майк взял ее за плечо.

Она просто оцепенела, когда он нагнулся и, слегка прикоснувшись лицом к ее шее, поцеловал в ухо.

— Еще раз зачешешь назад свои волосы — ответишь мне за это.

Саманта вырвалась, но далеко не сразу, а когда почувствовала, как теплая волна удовольствия прошла по всему телу.

Через какой-то час она уже привыкла позировать перед ним. К ее удивлению, Майк, представлявшийся ей человеком, не обращающим ни на что внимания, оказался знатоком женской одежды, и она скоро стала доверяться его вкусу.

— Нет, нет. Этот жакет для тебя длинен. Слишком прикрывает ягодицы, — совершенно серьезно заметил он при виде очередной вещи.

— Это не может послужить причиной отказа от него, — отрезала Саманта. Майк лишь хмыкнул в ответ. Она тут же решила взять этот жакет и косить его не снимая. Но в примерочной на вопрос Вики, будет ли она его брать, заколебалась с ответом. И после паузы сказала «нет».

Вскоре Саманта стала говорить «да», когда что-то одобрял Майк, и «нет», когда Майку что-то не нравилось.

Так как на этом этаже были исключительно модельные вещи, Вики подключила еще двух продавщиц, распорядившись, что нужно принести и где взять. Женщины целыми охапками приносили им шелковое нижнее белье, ночные рубашки, туфли, сумки, перчатки, чулки, колготки и украшения с других этажей.

Примеряя замечательную ночную рубашку, Саманта вдруг поняла, что Майк принимает участие и в этом.

— Этот цвет ей не подходит, — услышала она его голос, — нет, черное — это не ее. Я хочу белую ночную рубашку.

Эту фразу он повторил дважды, и Саманта покраснела, вспомнив, что он сказал ей в день их знакомства.

— У вас найдется голубая ночная рубашка? — спросила Саманта Вики.

Та улыбнулась, и через минуту появилась степенная ночная рубашка голубого цвета.

— Майку такие не нравятся, — заметила Вики.

— Отлично, — заявила Саманта, — я беру таких две штуки!

Саманта накупила множество всяких вещей. К четырем часам дня она уже сбилась со счету — сколько раз она сказала «да» при выборе костюмов, туфель, платьев, вечерних туалетов.

— Это будет очень дорого стоить, — сказала она Вики, — должно быть, сотни долларов.

Вики стояла спиной к Саманте, поэтому та не видела ее поднятую бровь. Сотни долларов? Вики подумала, насколько Майк был прав, когда просил не показывать его подопечной цены: этой девочке даже не приходило в голову, что одно платье может стоить несколько тысяч долларов. Поэтому перед примеркой все ярлычки с ценой были сняты с одежды. Для Вики и ее подручных удаление ярлычков было дополнительной головной болью, но, учитывая те суммы, на которые раскошелится Майк, они охотно шли на лишние неудобства. А так как у Саманты было прямо-таки чутье на качественные изделия, она набрала покупок на многие тысячи долларов. Если ей приносили две пары туфель, одну за шестьсот долларов, а другую за двести пятьдесят, Саманта безошибочно выбирала пару подороже.

Придав лицу нейтральное выражение, Вики обернулась:

— Нам пора. Тебя уже ждут в салоне красоты.

Кивнув, Саманта подумала, что скажет Майк по поводу ее волос; втайне она надеялась, что он не принадлежит к тому типу мужчин, которые в подобных случаях говорят — подровняй их на пару сантиметров, но никак не больше! У ее отца и мужа, например, мнение совпадало — волосы у женщины должны быть такой длины, чтобы можно было сесть на их кончики.

Настраивая себя на предстоящий спор, она подыскивала аргументы в пользу того, что именно она должна сама выбирать вид прически для своих волос — хотя заранее знала, что это бесполезно. Майк вошел в салон, не смущаясь женским окружением, — он даже ухитрился подмигнуть одной даме в бигуди. И тотчас начал рассказывать мастеру, как должна выглядеть прическа Саманты.

— Я хочу, чтобы были видны ее кудри. И, пожалуйста, никакого лака. Ненавижу эту штуку — царапает лицо.

— У меня будет такая прическа, какую я захочу, — заявила Саманта. Майк и парикмахер одновременно повернулись к ней и с удивлением на нее посмотрели; было ясно, что их абсолютно не волнует ее мнение. Саманта вздохнула и отвернулась к зеркалу, а Майк вновь

обратился к мастеру и открытым текстом добавил, что всякие возражения клиентки не имеют никакого значения, главное — принцип.

...Руками Саманты завладела маникюрша, а парикмахер стриг волосы, аккуратно отделяя прядь за прядью и каждую срезая на разную длину. И с каждой новой отрезанной прядью она чувствовала себя легче и моложе. Ее вьющиеся от природы волосы даже без всякой укладки красиво обрамляли лицо. Но вот в руках парикмахера зашумел фен, придавая этой вьющейся копне волос законченность и порядок. Когда прическа была готова, она потрясла головой и засмеялась.

Майк стоял рядом и разглядывал ее в зеркале.

— Не думал, что ты можешь оказаться такой красивой, и был не прав, — мягко произнес он, и это заставило ее покраснеть.

Взяв Саманту за руку, он проводил ее к другому креслу, где она прошла урок макияжа и получила маленький пакетик с набором косметики и средств для ухода за кожей. Ее бы наверняка хватил удар, если бы она узнала, что одна эта косметика обошлась более чем в триста долларов. Уже приближался вечер, когда Саманта, опираясь на мускулистую руку Майка, покинула «Сакс», одетая в красный костюм от «Кристиана Лакруа», с коротко подстриженными и завитыми волосами и идеальным макияжем на лице.

В руках у них не было никаких свертков и пакетов: Вики сказала, что им все пришлют на дом. На сей раз, когда они проходили через отдел косметики на первом этаже, давешние высокие девицы бросились к Саманте наперебой, предлагая свои образцы духов, но она отшила их повелительным жестом руки. Майк остановился у прилавка «Ланком» и, несмотря на бурные протесты Саманты, выбрал для нее «Трезор», заплатив наличными.

Саманта прижала к себе маленькую коробочку с духами, как нечто бесценное, и подняла глаза на Майка.

— Благодарю, — прошептала она, — благодарю за весь сегодняшний день.

Он широко улыбнулся ей, и выражение удовольствия появилось на его лице.

— Не хочешь перекусить?

— Да, — ответила Саманта. — Умираю с голоду.

Он предложил ей руку и повел к выходу из магазина.

Глава 7

По пути домой Саманта то и дело дотрагивалась до своей новой прически, с удовольствием прикасаясь кончиками пальцев к вьющимся прядям.

— Нравится? — спросил Майк, и она кивнула в ответ.

Сама того не замечая, она шла теперь, расправив плечи, не семеня, как утром, когда они впервые вышли на улицу вместе. Майк радовался, видя ее улыбающуюся и счастливой, ему нравилось, как хорошо она выглядит, но он чувствовал определенное сожаление, что она больше не виснет на его руке, пугливо прижимаясь к нему.

Подходя к дому, Саманта первая увидела, что на ступенях сидят женщины. Их было четыре, они явно не относились к тем, кого ее мама назвала бы «хорошие девушки». На них была слишком облегающая, слишком короткая и слишком яркая одежда, их глаза, губы и щеки были чересчур накрашены. Две из них сидели на металлических перилах, и их короткие юбки при этом задралась так, что было непонятно, зачем они вообще нужны. Все женщины, за исключением одной, курили.

— По-моему, у тебя гости, — сказала Саманта, невольно нахмурившись. Теперь ей, кажется, предстояло провести время в апартаментах отца; а она-то собиралась заказать в гастрономическом магазине деликатесы и салат и, расположившись в саду, подышать вечерней прохладой.

Видя, что она недовольна, Майк ласково сжал ее руку:

— Ты будешь хозяйкой дома.

— Я не... — начала было она; ей вовсе не хотелось вступать с этим человеком в более тесные отношения, чем сейчас.

— Это же только Дафния с подругами. Девочки всего лишь хотят пообедать за чужой счет. Они уйдут до темноты.

— Ага, — понимающе кивнула она, широко раскрыв глаза. — Они по ночам работают?

Она пыталась говорить и держаться, как ни в чем не бывало, не показывая, что чуть было не лишилась дара речи от вида и манер этих чрезвычайно броских особ.

— Они стриптизерки.

— Ага, — вновь повторила Саманта с явным облегчением, потому что раздеваться на публике — все-таки более безобидное занятие, чем то, о котором она поначалу подумала. Когда они подошли совсем близко, Саманта почувствовала, что одна из женщин изучает ее гораздо пристальнее, чем остальные. Она сразу догадалась, что это Дафния. Когда женщина встала с перил, оказалось, что она ненамного ниже Майка ростом. Лицо ее под тяжелым гримом, наверное, было весьма привлекательно, но о достоинствах его было трудно судить, потому что внимание привлекало прежде всего ее тело, и особенно фантастических размеров бюст.

— Это Дафния? — прошептала Саманта.

— Вся здесь, каждый ее дюйм, — хмыкнул Майк, глядя ей в лицо и стараясь найти в нем признаки ревности.

Придвинувшись к нему, Саманта прошептала еще тише:

— Отдельные части ее тела... искусственно наращены?

— Насколько мне представляется, большая часть Дафнии — подделка, — энергично подхватил Майк. — От лица до кончиков пальцев она всюду «приращена», «увеличена», «убрано отсюда», «прибавлено сюда». Когда ты дотрагиваешься до нее, все эти овалы, которые вшиты под кожу, соскальзывают и образуют всякие выступы дикой формы.

Говоря это, он продолжал внимательно смотреть на Саманту, но так и не заметил ни единого проблеска ревности.

— И Дафния... она танцовщица особого рода?

— Да нет. Самая примитивная стриптизерка, нет ничего особенного в ее танцах.

Внезапно остановившись, Майк положил Саманте руки на плечи и заглянул ей в глаза.

— Сэм, девочка моя, у тебя нет необходимости знакомиться с этими женщинами. И я тебя отлично понимаю, если ты этого не хочешь. Я могу отправить их домой, а мы с тобой пойдем куда-нибудь и тихо посидим, пообедаем. Приглашаю тебя в ресторан «Ла Сирк».

— Как ты можешь говорить такие глупости, — вспыхнула она, поняв, что он неправильно истолковал ее вопрос, в котором содержалось только любопытство. Кажется, он принял ее за сноба и пуританку, которая не сядет за один стол с подобными женщинами. — Конечно же, я хочу с ними познакомиться. И, пожалуйста, не трогай меня!

Она высвободилась и направилась к дому. И через секунду уже знакомилась с женщинами, которые разглядывали ее нарочито скучающими глазами.

Дафния спустилась по ступенькам и, нависнув над Самантой, спросила:

— Это ты... э... квартирантка... Майка?

/ пропущено несколько страниц /

...падают. Все они смотрят на него влюбленными глазами, но, насколько мне известно, ни одна из них не была с Майком в постели.

— Но ты же все еще здесь... — заметила Саманта. Дафния взяла миску с салатом.

— Да. Но ведь я никогда не была в него влюблена, не так ли? — Она искоса взглянула на Саманту: — Ты смотри, душечка, остерегайся. Майк разбивает сердца. Тут он настоящий специалист.

После этого разговора с Дафнией Саманта некоторое время оставалась на кухне в одиночестве. «Разбивает сердца, так...» — думала она. Вот что ей точно было не нужно, так это чтобы ее сердце вновь оказалось разбито... Откровенно говоря, она бы просто не выдержала очередного краха своих надежд.

— С тобой все в порядке? — раздался голос Майка откуда-то сзади.

Она повернулась и посмотрела на него. Все-таки он был хорош. Настолько хорош, что, когда находился рядом, это мешало думать.

Майк сделал шаг вперед.

— Ты как-то странно смотришь на меня. Сказать, чтоб они ушли?

— Нет, пожалуйста, не надо. — Саманта холодно улыбнулась и отвернулась от него. — Я устала. Кажется, мне лучше пойти спать.

Майк приблизился к ней, взял за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

— Что-то тебя беспокоит. Может, Дафния что-нибудь наговорила? Надеюсь, она не стала рассказывать тебе свою очередную историю про очередного мужчину? Имей в виду, у Дафнии

очень странный взгляд на жизнь.

— Нет, — соврала Саманта, высвободив свой подбородок, — просто был тяжелый день, я хочу в кровать. Вот и все.

Внезапно выражение лица Майка резко изменилось. На нем было написано такое страстное, такое горячее желание, что Саманта почувствовала, как ее кожа буквально накаляется под его взглядом.

— Я тоже хочу в кровать, — нежно проговорил он. Саманта отшатнулась от него. И лицо Майка вновь изменилось: вместо страсти теперь оно выражало гнев.

— Кто внушил тебе безразличие к сексу, Са-ман-та? — спросил он, произнося ее имя, как нечто вроде «аккумулятор».

Она рассмеялась, и желание, возникшее у нее минуту назад, исчезло.

— Все мужчины одинаковы, — сказала она. — Будь они высокопоставленными чиновниками или ассенизаторами. Если я не хочу ложиться с тобой в постель, значит, я фригидна, или жертва кровосмешения, или со мной случилось что-нибудь ужасное... Так вот, ставлю вас в известность, мистер Таггерт: никто не отвращал меня от секса. Но если кто это и сделает, так это ты со своими вечными и вульгарными намеками. Почему ты не попросишь кого-нибудь из этих женщин переспать с тобой? — Она кивнула на пеструю группку по ту сторону стеклянных дверей. — Или ты жаждешь лишь тех, которые тебе отказывают? Может, тебя привлекает вкус победы? Скажи честно, когда ты делаешь очередную насечку на кровати, ты ставишь рядом с ней дополнительную звездочку, если эта женщина раньше тебе отказывала?

Майк посмотрел на нее в замешательстве.

— Что я тебе такого сделал, чтобы так низко думать обо мне?

Саманта отвернулась. Она знала, что несправедлива к нему. Майк был сегодня так добр и терпелив. За этот единственный день он потратил на нее столько времени, сколько не тратил ни один человек с тех пор, как умерла ее мать. А она говорит ему всякие мерзости и только потому, что он пытается приударить за ней. Но не этим ли мужчина и должен заниматься — пытаться завладеть женщиной?

Впрочем, возможно, причина именно в его доброте и постоянной заботе. Она этого не хочет, ей не нужно ничье внимание.

— Пожалуйста, извини меня, — проговорила она. — Я тебе благодарна за сегодняшний день, за то, что ты отвел меня в магазин, что познакомил с кузиной, за то...

— Мне ни к черту не нужна твоя благодарность, — не дослушав, злобно бросил Майк, перед тем как выйти и хлопнуть дверью.

Какое-то время Саманта стояла неподвижно, затем поднялась к себе. Она медленно разделась, аккуратно повесила на вешалку свой замечательный костюм и на мгновение прислонилась к дверце встроенного шкафа. Иногда ей хотелось уметь плакать, реветь, как другие женщины. Но как бы она этого ни желала, Саманта знала, что слезы не прольются.

Она умылась и намазала кремом лицо, затем надела ночную рубашку и легла. В слабом свете, проникающем снизу из сада, выделялись знакомые контуры отцовской мебели. Глубоко

вздохнув, она выдавила улыбку — хорошо, что ее окружают отцовские вещи.

Она заснула, но где-то среди ночи ее разбудила вспышка молнии, осветившая комнату. Сквозь уличный шум она различила уже знакомый стук. Майк печатал на машинке. Успокоившись, Саманта опять заснула.

Глава 8

Саманта проснулась в семь часов утра, но тихо капающий дождик за окном создавал такое настроение, когда не хочется вылезать из кровати. Поерзав под одеялом, она устроилась поудобнее и вновь заснула. В конце концов, в субботу можно и поспать.

Второй раз она проснулась в половине десятого. И сразу же вспомнила, что сказала Дафния о Майке. Майк разбивает женские сердца. А она, Саманта, больше не желает разочарований. Чтобы получить поддержку, она бросила взгляд на отцовскую комнату и мебель, улыбнулась и заснула снова.

В одиннадцать она была разбужена стуком в дверь. Затем дверь открылась, и еще окончательно не проснувшись Саманта увидела Майка с подносом, нагруженным едой.

— Уходи, — буркнула она и зарылась в простыни.

Конечно же, он не повиновался, ибо, по мнению Саманты, Майк Таггерт представлял собой сочетание сторожевого пса, воинственной сиделки и развратника.

Он присел рядом с ней, поставив поднос на край кровати.

— Я принес тебе поесть... Твоя одежда прибыла из «Сакса»... и Бэррет пригласил нас на чай на послезавтра. Он пришлет за нами машину.

— Вот как? — Она повернулась и уставилась на него. Стало уже почти привычным видеть его сидящим на ее кровати.

— Что из перечисленного тебя больше всего взволновало? Еда, Бэррет или наряды?

— Как ты думаешь, а тот симпатичный голубой жакет, ну, что с большими пуговицами, тоже прибыл?

— Значит, одежда, — резюмировал он, доставая булочку из пакета. — Я так и думал, что тебя не заинтересует человек, который может оказаться твоим родственником. Тут тебя вполне понимаю. Меня тоже вся эта родня просто бесит.

Позевывая, Саманта очень медленно села в кровати и прислонилась к ее спинке.

— Ты не понимаешь, что говоришь. И даже не представляешь, какой ты счастливчик, что у тебя есть родственники. Твоя кухня Вики была очень мила со мной и очень терпима по отношению к тебе.

Протягивая ей булочку и большой пластмассовый стакан с только что выжатым апельсиновым соком, Майк ответил:

— Она одна из немногих Монтгомери, которых еще можно терпеть, но она идет по линии, которая родом не из штата Мэн.

Он произносил все это с набитым ртом, и крошки уже просыпались на кровать, но все равно он был удивительно красив в эти минуты. Его густая черная шевелюра была еще влажной после душа, он был свежевыбрит и одет в мягкую рубашку, которая подчеркивала каждую мышцу его сильного тела. «Лучше, чтобы он говорил, — думала Саманта. — Пока он говорит, он не лезет ко мне». Она глубоко вздохнула.

— Кто такие эти Монтгомери?

— Мои двоюродные родственники. Жуткие зануды.

— Зануды?

— Ну да. Обожают пить чай, и при этом каждый из них упадет в обморок, если вдруг его подадут не в соответствующей посуде.

— И эти родственники живут в штате Мэн? — спросила она, откусив от булочки из отрубей.

— Ну! — В голосе Майка послышалась враждебность, и она подумала, что же сделали его родственники, если сумели вызвать у него такое отношение. Видя выражение ее лица, он решил дать разъяснения.

— Видишь ли, в моей семье сложилась традиция, что дети Монтгомери проводят пол-лета в Колорадо, а дети Таггертов — пол-лета в Мэне. Понятия не имею, кто ввел эту традицию, но убежден, что он жарится сейчас в аду.

— Вот как? Что же стряслось, когда ты находился в Мэне?

— Наши негодяи родственники пытались нас убить!

— Шутишь?

— Чистая правда. Они делали все, что было в их силах, чтобы мы не дотянули до осени. Многие из них живут на берегу моря и стали почти русалками. Мой брат говорил, что у них вместо кожи рыба чешуя. Так они выкидывали, например, такие штучки: отвозили нас в лодке в открытый океан, а затем прыгали в воду и плыли к берегу. Они знали, что никто из нас не умел плавать.

— Как же вы возвращались на берег?

Майк ухмыльнулся.

— Гребли веслами.

— А что было, когда они приезжали в Колорадо?

— Ну, мы были в какой-то степени обижены на то, как они себя вели в Мэне...

— Это объяснимо...

— И потом, надо знать этих Монтгомери. Это самые большие зануды в мире. Они не переставая благодарили нашу маму, никогда не забывали пользоваться за столом салфеткой. К тому же они аккуратно складывали одежду.

— Тяжелый случай, — Саманта прикрыла улыбку пластиковым стаканом. Но Майк, кажется, не

почувствовал сарказма в ее словах.

— Поэтому то, что мы делали, было вполне оправданно. Мы усаживали их на самых диких лошадях, каких только могли сыскать. Мы заводили их в Скалистые горы и бросали там на ночь. Без еды, воды и теплой одежды.

— Это же опасно?

— Ни черта! Только не для Монтгомери. Если можно так выразиться, у них к смерти иммунитет. Мой брат отвел одну из кузин в горы, обвязал веревкой и опустил ее со скалы, оставив так висеть, — Майк мечтательно улыбнулся, полный воспоминаний. — Внизу был обрыв в 200 футов глубиной.

— Что же сделала твоя кузина?

— Не знаю. Как-то взобралась наверх по веревке. Она даже не опоздала к ужину.

Саманта поставила свой апельсиновый сок на тумбочку у кровати и захохотала.

— Майк, ты ужасен, — сквозь смех проговорила она, поняв, что он выдумал всю эту историю (или, по крайней мере, преувеличил отдельные детали), чтобы развеселить ее.

Майк разлегся на кровати и улыбался, напоминая большого самодовольного кота, который только что слизал пенки. Он был явно доволен, что ему удалось ее развлечь.

— Рад видеть, что ты умеешь смеяться. — Он вытащил из пакета новую булочку, распространявшую вкусный аромат. — А это специально для тебя.

Взяв булочку, она подумала: «Кормит и еще развлекает». Потом спросила:

— А она с чем?

— С шоколадом.

Саманта протянула булочку назад с видимым сожалением.

— Слишком жирно. Мне нельзя.

Он отстранил ее руку.

— Я так и думал.

— Что это значит?

— Да так. Я только что сам у себя выиграл пари. Ты, кроме всего прочего, не пьешь спиртного, и если за тобой не присматривать, одеваешься, как старуха. Ты когда-нибудь ешь то, что вредно для здоровья? Уверен, у тебя даже желания не возникало попробовать наркотики.

— Подай-ка мне кусочек масла, — сказала она, впившись в него взглядом. — Нет, лучше два.

С улыбкой на лице он подал ей масло и пластмассовый ножик.

— Если ты беспокоишься, как отработать эти калории, я знаю одно отличное упражнение.

Саманта была слишком сосредоточена на этой восхитительной булочке, чтобы обращать внимание на его слова. Шоколад! Свежее пшеничное тесто! Расплавившееся масло!

— Черт побери! Саманта, прекрати так смотреть на еду! — рявкнул Майк с неподдельным гневом в голосе. Потом крепко схватил ее руку, поднес ко рту и откусил от булочки, поймав при этом палец Саманты своими теплыми губами и слизнув с него масло. Во взгляде его была страсть.

Она вырвала руку:

— Есть хоть что-нибудь, что может отбить у тебя охоту...

— Не-а, — равнодушно произнес Майк, облизывая свои пальцы. Затем он лениво встал с кровати и потянулся.

Булочка застряла у Саманты в горле. Она смотрела на его широкие плечи, тонкую талию, крепкие бедра. Такая демонстрация тела заставила ее забыть даже о шоколаде.

Она быстро отвела взгляд, надеясь, что Майк не заметил, как она на него уставилась. Он проворно наклонился и собрал в пакет остатки еды.

— Почему ты... я хочу сказать, — она прочистила горло, — почему ты так выглядишь?

— Что ты имеешь в виду? — спросил он нарочито наивным голосом.

Саманта знала, что он хочет добиться от нее комплимента. Конечно же, ему хотелось услышать что-то вроде: «Почему у тебя такие мускулы?», или «Почему ты похож на греческого бога?», или «Отчего у тебя такое тело, которое мечтал бы извлекать Микеланджело?». Но вместо всех этих слов, которые уже были у нее на устах, она только посмотрела на него так, будто говорила: «Сам знаешь, что я имею в виду».

— Занимаюсь со штангой и гантелями, — объяснил он, взяв поднос с кровати и поставив его на письменный стол.

— Как на Олимпийских играх?

Майк насмешливо хрюкнул.

— Хорошенькие мальчишки... Олимпийский вид спорта — поднятие штанги, а то, чем занимается Шварценеггер, — так это культуризм. Я поднимал тяжести на состязаниях в колледже. Тяжелые железяки. Теперь же я только поддерживаю себя в нормальном состоянии.

— Насколько я понимаю, настоящие мужчины «поднимают тяжести», — сказала Саманта, пытаясь скрыть улыбку.

Он сделал вид, что не замечает ее насмешки, и тоже улыбнулся. Потом внезапно схватил ее вместе с простыней, стащил с кровати и, открыв дверь, вынес на террасу под аккомпанемент громких требований Саманты опустить ее на пол.

— Поставь меня! — верещала она, прижав руки к телу и изо всех сил стараясь не прикасаться к Майку.

Он перевесил ее через перила террасы и сделал вид, что сбрасывает вниз, манипулируя ее телом так, будто оно было пушинкой.

Саманта взвизгнула от испуга и схватила Майка за шею, крепко прижавшись к нему.

— Вот это мне нравится, — заявил он, тычась в нее носом. Но стоило Саманте чуть расслабить объятия, как он тут же начал расслаблять свои мышцы так, что она стала сползать и вновь чуть было не свалилась вниз. И опять была вынуждена крепко обхватить его.

Саманте нравилось, когда Майк держал ее на руках. Очень нравилось... Он был такой большой, теплый и такой сильный. Когда он прижался губами к ее шее, на какое-то мгновение она закрыла глаза.

— Саманта, — прошептал он.

— Пусти меня, — ее голос был серьезен. Она сумела удержать себя в руках, чтобы не поддаться на его мольбу и подавить возникшее желание.

— Расскажи мне, что тебя тревожит, — мягко произнес он, поставив ее на ноги. Его рука осторожно коснулась ее щеки.

Саманта открыла рот, чтобы начать говорить, но внезапно, не произнеся ни слова, отошла от Майка прочь. И после небольшой паузы произнесла заученной скороговоркой:

— Понятия не имею, что ты имеешь в виду. Если я кажусь тебе немного странной, так это все оттого, что я недавно похоронила отца и пережила развод. Сомневаюсь, что после таких травмирующих событий любой другой человек не вел бы себя странно.

— Ты долго писала и репетировала эту речь? — поинтересовался он. И в ответ на ее возражения поднял руку, чтобы она замолчала. — Я больше не желаю выслушивать твою ложь и банальности. Пожалуй, тебе хорошо бы одеться, а затем спуститься вниз и сесть за компьютер. А еще лучше — сесть работать, не одеваясь.

И хотя Саманта тяжело вздохнула, демонстрируя свое отчаяние, она на самом деле радовалась, что он уже не так серьезен. Однако, думала она, для такого счастливого и баловня судьбы Майк был что-то уж слишком пронизательным, и это приводило ее в замешательство и являлось еще одной причиной для того, чтобы покинуть Нью-Йорк и быть как можно дальше от этого человека.

Подстраиваясь под его настроение, она улыбнулась:

— Я буду в белой длинной ночной рубашке...

— Нет, серьезно?

— Я просто пошутила...

— Ладно, даю тебе пятнадцать минут, а затем жду внизу. — Майк направился к двери. На ходу он кивнул на темную мебель, тяжелые занавески и добавил: — Ты не можешь оставаться в этом мавзолее. Нельзя жить в гробнице своего отца.

Он покинул комнату раньше, чем Саманте пришел в голову подходящий ответ.

Саманта провела весь день с Майком.

«Боже праведный», — вначале думала она. Однако с ним было легко.

Он был совсем не такой, как ее отец и муж. И отец, и Ричард мнили из себя больших начальников, и это, возможно, рождало в них гипертрофированное желание порядка и дисциплины. Оба требовали, чтобы все всегда было на месте, причем на том месте, которое они раз и навсегда выбрали. Ричард завел четкий порядок даже в холодильнике, отчего Саманте иногда хотелось просто кричать. С ее тогдашней точки зрения, самым диким и вызывающим поступком было бы положить хлеб на место, отведенное под молоко. Однажды, когда Ричард был в командировке и не ночевал дома, Саманта вытащила все из холодильника и запихнула обратно в полном беспорядке. Она даже положила хлебцы на три разные полочки, что, разумеется, взбесило бы Ричарда. Но, конечно же, она расставила все по своим местам к его приезду.

Майк был не таким, как Ричард или отец Саманты. Кажется, у него вообще отсутствовала приверженность к четким правилам. Он ел не по часам, а когда был голоден. И он мог сам себя накормить! Саманте это казалось чудом. После смерти матери ей пришлось взять бразды правления домашним хозяйством в свои руки. Кормить отца входило в ее обязанности. Она готовила в восемь утра, в полдень и в полседьмого. После замужества это расписание осталось неизменным. Один раз на вечеринке в Санта-Фе кто-то философски задался вопросом, что значит быть богатым. Саманта уже успела выпить пару бокалов вина и была в таком состоянии, когда забываешь свое место и не держишь язык за зубами. Прежде чем кто-то успел сказать слово, она произнесла: «Богатая женщина та, которая, услышав, как мужчина говорит, что голоден, не должна бросаться его кормить. Такая женщина по-настоящему богата». Тогда все за столом одобрительно засмеялись на эту ее реплику, но Ричард был в ярости. Именно после этого случая он завел с ней разговор о ее «тенденции к алкоголизму» и «предложил» ей бросить пить.

Да, Майк был совсем не такой. Кажется, его единственным правилом в жизни было: если нельзя, но очень хочется, то можно. Заметив, что Саманта собирает и аккуратно вешает на плечики его разбросанные где попало рубашки, он выхватил очередную рубашку у нее из рук и швырнул на диван. «У меня есть домработница», — заявил он тогда.

Их совместная работа началась с того, что Саманта подошла к коробкам в углу комнаты и, стесняясь, что ведет себя как настоящая жена, открыла одну. Она вдохнула запах, который современному человеку кажется божественным, — запах винила. Майк засмеялся, заметив выражение ее лица. Это вновь смутило Саманту, но она уже поняла, что Майк в отличие от ее мужа, который считал себя святым и неприкосновенным, нормально воспринимает шутки в свой адрес.

— Новенькая электроника куда лучше пахнет, чем дешевые духи, которые, кажется, ты предпочитаешь, — огрызнулась она, и это опять заставило его рассмеяться.

Полагая, что он намеревается просто сидеть и глазеть, как она подключает компьютер, Саманта попросила его помочь. Он, конечно, даже не подозревал, насколько ей непривычно обратиться к нему с этим. Ее отец и Ричард считали, что существует женская и мужская работа и смешивать их нельзя. В доме в Санта-Фе, где они жили с мужем, все, связанное с компьютерами, было ее обязанностью. Поэтому, как правило, приходя вечером со второй работы, Саманта обнаруживала мужа спящим, а компьютер включенным — и должна была занести в его блок памяти все, написанное мужем за день, а затем отключить.

И теперь Саманте не потребовалось много времени, чтобы подсоединить компьютер, дисплей и лазерный принтер. Чуть больше времени заняли установка программ и введение дополнительных файлов.

Когда компьютер был готов к работе, она предложила ознакомить Майка с основами его пользования. За последние четыре года она многих научила пользоваться компьютером и успела столкнуться с целым рядом самых диких случаев. Была такая дама, которая соединила распечатки на бумаге с гибким диском при помощи степлера, а один мужчина разодрал пластиковый конверт гибкого диска и пытался засунуть тонкую мембрану диска в дисковод.

Но за все четыре года она еще ни разу не встречала человека, которого было бы так сложно научить чему-нибудь, как Майка. Кажется, он был не в состоянии запомнить ничего из того, что она ему говорила. Саманта давно поняла, что главное в обучении — терпение. Но после двух часов обучения Майка она стала выходить из себя.

Ей уже пришлось несколько раз прикрикнуть на него: «Кнопка F7, а не номер семь!» Но, выслушав очередное замечание, Майк вновь нажал на кнопку номер семь, а затем поглядел на нее широко раскрытыми невинными глазами. И тут Саманта почувствовала, что терпение ее кончилось. Она схватила его за горло и начала душить, приговаривая:

— Я сказала, кнопка F7! Слышишь меня? Кнопка F7!

Майк рассмеялся и, обняв ее, увлек за собой на пол. Только тогда Саманта поняла, что он нарочно притворялся таким тупицей, испытывая, насколько хватит ее терпения.

Сердито вырываясь от него, она думала: ну почему он всегда так хочет ее разозлить?

— Ну перестань, Сэм! — примирительно сказал он. — Не смотри на меня так.

Внутренний голос подсказывал Саманте, что самое лучшее — это встать с пола, подняться к себе и начать читать книгу. Но, вопреки своему желанию она посмотрела на сидящего на ковре Майка и улыбнулась:

— Ты знаешь за собой такую особенность — можешь вывести из себя кого угодно.

В ту же секунду он поцеловал ее в шею и, прежде чем она успела возмутиться, как ни в чем не бывало предложил:

— А что, если я тебе дам несколько карточек, которые я написал по моей работе, а ты напечатаешь это на своей машине?

— Понятно. Я буду делать всю работу, а ты поживать на лаврах.

— Все, что у меня есть, я готов разделить с тобой, — мягко возразил он, подчеркивая каждое слово. Саманта досадливо отпихнула его.

— Отстань. Давай лучше я войду в нужную базу данных и начну заносить в компьютер необходимую тебе информацию.

И тут же, взглянув на его лучащуюся самодовольством физиономию, поняла, что он достиг своей цели — приобрел секретаршу.

Однако час спустя она уже не возражала против этой роли. То, что Майк ей дал занести в компьютер, было очень интересно. Он выписал почти сто страниц информации о различных гангстерах, которые имели хоть какие-то дела с Тони Бэрретом. Саманта с интересом ознакомилась с такими кличками, как «Ноготок», «Жаба-попрыгунчик», «Бешеная собака», «Официант», «Джо Полруки», «Кровавый жучила».

Чем больше она читала, тем больше ее одолевали мысли о Тони Бэррете, который мог быть ее кровным дедушкой.

Но в этих заметках о нем было очень мало информации. Когда она спросила, отчего это, Майк вместо ответа вручил ей другие заметки — и, начав печатать, она поняла, что речь идет о кровавой бойне 12 мая 1928 года.

Суть заключалась в том, что самый крупный гангстер в Нью-Йорке стал беспокоиться по поводу возрастающего влияния Бэррета и решил убрать его и его людей. И, кажется, никого не волновало, что во время неудавшегося покушения на Бэррета под автоматным свинцом погибло вместе с гангстерами много невинных людей.

Саманта читала об этой страшной ночи со все возрастающим чувством отвращения.

— Мне это не нравится, — проговорила она, отодвигая записки.

— В этот день Макси сбежала от Бэррета. — Майк нахмурился. — Тебе что, в самом деле неинтересно, почему?

— По-моему, все достаточно просто. Даже если она и любила Бэррета, она не желала принимать участие в таком ужасе, как эта бойня. И ушла.

Майк на мгновение задержал на ней пристальный взгляд, потом неопределенно качнул головой и предложил перекусить. Она согласилась, он позвонил в гастрономический магазин и заказал бутерброды с салатом из тунца. Когда заказанное принесли, Майк и Саманта решили поесть в саду.

— Как умерла твоя мама? — внезапно спросил Майк, как только они сели за садовый столик.

— Я убила ее, — произнесла Саманта, не успев подумать, потом покраснела и отвернулась. Ее беспокоило, что он так просто вытягивает из нее то, что она не хотела бы рассказывать, и раздражала та легкость, с которой она сама раскрывалась перед ним. — Конечно, не буквально. Просто тогда мне так казалось. Детские выдумки. — Саманта впервые пыталась поделиться с кем-то этой тайной, терзавшей ее с самого детства.

Майк молча смотрел на нее и ждал.

— Тогда мне было двенадцать лет, и Джейн Майлс пригласила меня на день рождения. Для меня это было очень важно. Джейн пользовалась самой большой популярностью в школе, и на ее вечеринку должны были прийти мальчики. Но мама не хотела меня пускать и сказала, что я еще не доросла до мальчиков. Я очень рассердилась и заявила, что она просто не хочет, чтобы я выросла. Мама ответила, что я права, и, если бы это зависело от нее, я навсегда осталась бы двенадцатилетней. — Саманта пыталась рассказывать увлекательно и непринужденно, чтобы Майк не понял, какие мучительные переживания вызвала в ней смерть мамы, что она тогда испытала и продолжает испытывать по сей день. По большому счету, она вообще не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, как изменилась ее жизнь, весь мир вокруг нее после этого рокового дня. Саманта набрала полную грудь воздуха. — В конце концов мама согласилась, но, когда настало время забрать меня из школы и отвести на праздник к Джейн, она за мной не пришла. Я ждала, ждала, а ее все не было. Я, помню, разозлилась. Когда вышел директор школы, чтобы отвести меня домой, я в ярости мерила шагами школьный двор, давая себе обещания больше никогда в жизни с мамой не разговаривать.

Майк смотрел, как рука Саманты сжимает бутерброд с такой силой, что между пальцами

выдавился рыбный салат.

Она заметила его взгляд, увидела испорченный бутерброд, бросила его и вытерла руку салфеткой.

— Мама так торопилась отвести меня на праздник, что перебежала дорогу перед самым носом автомобиля. Он сбил ее. Она умерла на месте.

— Сэм! — Майк хотел дотронуться до нее, но она отодвинулась.

— Знаешь, она так спешила, что где-то по пути обожгла руки и ноги. Получила ожог третьей степени. Если бы она пошла к врачу... Но она думала только о том, как отвести дочку на праздник... Это был очень важный праздник, — произнесла Саманта после небольшой паузы. Ее губы перекошились.

— Может, это была подстроенная автокатастрофа? — быстро спросил Майк. Он не хотел, чтобы Саманта копалась в своих воспоминаниях, но у него должна была сложиться правильная картина событий.

— Боже сохрани! Конечно, нет. — Она попыталась выдавить из себя улыбку. — Ее сбил какой-то приезжий, из штата Огайо. Он сам ужасно переживал, что так случилось. Он пробыл в Луисвилле еще две недели после маминой... смерти. Навещал нас с отцом. Даже показывал фотографии своих детишек.

— Саманта, — прошептал Майк, — мне очень жаль...

— Спасибо, — тоже шепотом ответила Саманта. — Это было очень давно, и я пережила это. Люди способны многое пережить.

— Даже своих мужей? — попытался пошутить он, но она не улыбнулась.

— Можно пережить, когда мужа изменяют тебе, можно пережить смерть матери и отца, можно пережить, когда тебя бросает бабушка. Можно даже пережить, когда твой отец не уверен в тебе и свое завещание сопровождает всякими оговорками. Я нахожу, что человек способен пережить практически все.

Она встала из-за стола и направилась к дому, но Майк ее остановил.

— Сэм, — мягко сказал он, положив ей руки на плечи и повернув к себе лицом, — если тебе нужно выговориться, я всегда в твоём распоряжении.

Она спокойно отстранилась.

— Говорить в общем-то не о чем. Я могу рассказать не больше, чем любой другой простой человек. Правда, мне пришлось пережить много смертей близких мне людей и к тому же развод, потребуется время, чтобы отойти от всего этого. — И уже повернувшись, чтобы уходить, добавила: — Если у тебя есть еще записи, приноси. Я напечатаю.

Майк глядел ей вслед, нахмутив брови. Кажется, несмотря на все старания, он так и не сумел найти ключ к этой женщине. Однако несколько раз он все-таки видел настоящую Саманту, скрывающуюся под маской холодной, спокойной, уравновешенной особы, всегда контролирующей свои чувства, — маской, которую она выставляла напоказ миру. Когда он ее целовал, перед ним открывалась женщина, полная страсти. Когда удавалось ее рассмешить —

милая, веселая женщина, обладающая чувством юмора. А если она выпивала лишнего, он видел озорную девчонку, способную дразнить и едко подшучивать. Но это всегда длилось очень недолго. После каждого такого всплеска Саманта вновь брала себя в руки. Она вела себя как черепаха, однажды подвергшаяся нападению и потому не вылезаящая из своего панциря. Но время от времени она высовывала свою уязвимую голову, чтобы оглядеться вокруг, и тотчас прятала ее обратно.

Ее отец говорил, что подросток Саманта очень отличалась от Саманты-ребенка. Лицо Дейва неизменно озарялось улыбкой, когда он вспоминал маленькую Саманту, это истинное наказание, получившее прозвище Сэм: она лазила по деревьям, никого и ничего не боялась, а язычок у нее был острый, как бритва. Мать не имела с ней ни минуты покоя.

Да, эта маленькая девчушка разительно отличалась от той Саманты, которую он знал. Но временами вдруг какое-то слово, жест или улыбка... И тогда Майку неудержимо хотелось проникнуть глубоко в ее душу, чтобы найти того очаровательного бесенка по прозвищу Сэм. Он заулыбался, вспомнив, как сегодня утром Саманта начала его душить за проявленную тупость. На самом-то деле он вовсе и не собирался учиться пользоваться компьютером, иначе он потерял бы предлог находиться рядом с Самантой. А он хотел быть с ней рядом. Узнать эту женщину — вот что стало сейчас самой главной целью его жизни. Пока же, на данном этапе, ему нужно было сделать все, чтобы она не покинула этот дом после встречи с Бэрретом, до которой оставалось всего два дня. Майк чувствовал, что если она уйдет теперь, он больше ее никогда не увидит. А ему даже думать не хотелось, что будет, если он больше не увидит Саманту.

— Сэм, погоди! — Крикнул он на ходу, рванувшись за нею в библиотеку. — А ты знаешь, что Макси была певицей? Она пела блюзы.

Глава 9

— У меня сегодня свидание, — объявил Майк Саманте. Он смотрел на нее выжидающе, и стало ясно — нужно как-то отреагировать. Однако она не знала как.

— Это приятно. Встречаешься с одной из девушек, которые были тогда с Дафнией?

— Нет, ты с ней не знакома.

Его темные глаза заморгали часто-часто. Пристально наблюдая за ее реакцией, он продолжал:

— Она певица из хора. И танцовщица. Ноги там, и всякое такое...

— Я рада, что у нее есть ноги. Особенно, если она танцовщица.

Судя по выражению лица, ответ Майка разочаровал.

— И что же ты будешь делать, пока меня не будет? Спать?

— Ты можешь сколько угодно настаивать на своих домыслах, будто я на грани помешательства и мне необходим твой постоянный надзор. На самом деле это не так. Скорее всего я займусь тем, что вымою голову и буду смотреть телевизор. Если, конечно, это получит одобрение со стороны моего опекуна, — ядовито добавила она. Саманта уже откровенно насмеялась над Майком, понимая, что он хочет пробудить в ней ревность. Однако, по правде говоря, она абсолютно не могла отнестись серьезно к его свиданию с этой длинноногой девицей.

Не ревность, а интерес возник у нее. Она прекрасно знала, что ему не нравятся те женщины, которые приезжали с Дафнией, и ей хотелось узнать — а какого же типа женщины действительно нравятся ему? Скорее всего, высокие шлюхи с большой грудью, подумала она. Большая грудь, длинные ноги и никаких мозгов.

— Ну и хорошо, — проворчал он. — В любом случае мне кажется, что тебе не стоит выходить одной вечером.

— Конечно, нет. И никому незнакомому я дверь открывать не стану, сколько бы он ни обещал мне за это конфеток. Впрочем, если это будет целая большая коробка настоящих карамелек, облитых шоколадом... Я, не задумываясь, стану принадлежать тому мужчине, кто предложит мне карамельки!

Было очевидно, что Майк не находит ее словесные упражнения смешными. Он действительно расстроился, что она его не приревновала.

— Майк, — сказала Саманта улыбаясь. Пожалуй, она была даже польщена. Ей нравилось это его желание, чтобы и она испытывала к нему такие же собственнические чувства, как он к ней. — Иди. Иди же на свое свидание. Со мной все будет хорошо. Ничего со мной не случится, и я ничего патологического делать не стану. Так что не стоит из-за меня нервничать. Иди. Желаю тебе хорошо провести время.

Майк не доверял ее словам и оттого медлил с уходом. Если бы эта встреча не имела для него такого большого значения, он бы совсем не пошел на нее.

— Хорошо. Я иду. Но запри дверь.

Саманта отрицательно покачала головой, но, когда он ушел, все же закрыла дверь на задвижку. Она обернулась, и дом показался огромным и немного страшным без Майка. Саманта задернула занавески; было так тихо, что когда с Лексингтон-авеню раздалась сирена проезжающей машины, то она даже подпрыгнула. А когда раздался звонок в дверь, у нее вообще чуть душа не вышла вон. Правда, она тут же сама посмеялась над своим страхом, подождала немного, чтобы успокоилось сердцебиение, и подошла к двери. Открыла небольшую смотровую панель и выглянула на улицу.

Перед дверью стоял человек. Высокий, широкоплечий, темноволосый. Очень привлекательный мужчина.

— Майк дома? — спросил он.

— Дома. Но в данную минуту он занят, — осторожно ответила Саманта. Если этот симпатичный человек преступник, тогда понятно, почему в Нью-Йорке такой высокий процент жертв преступности.

— Вы не могли бы передать ему, что его хочет увидеть Рейни. — И поскольку Саманта на это никак не прореагировала, он добавил: — Рейни Монтгомери, его кузен.

— А-а! Простите, а у вас нет никакого удостоверения личности?

Саманта внимательно наблюдала, как он достал свой бумажник из внутреннего кармана пиджака, вынул водительское удостоверение и протянул его к окошечку. Судя по документу, это действительно был Рейни Монтгомери, тридцати лет.

— На самом-то деле Майка нет дома, — сказала она, открывая дверь. — У него была назначена встреча, и он ушел несколько минут назад.

Мужчина улыбнулся, и она улыбнулась ему в ответ. Он очень отличался от Майка: все, что у них было общего, — это темные волосы. Майк постоянно весь был в движении, как огонь, в то время как этот человек выглядел тихим и загадочным.

— Это неважно, так как я пришел познакомиться с вами. Если, конечно, вы и есть Саманта.

— Да, это я, но как?..

Он вновь заулыбался, и Саманта вновь ответила ему улыбкой, на сей раз еще более доброжелательной.

— Мама Майка позвонила мне из штата Колорадо и попросила на вас взглянуть. Он упомянул о вас в разговоре с ней, и тетя Пэт хотела, чтобы я убедился, не являетесь ли вы «искательницей золотой жилы».

Его откровенность обезоруживала.

— Вы не заглянете? — Саманта сделала приглашающий жест в сторону гостиной.

— Нет, благодарю, лучше воздержусь. Это не совсем...

— Прилично? — спросила она. Да, Майк говорил правду: его родственники Монтгомери и впрямь имеют хорошие манеры. Вот перед ней стоит вполне современный человек, беспокоящийся о том, что прилично, а что нет. Зато Майка Таггерта, кажется, совсем не волновало такое понятие, как приличие, иначе он бы не проводил бы по полдня, разлегшись — без приглашения и без малейшего поощрения — на Самантиной кровати.

— Я вернусь, когда здесь будет Майк. Однако я позвоню тете Пэт сегодня же вечером и сообщу, что она может успокоить свою душу и что вы совсем не то, что она думает, а, напротив, необыкновенно порядочная и чрезвычайно красивая юная дама.

Зардевшись от этих слов, Саманта проводила его к выходу.

— Майк наверняка очень расстроится, что не встретился с вами.

Мужчина, уже шагнувший на лестницу, искренне расхохотался, и Саманта поняла, что он прекрасно знает, как относится Майк к своим родственникам. Затем он обернулся к ней:

— Вы сказали, Майк на свидании. Простите, но я думал... Вернее, я так понял, что вы и Майк как бы вместе живете.

— Возможно, у миссис Таггерт и сложилось такое впечатление из разговора с Майком. — Саманта решила сразу расставить все точки над «i». — Но в действительности я всего лишь снимаю здесь квартиру. Два верхних этажа дома.

Глаза Рейни радостно засияли.

— В таком случае, может быть, вы не откажетесь встретиться со мной завтра, во второй половине дня? Мы могли бы пойти в парк, поесть мороженого и поглядеть, как играют детишки.

Саманта еще никогда в жизни не получала такого романтического приглашения.

— Я с удовольствием пойду с вами, — искренне ответила она.

Улыбаясь, Рейни глядел на нее так, будто ничто на свете не могло обрадовать его больше, чем ее согласие.

— Тогда завтра в два, — кивнул он и спустился по лестнице.

Она все еще стояла в дверном проеме, глядя ему вслед, когда он обернулся.

— Какого цвета вы предпочитаете воздушные шарик?

— Розового, — засмеялась она.

Он помахал на прощание и зашагал вниз по улице.

Саманта зашла в дом и заперла дверь. Какой замечательный человек, думала она. Удивительно милый, чудный человек. Она отправилась наверх мыть голову, все еще улыбаясь.

— Монтгомери! — заорал Майк, когда узнал от Саманты о предстоящем свидании. — Этот проклятый Монтгомери «нос по ветру»! И ты собираешься пойти с этим...

— Прекрати, — закричала в ответ Саманта, — я тебе тысячу раз повторяла, что я вправе распоряжаться своей жизнью как пожелаю, и это не твоё дело. Я твоя жилищка, и больше ничего. Твоя жи-лич-ка! А ты — а-рен-да-тор, и все! Я тебе не принадлежу, и у тебя нет права приказывать, что мне делать.

— Но Монтгомери! Ты же не можешь...

— Насколько я могу судить, — заявила она, глядя на него в упор, — Рейни Монтгомери очень хороший человек. Он...

— Ты о нем ничего не знаешь, — отрезал он с таким видом, будто владел страшной тайной относительно своего родственника.

— Все, что я знаю, — это что у него хорошие манеры, чего совершенно нельзя сказать о тебе. — Она замолчала и тяжело вздохнула. — Ну, если честно, ты можешь сказать хоть что-нибудь плохое об этом человеке? Он что, какой-нибудь преступник? Может, он женат? Может, у него есть какие-то дурные привычки?

— Он — совершенство, — процедил Майк, весь трясаясь от злости. Никогда в жизни его так не предавали. Только за последние несколько дней он потратил на ухаживание за Самантой столько сил, сколько ни на одну другую женщину. И что же? Девушка в лавке на углу и то была более любезна с ним, чем Саманта!

Видя его гнев, она в отчаянии всплеснула руками.

— Послушай, я ничего не понимаю! Вчера вечером у тебя было свидание. Почему же для тебя это нормально, а для меня нет?

— Потому что мое свидание было в доме для престарелых с восьмидесятишестилетней «девушкой». Я узнал, что она когда-то работала в ночном клубе, где пела Макси. Помнишь

такую Макси? Это твоя бабушка. Я потратил весь субботний вечер на беседу со старухой, которая не может вспомнить, кто она такая, не говоря уже о том, что произошло в 1928 году, а ты в это время в моем собственном доме флиртовала и только Бог знает, что еще, с одним из этих проклятых Монтгомери!

— Ты знаешь, что ты болен? Тебе нужно посетить врача, — она отвернулась и направилась к лестнице. — Мне кажется, Рейни пунктуален. Я спущусь ровно в два часа.

Саманта была расстроена и обижена. Интересно, какому-нибудь мужчине когда-либо приходило в голову, имеет ли он право выказывать свой гнев? Она, Саманта, за всю свою взрослую жизнь ни разу не проявляла свое возмущение, прежде не спросив себя, имеет ли она на это право. Если исходить из элементарной логики, Майк вовсе не должен был беситься из-за свидания Саманты с другим мужчиной. Она взрослая женщина. Она свободна. Между ней и Майком нет никаких романтических отношений. Так чего же он бесится?

Она просто заскрежетала зубами. Впервые ей ужасно захотелось узнать, что же происходит в голове у этого типа.

Внезапно она опомнилась. «Прекрати», — строго велела она себе. Смешно сердиться на человека, который так мало для тебя значит. Удивительное дело, Саманта не была так сердита ни на мужа, когда узнала о нем всю правду, ни на отца после оглашения его завещания. Она хорошо помнила, как, узнав об условиях получения завещанных денег, она почувствовала нестерпимое желание кинуть что-нибудь тяжелое в окно, однако сумела все же себя сдержать.

А вот Майк мог заставить ее бросать вещи в окно. Или начать рвать голыми руками на кусочки толстые телефонные книги.

С силой распахнув дверцы шкафа, она взглянула на дивные вещи, висящие там, дотронулась до рукава мягкого, желто-розового жакета. И на нее нахлынули воспоминания о том, насколько хорош был Майк, когда они покупали одежду. Господи, какой же он разный! С одной стороны, сама любезность и непосредственность, с другой — человек, способный только приводить в ярость и раздражать. Порой ей хотелось сесть ему на колени, тесно прижаться и выплакать ему в плечо все то, в чем нельзя никому открыться; а иногда хотелось огреть его по голове топором, да так, чтоб у него не осталось никаких шансов...

Ну, что бы там ни было, думала она, будет лучше для них обоих, если она немедленно уедет после встречи с Бэрретом. Во всяком случае, в ее жизни и так слишком много суматохи, чтобы еще продолжать жить в доме, где нужно воевать с хозяином.

Глава 10

Открыв дверь своему родственнику Рейни, Майк продолжал держаться за ручку, не пропуская его внутрь.

— Если ты до нее дотронешься, Монтгомери, то больше никогда не будешь способен исполнять мужские функции.

Рейни кивнул головой, даже не пытаясь улыбнуться, всем своим видом показывая, что ему ясны претензии Майка на Саманту.

Майк развернулся и ушел. Для него было бы невыносимо видеть, как Саманта улыбается другому мужчине. Но, несмотря на это, как только захлопнулась дверь за Самантой и Рейни, он

вдруг как-то оказался рядом с окном и провожал их взглядом, пока они направлялись в сторону Центрального парка. Маленькая изящная фигурка Саманты никак не сочеталась с высокой и худой фигурой его родственника.

Майк резко отвернулся от окна, переполненный чувством отвращения. Он ненавидел себя. Возможно, Сэм права и он действительно шизанутый. Никогда прежде он так не страдал от ревности. И, по правде говоря, вовсе не был в восторге от этого нового чувства. К тому же ему самому было непонятно, почему он так ревнует. Саманта не давала никакого повода думать, что ее сердце принадлежит ему.

Оправдываясь перед собой, Майк подумал, что это отец Саманты дал ему повод так относиться к ней. Ведь перед кончиной он просил Майка позаботиться о своей драгоценной дочери. До сих пор Майк явно плохо справлялся с возложенными на него обязанностями, но с этого момента решил наверстать упущенное.

Вздыхнув, он подумал о предстоящем одиноком вечере. Кто же будет радоваться доставленной из гастрономической лавки нехитрой трапезе? Кто будет задавать ему всякие вопросы и интересоваться его исследованием? Кто будет вдыхать аромат роз в саду? Кто втихомолку будет разглядывать его с головы до ног?

В тот самый момент, когда Майк уже собирался отойти от окна, он заметил, что какой-то человек появился из тени дома на противоположной стороне улицы и медленно пошел в сторону парка. В Нью-Йорке народ был повсюду, но этот человек обратил на себя внимание Майка. В первую очередь, потому, что он и вчера видел его на том же самом месте. Кроме того, спортсмен с накачанными мышцами под рубашкой всегда бросается в глаза другому спортсмену. Этот человек был из тех, кто не может из-за выпирающих мускулов прижать руки по швам, но было очевидно, что он не станет задумываться, с какой стороны подойти к штанге.

Майк открыл окно и высунул голову на улицу. Понаблюдав за неизвестным несколько мгновений, он интуитивно понял, что тот преследует Сэм и Рейни.

Не теряя ни минуты, Майк тут же выскочил на улицу и проследовал за ним через Парк-авеню, Мэдисон-авеню, затем по Пятой авеню прямо к Центральному парку. В парке Майк увидел, что человек спрятался за памятником генералу Шерману, когда Рейни остановился купить Сэм мороженого и пару воздушных шариков.

На секунду Майк перевел взгляд на Сэм, которая глядела на его долговязого родственника глазами, полными сентиментальности. Можно было подумать, что она никогда не получала подарка лучше, чем это полурастаявшее мороженое и дрянные воздушные шарики. А этот болван Рейни скорчил при этом такую гримасу, будто только что вручил Саманте по крайней мере отрубленные драконьи головы.

— Боже ты мой! — прошипел Майк с раздражением.

Парочка отправилась дальше, даже не думая о том, что кроме них существует кто-то еще. Тем временем Майк выжидал, пока преследователь сделает первый шаг. Этот человек особо не скрывал своих намерений и в определенный момент даже обогнал парочку, сел на скамейку и смотрел, как они проходят мимо.

Майк старался себя не обнаружить — ведь незнакомец следил за домом и тотчас узнает его, если заметит.

Следующие сорок пять минут человек ни на шаг не отступал от Саманты и кузена, а Майк

продолжал наблюдать. Нужно отдать должное Рейни — он ни разу не попытался дотронуться до Саманты, но каждый раз, когда Саманта одаривала это «чучело» улыбкой, у Майка возникало желание размозжить родственничку череп. Был такой момент, когда парочка остановилась у детской площадки, и Майк понял, что его сейчас просто стошнит. Ловко схватив одной рукой качели, Рейни помог Саманте взобраться на сиденье, как если бы она была инвалидом, и начал слегка раскачивать. А Сэм смеялась, будто это был предел наслаждения, а ее ухажер совершил великий подвиг.

— Нужно было его убить еще тогда, летом, когда нам было по двенадцать, — проворчал про себя Майк.

Однако кое от чего он получил подлинное наслаждение. Например, когда Саманта начала слезать с качелей, Рейни протянул руку, чтобы помочь, но она не дала до себя дотронуться.

— Не я один, — с удовлетворением констатировал Майк.

После качелей последовал детский лабиринт с его зигзагообразными проходами. Майк каждый раз выходил из себя, когда Саманта и Рейни исчезали из поля зрения. Потом Рейни остановился, чтобы поднять баскетбольный мяч и бросить его назад детишкам, а Сэм оказалась немного в стороне. И тут Майк понял, что потерял из вида преследовавшего их человека. Переключив все внимание на то, дотрагивается ли его костлявый кузен до Саманты, он позабыл истинную причину, заставившую его стать частным сыщиком.

Майка охватила паника. Он почувствовал, что происходит что-то неладное. Куда пропал этот человек? Кто он такой?

Внезапно у него перехватило дыхание. Он увидел, что Саманта стоит в тени деревьев, наблюдая с умильной улыбкой на лице, как Рейни подает мяч, а сзади медленно и без шума спускается к ней с горки преследователь.

Майк побежал. Он пробежал прямо по расстеленной на земле скатерти с едой, чем крайне возмутил расположившуюся вокруг компанию. Перемахнул через скамейку, изумив и напугав сидящих на ней. Он бежал до тех пор, пока просто не врезался в преследователя и не сбил его с ног, навалившись на него всеми своими девяноста килограммами мускулов. На несколько мгновений они исчезли в тени деревьев. Человек яростно сопротивлялся, но исход борьбы не вызывал сомнений. Майк был намного сильнее и вскоре уложил его на обе лопатки.

— Кто ты? — прохрипел Майк, прижимая противника к земле. — Что тебе надо?

Тот молчал, и на лице его было написано, что он лучше погибнет, чем произнесет хоть слово. Внезапно Майка осенило. Кажется, он сам знал ответы на интересующие вопросы.

— Тебя прислал Бэррет. Так?

По чуть заметному блеску в глазах преследователя Майк понял, что прав.

— Зачем? — искренне не понимая смысла затейного, спросил он. — Он что, хочет побольше узнать о своей внучке?

Но ответа он так и не получил. Воспользовавшись минутным замешательством, человек схватил камень и ударил им Майка по голове. От резкой боли и неожиданности у него потемнело в глазах. Этим тут же воспользовался его соперник и быстро исчез. Какое-то мгновение Майк сидел на земле, обхватив раненую голову и плохо соображая, что происходит.

— Майк Таггерт! Как ты мог так поступить? Ты что, шпионил за мной?

Он взглянул вверх и увидел, что над ним нависла Саманта, уперев руки в бока. Ему показалось, что лицо у нее ужасно злое, но тут в глазах все поплыло, так что он рассмотреть ее не успел.

— Это явный перебор, — бросила она и начала взбираться на холм.

Майк заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд. Перед его носом оказался платок, он взял его и прижал к тому месту на голове, откуда исходила боль.

— С тобой все в порядке?

Он узнал голос своего родственника. Майк попытался встать и почувствовал, как его крепко взяли под руку.

— Майк?

— Все нормально, — умудрился произнести Майк, с трудом поднявшись на ноги, прижимая платок к темени и чувствуя, как теплая кровь струится через волосы.

— Может, ты мне скажешь, что произошло?

— Нет, — отрезал Майк, не глядя на кузена. — С Самантой все в порядке?

Рейни взглянул на залитую солнцем площадку, где Саманта наблюдала за игрой детей.

— С ней все нормально. А что, есть основания полагать, что может быть иначе?

— Не знаю. Не думаю, что кто-то желает ей вреда. Для этого просто нет причины. Но ты присмотри за ней, ладно?

Рейни кивнул. Майк прошел через заросли и направился к выходу. Споткнувшись о валун, он с трудом удержался на ногах. Рейни проводил его взглядом, потом подошел к Саманте и сказал, что ему нужно позвонить. Насколько он знал Майка, тот никогда не обратится к врачу по поводу расшибленной головы, и Рейни решил сам вызвать врача на дом к своему непредсказуемому родственнику.

Глава 11

Полтора часа спустя Саманта вошла в дом Майка. К этому моменту она просто кипела от раздражения. У нее было больше чем достаточно времени, чтобы поразмышлять над этой выходкой с преследованием. И теперь она окончательно решила как можно быстрее покинуть Нью-Йорк. Завтра днем она вместе с Майком посетит престарелого гангстера, а послезавтра утром сядет в самолет и улетит.

По дороге к дому Саманта почти не замечала сопровождавшего ее Рейни, думая только о том, как выскажет Майку все, что у нее наболело. Правда, подойдя к входной двери, она вежливо поблагодарила Рейни и даже протянула ему руку на прощание. Вместо рукопожатия тот мило и со знанием дела поцеловал ее. В другой раз Саманта была бы польщена таким вниманием и галантностью, но сейчас все ее мысли были сосредоточены на том, как бы побыстрее добраться до Майка и высказать ему, какой он наглец, шпик и вообще отвратный тип.

Распрощавшись с Рейни, она отперла замок входной двери, и ее руки сжались в кулаки. Саманта была готова к предстоящему скандалу и про себя репетировала, как выскажет ему все

и потребует, чтобы он извинился и никогда больше не делал ничего подобного. Хотя она вовсе не собирается предоставлять ему возможность исправиться. Через два дня ноги ее здесь не будет. Но тем не менее она намеревалась объяснить ему, насколько по-идиотски он себя вел.

В доме было тихо, даже слишком тихо. Майк всегда производил очень много шума, поэтому тишина насторожила Саманту. Она прошла в сад, затем заглянула в библиотеку, где он часто сиживал за своей старомодной пишущей машинкой, потом на кухню... в гостиную... Майка нигде не было. Саманта недовольно намурила брови. Она никак не думала, что он уйдет, не дождавшись ее прихода.

Когда она уже покидала гостиную, ей показалось, что до нее донесся какой-то звук. Она вернулась и обнаружила Майка спящим на диване.

— Майк Таггерт, — начала свою тираду Саманта, — я хочу с тобой серьезно поговорить по поводу...

Но ей пришлось остановиться, потому что Майк продолжал спать. Однако поза, в которой он распластался на диване, говорила, что он не просто спит. Он был без рубашки и ботинок, штаны заляпаны грязью и все в пятнах от травы.

— Майк, — позвала Саманта. Но он никак не прореагировал на ее голос. Она подошла ближе, наступив на рубашку, брошенную прямо на полу. По привычке нагнулась, подняла ее и увидела на ней пятна крови. Высохшие пятна темнели на воротничке и правом плече.

Саманта повесила рубашку на спинку стула, затем наклонилась к Майку.

— Майк, — прошептала она и осторожно коснулась его голого плеча, но он не шелохнулся. На столике у дивана стояла темная баночка с лекарством. Саманта взяла ее, чтобы прочитать название. Она слышала об этом препарате. Это было обезболивающее и сильный наркотик.

Она взяла Майка за подбородок и повернула к себе лицом. Только сейчас она увидела на правой стороне его головы большой белый пластырь. Ошеломленная и даже испуганная тем, что увидела, она плюхнулась на пол рядом с диваном и тяжело вздохнула.

— Ох, Майк, что ты натворил!

Саманта представила себе, как он преследует ее по парку, одержимый навязчивой идеей, падает и расшибает себе голову о валун.

Его передернуло во сне, рука упала с дивана и оказалась прямо перед Самантой. Она попыталась поднять руку и положить ему на грудь, но диван был явно мал для Майка. Тогда у нее мелькнула мысль: что может быть более привлекательным, чем здоровый мужчина, временно ставший беспомощным? Стараясь не думать о последствиях, Саманта дотронулась до его лица, провела пальцами по жестким волосам на висках. Внезапно ее охватило безудержное желание забраться на диван и прижаться к Майку. Он находится в наркотическом сне и никогда не узнает про то, что она сделала. А она хоть на минуту испытает замечательное чувство близости с живым существом.

Когда его вновь передернуло, он почти упал с дивана, навалившись при этом всем телом на Саманту. Если она сделает хоть одно движение, Майк окончательно грохнется на пол, а если нет — сама сломается под этой тяжестью.

— Майк, — позвала она, потом повторила громче: — Майк!

Саманта попыталась спихнуть его с себя, но это ей не удалось.

— Майк! — закричала она, толкая что было сил.

Чуть приоткрыв глаза, он увидел ее и улыбнулся.

— Сэмми! — ласково и мечтательно произнес он и запустил свою мощную пятерню в ее кудрявые волосы.

— С тобой все в порядке, Майк? — но дальше разговаривать было бессмысленно — он вновь заснул, все еще наполовину лежа на диване, а наполовину свисая с него и опираясь на Саманту.

— Майкл Таггерт, — взвизгнула она, — проснись же!

Он неохотно вновь открыл глаза и захлопал ресницами.

— Ты меня задавишь! — сказала она.

Дремотно улыбаясь, он потянул ее на диван и уложил сверху. И чувствуя себя вполне уютно, опять заснул.

Какое-то время Саманта так и лежала, прижавшись щекой к его оголенной груди. Сколько же времени прошло с того момента, когда кто-то обнимал ее. Некоторое время после свадьбы ее муж делал вид, что она любима и желанна. Но его притворство вскоре закончилось. Уже через четыре месяца они жили почти как соседи — если говорить о физической близости.

Теперь ей хотелось бы пролежать так всю жизнь, но мешала рука Майка, которая уже обнимала не спину ее, а бедра. Очевидно, он не был в таком уж глубоком сне.

Она ткнула его своими острыми локтями в ребра изо всех сил.

Майк проснулся, хрюкнув и насупившись, но, когда увидел Саманту, лежащую на нем, его лицо расплылось от удовольствия.

— Ох... Сэмми, — проговорил он, обхватив ее голову, чтобы придвинуть к себе для поцелуя.

Саманта резко отвернула голову вбок, чтобы его губы не дотронулись до нее, и вновь вонзила локти в его ребра.

Когда Майк вскрикнул от боли, она быстро скатилась с него, а он, пытаясь ее поймать, сделал прыжок, который окончился плачевно: он лишь свалился со стоном на пол, от чего дом заходил ходуном.

Он лежал на полу и моргал, уставившись на нее бессмысленным взглядом наркомана.

— Майк, — вкрадчиво начала она, прилагая все свое умение, чтобы голос не выдал ее истинные чувства, неудержимое желание быть с ним, дотрагиваться до него, — мне кажется, что тебе нужно отправиться в кровать. Кушетка явно мала, чтобы тебе на ней спать.

Он закрыл глаза.

— Майк, — вновь обратилась к нему Саманта, — тебе нужно встать.

Когда в ответ он даже не пошевелился, она начала пятиться, но тут он схватил ее за лодыжку.

— Помоги мне встать, — произнес он слабым голосом заброшенного всеми человека.

Она была абсолютно убеждена, что ему вовсе не нужна помощь, чтобы подняться. Но все же не могла позволить ему заснуть на полу. Конечно, он шпионил за ней сегодня, но, может, на то у него были причины. Может, он считал, что его родственник принесет ей беду. Майк не переставал говорить, что обязан заботиться о ней. Может, в его понимании сегодняшняя слежка в парке является частью этой заботы.

Наклонившись, она положила его руку себе на плечи и помогла ему встать. Потребовалось достаточно много времени, чтобы поставить его на ноги, и еще больше, чтобы помочь ему забраться по лестнице в спальню.

Добравшись до спальни, он снял штаны и носки и залез в постель. Саманта вернулась, но в спальне было зеркало, и так уж случилось, что она увидела его хлопчатобумажные голубые трусы и успела заметить, как его бедра круто переходят в ягодицы и что они совсем не волосатые.

Его глаза закрылись, как только голова коснулась подушки. Саманта не смогла удержаться, чтобы не поправить на нем одеяло.

— Не уходи, — прошептал Майк, когда Саманта повернулась, чтобы выйти из комнаты.

— Тебе нужно спать. Эти таблетки сшибают с ног слона.

Он улыбнулся, не открывая глаз.

— Ты получила удовольствие от свидания?

Он старался, чтобы этот вопрос прозвучал нейтрально, вроде как вежливое проявление интереса к ее здоровью. Но Саманту он не обманул.

— Мы отлично провели время. Рейни самый обаятельный и красивый мужчина из всех, с кем я была знакома. Я согласилась родить ему ребенка.

Глаза у Майка буквально вылезли на лоб. С выражением отчаяния он приподнялся, затем опять уткнулся в подушку.

— Ты жестокая женщина. Подойди сюда и присядь рядом. Расскажи мне что-нибудь.

Саманта чувствовала, что ей следует держаться подальше от него. В конце концов, через какие-то несколько часов она покинет этот дом, и не было резона привязываться к его хозяину больше, чем сейчас. С другой стороны, совершенно очевидно, что он раскроил себе голову из-за своего рыцарства.

Она присела на краешек кровати, как можно дальше от его теплого, сонного, почти голого тела.

— Какую же историю ты хочешь услышать?.. Про шпииков?

Он, не открывая глаз, отпарировал:

— Расскажи мне одну из твоих любимых историй про то, как ты не выносишь мужиков и

замужество.

Саманта рассмеялась, а через мгновение уже вдохновенно импровизировала:

— Я прочла книгу, главная мысль которой заключалась в том, что основная причина разводов в Америке — рутина домашней работы. Жены должны весь день проводить на службе, а затем, не ожидая никакой помощи от мужа, взваливать на себя еще и всю работу по дому. Изучая многие годы эту проблему, автор — между прочим, дама! — пришла к выводу, что современные женщины выходят замуж, рожают двоих или троих детей, а затем разводятся. Мужья исполнили свои обязанности, женщины в них не нуждаются — и отделиваются от них. На мой взгляд, это происходит так же, как с трутнями в пчелином семействе.

— Извини, что поднимаю тему, которая для тебя неприятна, но как же насчет интимных отношений? Неужели женщины всю оставшуюся часть жизни согласны обходиться без секса?

— Я вовсе не утверждала этого. К тому же имеет ли вообще секс какой-нибудь смысл после долгого замужества? Все сводится к тому, что муж задирает тебе на голову ночную рубашку и какие-то несколько минут где-то там сопит.

После этих слов Майк открыл глаза, посмотрел на Саманту и рассмеялся. Он так долго и громко хохотал, что Саманта в конце концов резко встала с кровати, готовая уйти. Но он взял ее за руку и усадил опять рядом с собой. Она неохотно присела с обиженным и напряженным видом.

— Рада, что так развеселила тебя, — в ее голосе прозвучали иронические нотки.

— Это верно, — ответил он. — Ты меня славно веселишь, но помимо того, я, кажется, начинаю тебя понимать.

Саманта сделала попытку вырваться, но он еще крепче сжал ее руку.

— Пусти, пожалуйста. Тебе нужно поспать, а мне начинать собираться.

— Собираться! Это для чего же?

— Чтобы убраться из этого города. Ведь как только мы завтра встретимся с Бэрретом — я свободна. Надеюсь, ты не забыл об этом? Ты ведь не возьмешь свои слова обратно и отдашь распоряжение относительно причитающихся мне денег, не так ли?

Он широко раскрыл глаза.

— Да, я распоряжусь насчет наследства, если ты со мной поедешь к Бэррету. Но, Сэм, куда же ты потом денешься? У тебя разве есть кто-нибудь, кто бы мог заботиться о тебе?

— Действительно, у меня не осталось никакой родни, если ты это имеешь в виду. К сожалению, Бог не дал мне столько родственников, как тебе, у которого они на каждом углу. Я...

— Это просто какой-то рок... бич, — проговорил он. — Родственники — это бич. Постоянно за тобой шпионят. Постоянно...

Внезапно она вскочила с кровати и метнула на него злобный взгляд.

— Ты не знаешь, о чем говоришь! Тебе так много уже дано и так легко все дается! Ты можешь войти в роскошный магазин «Сакс» и считаешь само собой разумеющимся, что твоя кухня тут

же бросает работу и крутится вокруг тебя. Твой родственник Рейни специально приходит сюда, чтобы убедиться, что я не какая-нибудь авантюристка, которая нацелилась на твой дом. Твоя семья заботится о тебе. И я бы отдала все на свете, чтобы иметь... Она поспешно замолчала, осознав, что слишком раскрывается перед этим человеком.

— Ради чего, Сэм, ты бы отдала все? — мягко спросил Майк.

— Ради того, чтобы ты прекратил называть меня Сэм! — отрезала Саманта. — А теперь выпись. Завтра мы встречаемся с твоим гангстером.

Она направилась к двери.

— А о чем это вы там болтали с моим родственником? Она чуть было не сказала: «Ну, о тебе», — но сдержалась.

— Как обычно. О жизни, о любви. Обо всем, что имеет значение.

— А что он рассказывал обо мне? — голос Майка стал слабым, он опять засыпал.

— Он сказал, что вы, Таггерты, не шибко богатые, но зато большие мастера делать детей, и еще все вы неплохо умеете складывать и отнимать...

Майк сонно улыбнулся.

— Он прав насчет детей. Я могу это бесплатно продемонстрировать тебе в любой момент, когда ты пожелаешь.

Тщетно пытаясь сдержать улыбку, Саманта проговорила:

— Ну, спи теперь, — и покинула комнату.

Глава 12

Саманта выглядела великолепно и главное — соответственно обстоятельствам. На ней был замечательный итальянский костюм. Она даже не подозревала, что он обошелся Майку в четыре тысячи. Сидя на заднем сиденье длинного лимузина, Саманта то и дело одергивала и поправляла свою короткую юбку. Наконец Майк не выдержал, взял ее руку и осторожно поцеловал пальцы, одновременно умоляя взглядом, чтобы она прекратила ерзать и суетиться. Мужчина, сопровождающий их, сидел напротив и молча переводил глаза с Саманты на Майка.

— Мы едем к твоему деду, — проговорил Майк. — Нет никаких причин для волнения. И кроме всего прочего, дорогая, я же буду с тобой.

Саманта ничего не ответила, но немедленно вырвала свою руку. Она нервничала вовсе не по поводу встречи со стариком, который утверждал, что является ее родственником. Она нервничала потому, что не знала, что будет делать, когда покинет Нью-Йорк. Утром еще не очень твердо стоящий на ногах после вчерашних событий Майк спросил, собралась ли она и заказала ли авиабилет. Теперь настал ее черед врать, и она заявила — да. «Авиабилет — куда?» — подумала она. Никто и ничто не ждет ее ни в Луисвилле, ни тем более в Санта-Фе. Можно поехать в Сан-Франциско. А можно отправиться путешествовать, мир посмотреть. В конце концов, она получила свободу делать все, что ей заблагорассудится. Но сама идея путешествовать в одиночку вовсе не вызывала в ней особого восторга.

Теперь же, сидя на плюшевом с кожей сиденье роскошного лимузина, она размышляла над тем, куда же ее забросит судьба. Майк так охотился за старым гангстером, приславшим за ними этот лимузин. После сегодняшней встречи он наконец получит то, что хочет, и у нее больше не будет причин, чтобы оставаться в Нью-Йорке.

Сегодня утром у них как-то не сложился разговор. Майк спустился в кухню, судя по всему, с намерением изложить явно вымышленное объяснение по поводу своей разбитой головы.

— Если то, что ты собираешься мне рассказывать, ложь, то лучше вообще ничего не говори, — предупредила Саманта. Она видела, как он мучается, пытаясь сформулировать оправдание, но в конечном счете он так ничего и не сказал по поводу своей раны. А вместо этого спросил, может ли она сварить кофе. Она решительно отрезала, что не может, а ради него даже и пробовать не намерена. Он ее так разозлил, что она ушла в сад и ради успокоения души провела там все утро, дергая сорняки.

После завтрака, который Майк заказал, а Саманта отказалась с ним разделить, она пошла приводить себя в порядок перед поездкой к Бэррету. В половине второго зазвонил телефон. После короткого разговора Майк сообщил ей, что машина заедет за ними без опозданий.

— Чего ты так на меня сердишься? — спросил он наконец.

— Ты за мной шпионил. По-моему, этого вполне достаточно.

Вместо того чтобы покаяться, он заявил:

— Есть такие вещи, о которых тебе не нужно знать.

Этот ответ вывел ее из себя еще больше, и она решила раз и навсегда не разговаривать с ним, однако тут перед домом остановился прибывший длинный лимузин, и все пошло кувырком. Майк взял ее за руку и сделал попытку надеть на ее палец обручальное кольцо, но она инстинктивно отдернула руку.

— Если ты выдаешь себя за мою невесту, то у тебя должно быть кольцо. Как, по-твоему, это подойдет?

Он держал в руке роскошное обручальное кольцо с бриллиантом нежно-желтого цвета. Камушек тянул на все пять каратов. Не было нужды объяснять даже Саманте, что это так называемый канареечный бриллиант. Теряя дар речи, она смогла лишь произнести:

— Это что, настоящий?

— Принадлежал еще моей бабушке и, насколько я понимаю, не поддельный.

Пока она разглядывала кольцо, Майк попытался надеть его ей на палец, однако оно застряло на суставе. Когда позвонили в дверь, Саманта хотела высвободить палец, но к ее ужасу Майк засунул его себе в рот и начал облизывать. Глаза Саманты широко раскрылись. Она еще никогда не испытывала ничего подобного. И пока горячий язык энергично ласкал ее палец, она, как замороженная, наблюдала за губами Майка. Казалось, это длится целую вечность. Наконец он медленно вынул мокрый палец из своего рта и свободно надел на него кольцо.

— Вот теперь лучше, не так ли?

— Да, — произнесла она хриплым голосом. Пытаясь взять себя в руки, она откашлялась. —

Спасибо тебе..

— В любое время, где угодно готов облизать любую часть твоего тела, — отозвался он, взял ее за руку и повел к ожидающей их машине...

Теперь они уже подъезжали к дому Бэррета, и Саманта с трепетом взглянула в окно автомобиля. То, что она увидела, в ее понимании был не дом, а настоящий дворец. Высоченная кирпичная стена, широкие ворота... За ними — парк и дорога, уходящая куда-то вдаль... Казалось, они ехали по имению несколько часов, прежде чем добрались до самого дома — здания невероятных размеров.

Повсюду, куда ни кинешь взгляд, стояли мускулистые «мальчики» в тесных костюмах. Все они были в наушниках, шнур от которых уходил к рациям, запрятанным где-то в дурно сидящих пиджаках. Вокруг дома кругами ходили двое людей с поджарыми собаками на поводке. Взгляд у животных был явно голодный. Когда Саманта вышла из машины, она подумала, что именно так, должно быть, охраняется президент Соединенных Штатов, однако, если судить по фотографиям, телохранителей у него поменьше.

Остановившись на мгновение, Майк осмотрелся вокруг, пытаясь запечатлеть в памяти каждый камешек, каждое дерево и, что самое главное, каждое лицо, увиденное здесь. Он, наверное, был первым и единственным человеком «другого» мира, увидевшим все это с тех пор, как много лет назад Бэррет переехал сюда. Майку предстояло описать эти впечатления в своей книге.

Чтобы потянуть время, Майк нагнулся, делая вид, что завязывает шнурок на ботинке. На первый взгляд, все здесь было в идеальном состоянии, однако, если присмотреться, можно было разглядеть следы небрежности: нечищенные сточные канавы, треснувшее окно, где не заменили стекло, цветочные клумбы, за которыми недостаточно следили. Может, Док просто наплеватьски относится к подобным мелочам? С другой стороны, содержать таких масштабов усадьбу, видимо, требовало огромных затрат.

— Двигайся, — внезапно сказал до сих пор молчавший громила, который их сопровождал, и подтолкнул Майка. Тому пришлось собрать всю силу воли, чтобы не отреагировать на столь фамильярное отношение. Он последовал за Самантой в дом.

Войдя, Саманта с удивлением стала рассматривать обстановку. Предназначенные для роскошной жизни комнаты были огромны. Они ломались от антиквариата, на стенах висели картины. В стенных нишах стояли фарфоровые вазы и статуэтки.

В то время как Саманта размышляла, представляя себя хозяйкой этого дома, в бальном платье и изумрудах, Майк глядел на интерьер с пренебрежением, как на нищенский подвал папы Карло. Он успел заметить, что антиквариат и фарфор в основном были подделкой, а картины — дешевыми копиями. А на обоях были заметны более светлые пятна там, наверное, когда-то тоже висели картины.

Кроме всего прочего, не было видно слуг, только «мальчики» с наушниками. Незаметно Майк провел пальцем по столу — пыль. В это время охранник поторопил их, и они последовали за ним в гостиную.

Она была большой и светлой, с окнами, выходящими на океан. Саманта тут же направилась к одному из них, чтобы полюбоваться видом, а Майк остался посередине комнаты, разглядывая обстановку. В углу в инвалидном кресле сидел старик, биографию которого он изучал последние несколько лет. Майк сразу узнал этого человека, хотя, как известно, его портретов

не существовало. Бэррет всегда относился к фотографиям с патологической ненавистью.

На первый взгляд Бэррет выглядел, как любой другой мужчина в весьма преклонном возрасте: высохший, скрюченный, с посеревшей кожей. Вот только глаза... В его глазах по-прежнему можно было увидеть силу и ум, что позволили этому человеку пройти путь от никому не известного обитателя нью-йоркских трущоб до короля преступного мира этого города. И хотя кожа вокруг глаз была старой и морщинистой, в них угадывался прежний Бэррет.

Теперь же эти глаза разглядывали Майка. Бэррет вначале окинул взором Саманту, но тут же потерял к ней интерес, будто она не имела для него существенного значения. А вот Майка он рассматривал внимательно, с ног до головы, будто прикидывая его физическую силу и пытаясь вникнуть, что творится у него в мыслях. Майка помимо его воли просто передернуло. Казалось, его подвергли какому-то сверхъестественному осмотру и изучили насквозь, включая и душу.

— Присядьте, — прошептал старик. Его голос был так же слаб, как и его жалкое тело. Майк подумал, что Бэррета приводит в ярость собственная физическая немощь.

Саманта вздрогнула от неожиданно услышанного голоса. Она не подозревала, что кто-то еще присутствует в комнате. Обернувшись, увидела небольшого, сухого старика, сидящего в инвалидном кресле. И тотчас прониклась жалостью к этому человеку, думая, насколько ему должно быть одиноко в этом огромном доме. Есть ли у него друзья и близкие? Она улыбнулась ему.

Он ответил ей тем, что можно очень условно назвать улыбкой. И она подумала: «Боже правый, он застенчив». Подойдя к старику, Саманта подала ему руку, он долго поворачивал ее в своей сухой, мягкой ладони, будто изучая юную кожу.

Затем он отпустил руку Саманты и жестом снова пригласил ее и Майка присесть. Саманта хотела сесть на стул, но Майк посадил ее рядом с собой на диване. Состроив ему незаметно от Бэррета гримасу, она села на краешек дивана, а Майк расположился, широко опершись на спинку.

— Вы приехали узнать о Макси? — спросил Бэррет.

Саманта раньше не особенно интересовалась этой встречей. Ее мысли были заняты тем, как бы избавиться от Майка и поскорее убраться из Нью-Йорка. Но сейчас она была заинтригована.

— Моя бабушка покинула семью, когда мне был всего год и я... мы подумали, что, возможно...

— Она опустила глаза.

Приведя в действие электродвигатель своего инвалидного кресла, Бэррет подъехал ближе к ней и вновь взял ее руку.

— И вы хотите узнать, ушла ли Макси из дома, чтобы быть со мной?

— На самом деле... — Саманта запнулась, но, взглянув на Бэррета, уже уверенно сказала: — Да, именно так.

Он тепло улыбнулся ей и сжал ее ладонь:

— Никогда в жизни я не был столь польщен.

Бэррет поднял руку и, взяв Саманту за подбородок, повернул ее голову так, что солнечные

лучи заиграли в ее волосах и на щеке.

Обычно Саманту раздражало прикосновение чужих рук, но сейчас она думала только о том, что этот человек может оказаться ее единственным оставшимся в живых родственником и что ей некуда податься, если она покинет дом Майка.

Бэррет опустил руку.

— Ты похожа на нее. Очень похожа.

— Мне говорили. — Она склонилась к нему и накрыла своей ладонью его руку. — Вы знаете, что случилось с моей бабушкой?

Он отрицательно покачал головой.

— Она исчезла из моей жизни 12 мая 1928 года. С тех пор я ее не видел.

Саманта тяжело выдохнула все накопившееся напряжение. Внезапно она почувствовала, будто понесла очередную утрату. Хоть она и сказала Майку, что ей безразлична бабушка, которая предала семью, про себя Саманта знала: если бы старая женщина по имени Гертруда Эллиот, или Макси, вошла сейчас в дверь, она бросилась бы ей на шею.

— Я до конца никогда не верила... — начала Саманта, спотыкаясь на каждом слове, и умолкла, не зная, что сказать дальше. Не могла же она спросить: да, между прочим, а не было ли случайно у вас с моей бабушкой в то время романчика, и не появился ли в результате на свет мальчик, который потом стал моим отцом?

— Давайте пройдем сюда, — предложил Бэррет и двинулся вперед в своем кресле, указывая путь. — Мы выпьем чаю, и я расскажу все, что знаю.

— Да, пожалуйста. — Саманта быстро вскочила и направилась за ним.

Майк, о котором она почти совсем забыла, взял ее под руку. При этом он как-то странно посмотрел на нее, как будто хотел о чем-то предупредить, но у нее не было ни времени, ни желания попытаться разобраться в том, что же беспокоило его.

Они последовали за стариком в красивую комнату в белых и желтых тонах, с большим овальным окном, выходящим на пляж и океан. Саманта залюбовалась красотой пейзажа, старательно не желая замечать четверых охранников, двое из которых прохаживались взад и вперед по пляжу с собаками на поводке.

Круглый стол, возле которого стояло только два стула, был сервирован симпатичным чайником и парой чашек с блюдцами. На большом блюде красовались маленькие пирожные далеко не первой свежести.

— Ты не похозяйничаешь? — спросил Бэррет Саманту, чем доставил ей искреннее удовольствие. Сам же он отказался от еды и тихо сидел, наблюдая за Самантой и Майком.

— Если тебя соответствующим образом одеть и сделать другую прическу, ты была бы вылитая Макси, — прошептал он. — Даже движения у вас одинаковые. Скажи, дорогая, ты поешь?

— Иногда, — скромно призналась Саманта.

Все трое какое-то время молчали. Майк сидел, выпрямившись на стуле с таким видом, будто он

католический священник на порнографическом съезде. Казалось, по какой-то причине он не одобрял все, что говорила и делала Саманта. Не может же его дурацкая ревность распространяться и на этого душечку старика? А вдруг может?

— Хочешь, я расскажу тебе об одной ночи? — обратился к ней Бэррет.

— Пожалуйста, если можно, — сказала Саманта, отпив чаю и откусив пирожное. — Конечно, если вы сами желаете и если не очень устали.

Майк под столом предостерегающе наступил ей на ногу, но она проигнорировала его. Да, ради этого рассказа они и приехали. Но она вовсе не собирается утомлять девяностолетнего старика ради того, чтобы Майк затем написал о нем грязную книжонку.

— Это доставит мне большое удовольствие, — улыбнулся старик. Здесь, при солнечном свете, он выглядел еще более дряхлым, чем в гостиной, и у Саманты появилось желание уложить его на диванчик для дневного сна.

Бэррет глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

— Наверное, это устаревшее название, и сегодня оно как-то не вписывается в современную жизнь, но я был гангстером. Я занимался продажей виски и пива в то время, когда государство объявило, что продажа спиртного и даже его употребление является незаконным. Так как постоянно возникали определенные «проблемы», то у нас, продавцов алкоголя, была крайне дурная репутация. — Он остановился на мгновение, чтобы вновь одарить Саманту улыбкой.

— Я не стану извиняться за то, что тогда делал. Я был молод и, как мне казалось, не видел иного выхода. Знаю только, что это было время Великой Депрессии, и, когда другие выстраивались в очереди за миской бесплатной похлебки, я зарабатывал по пятьдесят кусков в год. А зарабатывать деньги особенно важно для влюбленного человека, каким я тогда был.

Бэррет остановился ненадолго, как бы припоминая.

— Макси была очень красивой. Не кричаще красивой, а спокойной, элегантной красотой. Мужики просто падали и складывались штабелями. Такая же, как ты, — улыбнулся с гордостью Бэррет, что заставило Саманту покраснеть.

— Одним словом, Макси и я были без ума друг от друга. Сотни раз я предлагал ей выйти за меня замуж, но она говорила, что мы сможем пожениться, когда я начну честную жизнь. Я бы и не прочь, но слишком уж много я зарабатывал и просто не мог себе представить, что осяду где-то в захолустье и буду продавать страховые полисы. Но настала эта субботняя ночь, изменившая столько судеб. Ночь двенадцатого мая 1928 года.

Он передохнул и продолжал:

— Когда я возвращаюсь к событиям того времени, я все думаю, почему же у меня не было никакого предчувствия? Чутье покинуло меня. Я как никогда раньше наслаждался жизнью. Моя правая рука, Джо, человек, с которым мы дружили с детства, привез в тот день самую большую за все время выручку. И я купил Макси сережки. Бриллианты и жемчуг. Вообще-то она не любила броские безделушки, но эти сережки были действительно прелестны. Я пошел в клуб к Джубели — туда, где пела Макси, — весь из себя окрыленный. Направился прямо к ней и подарил серьги. Я думал, она будет счастлива, но ошибся. Она села на стул и начала плакать. Я не мог понять, что с ней случилось, и мне потребовалось долгое время, чтобы вытянуть из нее объяснение.

Голос Бэррета стал тише, будто то, о чем он говорил, было очень трудно вымолвить вслух.

— Она сказала, что у нас будет ребенок.

Набрав полную грудь воздуха, Саманта уже хотела было задать вопрос, но не решилась перебить рассказчика.

— Макси очень переживала из-за своей беременности, однако я был самым счастливым мужчиной на земле, — продолжал Бэррет. Я думал, что теперь-то она должна согласиться выйти за меня. Но я ошибался. Она опять повторила, что не пойдет за меня замуж, если я не брошу свои, так называемые, грязные дела.

У Бэррета на лице появилась усмешка, или, во всяком случае, гримаса, призванная изображать ее.

— Я согласился с ее требованиями. Тогда я пошел бы на что угодно, лишь бы это привело к свадьбе с моей любимой женщиной. Но честно говоря, тогда я не знал, долго ли смогу продержаться. Может быть, через год или два я бы не выдержал и опять начал «свои грязные дела», но в ту ночь я был абсолютно искренен, когда обещал покончить с прежней жизнью. Я хотел, чтобы мы тотчас ушли оттуда и обвенчались, но Макси сказала, что у нее выход, что она не может подвести свой клуб. Я согласился — с условием, что это ее последнее публичное выступление. Тогда еще не настали времена, чтобы женщина мечтала о своей собственной карьере. Макси, как и я, хотела только иметь свой дом, где жили бы мы вдвоем да наши дети.

Бэррет остановился и посмотрел в окно.

— Она пела этой ночью. Пела так хорошо, как я еще не слышал. Пела, как птичка.

Где-то около десяти часов у нее был перерыв, и я встал из-за столика, чтобы пойти к ней за кулисы повидаться. По пути я решил зайти в одно место, сами понимаете куда. Я собирался выходить, — моя рука уже легла на дверную ручку, — когда услышал первые выстрелы и крики. Я тотчас понял, что происходит. В те времена я еще был салагой в этом бизнесе. Я имею в виду, что поставлял «товар» только в несколько местечек в Гарлеме. Основная часть города контролировалась человеком по имени Скальпини. Я сразу сообразил: Скальпини донесли, что мы толкнули большую партию в этот день, и он, должно быть, вскипел, когда узнал об этом. Я думал, он пришлет пару своих парней, чтобы заключить со мной соглашение. Но вместо этого он прислал к Джубели восемь громил с «печатными машинками» — так называли мы автоматы.

Я знал, что люди приехали по мою душу, но все, о чем я думал, — это добраться до Макси. Когда я открыл дверь, клуб уже был полон криком, бегущими в истерике людьми и кровью. Кровь была повсюду. Мне пришлось отпихнуть в сторону женское тело, чтобы распахнуть дверь, затем перескочить еще через два тела, которые корчились на полу. Пули летели во все стороны, и меня ранило в плечо, а другая пуля вонзилась в бок, но я пробирався вперед. Я боялся, что Макси выбежит из своей уборной туда, где была стрельба, или же люди Скальпини придут за ней. Макси была не из тех, кто думает о своей шкуре в первую очередь. Она никогда бы не убежала через черный ход, если бы слышала выстрелы в парадном.

Я уже почти добрался до уборных, когда что-то обрушилось мне на голову. Наверное, это был канделябр. Но что бы это ни было, оно выбило из меня сознание. Когда я очнулся, прошло уже много часов. Надо мной склонился человек в белом халате. «Кажется, этот живой», — выкрикнул он и пошел дальше. Я схватил его за ногу и пытался задать ему вопросы, но он стяхнул мою руку. Видимо, я вновь потерял сознание, а когда пришел в себя, настал уже

следующий день и я находился в больнице, а мое тело было забинтовано. И прошел еще один день, прежде чем я узнал, что же произошло. Скальпини решил избавиться от меня и от всех моих людей, поэтому он послал своих ребят пришить нас всех. Для него не имело никакого значения, что в клубе в тот вечер находились, возможно, сто человек и что большинство из них со мной не связаны. У Скальпини была цель убить нас всех, и он почти достиг ее. В этот вечер я потерял семерых своих людей.

Он долгое время молчал, а когда снова заговорил, то в голосе появился надлом.

— В этот вечер я потерял Джо. Джо был другом детства, и он спас мне жизнь, когда мы еще были детьми. Это был единственный человек, которому я доверял. Джо был убит. Пуля вошла прямо в лоб. Должно быть, он умер без мучений. Кроме него было еще где-то двадцать пять убитых и раненых. Но для меня самым ужасным было то, что пропала Макси. Никто не знал, что с ней случилось. Поверьте, долгое время после этого я разыскивал ее. Но не мог найти никаких следов. Может, она поняла, что я не способен вести обычную для других людей жизнь, может, не желала, чтобы ее ребенок рос рядом с гангстером... Не знаю. Знаю только, что с тех пор я никогда не видел ее и ничего о ней не слышал. — Он вновь остановился на какое-то время, затем сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— После этой ночи я сильно изменился. Я потерял двух самых близких мне людей — моего друга, моего единственного друга и женщину, которую я любил. Саманта, ты можешь себе представить, как мне было ужасно тогда, после этой ночи?

— Да, — прошептала она. — Я знаю, что значит потерять всех близких.

— Пожалуй, не стоит говорить о том, как я жил дальше. Я не был «приятным» человеком. Не знаю, кем бы я стал, если бы не этот случай. — Бэррет положил руку на пульт управления инвалидной коляски. — Через два года я попал в автомобильную катастрофу и повредил позвоночник.

В знак сочувствия Саманта положила свою ладонь на его руку.

— В своей жизни я сделал многое, чем не стоит гордиться, однако думаю, что стал бы другим человеком, если бы не эта ночь. Раньше я часто размышлял: как все могло сложиться, если бы Макси в тот вечер не осталась петь. Если бы она ушла со мной до прихода людей Скальпини, мы, наверное, успели бы пожениться, прежде чем узнали о том, что произошло в клубе. Если бы только она ушла со мной, то Джо уехал бы с нами и остался жив. Он посмотрел вдаль.

— Если бы Макси не захотела остаться и петь, все было бы иначе.

Вытянув руку, старик дотронулся до щеки Саманты.

— Может быть, если бы я женился и, проснувшись на следующее утро, узнал бы о кровавой бане в клубе, я бы и встал на другой путь. Может быть... — На глазах у него показались слезы. — Может быть, теперь ты была бы моей внучкой, не просто внучкой по крови, а жила бы здесь со мной.

Он улыбнулся.

— Ну, не именно здесь. Скорее, мы жили бы где-нибудь на окраине. В доме вышедшего на пенсию продавца страховых полисов.

Он дотронулся до ее золотистых волос.

— Я, как Мидас, охотно променял бы все свое золото на живое тепло, исходящее от ребенка.

Глава 13

— Я никак не могу понять, что же все-таки случилось с ней? — проговорила Саманта.

Она сидела с Майком во дворике за столиком и ела обед, заказанный в китайском ресторанчике.

— С кем? — спросил Майк, хотя отлично знал, о ком она говорит.

— Если моя бабушка не бросила моего деда Кэла, чтобы убежать к Бэррету, то куда же она уехала?

— Именно это и хотел узнать твой отец, — буркнул Майк, глядя себе в тарелку. Что-то не давало ему покоя, но он сам не понимал что. Они покинули дом Бэррета сразу же, как старик закончил свою длинную, грустную историю. Весь обратный путь Саманта была неразговорчивой, глядела в окно с едва заметной улыбкой на лице, будто пережила что-то приятное. А теперь она не ела, а делала какие-то фигурки из еды на своей бумажной тарелочке.

— Ты думаешь, он живет один в этом огромном доме?

— Может быть. Кажется, он перестрелял почти всех, с кем сталкивался за все эти годы.

Саманта посмотрела на него с яростью.

— Почему тебе нужно говорить о старике только гадости? Мне казалось, что писатели должны любить своих героев.

— Неужели? А как насчет писателей, которые изучают убийц-маньяков? Мне не нравится Бэррет и никогда не понравится. Но я им пленен. Никто еще не пытался документально изучить его жизнь. Никто в действительности не знает, на что он способен.

Саманта замолчала и после продолжительной паузы тихо произнесла:

— По мне, так он хороший человек. Майк сглотнул и перед тем, как заговорить, сделал глубокий вдох.

— И почему только слезливые истории оказывают такое действие на женщин? Какой-то человек, которого ты впервые видишь, рассказывает душещипательную историю о потерянной любви. И ты веришь каждому слову! Мне лично особенно понравилось, как он ловко вставил этот пример про Мидаса. Я вот думаю, не отрететировал ли он это свое небольшое выступление, прежде чем продекламировать его перед нами?

Вскочив, она метнула на него испепеляющий взгляд.

— А я уже сыта по горло твоей ревностью! С первого момента нашей встречи ты себя ведешь так, будто купил меня. Ты влез в мою частную жизнь. Ты преследуешь меня. Ты унижаешь меня. А я даже тебя как следует не знаю. Ты для меня никто.

— Во всяком случае, я тебе ближе, чем Бэррет, — проговорил Майк, встав и нависнув над столом.

— Вовсе нет, — тихо возразила она. — Он мой дед, последний живой родственник на этом свете.

Майк тяжело вздохнул. Теперь он понял, что так мучило его в выражении ее лица, когда они возвращались от Бэррета. Она улыбалась удовлетворенной улыбкой, улыбалась так, словно нашла что-то давно потерянное. Он протянул к ней руку и произнес: «Сэм...»

Но она уклонилась от прикосновения, даже не желая узнать, что он хочет ей сказать. Теперь, когда у нее появился родственник, Майк, разумеется, начнет играть роль всезнайки. Что-то, а опыта общения с многочисленной родней по всем Штатам ему не занимать. Однако такой, как он, просто не мог себе представить, что значит быть абсолютно одиноким в этом мире. Он не знал, каково это — провести одному День благодарения или Рождество, когда некому сделать подарок. У него такая обширная семья, что можно позволить себе быть циничным по отношению к родственникам, можно говорить о них жестокие вещи. Он просто не в состоянии ее понять. Да, возможно, этот человек, Бэррет, и совершил в молодости страшные злодеяния, возможно, все, что Майк знал о нем, — сущая правда. Но теперь это глубокий старик, который совсем одинок, так же одинок, как и Саманта.

Холодно и отчужденно отвернувшись от Майка, она пошла в дом.

Он обогнал ее и положил руки ей на плечи.

— Сэм, куда же ты идешь?

— Наверх. Думаю, я достаточно свободна, чтобы хотя бы это мне было дозволено. Не так ли?

Майк не выпускал ее.

— Я хочу понять, о чем ты думаешь. Что-то мне сегодня не нравится твой взгляд.

— А мне твой не нравится всегда, — отрезала она. — Пожалуйста, отпусти меня. Мне нужно собраться.

— Я не отпущу тебя до тех пор, пока ты не скажешь, куда собираешься ехать, выйдя из этого дома.

— Как я неоднократно тебе говорила, что я делаю, как распорядюсь своей судьбой и как буду ею распоряжаться, тебя вовсе не касается. Я поеду, куда пожелаю.

Майк попытался заглянуть ей в глаза, но она отвернулась.

— Ты ведь поедешь к нему? Не так ли?

— Это не твое...

— Сэм, ты не можешь поехать к этому человеку. Он убийца!

Она бросила на него взгляд, полный отвращения.

— Ему девяносто один год! Он не может передвигаться без инвалидного кресла. И каким образом он способен причинить мне вред? Я не богата. Поэтому вряд ли он охотится за моими деньгами. И я крайне сомневаюсь, что нужна ему для секса. Да, возможно, вся его биография, которую он нам рассказал, — это большая неправда. Может, он состряпал эту историю, чтобы внучка Макси пожила с ним последние — наверное, очень недолгие — годы. Ну и что в этом

плохого? Он одинокий старик, а я... — Она внезапно замолчала.

— Ну, давай. Продолжай. А ты одинокая женщина. — Его голос смягчился. Он придвинулся к ней и обнял. — Скажи же, Саманта, что тебе нужно. Скажи, что же ты хочешь, и я сделаю все, чтобы ты это получила. Может, ты хочешь любви? Тогда я готов...

Она резко вывернулась.

— Не смей даже говорить мне о любви. Я по горло сыта корыстной любовью мужчин. С меня достаточно. Что же мне нужно тебе сказать, что нужно сделать, чтобы ты наконец понял, что я настроена решительно. Я не хочу оставаться с тобой в этом доме. Не хочу оказаться с тобой в кровати. Я вообще не хочу иметь с тобой ничего общего!

Майк какое-то время смотрел на нее. На лице его стремительно сменяли друг друга выражения гнева, удивления и, наконец, полной безнадежности.

— Намек понял, — проговорил он с наигранной улыбкой на лице. — Ты свободна в своих действиях. Утром я пойду и возьму в банке твои деньги. Чековая книжка тебя устраивает?

— Сойдет, — резко сказала Саманта, отвернулась и направилась к лестнице. Остановившись на первой ступеньке, она оглянулась: — Майк, я на самом деле ценю то, что ты пытался для меня сделать. Я искренне считаю, что у тебя доброе сердце. Все дело в том, что ты совсем не знаешь меня, я имею в виду — не знаешь меня по-настоящему. Мне кажется, у тебя сложилось мнение, будто я... — она глубоко вздохнула, — одна из твоих «раненых пташек». Однако это не так. Я же знаю, что мне нужно.

— Бэррет, — отчеканил Майк. — Тебе нужен этот старик, потому что он намекнул, будто вы одной крови. Но он никогда...

Он не успел договорить. Саманта уже побежала вверх по лестнице. Вбежав к себе, она захлопнула дверь и заперла ее на ключ. Заперла, хотя прекрасно понимала всю бессмысленность этого жеста: ведь у Майка был другой ключ.

Она вытащила свой большой чемодан из стенного шкафа, швырнула его на кровать и начала укладывать вещи. Бережно снимая с вешалок и складывая недавно приобретенные изумительные наряды, она все больше чувствовала, что ей грустно уезжать отсюда. Уезжать из дома, к которому она уже успела привыкнуть. Но она заставила себя сосредоточиться и продолжать укладываться.

Когда чемодан был уже наполовину упакован, Саманта присела на краешек кровати. Так куда же она направится? Ведь Бэррет вовсе не предлагал ей пожить у него, хотя ему явно необходима хозяйка, чтобы присматривать за этим огромным заброшенным домом. А Майклу Таггерту она, кажется, нужна только для секса, и ни для чего больше. Она всегда поражалась, как мужики комплексуют, если им не удастся склонить женщину к сожительству. И ей почему-то казалось, что если мужчина домогается ее, то стоит лишь ему отдаться, и он тут же отвалит. Может, именно так и нужно поступить с Майком. Может, после того, как он получит от нее то, что хочет, ему станет безразлично, останется ли она жить в его доме, поедет ли к бывшему гангстеру, или будет делать что-нибудь еще.

Саманта встала и продолжила сборы. Она вовсе не собиралась дать Майку то, о чем он мечтает, не хотела слышать все эти слова, которые обычно говорят мужики, когда забираются к тебе под юбку. Всякую дребедень, вроде «я люблю», и «дня не смогу прожить без тебя», и «жизнь без тебя ничего не стоит», и «ты значишь для меня все». Нет. Ей этого не надо. Тем

более от Майка. Ведь до сих пор, что ни говори, он был ей другом. Был добр к ней, хотя иногда и показывал свою власть. И уж если быть честной перед самой собой, то его ревность льстила ей. А день, когда она пошла с ним за покупками, был самым счастливым в ее жизни. Майк мог заставить ее смеяться, а порой мог даже заставить забыть все те смерти, которые ей довелось пережить.

Она начала засовывать в пакет свои туфли, но потом остановилась. На всю жизнь она запомнит часы, которые провела с Майком, запомнит все эти споры, которые у них возникали, и как он выводил ее из себя по всякому поводу. Она будет помнить каждый его взгляд, каждое прикосновение. Навсегда в памяти останется его улыбка, чуть кривоватая, пожалуй, даже саркастическая, точно он не верил, что есть причина улыбаться.

Она затолкала туфли в чемодан... Возможно, она подается в Сиэтл. Не так уже плохо пожить в сырых лесах после жаркого Санта-Фе. Она знала, что сумеет привыкнуть к этим прохладным и туманным краям.

Саманта упаковала чемодан и поставила его на пол. Утром она уедет. И что же она будет делать? Скажет, чтобы таксист отвез ее в аэропорт? Подойдет к кассе и попросит: «Дайте билет на первый попавшийся самолет»?

— Не так уж все хорошо, правда, Сэм? — промолвила она вслух и улыбнулась, так как назвала себя «Сэм». Когда ей исполнилось одиннадцать лет и девять месяцев, она наконец осознала себя женщиной и объявила всем, что с этих пор ее не следует называть мальчишечьим именем. С этих пор ее следует называть только «Саманта». Отец и дед с готовностью повиновались, но мать бесила ее тем, что лишь посмеивалась над ней и продолжала называть ее «Сэм». А после смерти матери уже никто больше не звал ее так, пока она не встретила с Майком.

Оглядывая комнату, всматриваясь в отцовскую мебель, она впервые подумала, что здесь нужны другие занавески. Может, пестрые, в розовых тонах. Хорошо бы сменить и покрывало на кровати.

Саманта стала расстегивать блузку. Ночная рубашка висела у нее на руке. Она направилась в ванную комнату принять душ. Там, где она станет жить, она сможет делать все, что угодно и с занавесками, и с мебелью.

Все произошло неожиданно. Только что она безмятежно спала, а через мгновение, почувствовав, что ее душат, уже отчаянно боролась за свою жизнь. Саманта изо всех сил вцепилась ногтями в руку, которая схватила ее за шею, но, даже когда она почувствовала, как ее ногти впиваются в мясо, рука не шелохнулась.

— Где деньги Однорукого? — шептал человек. Лунный свет озарил его лицо — на голову был натянут чулок.

— Где деньги Однорукого? — повторил он, однако не ослабил хватки, чтобы дать ей ответить.

Саманта попыталась ударить его ногой, но он так навалился на нее, что она не могла его достать. Кроме того, она задыхалась и теряла силы. Саманта подумала о Майке и, собрав остаток сил, ударила пяткой по стене. Ударил раз, затем другой. Сил хватило еще на третий. Потом сознание начало покидать ее, а шею сдавливали все сильнее.

Когда это давление неожиданно прекратилось, она все еще не могла дышать. Будто часть горла была раздавлена, и оно уже было непригодно, чтобы пропускать воздух. Саманта

попыталась вздохнуть, но воздух не поступал в легкие. Даже когда она села в кровати и ее руки потянулись к искалеченной шее, она все равно не могла набрать даже глоток воздуха. Резко обернувшись на звук громкого удара, она увидела промелькнувшую тень Майка. Он боролся с тем, кто пытался ее убить. Майк был крупнее и сильнее, и когда его кулак нанес по лицу незнакомца сокрушительный удар, у того не осталось никаких шансов. И как только он рухнул на пол, Майк уже был рядом, обнимая Саманту.

— Дыши, родная, — велел он, — черт тебя побери, дыши же!

Она тщетно пыталась глотнуть воздуха. Сильные руки Майка обхватили ее плечи. Он встряхнул ее, глядя прямо в глаза. Он словно повелевал ей сделать то, что она была сделать не в состоянии. Но она хотела вздохнуть, хотя бы потому, что этого хотел он. Казалось, прошли часы, пока воздух не проник в ее легкие в болезненной конвульсии.

Обняв Саманту, Майк положил ее голову на свое голое плечо и гладил по спине, пока она боролась за каждый вздох и ее грудь тяжело вздымалась после каждого спазма.

Раздался треск, Майк обернулся. Саманта поняла, что незванный посетитель пришел в себя и выпрыгнул с балкона.

— Чтоб он себе шею свернул, — прошептал Майк, однако оба тут же услышали топот убегающего человека. Не было сомнения, что он перемахнул с одного балкона на другой, затем спрыгнул во дворик и перескочил через ограду.

Не отпуская Саманту, Майк дотянулся другой рукой до телефона на тумбочке у кровати и начал тыкать пальцами в кнопки.

— Блэр! — позвал он в трубку. — Ты мне нужна... Нет... Удушье. Приезжай скорей.

Он бросил трубку.

— Майк... — Саманта пыталась что-то сказать, но он велел ей молчать.

Он чувствовал, как она трепещет, ощущал ее страх, когда она вцепилась в него, как маленький испуганный ребенок цепляется за своего отца. Майк успокаивал ее, поглаживая по спине, по плечам, по голове. Когда она вновь задрожала всем телом, он лег рядом, крепко обхватил ее руками и прижал к своей груди. Потом обхватил ее еще и ногой, как бы целиком обернув своим телом, превратив в кокон спокойствия и надежности.

— Малыш, я с тобой, — шептал он, хмуро вглядываясь в темноту. Саманта все сильнее прижималась к нему.

Она тогда сказала «раненая пташка». Она заявила ему, что не является его «раненой пташкой». Майк был убежден, что она услышала это идиотское выражение от Дафнии. Дафния... Если бы Майк любил такой тип женщин, он был бы от нее без ума.

Саманта же заинтересовала его еще задолго до их встречи: когда он обнаружил ту самую газетную вырезку в вещах дяди Майкла и разыскал Дейва Эллиота. Он и Дейв понравились друг другу. Дейв был одинок. Его единственная дочь жила далеко на Западе, как он выражался, в счастливом браке. Возможно, и Майк чувствовал себя одиноким с тех пор, как умер его дядя Майкл. Вместе они выработали план пожить в Нью-Йорке в доме Майка: Дейв, выйдя на пенсию, собирался заняться розысками своей матери и заодно помогать Майку работать над биографией Дока. Майку понравилась эта идея. Помощь ему была нужна. Затем,

когда все уже было решено и Майк уже попросил сестру обставить в его доме квартиру специально для Дейва, учитывая все его пожелания, тот неожиданно позвонил и сообщил, что вообще не поедет в Нью-Йорк. Он отказался назвать причину, которая привела к этому решению, но Майк понял — что-то стряслось, поэтому сел на ближайший же самолет и внезапно появился у входной двери Дейва с чемоданом в руке, требуя объяснений. И Дейв рассказал то, о чем сам узнал всего несколько дней назад: он умирал от рака. Майк хотел, чтобы он позвонил дочери и рассказал все, но Дейв отказался.

Майк прожил у Дейва целый месяц. Тот уверял, что с ним все в порядке, но Майк просто не мог покинуть его, зная, что у человека осталось так мало времени, а он так одинок.

Дейв почему-то настоял, чтобы Майк остановился в комнате Саманты, а не в комнате для гостей. Увидев комнату, тот рассмеялся — это была детская.

— Саманта с матерью обставили ее сами, — улыбнулся Дейв, явно гордясь обстановкой.

У Майка чуть было не сорвалось с языка, что ведь мать Саманты умерла, когда девочке было еще двенадцати лет, но он вовремя удержался. Поставил чемодан на ковер с изображением маленьких розовых и белых танцующих балерин и взглянул на кровать. Она была почти скрыта розовым пологом, схваченным большими розовыми бантами. У стены стоял небольшой столик, задрапированный материей в белую крапинку, на нем детский одежный набор. Майку показалось, что в комнату вот-вот войдет десятилетняя девчушка.

Тем не менее Саманта жила в этой комнате вплоть до замужества. Открывая створку встроенного шкафа, он ожидал увидеть маленькие платьица, все в оборочках, но вместо этого там была взрослая одежда: скучные, бесформенные, навязчиво опрятные, предназначенные явно не для девочки костюмы и платья.

Последующие несколько недель интерес Майка к женщине, выросшей в этой детской комнате, все возрастал. Дейв принимал болеутоляющие таблетки, от которых его постоянно клонило в сон. Поэтому у Майка было много свободного времени, которое он посвящал изучению комнаты Саманты. Сначала он это делал скрытно, зная, что не имеет права вмешиваться в чужую частную жизнь, но постепенно перестал стесняться и тщательно просматривал каждую полочку и ящичек.

Дейв описывал свою дочь как самоуверенную, своевольную, энергичную. Если так, то почему все эти годы она прожила в детской комнате?

Когда Майк наткнулся на Самантин альбом, он внимательно его изучил. Туда она наклеивала фотографии кинозвезд и рок-певцов, вырезанные из журналов, еще там были засушенные цветы и листья. Все это казалось абсолютно нормальным для двенадцатилетнего ребенка, если не считать, что где-то в конце альбома была приклеена вырезка из газеты: некролог ее матери. После этого в альбоме уже ничего не было. И не было никаких других альбомов.

Он нашел пять дневников, которые вела Саманта. Все они были исписаны детским округлым почерком и содержали детские секреты, о которых шепчутся девчонки, считающие себя подружками, Саманта также писала о ссорах с матерью и о том, какой замечательный у нее отец.

Улыбаясь, Майк вспомнил, что все ссоры в детстве у него происходили с отцом. Его мать была сущим ангелом, и он не понимал, почему его сестры иногда сердились на нее.

После 1975 года — когда умерла Эллисон Эллиот — никаких записей больше не велось.

К тому времени, когда нужно было уезжать, Майк был полностью захвачен и заинтригован тем, что обнаружил в доме Эллиотов. Иногда ему казалось, что для Саманты и ее отца время остановилось в день смерти Эллисон. Дейв рассказывал о дочери только те истории, которые происходили с ней, когда она была ребенком, до ее двенадцатилетия. Он никогда не упоминал о том, что с ней было, когда она училась в старших классах, или когда жила дома на каникулах, или когда поступила в университет Луисвилла. Майк задавал вопросы по поводу Саманты, вопросы совершенно конкретные, о событиях, происходивших после смерти ее матери, но ни разу не получил прямого ответа. Дейв был уклончив, старался перевести разговор на другую тему.

Именно Майк настоял на том, чтобы Дейв разрешил ему сообщить Саманте о приближающейся кончине отца.

Майк утверждал, что будет несправедливо по отношению к ней, если она об этом не узнает. Наконец Дейв согласился с ним, но потом, как это ни странно, настоял на том, чтобы Майк не встречался с Самантой. Он сказал, что ее следует оповестить, но он не желает, чтобы это сделал Майк, не желает, чтобы он звонил ей, и просит, чтобы к моменту ее приезда Майк покинул его дом.

Майка это задело. Казалось, будто Дейв считает его непривлекательной личностью, недостойной своей драгоценной дочери. Однако Майк выполнил его желание и, попросив соседа позвонить Саманте, улетел обратно в Нью-Йорк.

Спустя две недели Дейв позвонил Майку и сказал, что присылает Саманту к нему, чтобы он заботился о ней после его смерти. Все это звучало так, будто речь шла о падчерице или даже о какой-то неодушевленной посылке.

Майк неохотно согласился передать квартиру Дейва Саманте; по правде говоря, он боялся встречи с ней. Она, наверное, затормозилась в своем развитии, если судить о ее личности по той детской комнате, в которой она жила много лет.

Женщина, которую увидел Майк, действительно была странной, но совсем по-другому, нежели он ожидал увидеть. Порой она была горячей и переполненной эмоциями, как та маленькая девочка, писавшая в дневнике о своих ссорах с матерью. В следующий момент это уже было издерганное существо, пугающееся собственной тени. А то вдруг она становилась холодной, неприступной, изолирующей себя от окружающего мира, не позволяющей к себе прикоснуться.

Но она вовсе не такая холодная и неприступная, думал он. Она боролась с ним, при первой же возможности отгораживалась от него, но порой смотрела на него с такой мольбой о помощи и с такой тоской в глазах, что он не знал, протянуть ли к ней руки или убежать от страха без оглядки.

В тот день, когда он купил ей наряды, в ее взгляде было столько благодарности, что он даже смутился. Наверное, любая женщина была бы рада такому подарку, но Саманта была больше, чем рада — она была счастлива. И дело даже не в нарядах, она, по-видимому, была счастлива из-за оказанного ей внимания, подумал Майк. Казалось, она была благодарна за то, что кто-то заметил, что она существует.

Что же с ней произошло после смерти матери, размышлял он. Что превратило ее из нормальной, взрослеющей девочки, которая ходила на вечеринки и имела друзей, в молодую женщину, которая неделями могла не просыпаться?

Теперь же она цеплялась за него так, как за него в жизни никто еще не цеплялся. Да, она была испугана, и, надо сказать, не без причины, но в том, как она прижималась к нему, было нечто большее. Казалось, она нуждается именно в нем...

Возможно, сам он попал в Нью-Йорк только потому, что стремился сбежать из своего родного городка туда, где он будет не «одним из Таггертов», а самостоятельным, независимым человеком. В Нью-Йорке он мог быть индивидуальностью, а не картой в колоде.

Улыбаясь, Майк погладил Саманту по голове и поцеловал в лоб. Когда растешь в такой большой семье, чувство, что ты кому-то нужен, не слишком часто возникает. Еще с раннего детства ты обнаруживаешь, что если чего-то не сделал, кто-то другой это сделает за тебя. Если ты не накормил лошадей, это сделает другой. Если ты расстроен, как минимум с десяток людей готовы тебя утешить. Но, насколько он мог припомнить, никто ни разу не сказал: «Только Майк способен это сделать» или «Мне нужен только Майк, никто другой не годится». Даже в школе девочки могли запросто променять его на одного из его братьев. Казалось, для них не было существенной разницы.

Но Саманта нуждалась именно в нем. Во всяком случае, так ему казалось. И он прижал ее к себе еще крепче. Обнимая ее, Майк думал, что до их встречи пребывание Саманты в этом доме представлялось ему некоей повинностью, хомутом на его шее, затянувшейся обязательной встречей, где нужно из вежливости ухаживать, зная, что это впустую. Затем на какое-то время его единственной целью стало затащить ее в кровать. И она достаточно жестко дала ему понять, что это ее не интересует. Жестко! Нет, не жестко, подумал он. Жестоко — вот это вернее; жестоко и оскорбительно. И он потерял к ней интерес, дав ей возможность запереться у себя в комнате и спать. Он позволил ей делать то, что она желала. И только Дафния подсказала ему, что Саманта не просто спит...

Майк протянул руку к ее уху. Саманта была такая маленькая и такая одинокая, и он не без тщеславия подумал, что спас ее дважды: в тот раз, когда не дал ей, по выражению Дафнии, заснуть навсегда, и сегодня вечером, когда был вынужден выломать дверь, чтобы прийти ей на помощь. Завтра же он закажет железные решетки на окна, чтобы она была в безопасности.

— Ты будешь в полной безопасности, девочка, — шептал он, — я тебя защищу.

Прошло какое-то время, прежде чем Саманта перестала дрожать, смогла спокойно дышать и соображать.

Она открыла глаза и через открытую дверь спальни сразу увидела дыру во входной двери своей квартиры, которую Майку пришлось пробить, чтобы прийти к ней на помощь.

— Как?.. — прошептала она, морщась от боли в горле.

— Я услышал тебя, — сказал Майк. — Услышал удары по стене и понял — что-то стряслось. Я думал, может, ты упала или ушиблась. Я даже не предполагал, что... — Он не хотел ей говорить о том, что почувствовал, когда увидел, как этот ублюдок пытается ее убить. Теперь его мучила мысль, почему он не пристукнул его на месте. Но в тот момент для него важнее всего было возвратиться к Саманте и убедиться, что с ней все в порядке. Он не мог терять даже лишнюю секунду на этого незваного посетителя.

— Постарайся не шевелиться, — мягко добавил Майк. — Блэр будет здесь с минуту на минуту. Я хочу, чтобы она тебя посмотрела и убедилась, что с тобой все в порядке.

— Очередная кухня, — с трудом выдавила Саманта, откинув голову и улыбнувшись.

Но Майку было не до шуток. Теперь, когда опасность осталась позади, его стал мучить вопрос, почему Саманту хотели убить. Если это был вор, почему он просто не опустошил ее ларец с драгоценностями или не взял то, что ему было нужно, без всякого покушения на ее жизнь?

— Сэм?

Она прижалась лицом к его груди и обняла его так же крепко, как он ее. Еще совсем недавно она боролась за свою жизнь, а теперь чувствовала себя в полной безопасности.

— Этот человек спрашивал тебя о чем-нибудь? Он к тебе не обращался по имени? Может, он что-то сказал?

Она отрицательно покачала головой. На самом деле человек ей что-то говорил, но она не хотела даже вспоминать, что именно. Сейчас она просто желала забыть обо всем случившемся.

Кажется, ее ответ удовлетворил Майка, так как она почувствовала, что тело его расслабилось. Он осторожно взял ее лицо в ладони и посмотрел на нее. Саманта улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

— Я не хочу, чтобы что-нибудь случилось с тобой, Сэм, — проговорил он, целуя ее в лоб и прижимая ее голову к груди.

В этот момент зазвонил звонок. Майк нежно уложил ее на подушки и побежал вниз по лестнице. Вскоре в комнату вошла симпатичная молодая женщина с медицинским чемоданчиком в руках. Она сразу же приступила к осмотру горла Саманты, одновременно расспрашивая Майка, который стоял чуть позади в одних тоненьких трусиках. Но, кажется, собственный вид его ничуть не смущал, хотя перед ним были две женщины.

— Так что же произошло? — спросила Блэр, пока ее пальцы исследовали шейные позвонки Саманты.

— Какой-то шизик забрался в окно, — ответил Майк. — Может, Сэм проснулась, когда он начал рыться в ее вещах, я точно не знаю.

Саманта потрясла головой.

— Я спала... — начала она. Ее передернуло от боли.

Майк не желал слушать ее рассказ. Возможно, Саманта повернулась во сне и это послужило поводом этому ненормальному попытаться убить ее. Он отгонял мысль о том, что это был очередной маньяк-убийца, убивающий жертву ради самого процесса. Снова подумал о решетках на окна, которые нужно заказать, но, взглянув на чемодан Саманты, стоящий на полу, понял, что никакие решетки больше будут не нужны. Саманта утром покинет этот дом.

Блэр закончила осмотр.

— Мне кажется, что с тобой все будет в порядке. Тебе нужен отдых, и не пытайся разговаривать. Я тебе дам успокоительного, чтобы ты могла спать.

Кивая, Саманта взяла таблетки и запила их из чашки, которую Майк поднес к ее губам. Внезапно ее глаза широко раскрылись в испуге: он схватил ее вместе с простынями и одеялами

и понес вниз.

— Эту ночь ты проведешь внизу, где я смогу приглядывать за тобой, — решительно заявил он, и Саманта не возражала. Она сомневалась, что существует в мире такое снотворное, которое могло бы заставить ее нормально спать этой ночью, и знала, что пролежит без сна, глядя, как тени вокруг одна за другой превращаются в убийц, готовых напасть на нее.

Внизу Майк уложил ее в свою кровать и бережно поправил на ней одеяло, как на ребенке. Затем он и Блэр вышли; Саманта слышала, как они о чем-то тихо говорят, и закрыла глаза, почувствовав, что сон приходит к ней.

— Ну, как она? — спросил Майк свою кузину.

— Все нормально, — ответила Блэр. — Она сильная и здоровая, особого вреда ей не причинили. Она будет совсем здорова через день-два... Небольшие боли в горле, только и всего.

Она захлопнула свой чемоданчик и посмотрела на Майка.

— Конечно, это меня не касается... Но, Майк...

— Ты что, намереваешься начать расспросы о том, что эта женщина значит для меня? Или что-нибудь в этом роде? Могу тебе честно сказать, что не знаю...

— Я не собираюсь расспрашивать о твоей частной жизни, — отрезала она таким тоном, что Майк поморщился. — Я говорю вот о чем: тебе не кажется странным, что Саманта не проронила ни слезинки? Если бы меня кто-то попытался убить, я бы ревела так, что нужно было бы подставлять тазы, чтобы избежать потопа. Ты не задумывался о том, что она может быть в шоковом состоянии?

Майк не знал, что ответить. Теперь, когда он об этом действительно задумался, ему и в самом деле показалось странным, что Саманта не плачет. Его сестры обычно ревели по поводу и без повода.

— Я не знаю. Может, она плачет, уединившись, в полном одиночестве.

— Возможно, — пожала плечами Блэр. — Но я советую, присмотришься к ней. Если она не отреагирует завтра на сегодняшнее происшествие, позвони мне. Может, ей нужно будет кое с кем повидаться.

— Ты имеешь в виду — с психиатром?

— Да, — ответила Блэр. Потом, когда Майк принялся благодарить ее за столь поздний визит, она проговорила:

— Дай я взгляну на твою голову... На следующей неделе снимем швы.

Она обследовала его рану на голове при ярком свете в коридоре.

— Тебе не кажется, что слишком много происшествий за последние несколько дней, а? Сначала тебя погладили булыжником по голове, а теперь кто-то пытался убить девушку, которая живет в твоём доме. Ты не задумывался, что, возможно, существует какая-то связь между этими событиями?

— Конечно же, нет! — поспешно сказал Майк. Но даже Блэр почувствовала в его голосе фальшивые нотки.

— Ну-ну, — буркнула она, поцеловала его в щеку и покинула дом.

Когда Майк возвратился в спальню и увидел Сэм, у него потеплело на сердце. Саманта сонно взглянула на него, он подошел и присел на краешек кровати, взяв ее за руку. На пальце у нее все еще блестело обручальное кольцо, которое он ей надел.

— Этот человек...

— Т-с-с... Помолчи...

Она улыбнулась, когда он поцеловал ее ладонь.

— Он спросил... где деньги Однорукого...

Хорошо, что ее глаза были закрыты, а то бы она увидела, какой безграничный ужас появился при этих словах на лице Майка.

Глава 14

— Доброе утро, — воодушевленно сказал Майк, ставя поднос Саманте на колени.

Она села в кровати сонная, все еще одурманенная снотворным, которое приняла вчера вечером, морщась от боли при попытке сглотнуть.

— Я принес ванильный йогурт, протертую клубнику и только что выжатый апельсиновый сок. И еще рогалики, если, конечно, твое горло сможет с ними справиться.

Она нахмурилась. Что-то он сегодня был слишком веселый после вчерашнего покушения на ее жизнь.

Она поднесла ложку йогурта к губам, попыталась проглотить и скорчилась от боли, но Майк, кажется, даже не обратил на это внимания. Он сел на край кровати — именно так они частенько трапезничали — и положил в рот кусочек рогалика.

— Ты знаешь, Сэм, я тут подумал...

Она открыла рот, намереваясь съязвить по этому поводу, но ее горло слишком болело, чтобы она могла говорить.

— Я подумал, что ты права. Я действительно не уделял должного внимания твоим желаниям и недостаточно проникся твоими переживаниями. Твой отец недавно умер, да и развод, должно быть, ужасно противная штука. Кроме всего прочего, отец ставит такие условия в завещании, что ты вынуждена ехать в ненавистный тебе город, заниматься тем, чем ты вовсе не желаешь. Наверное, все это было для тебя ужасно.

Саманта пристально наблюдала за ним, и самые циничные мысли, которые родились у нее в голове за все это время, разом пришли ей на ум. Ее жизненный опыт подсказывал, что если мужчина начинает рассуждать о чувствах женщины, пытаясь в них разобраться, это означает, что ему явно что-то от нее нужно. Она улыбнулась Майку, что должно было означать, как она признательна и как ужасно ей себя жалко.

— Ну так вот. Я думаю, что тебе необходимо куда-нибудь съездить отдохнуть. Отдохнуть по-настоящему. Где-нибудь, где прохладно, подальше от нью-йоркского зноя. Может, где-то на побережье океана. Так что я тут поговорил с Рейни, надеюсь, не забыла такого? Тот самый, от которого ты так «тащишься». Ну, неважно. Рейни отправляется в городок Варбрук, что в штате Мэн. Это на самой оконечности полуострова... Неописуемой красоты место. Рейни там будет со всей своей семьей. У них есть и гостевой домик, просто замечательный... Ты можешь там читать и отдыхать, сколько душе угодно. Там можно кататься в лодке, ловить всякую морскую тварь и делать все, что захочешь. Если тебе понравится, можешь там остаться на все лето. Я настолько уверен, что ты будешь без ума от этой идеи, что уже договорился с Рейни, и тот за тобой заедет во второй половине дня и отвезет тебя в Варбрук. Отличная идея, не так ли?

Саманта продолжала его изучать, пока он говорил. Его глаза были красными, казалось, он всю ночь не сомкнул их. Кроме того, в них появилось какое-то незнакомое выражение. Почему он так настаивает на ее отъезде? Почему отправляет ее с человеком, к которому еще недавно так сильно ревновал? В этом крохотном, отрезанном от всего мира городишке на краю полуострова она будет под непрерывным присмотром его родственников, и они станут за ней ухаживать. Саманта ни на секунду не сомневалась: Майк задумал все это отнюдь не потому, что действительно считает, будто ей необходим отдых. Еще несколько дней назад он думал иначе.

Она попыталась припомнить все события минувшего вечера. Майк тем временем продолжал расхваливать городишко, о котором прежде отзывался как о дыре, где «ничего нет, кроме воды». Теперь же он утверждал, что это райский уголок, а его родственники — Монтгомери — самые добрые и ласковые люди из всех живущих на Земле. Однако то и дело повторяющаяся фраза: «Они за тобой присмотрят» — заставила Саманту насторожиться.

Она протянула руку через поднос к тумбочке, где взяла блокнот и карандаш.

«Кто такой Однорукий?» — написала Саманта. Потом вырвала страницу и протянула ее Майку. И, увидев, как он побледнел, поняла, что в этом вопросе кроется объяснение его поведения.

— У тебя красивый почерк. Ты знаешь? Кругленькие «о» и «а». Вот я пишу угловато.

«Кто такой Однорукий?» — еще раз написала Саманта и протянула ему листок.

У Майка был вид, как у загнанного зверя. Он откинулся на кровати и крепко зажмурил глаза, будто был переполнен страданием.

— Саманта, — усталым голосом произнес он. Очевидно, так он ее называл, когда бывал раздражен. — Это не игра в бридж. Это игра на крупные ставки, и она опасна. Я не подозревал, насколько она опасна, а то бы я тебя в это не втянул. Но уж если так вышло, то теперь моя обязанность вытащить тебя отсюда и спрятать в безопасном месте.

Тогда она написала: «Если ты мне не скажешь, кто такой Однорукий, то я позвоню деду и спрошу у него».

Лицо Майка перестало выражать страдание, теперь на нем был написан неподдельный страх.

— Ты не понимаешь, — тихо сказал он. Так говорят обычно тогда, когда боятся сорваться и заорать в бешенстве. — Ты должна пообещать, что не позвонишь этому негодяю!

Саманта, нахмурившись, написала: «Это же мой дед!» Майк вскочил с кровати и несколько минут ходил из угла в угол.

— Сэм, я совершил ошибку... большую глупость. Я тебе с самого начала нашего знакомства говорил, что считаю условия завещания твоего отца отвратительными. Мне нужно было сразу, как я хотел, дать добро на выплату тебе денег, без всяких условий, связанных со встречей с Бэрретом. Но я повел себя как настоящий эгоист. Мне очень хотелось с ним поговорить. Никто, видишь ли, не видел его много лет, и мне...

Он резко остановился. Затем устало потер глаза.

— Я не знаю, приходится Бэррет тебе дедом или нет. Однако я наверняка знаю, что это за человек. Я специально не рассказывал о нем всего — боялся, что тогда ты откажешься с ним встречаться. А теперь расплачиваюсь за то, что скрыл от тебя правду.

Убрав с постели поднос, он присел на кровать и вновь взял ее за руку.

— Ты постоянно твердишь, что я тебе вру. Возможно, так оно и было. Но у меня на то была причина.

Он коснулся ссадин на ее шее.

— Тебя могли вчера убить. Это было бы на моей совести. Мне следовало тебе все рассказать с самого начала. Следовало сразу после смерти твоего отца отдать тебе деньги. Мне нельзя было даже допускать твоего приезда в Нью-Йорк.

Вытащив из-под одеяла вторую руку, Саманта положила ее на руку Майка. Он был совершенно искренне расстроен всем случившимся. Поймав его взгляд, она улыбнулась. Но на его лице улыбки не было.

— Если я расскажу тебе, что знаю о Бэррете, ты уедешь из Нью-Йорка? Ты согласна поехать к моим родственникам и оставаться под защитой моей семьи до тех пор, пока я не решу эту проблему?

Но как же она могла пообещать такое? Она даже еще не знала, о чем он говорит. Сначала она считала, что ее пытался убить грабитель, но теперь до нее стало доходить, что этому человеку нужны были не вещи, а именно она. Почему? Что же это такое, какая такая тайна, ради которой, по мнению кого-то, ее нужно убить?

Майк чувствовал ее сопротивление, но он понимал ее. Может, он и недостойн ее доверия после того, как использовал ее, чтобы встретиться с этим стариком. Майк судорожно сглотнул. Нет такой книги, ради которой можно было бы пожертвовать человеческой жизнью.

— Сначала о Бэррете, — тихо начал он, — я хочу, чтобы ты поняла, что это за человек. Сэм, прошу тебя, не возвеличивай его. Не надо наделять его божественными чертами только потому, что он может оказаться, а ведь может и нет, твоим родственником.

Он сердито сжал губы, увидев, с каким выражением лица Саманта лихорадочно начала царапать новую записку.

«Может, он и сделал что-то плохое в прошлом, но сейчас он...»

Майк схватил ее руки раньше, чем она успела дописать предложение, и крепко сжал запястья. Но через секунду отпустил их, пытаясь успокоиться.

— Ты слышала, как к нему обращаются? «Док», не так ли?! Ты не догадываешься почему? Нет,

не отвечай. Скорее всего ты думаешь, что он получил почетное звание ДОКТОРА каких-то наук.

Майк сделал паузу и решительно посмотрел на нее.

— Его называют «Док», или «Доктор», потому что это сокращение от его настоящей клички в преступном мире. Его прозвали «Хирург».

Саманта отвернулась, но он взял ее за подбородок и заставил смотреть на себя.

— Мне плевать, хочешь ты это слышать или нет. Я тебе расскажу это в любом случае. Когда Бэррету было всего лишь девять лет, его мать — проститутка — бросила его. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь даже отдаленно догадывался, кто его отец. Но, кем бы его мать ни была, Бэррет любил ее. Наверное, его сильно задело, когда она взяла и так просто ушла от него. Много лет подряд худенький ребенок боролся за свое существование. Сначала он чуть не умер от голода. Потом украл из ресторана кухонный нож и научился «пользоваться» им по иному назначению. Существует легенда, правда, я так и не нашел ей подтверждения, что он отрубил пальцы другому парню за то, что тот пытался вынуть из мусорного ведра объедки: Док считал, что это ведро на его территории.

— Не может быть, — прошептала Саманта, хватаясь за горло от боли. Но Майк продолжал:

— Когда Бэррету исполнилось четырнадцать, он из-за недоедания выглядел как десятилетний, и ему к тому времени надоело жить впроголодь. Боссом преступного мира тогда был Скальпини, и Бэррет решил на него работать. Ему пришлось потратить уйму времени, чтобы пробраться к нему через заслон телохранителей. Но однажды вечером это ему удалось, когда Скальпини ужинал в своем любимом итальянском ресторанчике. Охранники попытались дать Бэррету под зад, но Скальпини сказал, что желает выслушать предложение этого парнишки. Бэррет заявил, что хочет работать на него, что он согласен сделать для него все. Все что угодно. Все присутствующие, включая Скальпини, захохотали. Выглядел он тогда совсем ребенком. Но Скальпини, продолжая смеяться, бросил такую фразу: «Эй, парень, принеси мне сердце Гуццо, тогда я тебя возьму на работу».

Вновь Саманта попыталась отвернуться от Майка. Она не догадывалась, к чему приведет этот рассказ, но знала, что дослушивать до конца не желает. Майк молчал, пока она снова не посмотрела на него.

— На следующий день, когда Скальпини сел ужинать, этот грязный заморыш вновь попытался пробиться к нему через заслон охранников. Скальпини, которому, наверное, понравилась настойчивость парня и его почитание авторитетов, замахал, чтобы того пропустили. Бэррет достал из кармана куртки кровавый сверток и бросил его на тарелку Скальпини. Тот развернул газету — в ней оказалось человеческое сердце.

Саманта какое-то время молчала, глядя на Майка и чувствуя, как кровь отливает от ее лица. Затем она прошептала лишь одно слово: «Как?»

— Пять раз в неделю, ровно в четыре часа дня Гуццо посещал любовницу и оставался у нее в течение полутора часов. Он любил хвастать, что все это время занимается с ней любовью. Однако всем было известно, что это ложь.

Правда заключалась в том, что он к даме и не прикасался. За два квартала можно было слышать его храп. Бэррет был такой худой, что смог влезть через трубу прямо в спальню, полоснуть спящего по горлу, а потом вырезать его сердце. Несколько минут спустя в комнату

вошла любовница Гуццо и, увидев его распоротую шею и глубокую кровавую дыру в груди, начала кричать. Пользуясь неразберихой и паникой, Бэррет вышел через парадную дверь и, остановившись лишь раз, чтобы смыть сажу с лица и рук, направился напрямик к Скальпини и вручил ему «посылку». Один из телохранителей, глядя на сердце, сказал, что оно так аккуратно вырезано, будто работал хирург. Так Бэррет получил свою кличку. Спустя годы она преобразовалась в более благородную и короткую «Док».

Майк растянулся на кровати, дав Саманте возможность осмыслить услышанное.

— То небольшое, что мне удалось узнать о Доке, позволяет сказать, что практически вся история, которую он поведал вчера, является ложью. Возможно, не ложью, а перетасовкой фактов... Начать с того, что Док старался разжалобить тебя, рассказывая, что все это происходило в трудные времена Великой депрессии. Однако крушение товарной биржи было после 1928 года. К тому же Скальпини устроил облаву вовсе не потому, что в этот день выручка Дока была особо крупной. Просто Док обогнал Скальпини и собрал всю дань, ему не принадлежащую. Выручка составила около трех миллионов долларов.

Майк взглянул на Саманту. Она слушала его внимательно, с широко раскрытыми глазами.

— Человек, который обобрал Скальпини, был не кто иной, как друг Дока, единственный, кому Док, по его собственным словам, доверял, — Джо, или, как он лучше известен, — Однорукий Джо.

Майк наморщил лоб.

— Хочешь узнать, как этот человек получил свою кличку?

Саманта отрицательно покачала головой, но это ни на секунду не остановило Майка.

— Однорукий был старше Дока. Насколько Док был сообразительным, настолько Джо был тупым. Никто точно не знает, родился ли он недалеким, или приобрел умственную отсталость вследствие папашкиного хобби лупить ребенка по голове всем, что попадет под руку. Друзья встретились впервые, когда Джо было семнадцать, а Доку — десять. Джо привязался к Доку, как преданная собачонка. Когда Док стал работать на Скальпини, Джо последовал его примеру. Они везде были вместе, делали все вместе. Когда конкурирующие гангстеры обстреляли Дока из автомата, Джо оттолкнул своего приятеля. В его левую кисть попало четыре пули, и ее просто разорвало.

Майк поднял левую руку и показал, что у Однорукого остались на руке только большой и еще два пальца.

— С этого момента он получил свое прозвище и одновременно стал еще более предан Доку. Кажется, он тогда окончательно убедился, насколько его жизнь теперь зависит от благополучия и сохранности этого человека. Поэтому он даже спал под дверью Дока, охраняя его покой. Но вот настал 1928 год — и все пошло кувырком. Док хотел возглавить весь нелегальный бизнес в Нью-Йорке. Для этого ему нужно было избавиться от Скальпини. Док потратил месяцы на разработку плана ограбления Скальпини и его убийства, которое должно было последовать за этим. Все шло по графику, кроме одного. Скальпини не стал дожидаться, чтобы выяснить, кто его ограбил. Он просто взял своих ребят и поехал в клуб, чтобы перестрелять там всех. Им не удалось убить Дока. Но они расстреляли Джо — единственного человека, который знал, где спрятаны три миллиона долларов.

Майк перестал рассказывать, и Саманта написала ему новую записку: «Но почему покушались

на меня?»

— Я не подумал о том, что другие тоже знают о случившемся. В криминальном мире легенда о деньгах Однорукого так же популярна, как о золоте Атлантиды. Многие подозревают, что деньгами завладела Макси и это явилось причиной ее исчезновения. Она хотела скрыться от Дока и банды. У нее появилась такая возможность, и она использовала ее. Док сказал тебе, что Однорукий был ранен в голову и умер на месте. Однако люди рассказывают, что Однорукого так часто лупили по голове, что он выдержал шок. Говорят, он жил после ранения достаточно долго, чтобы рассказать Макси, где спрятаны деньги.

Майк выдержал паузу, пристально глядя на Саманту.

— О чем долгие годы не знали ни Док, ни Скальпини, так это о том, что их деньги были заранее помечены Федеральным бюро расследований. Если бы деньги не исчезли в тот вечер, их обладатель неминуемо был бы осужден. Кто бы ни отнял их у Дока, он спас его от тюрьмы.

Саманта написала: «Они были найдены?»

— Не совсем. Ни да, ни нет. В 1965 году в Париже «всплыла» одна меченая стодолларовая купюра.

Саманта слушала, затаив дыхание. Ее поразила дата.

— Да, да, — кивнул Майк. — Это год, когда Макси, твоя бабушка, бросила мужа и семью. Это было 37 лет спустя после кровавого побоища, и никто уже не искал эти деньги. Старая банкнота была обнаружена случайно опытным работником казначейства. После этого случая вновь возобновились поиски меченых денег, но они больше не появлялись или, во всяком случае, не попадались на глаза. Клерк, который обнаружил меченую банкноту, только что вернулся из шестимесячного отпуска. Так что все три миллиона могли пройти через казначейство раньше незамеченными.

На Саманту навалилось слишком много информации, чтобы переварить ее зараз.

Майк взял поднос и направился к двери. Вернувшись в спальню, он заявил, что теперь Саманте нужно немного поспать после ночного кошмара. Кроме отдыха, ей нужно время, чтобы зажило горло. Он начал ее «упаковывать» в одеяла, но внезапно остановился.

— Когда ты в последний раз плакала? — нежно спросил он.

Саманта отвернулась от него, нахмурившись.

Майк взял ее за подбородок и повернул ее лицо, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Я не уйду, пока не дождусь ответа. — Он передал ей блокнот и карандаш.

Бросив на него негодующий взгляд, она написала: «В тот день, когда директор школы пришел сообщить мне о смерти матери».

Глава 15

В этот день Саманта не уехала из Нью-Йорка. Но она была вынуждена пообещать Майку, что будет во всем слушаться его, если задержится здесь еще на пару дней, — Блэр сказала, что за это время должно пройти ее горло, и она опять сможет говорить. В действительности же ей

нужно было прийти к определенному решению. Она подумала, что лучше это сделать там, где она сейчас есть, чем на новом месте, к которому нужно еще привыкнуть.

Уговорить Майка было нелегко, так как он был убежден, что Саманте лучше немедленно покинуть город и скрыться в безопасном месте. Он больше не желал, чтобы она имела какие-нибудь дела с Доком и вообще с чем-нибудь, хоть как-то связанным с Макси и со всем этим расследованием. Саманта спросила его в записке, будет ли он продолжать работать над биографией Дока. И когда он ответил утвердительно, не стала заострять внимание на том, что он находится не в большей безопасности, чем она сама. Кто-то точно так же мог решить, что он знает о деньгах Однорукого.

Саманта не хотела покидать этот дом, не хотела садиться в машину с другим мужчиной и переезжать на новое место. Она не хотела расставаться с Майком.

Когда она проснулась, день клонился к вечеру. Майк принес ей обед на подносе. Он выглядел усталым, и на лице была двухдневная щетина. Он хотел, чтобы она опять заснула, но она знаками показала, что хочет посидеть на диване.

Майк нехотя согласился. Затем взял ее на руки и отнес в библиотеку, где уложил на диван и прикрыл пледом, будто она была совершенно беспомощна. Когда она устроилась поудобнее, он подошел к письменному столу и начал перебирать кипу бумаг.

Саманте хотелось побольше узнать о человеке, который, возможно, является ее дедом. Поэтому она написала Майку записку, что хочет печатать его записи. Он не разрешил ей сесть за письменный стол, где стояла ее «персоналка», но спросил, существуют ли компактные компьютеры, которые можно положить на колени, и попросил написать название, чтобы он смог заказать нужную модель. Саманта попробовала возразить, заявляя, что такие компьютеры слишком дороги и к тому же она вполне сможет сидеть за столом и работать, но Майк решительно отмахнулся. Наконец она согласилась и написала название компьютера достаточной мощности и «мыши» к нему. Майк позвонил в магазин, а через два часа аппаратура была доставлена на дом.

Пока Майк принимал душ, Саманта встала с дивана, подключила к цветному дисплею настольного компьютера «мышь» и настроила «компьютерную игру». В это время вернулся Майк, еще мокрый, в одних только белых теннисных трусах (Саманте показалось, что от этого зрелища ее сердце тотчас остановится) и сразу уставился на экран большого компьютера, где началась игра. Будто загипнотизированный, он направился к письменному столу, прикоснулся к «мышь» и, когда маленький человечек на экране задвигался, полностью отключился. Саманта с улыбкой смотрела на его красивую широкую голую спину, склоненную над игрой. Но она просто не могла понять, как человек, который проявил такое тупоумие в обучении печатанию на компьютере, за несколько секунд освоил правила компьютерной игры.

Незаметно для себя она заснула и проснулась, лишь когда почувствовала, что ее берут на руки. Инстинктивно Саманта начала сопротивляться. Но человек крепко прижал ее к себе и прошептал: «Это я... я, Майк».

Она мгновенно расслабилась в его объятиях, все еще до конца не проснувшись и чувствуя боль в горле. Но когда он опустил ее на свою кровать, она вновь запаниковала, пытаясь вырваться от него.

Майка поразила ее реакция. Он отступил назад, лицо его было искажено гневом.

— Я не насильник! — процедил он сквозь сжатые зубы. Я не собираюсь причинять тебе боль и

не стану ложиться в постель с женщиной, которая этого не желает.

Он развернулся и направился к двери, протянув руку к выключателю, чтобы погасить свет.

— Если я тебе буду нужен — я в соседней комнате. — Голос его звучал сухо и холодно.

Саманта долго не могла заснуть в громадной кровати Майка, на его подушках. Лежала, глядела в потолок и размышляла. Она явно вела себя несоответствующим образом. Впрочем, когда дело касалось мужчин, так было всегда.

Утром, когда она проснулась, то поначалу не могла понять, где находится. Когда же поняла, что это спальня Майка, ее охватило чувство полной безопасности. Кто-то успел повесить для нее на стуле чистую одежду. Этот кто-то, естественно, был Майк. Она выбралась из постели и надела джинсы и майку. На ноги ничего не было, будто Майк боялся, что, обувшись, она тотчас сбежит из дома. Саманта босиком проследовала в ванную. Это была личная ванная Майка. На полке были аккуратно расставлены несколько бутылочек, флакончиков и баночек. Взяв в руки одеколон после бритья, она понюхала, улыбнулась и поставила его на место. Затем отодвинула стеклянную дверку, закрывающую саму ванну, и посмотрела, каким шампунем он пользуется. В ванной комнате была еще одна дверь. Саманта приоткрыла ее и увидела спальню. Постель была вся измята, очевидно, на ней недавно спали. Майк наверняка ночевал здесь — ближе всего к Саманте.

Исследовав ванную комнату, она возвратилась в спальню и открыла дверку встроенного шкафа, хотя и упрасивала себя этого не делать. Это была целая темная комната с полками и вешалками. Там царил идеальный порядок. Вещей у Майка было не так уж много, но все высшего качества. Она прикоснулась к рукаву пиджака цвета сливок, сшитого из грубого шелка. Потом вынула пиджак вместе с плечиками и полюбовалась на его покрой — с широкими плечами и узкой талией, как у самого Майка. Пиджак явно не был куплен в магазине, а сшит на заказ. На ярлычке было вышито название лондонской фирмы.

Она повесила пиджак на место, прошлась рукой по висящим рубашкам и брюкам. Потрогала до блеска начищенные ботинки, выстроенные в ряд. Потом закрыла дверку и подошла к большому шкафу в глубине спальни. Немного поколебавшись, она все же начала выдвигать ящики. В них лежало нижнее белье, свитеры, рабочая одежда, носки... Открыв нижний правый ящик, Саманта увидела большую серебряную рамку для фотографии, положенную лицевой частью вниз. Не в силах сдержать любопытства, она взяла рамку и увидела портрет очень эффектной молодой женщины с копной черных волос и тонким, интеллигентным, даже аристократичным лицом. На портрете была надпись: «С любовью, Ванесса».

Положив на место фотографию в рамке, Саманта задумалась: почему Майк спрятал ее, почему он не хочет, чтобы она, Саманта, знала, что у него существуют серьезные отношения с красивой, любящей его девушкой? Хотя вообще-то мужчина всегда старается внушить каждой женщине, что она у него единственная... Она припомнила вчерашний день — его слова, что он не насильник. Он не пытался овладеть ею, но Саманте казалось, что да...

Она оделась и пошла на кухню, где нашла Майка, сидящего за обеденным столом. На ее приветствие он недовольно заметил, что ей не нужно было вставать с постели. Она пыталась было возразить, но по выражению его лица поняла, что ей не удастся настоять на своем. Ничего не оставалось, как снова отправиться в кровать. Она взяла с полки очередную книгу, но так и не стала ее читать.

Ближе к полудню пришла Блэр и осмотрела горло Саманты. После осмотра сказала, что все

должно пройти к завтрашнему дню, но по возможности лучше еще денек не разговаривать. Когда Блэр и Майк вышли в гостиную, Саманта вылезла из кровати и неслышно последовала за ними.

Блэр склонилась над Майком и осматривала его голову. Ни он, ни она не заметили Саманту, она быстро проскочила по лестнице к себе наверх и начала прихорашиваться. А когда спустилась вниз, то обнаружила Майка сидящим во дворике за столом, уставленным едой.

— Хочешь поесть? — спросил он, не глядя на нее. Саманта открыла было рот, но тут же закрыла. Как можно ему объяснить то, что она сама не знает.

Солнце играло в его волосах, и стала отчетливо видна белая полоска шрама. Майк не шелохнулся, когда Саманта подошла к нему и, протянув руку, дотронулась до его головы. Тогда она подошла еще ближе и стала рассматривать рану. Десять швов стягивали ее края. Без сомнения, этот шрам имел непосредственное отношение к ней и к ее ноющей сейчас шее.

Не отдавая себе отчета, она склонилась и поцеловала шрам. Майк по-прежнему сидел неподвижно. Впервые он не кинулся обнимать ее, не проявил обычных для него «порывов». Его спокойствие подбодрило Саманту. Она поправила ему волосы, аккуратно прикрыв ими шрам.

Потом она отошла от него, обошла стол и села напротив. Майк как-то странно поглядывал на нее, будто пытаясь разобраться в ее сущности. Ей ужасно хотелось сказать ему, чтобы он и не пытался этого делать, что она вовсе не такая, как все, что ее нельзя подогнать под определенный стандарт.

Майк молчал, продолжая есть и погружившись в свои мысли.

В час дня зазвонил телефон. Майк поднял трубку и расплылся в улыбке.

— Я так рад, — сказал он, — поздравляю... Одну секундочку, мне нужно спросить Сэм.

Он зажал рукой трубку телефона и обернулся к Саманте.

— Ты не против маленькой компании? Только что моя подруга сдала экзамен и решила это дело сегодня обмыть. Она и еще кое-какие люди хотят подскочить ко мне...

Улыбаясь, Саманта кивнула. Хотя она с некоторым предубеждением относилась к подружкам Майка. Что же это за экзамен сдала его подружка в баре?

Чтобы никто не увидел ссадин на ее шее, Саманта переоделась в водолазку. Час спустя, увидев наконец друзей Майка, она была приятно удивлена. Их было четверо. Одна пара — Джесс и Энн — были женаты чуть больше месяца, вторая пара — Вен и Кори — были помолвлены.

Именно Кори сегодня и защитилась, что давало ей право заниматься адвокатской деятельностью. Она была родом из того же маленького городка Чандлер, штат Колорадо, что и Майк.

Когда эта веселая компания, нагруженная бутылками шампанского, вошла в дом и увидела лежащую на диване Саманту, по выражению их лиц стало понятно, что они думают об их с Майком отношениях.

Майк быстро исправил положение.

— Саманта моя квартирантка, — пояснил он. — Снимает квартиру наверху. — Затем он сообщил, что бедняжка упала на лестнице, поранила шею о перила и поэтому не может говорить. Саманта в это время поправляла воротник водолазки, чтобы гости не заметили, что ее синяки имеют форму пальцев.

Услышав, что Саманта всего-навсего снимает здесь квартиру, друзья Майка переглянулись с явным недоумением. Судя по тому, что Саманта лежала на диване в библиотеке Майка, закутанная пледами, это все-таки были не совсем обычные отношения между хозяином и квартиранткой.

Для Саманты присутствие других людей в доме было явно на пользу, потому что их смех развеял напряженность, которая возникла между ней и Майком.

С двенадцати лет Саманта вела замкнутый образ жизни. Наиболее общительной в их семье была мать — она всегда являлась инициатором пикников, обедов, благотворительных мероприятий. После ее смерти Саманта осталась с отцом, который редко общался с другими людьми. Затем она вышла замуж. Муж предпочитал веселиться в одиночестве.

А вот Майк был «стадным животным», и чем больше было народу вокруг, тем он уютнее себя чувствовал.

Джесс оказался фанатом компьютеров, поэтому, когда он увидел аппаратуру в библиотеке Майка, у него сразу зачесались руки скорее ее включить. Майк объяснил, что вся заслуга в выборе этой электроники принадлежит исключительно Саманте.

Пробегая на дисплее «меню», Джесс остановился на игре «Сиерра», и через несколько минут трое мужчин собрались вокруг компьютера, передвигая по столу «мышь» и споря, куда нужно двигаться, как лучше спастись от «пчел» и «бандитов».

Саманта, лежа на диване, наблюдала за этой картиной и удивлялась про себя, как за столько короткое время Майк смог так хорошо освоить «компьютерные игры»; двое других выглядели по сравнению с ним просто недоумками. Взгляд ее все время возвращался к Майку: она смотрела, как он ходит, как переливаются под одеждой его напряженные мускулы, смотрела на темные завитки его волос.

Неожиданно она осознала, что недавно чуть не погибла. Вспоминая, как железные руки сжимали ее горло, она почти почувствовала, как жизнь «выжимается» из ее тела. А ведь пока ее душили, она все время знала про себя, что Майк придет, чтобы спасти ее, по первому зову, если, конечно, она сможет как-то позвать его.

Теперь, вспоминая о случившемся, Саманта поняла, что удар пяткой по стене — это слишком слабый сигнал, чтобы его принял спящий человек. Каким же образом Майк услышал ее тихий «sos»? Как он догадался, что эти слабые удары были призывом о помощи, а не посторонним шумом? Она ведь могла повернуться во сне и задеть стену.

Тем не менее Майк как-то услышал и понял ее и пришел ей на помощь. Саманта вспомнила о дыре во входной двери. По ее телу пробежали мурашки. Майк ведь пробил эту дверь ногой и через дырку смог открыть замок. Пробил монолитную дубовую дверь. На это способен, наверное, лишь бульдозер, подумала Саманта.

Она попыталась взглянуть на Майка отвлеченно. Неужели он действительно самый красивый мужчина на свете или он такой лишь для нее?

Она разглядывала его. Ее взгляд перешел с лица на могучую шею, затем на обнаженную руку с рельефно выделяющимися мускулами, на тонкую талию, плоский и твердый, без грамма жира, живот. Потом спустился ниже: шорты, ноги — волосатые и загорелые.

Подняв глаза, она увидела, что Майк пристально смотрит на нее. Саманта быстро отвернулась, не желая показывать, что рассматривает его.

Майк отошел от своих друзей и присел рядом с Самантой на диван. За его спиной мужчины спорили по поводу игры, а женщины в саду любовались цветами:

— С тобой все нормально? — спросил Майк, поправляя плед, хотя в комнате было достаточно жарко.

Она кивнула, глядя на свои ладони.

Майк нагнулся и, просунув руку под высокий воротник, дотронулся до ее шеи в том месте, где остались синяки. Пальцы скользнули по шее и начали гладить затылок, в то время как большой палец гладил ее нижнюю губу.

У Саманты перехватило дыхание. Ее глаза смотрели в глубину его темных глаз. Казалось, они в комнате вдвоем, хотя она и ощущала присутствие других людей. Когда Майк придвинулся ближе и его губы почти коснулись ее губ, обжигая их своим жаром, она не смогла собрать силы, чтобы дать отпор.

Он прикоснулся губами к ее губам, и она медленно закрыла глаза. Но тут же широко распахнула их, почувствовав, что он слегка отстранился. Он смотрел на нее. Она не могла понять, что значил этот взгляд.

— Сэм, — выдохнул он и поцеловал ее искренне, от души, не агрессивно, а нежно и мягко, будто хотел без слов сказать ей что-то ласковое, ободряющее, дать ей понять, как она ему нужна.

Ее рука потянулась к его шее. Боже, подумала она, дотрагиваться, ощущать Майка, ощущать тепло его тела, тела, которое она рассматривала так часто, чувствовать под пальцами завитки его волос... Она притянула его голову к себе. И он послушно склонился, сливаясь с ней, смыкая губы в единое целое.

Саманта все глубже зарывалась в подушки, ее рука обхватила шею Майка, губы немного раскрылись, чувствуя горячую нежность его языка. Он не давил, не был грубым и настойчивым. Он не навязывал свои ласки.

Майк не выдержал первым и отпрянул от нее. Ее сердце стучало как молот, дыхание участилось.

— Тебе так нравится больше, родная? — прошептал он.

— Я... — Но он вновь прижался к ее губам, не позволяя говорить.

Его ладони сжали ее скулы, большие пальцы скользнули по ее щекам, затем прикоснулись к бровям, носу, губам... И опять он отпрянул, отстранив ее от себя дрожащей рукой.

— Ты творишь со мной что-то страшное. Не знаю что, но это ощущение особое... я испытываю его с первого дня нашей встречи.

Приход женщин из сада возвратил их к реальности. Майк встал с дивана и выпрямился. Но в его глазах по-прежнему было столько желания, — оно буквально горело в них — что можно было подумать, будто он все еще целует ее.

— Мы не помешали? — спросила Энн. — Майк, ты и... э... твоя квартирантка... вы хотите, чтобы мы ушли?

— Напротив, я бы предпочел, чтобы вы остались. Этот дом становится, как бы сказать, намного приветливее, когда в нем много народу.

Саманта опустила голову, пытаясь спрятать от посторонних глаз появившийся на щеках румянец. То, что сказал Майк, была сушая правда: она действительно чувствовала себя в большей безопасности, если в доме был кто-то еще, кроме них двоих. Она была убеждена: когда в доме находятся люди, Майк не пойдет настолько далеко, что она не сможет противостоять ему.

К четырем часам все просто умирали от голода, и Джесс заказал обед, которого хватило бы человек на двадцать. Когда все уже стояло на столе в саду, Майк собрался взять Саманту на руки, чтобы вынести из дома.

Когда она начала сопротивляться, он приказал ей замолчать.

— Когда мы остаемся одни, ты себя ведешь так, будто я какой-то сексуальный маньяк. Однако позволяешь мне целовать себя, когда дом полон народу. Если ты себя чувствуешь более раскрепощенной при посторонних людях, я приму меры, чтобы дом был всегда полон. А теперь веди себя тихо, дай мне отдохнуть в компании.

Она не могла удержаться от улыбки и, когда он ее поднял, уткнулась лицом в его плечо. Майк поцеловал ее в лоб.

— Сэм, пойдешь со мной в постель, не пожалеешь ни секунды. Обещаю...

Она засмеялась. Но он ее не соблазнил... вернее, соблазнил не до конца. Их нынешние взаимоотношения нравились ей гораздо больше, чем то, что обычно происходит в постели. Ей нравились его прикосновения, нравилось, как он обнимает и целует. Нравилось чувствовать его дыхание на своих губах, нравился вид его напряженных мышц, играющих под одеждой. Ей нравилось сидеть рядом с ним, нравилось, когда он склоняется над ней, чтобы укутать ее в одеяло... Вообще ей больше нравились отношения между мужчиной и женщиной до того, как он получит от нее то, что хочет. После этого обычно все менялось.

За обедом Майк и его друзья шутили и смеялись. Они болтали о людях, которых Саманта не знала, но всегда старались ввести ее в курс дела, делая для нее пояснения.

Кори рассказывала истории из детства Майка. Она ткнула в его сторону пластмассовой вилкой:

— Ты рассказал Саманте, что ты сделал с одеждой подружек твоей сестры?

Майк со смущенной усмешкой глядел в свою тарелку.

— Как-то забыл об этом упомянуть.

— Эти девочки в белых платицах... — засмеялась Кори.

Когда были упомянуты белые платица, Саманта явно насторожилась. Она хотела, чтобы Кори рассказала эту историю, но та взглянула на Майка, на его умоляющие глаза и отказалась, заявив, что это дело Майка. И он как только его ни уговаривали рассказать, тоже наотрез отказался.

После обеда все прошли в гостиную. Майк поставил на проигрыватель пластинку с ариями из опер Пуччини в исполнении Кири Те Канава. Начался общий разговор. Под шумок Саманта зажала Кори в угол и написала записку: «Расскажи о Майке».

— Что ты хочешь знать?

Саманта жестом показала, что все, что расскажет Кори, ей будет интересно.

— Ну, я даже не знаю, с чего начать... У него одиннадцать братьев и сестер, и... — Кори рассмеялась, увидев, как при этом сообщении у Саманты вытянулось лицо, — ...в Чандлере вообще полно Таггертов...

Саманта написала: «Они очень бедные?» Кори опять засмеялась, положив руку Саманте на плечо.

— Тебе нужно задать этот вопрос самому Майку. Ну так вот, что мне еще о нем рассказать? Майк имеет ученую степень бакалавра математики. Он уже подготовил материал для защиты докторской, но неожиданно заинтересовался этим своим старым гангстером и так и не защитился. — Она посмотрела на Саманту. — Его отец мечтает, чтобы он закончил работу над диссертацией. Может, ты воздействуешь на него?

Саманта пожала плечами, давая понять, что не имеет влияния на Майка. Они ровным счетом ничего не значат друг для друга. Всего лишь соседи на какое-то время. А то, что Майк тратит столько сил и энергии, чтобы ее соблазнить, — что же здесь особенного? Насколько можно судить, все мужики только и делают, что пытаются добиться женщин. И «до» процесс ухаживания мало что значит, а «после» и того меньше.

— Майк! — громко позвала Кори, взяв с полки калькулятор. — Сколько будет двести тридцать семь умножить на две тысячи семьсот восемьдесят один?

Майк, не обернувшись, как бы машинально, тут же ответил:

— Шестьсот тридцать пять тысяч триста девяносто семь.

Кори показала Саманте результат на дисплее калькулятора. Цифры совпадали.

— Вся семья такая, — прошептала она. — Когда они учились в школе, все считали, что им нужно выступать в цирке.

Кори сжала руку Саманты.

— Майк хороший парень... По-настоящему хороший парень.

Саманта посмотрела на Майка. Тот обернулся и подмигнул ей. Она улыbnулась.

«Почему ты так любишь белый цвет?» — написала Саманта в блокноте. Она вновь лежала в кровати Майка. Дом был снова пуст, кругом тишина. Саманта очень устала. Несмотря на то что она практически ничего не делала сегодня, день был утомительным. Ей безумно хотелось

спать. Она вовсе не хотела продолжения того, что они делали там, в библиотеке, на диване.

— Ты уверена, что хочешь это знать?

Она кивнула. Майк поправил одеяло и, несмотря на ее протесты, разлегся на кровати и положил голову ей на колени.

— Когда мне было лет пятнадцать, моя сестра — тогда было около девятнадцати — пригласила отдохнуть на недельку четырех своих подружек из колледжа. Мне казалось тогда, что эти девочки самые красивые в мире создания. Я неотступно везде следовал за ними, а они меня безбожно дразнили... До сих пор не знаю, что меня дернуло, но в один прекрасный день, пока они ходили купаться, я собрал всю их одежду, принес в подвал, бросил в стиральную машину, налил три кружки хлорки и простирнул все это в кипятке. Когда девочки вернулись с купания, им было не в чем ходить, кроме как в своих купальниках и выцветших, сильно севших платьях... Это было изумительно, — задумчиво глядя вдаль, заметил Майк. — Малюсенькие шортики... Микроскопические маечки... Платья, которые даже не прикрывали бедра...

«Что с тобой за это сделали твои родители?» — написала Саманта.

— Им потребовалось полдня, чтобы вычислить, кто это сделал. Ты же знаешь, у меня еще есть братья. Но они все же узнали. Мама сказала, что за такие дела меня нужно поставить к стенке, завязать глаза и раздать девочкам ружья. Как альтернативу отец предложил отвести меня подальше от дома и выпороть. Ну, мы вышли из дома, отошли, он хмуро посмотрел на меня, потрепал по волосам и отправил до конца недели к дяде Майклу. Однако предупредил, чтобы я прихрамывал, если попадусь на глаза маме.

«ЭТО ВСЕ, ЧТО С ТОБОЙ СДЕЛАЛИ ЗА ЭТО?!?!» — написала Саманта.

— Ну да. Отец отвез девочек в Денвер и купил им там новую одежду. После их отъезда папа дал мне маленькое беленькое платьице, у которого были оторваны спереди все пуговицы. Папа сказал, что одна гостья надела его к завтраку, но, когда потянулась взять что-то со стола, все пуговицы от напряжения отскочили... Он даже припас мне одну пуговицу на память.

«Почему же девочки сразу не одолжили одежду у твоих сестер или мамы, чтобы прикрыться?»

Майк был явно удивлен, потом начал улыбаться, потом засмеялся.

— Насколько же замечательный вопрос! Может, им нравилось, как мой отец и братья с восторгом глазают на них.

Все еще посмеиваясь, он приподнялся, а затем встал с кровати, потянулся и зевнул. Все это время Саманта не могла оторвать взгляда от его тела, особенно когда его рубашка задралась, оголив торс. Интересно, имеет ли он сам представление, как он выглядит в таком виде, подумала Саманта.

Неожиданно Майк прекратил зевать и уставился на нее, будто точно знал, что она наблюдает за ним.

— Ну вот и наступил конец вечерней сказки. Ты еще не передумала насчет, ну... ты сама понимаешь?.. — Он кивнул в сторону пустого места на кровати.

Саманта отрицательно покачала головой.

Он нагнулся и поцеловал ее в губы, словно это было вполне естественно. Но Саманта отстранилась. Когда же вновь посмотрела на него, он все еще склонялся над ней, не отводя пристального взгляда.

— Иногда ты напоминаешь мне тех девочек из старших классов, которых приглашают в кино. Ты тратишь на нее весь вечер, непрерывно целуя ее, и после многочасовой работы наконец получаешь позволение забраться рукой к ней под кофточку. В следующий раз ты думаешь, что получишь разрешение забраться под юбку, но вместо этого она заставляет начинать все с самого начала, даже не позволяя себя поцеловать.

Против желания Саманта рассмеялась. Она хорошо представила себе Майка назойливым ухажером в школьной форме.

— Скажи, Сэм, ребятам приходилось начинать с тобой каждый раз с самого начала?

Не получив ответа, он передал ей блокнот и карандаш. Тогда она написала: «У меня в школе никогда не было свиданий».

Майк прочитал ее записку трижды, потом посмотрел на нее недоуменно и недоверчиво, он взял у нее карандаш и написал: «Ты была с кем-нибудь в постели помимо кретина, за которого вышла замуж?»

Она явно не желала отвечать на его вопрос.

«Это почему же он кретин?» — написала она.

— Он же тебя потерял. Любой мужик, который это сделал, был бы полным идиотом.

Саманта засмеялась, а затем легонько стукнула его кулаком по плечу... Конечно, он лгал. Он ей льстил. Однако ей понравилось, что кто-то назвал ее бывшего мужа кретином.

— Как насчет ни к чему не обязывающего поцелуя на ночь? Ничего больше. Руки будут на твоих плечах... и все. Ну, поверь мне. Я обещаю.

У нее не нашлось достаточно сил, чтобы отказать Майку в этом поцелуе, тем более что он так смотрел на нее. Она кивнула ему, и он снова сел на кровать и положил руки ей на плечи. Его губы медленно приближались к ее губам.

С каждым новым поцелуем она думала, что лучше этого уже не может быть Майк ее не принуждал и не пытался ею овладеть. Она растворялась в его поцелуе, все больше доверяясь ему, закрыв глаза и чувствуя себя все более уютно.

— Спокойной ночи, — тихо сказал он, и Саманта на мгновение подумала: лучше бы он не уходил.

Он поднялся с кровати, выключил свет и вышел.

В полной темноте она лежала с открытыми глазами и думала о том, что отпущенные ей самой два дня на раздумья прошли, ей наконец нужно было принимать решение: ехать к родственникам Майка или искать свою бабушку.

Глава 16

— Я решила, что буду искать свою бабушку.

Сегодня ранним утром, пока еще никаких звуков не раздавалось из соседней спальни, где спал Майк, Саманта поднялась к себе наверх, чтобы одеться. Когда она спустилась, Майк подждал ее в гостиной.

— Монтгомери будет здесь с минуты на минуту. У них в семье все пунктуальные. Он ни за что не опоздает. Я тебе в дорогу купил пончики с шоколадной глазурью. Я знаю эту семейку: они тебя будут пичкать всякой капустой и морковными котлетами. Наверное, следовало бы позвонить и заказать тебе в гастрономическом магазине «У Каплана» несколько больших бутербродов с острой копченой колбасой и банок шесть пива. Оно весьма полезно в дороге, и...

— Майк, прекрати притворяться, будто ты меня не слышал, — мягко перебила Саманта. — Я никуда не собираюсь. Я хочу искать свою бабушку.

— Поедешь как миленькая! К чертовой бабушке твои поиски своей бабушки! — рявкнул он, схватив одной рукой ее сумочку, а другой — локоть.

— Я не собираюсь никуда ехать, это раз... а два — там пусто... — проговорила она и кивнула на сумку.

— Какие проблемы! Когда вы выедете за пределы штата Нью-Йорк, в штате Коннектикут ты попросишь Монтгомери остановиться, и он тебе приобретет все, что душе угодно.

Тогда она сделала единственное, что могла в данной ситуации, — плюхнулась на пол.

— Я отсюда никуда не уеду. Я не собираюсь в штат Мэн. Я остаюсь в Нью-Йорке и буду разыскивать бабушку.

Сжав руки Саманты, Майк приподнял ее и насильно усадил на край дивана.

— Саманта, — начал он.

— Не имеет никакого значения то, что ты думаешь по этому поводу. Я уже приняла решение.

На лице Майка промелькнули сразу несколько выражений. Потом он тяжело сел на диван.

— Я запрю дом, если в этом будет необходимость. Тебе некуда будет податься.

— Ну и отлично, я сниму другую квартиру.

Майк пробормотал что-то, а затем криво улыбнулся:

— Ну и кто же будет заботиться о тебе? Швейцар, что ли? Саманта, ты так боишься Нью-Йорка, ты даже боишься самостоятельно завернуть за угол. Как же ты собираешься искать свою бабушку без моей поддержки? А я — я откажусь тебе помогать!

Повернув ее лицо так, чтобы она смотрела ему в глаза, он взял ее за руки.

— Послушай, дорогая, при любых других обстоятельствах я бы только мечтал, чтобы ты была со мною. Но сейчас — это просто опасно для жизни!

— Сугубо мужское дело? — буркнула она, насупив брови.

— Давай без этого дурацкого лексикона женщин — борцов за свои права! Я же не говорю о том,

кто должен мыть посуду, я говорю о вещах, связанных с жизнью и смертью.

— А почему ты убежден в том, что из тебя выйдет следователь лучше, чем из меня? Ты уже работаешь несколько лет, а я за пару недель смогла выяснить больше, чем ты!

Майк чуть было не потерял дар речи.

— Ты?!.. Ты выяснила больше, чем я? Ты называешь отпечатки на твоей шее «выяснить больше»?

Она пыталась вырвать руку, но он сжал ее крепко-накрепко.

— Она моя бабушка. Она была замешана в чем-то грязном, и мой отец хотел, чтобы я нашла ее.

— Твой отец понятия не имел, что его мать имела отношение к гангстерам. Во всяком случае — отношение к настоящим гангстерам! Сегодня такое понятие, как «гангстер», звучит достаточно симпатично, и, кроме всего прочего, твой отец думал, что она убежала из-за пламенной любви.

— А ты считаешь, что она это сделала из-за чего-то другого?

Майк придвинулся так, что их носы соприкоснулись.

— Деньги! Убийство! Она что-то знала! Может, были тысячи причин для этого. Но, к сожалению, ни одна из них не была благородной. Именно поэтому ты, Сэм, отправляешься в Мэн. Так будет спокойнее.

Она глубоко вздохнула. Как бы то ни было, но он не сумеет ее уговорить уехать отсюда. Ей хотелось остаться в этом доме. Здесь ей нравилось. Ей нравился сад. Нравилось расположение дома. Ну и, конечно, в достаточной мере нравился сам хозяин. И если ей когда-нибудь еще понадобится помощь — чего, конечно, никогда не будет, — он именно тот, к кому она могла бы обратиться.

— Майк, — спросила она, — почему ты решил заняться изучением биографии этого человека? — Она посмотрела ему в глаза. — Только правду, Майк! Чистую правду, а не одну из твоих выдумок, как бы они красиво ни звучали.

Отпустив ее руку, он встал и подошел к окну.

— Это из-за моего дяди, — проговорил он и резко обернулся к ней. — Помнишь, Док сказал, что люди Скальпини постреляли много безвинных людей? Тогда, в клубе, помнишь?

Она кивнула.

— Мой дядя Майкл работал там. Он танцевал с женщинами, чьи мужья и приятели были слишком толстыми, чтобы с ними танцевать. Он был на танцевальной площадке, когда прибыли люди Скальпини. В него попало тридцать две пули... ниже пояса.

— Тридцать две? — прошептала она. — И он выжил после этого?

— Ну, если можно так сказать. Долгое время его жизнь висела на волоске. Но он не только сумел выжить, но даже научился ходить на костылях. Они с моим дедом в свое время вместе служили на флоте, и Майкл спас деду Грампу жизнь. Грамп привез дядю Майкла к себе в Чандлер, нанял лучший медицинский персонал и помог ему встать на ноги. Дядя жил в

маленьком домике рядом с нами.

— Он был твоим другом?

— Лучшим другом. В такой большой семье, как наша, легко затеряться, но он всегда находил для меня время. Он никогда даже голоса на меня не повысил и постоянно был на моей стороне, даже если я оказывался не совсем прав.

— Кажется, он очень хороший человек, твой дядя.

— Да, он был очень хороший. Саманта увидела в глазах Майка печаль и поняла, что у них есть нечто общее — потеря близких людей...

— Так ты хочешь отомстить Доку за своего дядю Майкла?

— Ну, что-то в этом роде.

— А ведь если бы Скальпини не ранил твоего дядю, ты, возможно, с ним и не подружился бы. В моем случае иначе. Моя семья жила дружно, все вместе, но что-то, связанное с тем вечером 1928 года, раскололо ее на части. Так что я тоже имею право узнать всю правду. Я должна понять, что заставило мою бабушку уйти.

Он подошел и сел рядом с ней.

— Конечно, ты имеешь на это право. Я тебе буду каждый день звонить. Я бы тебе звонил в любом случае, но...

— Да?..

— Что «да»?

— Неужели звонил бы каждый день?

Он взглянул на нее так, будто не верил своим ушам.

— Ты всерьез полагаешь, что я отправляю тебя в городок, где каждый второй Монтгомери, и не буду каждый день тебе звонить? Ты что думаешь, я дурак, что ли, оставить тебя на них?

— И о чем же мы будем говорить? Может, о Доке?

Майк засмеялся и протянул руку, чтобы погладить ее по голове.

— Порой, Сэм, мне кажется, что у тебя явные пробелы в воспитании! Ты что, не знаешь, о чем часами могут болтать мальчик и девочка, которые равнодушны друг к другу?

Саманта покраснела и потупилась. Эта его фраза впервые заставила ее задуматься, не поехать ли ей действительно в Мэн. Но она тут же взяла себя в руки.

— Я остаюсь здесь и занимаюсь розыском бабушки, — твердо заявила она, — и все, что ты...

Майк не дал ей закончить фразу. Он обнял ее, и их губы сомкнулись. Майк целовал ее с такой страстью, что Саманта почувствовала, как по телу ее пробежала дрожь.

— Ты что думаешь, я не хочу, чтобы ты осталась? Да я только и мечтаю, чтобы ты была со

мною, Ты, пожалуй, единственный человек, кроме твоего отца, который проявил интерес к моему расследованию. Мой отец все время пилит меня, чтобы я закончил докторскую и защитился. Но зачем? У меня сердце не лежит к преподавательской работе, у меня нет желания протирать брюки где-то в конторе. Братья просто смеются над моими «гангстерами». Понимаешь, Сэм, может, дядя Майкл не единственная причина, почему я этим занимаюсь. Может, главная причина во мне самом. Я поставил перед собой чертовски трудную цель, и теперь очень важно — смогу ли я ее достичь. Когда я учился в колледже, математика для меня была сущий пустяк. Но я целыми днями просиживал в библиотеке за книгами, которые рассыпались в руках, а вокруг ходили девочки в коротких юбках...

Он состроил гримасу.

— Ну, короче говоря, это написание биографии было для меня своеобразным вызовом, но я часто отвлекался от работы и вообще это все не имело особого значения, пока не появилась ты. Ты сидишь рядом со мной и печатаешь мои материалы, мы разговариваем, обсуждаем их, у меня рождаются новые идеи и...

Майк нежно поцеловал ее ладони.

— И иногда ты позволяешь поцеловать тебя. Это просто потрясающе, Сэм. Просто отлично.

— Так это «отлично» и будет продолжаться впредь, — сказала она, сжимая его руку. — Майк, мы можем продолжать работать вместе. Мне тоже нравятся библиотеки. Мне тоже нравятся...

— Да! А мне нравишься ты — живая! Она отпрянула от него.

— На сей раз не будет по-твоему. Я остаюсь в Нью-Йорке и приступаю к поискам бабушки. Насколько я понимаю, выбор у тебя невелик: или я остаюсь здесь, в этом доме, с тобой и мы вместе продолжаем начатое дело, или я переезжаю на другую квартиру и провожу поиски самостоятельно.

— Сэм, это все слишком серьезно. Это очень опасно. Ну зачем тебе так рисковать? Мы можем отложить поиски, а через пару лет — судя по тому, как выглядит Док, он больше не протянет — возвратимся к работе...

— Так в этом-то и дело, Майк! Ты что, не понимаешь? Если еще жив Док, то и моя бабушка, может быть, еще жива.

— Я не вижу связи.

Она жестко на него посмотрела. Когда они только познакомились, он мог ее обманывать и многое скрывать от нее так, что она этого не замечала. Но не теперь. Она чувствовала, что сейчас он не откровенен с ней. Его выдавали сжатые губы.

— Ты что-то от меня скрываешь, — прошептала Саманта, — я же вижу по твоему лицу.

Майк встал с дивана, но она преградила ему путь.

— Что тебе известно?

— Ничего, — зло буркнул он, отвернувшись.

— Майкл Таггерт, если ты не скажешь мне, что тебе известно, то я... то я...

— Что — ты? — грозно спросил Майк. — Что еще ты мне можешь сделать? Специально подвергнешь свою жизнь опасности? Или будешь шантажировать меня? Примешься бегать вокруг меня в белых трусиках и маечке, а когда я протяну руку, завопишь: «Насилуют!»?

— Я буду целоваться с Рейни Монтгомери, — выпалила Саманта. — Я позволю ему за собой ухаживать, мы каждый вечер будем встречаться... Я... я...

Майк направился к двери. Она схватила его за руку.

— Майк, подожди, пожалуйста! Как ты не можешь понять?! Ну если бы ты вдруг узнал, что твой дядя Майкл вовсе не умер! Или хотя бы что есть основания полагать, что он жив! Ты разве не сделал бы все, чтобы встретиться с ним? Чтобы увидеть его хоть раз до того... до того, как его действительно уже больше не будет. Моей бабушке за восемьдесят... У меня не осталось времени, чтобы ждать. Пожалуйста, скажи мне, что тебе известно? Я очень тебя прошу.

Саманта потянулась к нему и дотронулась до его щеки.

Он поймал ее руку и поцеловал ладонь.

— Сэм, что ты делаешь со мной! Ты меня превращаешь послушное дитя! — Майк тяжело вздохнул. — Ну слушай: твой отец сказал мне, что еще два года назад твоя бабушка точно была жива...

Саманта прихорашивалась перед зеркалом в прихожей. Она одернула юбку и поправила прическу так, как ее учили в парикмахерской. Затем положила сумку на узенький столик и проверила, не забыла ли она взять свои новые кредитные карточки и наличные. После того, как она ничего больше не могла придумать — что бы еще такое проверить, что бы еще такое поправить, чтобы оттянуть время, — она решительно взялась за дверную ручку, расправила плечи и открыла дверь.

Она одна вышла в город. На сей раз она направится куда дальше, чем вокруг квартала. Она проведет весь день в Нью-Йорке без какого-либо присмотра.

Саманта заперла дверь и спустилась по ступенькам. Сегодня утром Майк сообщил ей, что ее бабушка по крайней мере два года тому назад была еще жива. И прислала отцу Саманты почтовую открытку. Она и подтолкнула Дэвида Эллиота к тому, чтобы начать разыскивать свою мать. Содержание открытки было незамысловатым. Мать писала, что любит его, всегда любила и просит простить за все. В нижнем углу была подпись: «Твоя мама».

Когда Дэвид получил эту открытку, на нем висела его контора. Но он тут же начал готовиться к уходу на пенсию, чтобы всецело посвятить себя розыскам матери.

Затем, шесть месяцев спустя — была это судьба, рок, везение или совпадение, называйте как угодно, — но у его двери появился Майк и спросил, не имеет ли мать Дейва отношения к гангстеру по кличке Док.

Это странное знакомство переросло в дружбу и в конечном итоге привело к тому, что Дейв доверил Майку опекать свою дочь.

— Не «опекать», а «владеть» этой дочерью, — проворчала Саманта, когда Майк закончил свой рассказ.

— Ничего себе владеть! Эти «владения» запрятаны в сейфе за семью замками! — с видом комического отчаяния воскликнул он.

Майк очень расстроился, когда понял, что Саманта твердо решила остаться в Нью-Йорке. У нее сложилось впечатление, что он не собирается ее посвящать ни в какие свои дела. Зная, что он винит себя за покушение на ее жизнь, Саманта подозревала, что Майк намеревается не отпускать ее от себя ни на шаг, а лучший способ контролировать ее действия — сделать так, чтобы она пребывала в полном неведении.

После их утренних споров она спустилась вниз и увидела там сумку, с которой Майк ходил заниматься гимнастикой. И, естественно, предположила, что он планировал сегодня, после ее отъезда, посетить спортивный зал. Когда же она поинтересовалась у Майка насчет сумки и его планов на день, он категорически заявил, что вовсе никуда не собирался, а планировал провести время с ней. Саманте пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить его не ломать свои планы. Ей нужно было, чтобы он ушел из дома, потому что одно его высказывание сильно задело ее. Он заявил, что от нее все равно не будет толку при расследовании, потому что она так боится Нью-Йорка, что даже не может переступить границы улицы, на которой стоит их дом.

И это было сущей правдой. Саманта знала, что должна собрать в кулак все свое мужество, чтобы выйти в город. В конце концов, не может же она весь остаток своей жизни скрываться в доме Майка, уж если говорить прямо — прятаться за его спиной. Когда-нибудь, если они разыщут ее бабушку, ей придется покинуть и его, и этот город. Как же она будет самостоятельно существовать, если даже боится высунуться из дома?

Теперь Майк отправился в спортзал, а Саманта решила одна выйти прямо в пасть этому чудовищному, грязному, шумному, полному чужих людей городу. Ни один гладиатор, окруженный на арене львами, не испытывал такого страха, как Саманта перед своей вылазкой. Даже Георгий Победоносец, сражаясь с драконом, по мнению Саманты, находился в большей безопасности, чем она.

Она прошла по Шестьдесят четвертой улице. Перейдя дорогу, облегченно вздохнула: пока еще никто не угрожал ей ножом или пистолетом. Затем она пересекла широкую Парк-авеню и направилась в сторону Мэдисон-авеню.

Саманте было так страшно, что первые два квартала она прошла, глядя под ноги и даже не решаясь смотреть по сторонам, но, подходя к Мэдисон-авеню, обратила внимание, что швейцары в униформе, стоя у подъездов шикарных домов, улыбаются ей и берут под козырек. Наконец она стала улыбаться им в ответ, хотя улыбка еще была достаточно напряженной; уж они-то во всяком случае явно не походили на вымогателей и торговцев наркотиками.

Выйдя на Мэдисон-авеню, она повернула направо и пошла в северном направлении, смело глядя вперед, рассуждая сама с собой, сколько же ей нужно еще пройти, чтобы доказать себе, что она способна выйти в город и не сойти с ума от страха. Мысленно Саманта предвкушала, как будет рассказывать Майку, что провела весь день одна в городе и осталась жива.

Пройдя квартала четыре, она уже начала воспринимать окружающее, а так как центральная часть Мэдисон-авеню — это сплошные магазины, то в глаза ей прежде всего бросились витрины, полные всякой всячины. В Санта-Фе витрины были забиты разными сувенирами для туристов — майками с дурацкими надписями, кружками, дешевыми индейскими куклами, изображениями койотов на всевозможных подставках. На каждом таком изделии красовался ярлык «ручная работа», будто во всем остальном мире дешевые сувениры изготавливали какие-то

роботы. Еще там были сотни торговых галерей с произведениями индейского народного творчества и явно безбожно завышенными ценами. Несколько «нормальных» магазинов сосредоточилось вокруг «спальных районов». В них было навалом всякого второсортного товара: дешевые юбки, пластиковые рамки для картин, серьги, от которых тут же зеленеют уши.

В витринах магазинов на Мэдисон-авеню было выставлено все самое лучшее со всего света. Там были магазины, где продавалась настолько дорогая одежда, что у дверей стояла охрана, которая впускала только избранных посетителей. Когда красивый молодой человек в изумительном костюме улыбнулся и открыл Саманте дверь в магазин, она почувствовала, будто прошла некое испытание и отныне приобщилась к клану богатых и сильных мира сего. Отражаясь в зеркальных стенах, она ступила на пушистый серый ковер. Это был магазин, торгующий спальными принадлежностями, и вещи здесь стоили зачастую годового заработка многих несчастных женщин, которых загружают работой до предела и бессовестно обманывают, недоплачивая за их труд. Саманте стало горько при мысли об этом.

И тут же, даже не успев опомниться, выложила огромную сумму за белую ночную рубашку из тончайшей хлопчатобумажной ткани, которая даже просвечивала. Тоненькие розовые ленточки были искусно завязаны в бантики вокруг шеи.

Она прошла фирменные магазины «Армани», «Джиорджи», «Джанни Версачи», «Ив Сен Лоран». Когда она оказалась в магазине «Валентине», то поняла, какую сумму Майк выложил за ее одежду, купленную тогда в «Саксе». Там висел костюм, похожий на ее собственный, и цена его была почти три с половиной тысячи долларов.

— С вами все в порядке? — в недоумении спросил ее продавец.

— Да, да, — едва смогла выдавить из себя Саманта, присаживаясь и принимая предложенной стакан с холодной водой. В ней боролись два чувства: с одной стороны, она сердилась на Майка, что он ее обманул, с другой стороны — была счастлива: какая женщина не любит получать дорогие подарки. Ее интересовал вопрос, когда же они с Вики успели договориться, каким образом заставить Саманту думать, что купленная одежда ей по карману и что она сама будет за нее платить.

Выйдя из магазина, она растерялась, не зная, что же делать теперь. Возвратиться домой и объявить Майку, что знает обо всех его штучках? Но разве это хорошо — устроить человеку скандал за то, что он оказал тебе любезность, купив одежды на многие тысячи долларов? Нет, она ничего ему не скажет; Может, как-нибудь потом придумает, как его отблагодарить.

Гордо вскинув голову (ее чувство собственного достоинства отнюдь не пострадало, когда она узнала, что на ней одежды где-то на пять тысяч), Саманта продолжила свою экскурсию по улицам Нью-Йорка. Рассматривая витрину антикварного ювелирного магазина, она подумала, что настоящая опасность этого города таится в обилии товаров.

На Семьдесят второй улице Саманта погрузилась в фантастический мир «Ральфа Лорена», который был создан в его магазине. Она прогуливалась по этажам, восхищаясь не только товарами, но и обстановкой и дизайном. Побывала в очень симпатичном туалете, расположенном в подвале, затем опять прошлась по всем этажам и приобрела брошь из лущистого колчедана, выполненную в английском стиле времен короля Эдуарда.

Покинув этот магазин, она устремила взгляд на запад, в сторону Пятой авеню; там зеленел Центральный парк. Ей вдруг захотелось там пройтись, хотя, подумала она не без гордости,

если Нью-Йорк и превосходит Санта-Фе по количеству товаров, то Санта-Фе нет равных по красоте природы.

Впрочем, она тут же передумала и, повернув налево, пошла вниз по Пятой авеню, рассматривая окна домов, выходящих фасадом на парк. Саманта размышляла о том, какие великие люди жили в этих домах. По пути она купила игрушечную обезьянку — эта смешная маленькая штучка внесет какую-то теплоту в серьезную атмосферу ее квартиры.

Напротив магазина игрушек Саманта увидела отель «Плаза» с удивительным магазином «Бергдорф Гудман». Она прошлась лишь по его первому этажу, где, как ей казалось, она не успеет влипнуть в какую-нибудь историю. Она явно недооценила «Бергдорфа» и не удержалась от покупок. При выходе в руках у Саманты был целый пакет с носками, колготками и кожаным поясом с серебряной застежкой.

Далее расположились «Фенди» и здание ювелирного магазина Гарри Винстона, похожее на крепость. Вид его заставил Саманту вспомнить о герцогине Виндзорской. Затем она повернула на восток, где перед ней предстали магазины «Чарльз Джордан», «Вендел», «Элизабет Арден»...

Улыбаясь воспоминаниям, Саманта увидела на противоположной стороне знакомый ей «Сакс». Как замечательно она провела там время с Майком, как много хорошего он для нее сделал!.. А вот и Рокфеллеровский центр, и золотая статуя «этого летающего парня», которую постоянно показывают по телевизору! Саманта облокотилась на перила, и перед ней открылся вид на пруд, который зимой превращался в каток. Она поставила на землю свои пакеты с покупками и слегка помассировала руки. Ее прогулка по городу длилась уже несколько часов, и она должна была смертельно устать, но Саманта чувствовала себя просто замечательно: она столкнулась с «врагом» лицом к лицу и обнаружила, что этот, враг прекрасен. И что он способен быть славным, веселым приятелем. Она наблюдала за людьми вокруг, смотрела на витрины магазина подарков «Метрополитен» и не могла удержаться от улыбки. Какое чудесное место, подумала она.

Купив «хот дог» у уличного продавца, она покинула Рокфеллеровский центр и отправилась дальше на юг. Там в витрине одного из магазинов она обратила внимание на бронзовую фигурку японского самурая, величиной с мизинец. Маленький воин был весь закован в панцирь, но у него была какая-то удивительно милая улыбка, чем-то похожая на улыбку Майка. Саманта вдруг вспомнила все, что он сделал для нее, и ей очень захотелось преподнести ему подарок. Она вошла в магазин и попросила показать ей статуэтку.

В этом магазинчике Саманта впервые узнала то, что известно каждому жителю Нью-Йорка: здесь продается все что угодно, а цена на этикетке вовсе не обязательно соответствует реальной стоимости товара.

Вопреки установившемуся всеобщему мнению, нет более ласкового и нежного человека, чем нью-йоркский торговец, обслуживающий богато одетого покупателя, продавец, окинув взглядом дорогой костюм Саманты, ее сумочку от «Марка Кросса», туфельки от «Нелли» и большой бриллиант, сверкающий у нее на пальце, расплылся в сладкой улыбке. Он бережно протянул ей фигурку.

— И сколько это стоит? — спросила Саманта.

— Семь пятьдесят, — ответил продавец.

У Саманты отвалилась челюсть. Цена оказалась более чем высокой.

У продавца был опытный глаз. У него был нюх на простачков-туристов, которых можно уговорить купить все что угодно и за любую фантастическую цену. Туристы порой приобретали то, что вовсе не хотели, лишь бы избавиться от навязчивых уговоров продавца. Однако Саманта выглядела как настоящая местная жительница. Она была соответственно одета, у нее даже ногти соответствовали здешнему стандарту (в других городах США хороший маникюр был привилегией одних только богатых женщин, но в Нью-Йорке благодаря выходцам из Кореи, которые пооткрывали чуть ли не по пять маникюрных салонов на каждой улице, эта услуга стоила лишь восемь долларов за сеанс). Он подумал, что Саманта притворяется, что ей это дорого, и начала торг просто из любви к искусству. Ведь никто в мире так не обожает сам процесс покупки и продажи, как настоящие нью-йоркцы. Он решил поддержать «спектакль».

— Хотя это просто чистое разорение для меня, но я отдам вам эту вещичку за пять пятьдесят.

Саманта удивленно посмотрела на продавца. Она никак не ожидала, что он сбавит цену.

— Извините, но это по-прежнему дорогогато.

Продавец подумал про себя: «Вот истинная жительница Нью-Йорка!»

— Может, вам еще что приглянулось в нашем магазине?

Этот вопрос показался Саманте крайне странным. Не пытаясь вникнуть в смысл всего происходящего, она указала на пару серег, которые привлекли ее внимание. Продавец достал их с витрины и протянул Саманте.

Серьги очень ей понравились, но она уже сделала себе сегодня достаточно подарков. Нужно купить подарок Майку, чтобы хоть как-то отблагодарить за все, что он для нее сделал.

— Хорошие серьги, но я, пожалуй, лучше бы купила статуэтку, если бы она не так дорого стоила, — честно призналась Саманта.

— Как насчет пяти пятидесяти за обе вещицы?

Опять Саманта с удивлением посмотрела на продавца, но она уже начала понимать правила «игры» и потому тут же парировала:

— Три пятьдесят...

— Четыре двадцать пять, — сказал он и начал завертывать серьги.

— Три семьдесят пять за то и за это. Плачу наличными. — Саманта замерла в ожидании. Это была вся сумма, которой она располагала. У нее в кармане не наберется ни на цент больше.

— Четыре сотни долларов, и дальнейший торг неуместен...

Саманта чуть не потеряла дар речи. Она выглядела жалко.

— Извините, но... три сотни и семьдесят пять долларов — это все, что у меня есть... — Она повернулась и тихо пошла к выходу.

— Ну, хорошо! — с раздражением крикнул ей вслед продавец. — Все это ваше, всего за триста семьдесят пять долларов... наличными, конечно...

Когда Саманта покинула магазин, она была в каком-то оцепенении, будто совершила нечто

странное, самое странное в своей жизни. Так она прошла полквартала, пока не поняла, что накрапывает дождь. Посмотрев на часы, она увидела, что уже почти шесть вечера. Саманта ни на секунду не сомневалась, что Майк уже дома и тихо сходит с ума.

Она только что научилась мастерству торга; теперь ей предстояло познать, что такое такси: как только упала первая капля дождя, все нью-йоркские таксисты умчались под укрытия. Во всяком случае, иначе невозможно объяснить, почему в городе нет свободных такси во время дождя. Впрочем, может быть, вода просто смывает все машины с улиц, — тогда они не заслуживают названия такси города Нью-Йорка. Саманта стояла на углу, вытянув руку, но ни одна машина не установилась. Ну, в конце концов, не может же Нью-Йорк быть во всем идеален. Поправив ручки сумок, она наклонила голову и под дождем отправилась в долгий путь — обратно домой.

Глава 17

Как только она завернула за угол и очутилась на Шестьдесят четвертой улице, Саманта побежала. Дождь припустил сильнее, и она вся промокла. Однако не это было причиной ее спешки. Она спешила к Майку. Он, конечно же, злится на нее за то, что, уходя, она не сказала ему, куда пошла. Рвет и мечет, должно быть, но в любом случае он ждет ее и будет ей рад. Будет просто счастлив, что она жива и здорова. И с удовольствием выслушает ее рассказ о том, что она сегодня делала, что видела, что купила. Ему действительно важно и интересно все, что имеет отношение к ней. В этом Саманта была убеждена твердо, хотя и не могла бы сказать, откуда взялось это убеждение.

Майк открыл входную дверь еще до того, как Саманта поднялась по ступеням к подъезду. Он явно проглядел все глаза в ожидании ее. Несмотря на его свирепый вид, Саманта расцвела в улыбке.

— Где тебя черт носил?! — Голос Майка звучал угрожающе, но она чувствовала в нем облегчение. А еще уловила нотку неподдельного интереса. — Еще минута, и я бы позвонил в полицию. Ты что, не понимаешь, что этот город полон опасностей?

— Ну, Майк, — засмеялась Саманта, отряхивая рукой мокрые волосы. — Там, в городе, тысячи... нет, миллионы женщин, у которых нет таких больших, сильных ангелов-хранителей, что могли бы защитить их.

Хихикнув про себя, она отметила, что он слегка смягчился после того, как она назвала его большим и сильным.

— Ну, э... они-то знают, что делают, а вот ты...

Он остановился, так как Саманта громко чихнула, а затем схватил ее за руку и потащил в ванную комнату, которая находилась между двух спален.

— Быстро снимай мокрую одежду. Быстро!

— Майк, моя сухая одежда наверху. Мне нужно...

— После сегодняшней выходки, боюсь, что мне придется следить за каждым твоим шагом... Включая хождение наверх. Я сам тебе принесу сухое белье.

Он захлопнул дверь в ванную комнату.

Саманта поглядела на себя в зеркало. Даже на ее взгляд, она выглядела румяной и довольной. Впрочем, и ощущала себя соответственно. Не раздумывая, она разделась догола и растерлась пушистым полотенцем. Раздался стук в дверь; Майк приоткрыл ее лишь настолько, чтобы в щелку можно было протянуть халат. Взяв его в руки, Саманта поняла, что его ни разу не надевали. Это был совсем новый халат, шелковый, темно-голубой, с красной вышивкой — словом, одна из тех вещей, которые никогда не купят себе сами мужчины (в особенности такие, как Майк), но которые охотно и с удовольствием дарят им женщины, а затем сходят с ума, когда их подарок отказываются носить. Честно говоря, только персонаж в исполнении Дейвида Нивена мог бы носить подобный халат и чувствовать себя в нем вполне комфортно.

Нырнув в халат, Саманта прижала к телу нежную ткань. Ей было приятно *ощущать* его на себе — ведь все-таки он принадлежал Майку...

Наконец она вышла из ванной с тюрбаном из полотенца на голове и отправилась на кухню. Там ее встретил Майк и протянул стакан с коктейлем.

— Нет, спасибо, — отказалась она, но он все-таки заставил ее взять стакан.

— А теперь, — с металлом в голосе проговорил Майк, — мне бы хотелось знать, где ты была. Что тебя заставило вот так сбежать из дома, перепугав меня до смерти? Кроме всего прочего...

Она сделала большой глоток джина с тоником.

— Если ты не прекратишь свои расспросы, я не покажу, что тебе купила...

Такое заявление заставило Майка замолчать. Он уставился на нее круглыми от удивления глазами.

Саманта улыбнулась и вышла в прихожую, чтобы взять пакеты с покупками. Когда она вернулась, Майк сидел за столом.

— Закрой глаза и протяни руку.

После недолгого раздумья он выполнил ее желание. Саманта развернула миниатюрного самурайчика и сунула ему в руку. Она пристально глядела на Майка, когда тот открыл глаза, надеясь увидеть на его лице восторг.

Сначала Майк молча разглядывал миниатюру. Она ему явно понравилась. Очень понравилась. Скорее всего, он и сам бы себе ее приобрел, если бы она ему попала. Но больше всего ему понравилось, что это подарок Саманты. Все подарки, которые он получал от женщин, не были индивидуальными, они были годны для любого другого мужчины — свитер, или галстук, или бумажник. А за вручением подарка обычно следовало что-то вроде: «Теперь за тобой ужин. Это нужно обмыть». Иными словами, потратить в несколько раз больше, чем стоил сам подарок.

— Тебе нравится? Мне показалось, что он напоминает тебя. Знаешь, внешне такой крутой, но... в то же время какой-то мягкий, улыбчивый...

Майк уставился на Саманту, будто видел ее впервые. Во всяком случае, такое выражение ее лица он действительно видел впервые. Она изменилась. Она была счастлива.

— Да... Мне нравится, — мягко произнес он, поражаясь тому, как она рада это услышать. Кого еще могла так обрадовать возможность сделать подарок другому человеку?

Майк встал и подошел к стеклянным дверям кухни, чтобы рассмотреть человечка на свету. Он внимательно вглядывался в выражение его лица, тонко сделанные складки одежды. Потом обернулся — Саманта стояла рядом.

— Этот чудак — самый прекрасный подарок, который я получал когда-либо в своей жизни, — искренне признался Майк.

Обычно, получая подарок от женщины, он вначале целовал ее за это, затем, после дорогого ужина, проводил с ней ночь. Сейчас он просто улыбнулся Саманте, пока его руки ласково гладили фигурку. Но что это была за улыбка! В ней было намного больше нежности и тепла, чем доставалось другим женщинам за целую ночь, проведенную с ними в постели.

Майк и Саманта вернулись к столу. Она начала рассказывать о своем «путешествии», но он больше глядел на нее, чем слушал. А она вздохнула и делилась с ним впечатлениями и переживаниями, которые испытала, когда торговалась с продавцом в том маленьком магазинчике. Это был рассказ отважного бойца, пробравшегося сквозь вражескую территорию, чтобы захватить нужную высотку.

— А что ты еще купила? — поинтересовался Майк, кивнув на ее пакеты.

Саманта принялась вынимать и демонстрировать свои покупки, и он понял, что она переживает абсолютно новые чувства.

В целом одоблив ее приобретения, Майк прокомментировал каждое в отдельности. Он внимательно и с интересом слушал о ее прогулке по Мэдисон-авеню и по Пятой авеню, и во что были одеты женщины, и что она повидала, и как она ела сосиску, купленную у уличного торговца... Обычные будничные мелочи — но, глядя в счастливые глаза рассказчицы, он понял: все происшедшее произвело на нее неизгладимое впечатление.

Когда Саманта продемонстрировала все (кроме белой ночной рубашки), и все ее покупки были высыпаны на стол, то у нее, казалось, внезапно кончился запас слов, и она притихла. Отхлебнула из своего стакана и улыбаясь смотрела на дождик за окном. Потом после паузы заговорила снова.

— Послушай, Майк... я никогда... — она пыталась подобрать точные слова, — я никогда не была так...

— Счастлива?

Саманта засмеялась.

— И да, и нет. Нет, потому что этот город так эгоистичен, да, потому что мне уложили здесь прическу и сделали маникюр... потому что я живу в этом доме, мне не приходится стряпать, и ты смотришь на меня так, как будто...

Она осеклась и, бросив на него быстрый взгляд, замолчала.

После продолжительной паузы заговорил Майк.

— А чем ты занималась в Санта-Фе? — Его интерес был совершенно искренним. Он не мог понять, что приводит ее в такой восторг. И снова подумал, что для его родных и знакомых эта жизнь привычна и повседневна, и нет в ней ничего особенного...

— Я работала, — сказала Саманта, хотя и понимала, что лучше бы ей сейчас помолчать. Но коктейль немного развязал ей язык. — Я работала в «Компьютер-Ленде». Пять дней в неделю и без перерыва. И еще два вечера в неделю и днем в воскресенье преподавала аэробику в местной спортивной школе. А когда не работала, то занималась домашними делами — ходила оплачивать счета, покупала продукты... сам знаешь, всякой такой всячиной.

— А чем занимался муж? — Майк этого не хотел, но слово «муж» прозвучало у него с некоторой насмешкой.

Непроизвольно Саманта засмеялась. Но отнюдь не весело. Она вытянула руку со стаканом, будто намеревалась произнести тост.

— Он занимался тем, что писал величайший роман всех времен и народов.

Эта реплика несколько пролила свет на ее отношение к писателям в целом.

— А чем ты занималась до замужества, когда жила со своим отцом?

Саманта допила свой коктейль и вновь обратила взгляд на дождь за окном. Когда она заговорила, Майк с трудом мог ее расслышать.

— Я как-то смотрела передачу по телевизору, и там ведущий поинтересовался у одного мужчины, почему он не разводится с женой, которая его просто терроризировала. Ты понимаешь, это был, судя по всему, очень хороший человек. Так вот, он сказал, что чувствует себя часами, механизм которых заводит его жена. Поэтому он боялся ее потерять. Боялся, что сядет и больше не встанет. Прекратит «тикать», как часы, которые забыли завести. Мне кажется, я и мой отец — мы как тот мужчина. Моя мать, жизнерадостная, общительная женщина, «заводила» отца и меня. После ее смерти у нас как бы... кончился завод.

Майк так до конца и не понял, что хотела сказать Саманта. Всю свою жизнь он боролся за самостоятельность и уединение. И просто не представлял, как два человека могут жить в полном одиночестве. Когда он был еще мальчишкой, однажды к нему в комнату пробрался кто-то из младших детей и устроил там жуткий беспорядок. Тогда Майк мечтал быть единственным ребенком в семье.

Теперь же, глядя на Саманту, свернувшуюся в кресле, утонувшую в складках громадного халата (Майк всегда ненавидел его, но сейчас, когда халат прикасался к Саманте, он показался ему даже симпатичным), он понял, что быть единственным ребенком не так уж и хорошо.

Майк улыбнулся.

— Расскажи теперь поподробнее о твоей недавней жизни. Расскажи о житье в Санта-Фе.

Саманта рассмеялась.

— Ты не поверишь, если я расскажу. Санта-Фе самое странное место в мире. Что тебе рассказать: о проводимых там семинарах по спасению души или об открытии нового эскалатора?

— Все! — ответил он.

Под тихий, шум дождя, который как бы отрезал их от всего мира, Саманта рассказывала, а

Майк слушал и смеялся. Это был самый обычный вечер: просто двое людей сидят за столом, потягивая коктейли и болтая. Но для Майка он стал самым приятным вечером в его жизни.

Впервые ему не нужно было производить впечатление и доказывать, что он самый лучший. Майк еще раз пристально посмотрел на маленького самурайчика, а затем сжал его в кулаке.

— Что, что? — переспросил он. Саманта глядела на него выжидающе.

— Я сказала, что хотела бы услышать о твоей жизни в Колорадо, о твоих одиннадцати братьях и сестрах, если ты, конечно, не против...

Она просила его застенчиво, будто не имела на это права.

— С чего же начать? Можешь себе представить — всегда быть в гуще толпы? Можешь себе представить постоянный шум и неразбериху — никакой частной жизни? Ну, вообрази, что ты живешь в цирке со всякими клоунами и обезьянами.

Подперев голову рукой, она наклонилась к нему поближе. Глаза ее сверкали.

— Вы часто ссорились? А друзей у тебя было много? А вы держали дома собак, кошек, рыбок или попугайчиков? А ты бегал в кино? А твои сестры устраивали ночные посиделки?

Майк хмыкнул.

— Хочешь, расскажу, как мы с братом Кейном однажды спрятались под кровать, чтобы присутствовать на ночных посиделках моей сестры?

— Да, — с воодушевлением ответила Саманта.

Было уже поздно. Майк заметил, что Саманта зевает, и предложил пойти спать. Она направилась к себе, но он преградил ей дорогу и сказал, что хочет, чтобы она спала внизу, рядом с ним, хотя бы до понедельника, когда должны будут установить на окнах решетки.

Он проводил Саманту наверх и теперь ждал, когда она возьмет у себя все, что нужно, и они отправятся вниз, в спальню. Майк про себя подумал: «В мою спальню» — и улыбнулся.

После того как Майк уехал из отцовского дома, подальше от этого скопления народа, — он был категорически против того, чтобы кто-то находился рядом. Даже в колледже он наотрез отказался делить с кем-либо комнату. Ни одна из его подруг никогда не жила с ним вместе, и только последние года два он начал ощущать нехватку компании. Поэтому он так охотно пригласил Дейва пожить в своем доме. Они будут жить как бы вместе, но у каждого будет своя квартира. Такой вариант устраивал обоих.

После памятного телефонного разговора, когда Дейв попросил присмотреть за Самантой в течение года, Майк просто испугался. Он отлично знал, что такое женщина в доме — сколько она требует внимания и сколько из-за нее возникает проблем. Вспомнив все это, Майк улыбнулся и еле слышно пробормотал: «Таггерт, ты даже не мог предположить, сколько же проблем!»

— Ты что-то сказал? — поинтересовалась Саманта, выйдя из своей спальни с охапкой новых бутылочек, которые нужно было расставить в его ванной комнате. «И что только женщины делают со всеми этими жидкостями?» — подумал он.

— Нет, нет, я просто кое-что искал. Здесь темновато, правда?

Саманта посмотрела вокруг — на темно-зеленую обивку мебели, на картины с изображением охоты... Когда она впервые вошла в эту комнату, то с первого взгляда в нее влюбилась. Однако сейчас ей пришлось в голову, не купить ли светлые чехлы на кресла.

— Я видела изумительную ткань розовых оттенков в магазине на Мэдисон-авеню, — проговорила она. — Может...

И внезапно остановилась. То, что она хотела сказать, было неуважением к ее отцу. В конце концов, он подбирал все по своему вкусу. Да и глупо было что-то переделывать, тратить столько денег, когда совсем скоро она покинет этот дом.

Саманта посмотрела на Майка, потом отвернулась. Лучше было не думать о том, что ей придется уехать отсюда и отправиться куда-то, где все чужие.

— Розовая ткань, говоришь? — Майк взял ее за локоть, намереваясь помочь донести эти ее скляночки. Но Саманта от помощи отказалась, зато попросила его достать из встроенного шкафа старую шляпную картонку. Он даже и не поинтересовался, что в ней, — скорее всего, всякая женская мелочь.

Внизу он стал помогать Саманте расставлять принесенные склянки на полочке у зеркала, которая и без того уже была полностью заставлена. Саманта посмотрела на нее с испугом.

— Как только установят решетки, я ее тут же освобожу.

Еще за секунду до этой реплики Майк с сожалением думал о потерянном месте в ванной комнате, теперь же почувствовал, что вовсе не хочет, чтобы «захватчица» переезжала обратно вверх.

— И еще, Майк, — тихо произнесла Саманта. — По поводу кольца... — Она вытянула левую руку, любуясь игрой большого бриллианта. Кольцо ей нравилось, ей было явно жаль расставаться с ним. Нехотя она стала стягивать его с пальца.

— Я давно собиралась его вернуть, но...

Майк взял ее за руку.

— Оставь его себе. Носи сколько пожелаешь.

— Я не могу... я хочу сказать...

— Тогда мне придется отнести его обратно в банк и сдать на хранение, чтобы оно и дальше пылилось в сейфе. Мама говорит, что драгоценности оживают, когда их носят, и умирают, если не прикасаются к живому телу. Кроме всего прочего, кольцо значительно лучше выглядит на твоём пальце, чем в сером ящике.

— Майк... — начала Саманта, — еще никто никогда... ну...

Он склонился к ней и поцеловал.

— Еще одно слово, и я рассержусь...

Она благодарно взглянула ему в глаза. Майку это не понравилось. В конце концов, он не

сделал ничего особенного. Он лишь проявлял к ней обычное человеческое внимание и доброту.

— Хочешь со мной переспать?

На какой-то момент Саманта была просто ошарашена. Она почувствовала себя преданной. Неужели Майк хочет, чтобы она его таким образом отблагодарила? Потом до нее дошло, что он просто над ней издевается. Она засмеялась, и напряженная атмосфера исчезла.

— Я не настолько благодарна...

— Настоящее чувство благодарности придет, когда ты проведешь со мной ночь, — широко улыбаясь, заявил Майк.

— Убирайся вон! — Саманта шутливо замахнулась на него. И успев быстренько чмокнуть ее, он торопливо выскочил за дверь.

Майк прошел к себе в спальню и начал раздеваться, все еще улыбаясь. Черт побери, он все-таки был рад, что она не уехала с его дистрофичным кузенком в штат Мэн.

Порой было трудно осознавать, что ей грозит опасность, если она останется. Майк думал о Саманте и о своих друзьях. Его приятно удивляло, что она не стала воротить нос от Дафнии тогда, на вечеринке. Ей понравилась Кори и вся остальная его компания. Нет никакого сомнения, что Саманте понравится его семья в Колорадо и что его родственникам понравится она. Майк даже представил себе, как она обсуждает с Джейн новое цветовое решение интерьера комнат...

Вспомнив о семье, Майк нахмурился, так как на ум пришел рассказ Саманты о часах, в которых кончается завод. Ему казалось, что если он попросит пояснить сказанное, то она вместо этого начнет вспоминать еще какую-нибудь историю, затем еще... И он таким образом никогда не узнает истинного смысла. Она называет его обманщиком, но сама такой специалист по этой части, что могла бы давать уроки!..

Набрав междугороднюю, он попросил соединить его со справочной службой Луисвилла в штате Кентукки. Там он узнал телефонный номер адвоката Дейва. И несмотря на то что в Луисвилле было уже поздно, все равно позвонил ему, зная, что никто больше не может рассказать, что же произошло с Самантой после смерти ее матери.

Когда адвокат поднял трубку, Майк первым делом извинился за столь поздний звонок, а затем задал свой вопрос. И адвокат ошарашил его сообщением, что после смерти Эллисон Дейв впал в депрессию, которая продолжалась много лет.

— Он был настолько плох, что кое-кто из его окружения хотел даже запереть его в больницу, — рассказывал адвокат. — Но мы так и не смогли заставить себя пойти на этот шаг. Дейв жил в своем доме в полной темноте. Он не мог переносить никакого света, ел ровно столько, чтобы не умереть с голоду. И видеть хотел только Саманту. Она стала как бы частичной заменой его жены. Саманта готовила и вела хозяйство. Ей пришлось забыть обо всех детских развлечениях и забавах. У Дейва были кое-какие сбережения, так что ему не нужно было работать. Он оставался дома и совершенно не переносил, когда Саманты не было поблизости. Отпускал ее только в школу. Бедный ребенок! Если бы она росла в склепе, у нее и то была бы более интересная жизнь, чем в этом доме с ее отцом.

— Когда же это все кончилось?

— Дейв так и не стал вновь таким, каким был до смерти Эллисон. Однако его сбережения подошли к концу и он был вынужден вернуться на работу. К тому времени Саманта стала уже девушкой, и Дейв настолько зависел от нее, что до своего замужества она продолжала вести хозяйство и следить за отцом. Все мы были рады, что она вышла замуж, надеясь, что наконец у нее появится собственная личная жизнь... Однако и тут у нее не сложилось, не так ли?

— Насколько я понимаю, нет, — ответил Майк, затем поблагодарил адвоката и повесил трубку. Он почувствовал удовлетворение от того, что теперь знает гораздо больше. Наконец он понял, почему Саманта столь необычно отнеслась к рассказам о его семье. Сообразил, почему она так радуется, когда к ней проявляют малейшее внимание и тепло. Ему стало понятно, почему она воспринимает кое-какие обыденные вещи так, будто с ней это происходит впервые в жизни.

Думая о Саманте, он вспомнил, как она прореагировала, увидев квартиру Дейва. В следующую минуту он уже набирал номер своей сестры в Колорадо. Джейн, не теряя времени, сразу же взяла быка за рога: оказывается, Саманта стала главной темой обсуждения в семье. Закатив глаза, Майк представил себе, как все домочадцы дружно обсуждают их обоих.

— Ну и как же выглядит эта Саманта? — спросила Джейн.

Майк, ни секунды не задумываясь, ответил:

— Очень современная — знаешь, типа Бриджит Бордо — кожа как сливки, глаза яркие, как только что купленный «шевроле», волосы нежные, как у тебя в детстве, а тело — совсем как на обложке журнала «Спортс иллюстрийтед»...

Он собирался продолжить описание, но Джейн засмеялась.

— Майк, — сквозь смех проговорила она, — а мозги-то у нее есть?

— Да, и плюс к этому — остренький язычок.

— Кажется, я полюбила ее с первой секунды. Скажи, чего тебе от меня нужно?

— У тебя еще сохранились чертежи двух верхних этажей дома, которые ты делала для Дейва Эллиота?

— Да, Майк...

— Мне очень жаль... Я бы попросил тебя переменить декор его квартиры... и по возможности скорее.

— Недели за две?

— За сутки! Чтобы я, скажем, в понедельник отвез Саманту на денечек куда-нибудь, а к приезду — была новая квартира.

Джейн какое-то время молчала, обдумывая, какие у нее есть возможности в Нью-Йорке. Основную часть мебели она могла бы приобрести оптом в магазине «Теппер Галериз», поставить на склад, а потом за один день все ввезти в квартиру.

— Но к этому времени не успеют сделать по моему заказу занавески и картины. И еще: тебе придется платить за часть вещей не по оптовой, а по розничной цене.

— Хорошо, — моментально согласился Майк. Джейн присвистнула.

— Братец, да ты влюбился, что ли?!

И когда Майк ничего на это не ответил, продолжала:

— Что она из себя представляет?

— Она живет рядом со мной, но за все время позволила только пару раз себя поцеловать, и то без всякого... такого...

— Ага! Старомодная. Английский консервативный стиль. Розовые шелковые подушки. Красновато-коричневый ковер. Кровать в голубых тонах с кисточками. Антикварные украшения XVIII века.

Он перебил ее:

— По-моему, хорошо. И еще, Джейн... Вот что... Закажи кровать побольше размером.

Засмеявшись, она повесила трубку.

Глава 18

Проснувшись утром, все еще полусонная, Саманта побрела в ванную комнату. И ошарашенно застыла на пороге: перед зеркалом стоял Майк с намыленными для бритья щеками, совершенно обнаженный, если не считать полотенца, обернутого вокруг бедер.

— Ой, прости, — пробормотала Саманта и хотела уйти.

— Ничего страшного, — весело отозвался Майк. — Я благопристойный. Какие планы на сегодня?

Она вновь обернулась к нему, поморгала, стряхивая остатки сна... Зрелище было, надо сказать, не столько благопристойное, сколько прекрасное: могучие плечи и лишь маленький кусочек полотенца, висящий на бедрах. Стоило чуть дернуть и...

— Ты явно влипнешь в беду, если будешь так глазеть на меня, — заметил он, глядя на нее в зеркало.

Саманта улыбнулась его словам, но вместо того чтобы уйти обратно в спальню, подошла к нему и стала смотреть, как он бреется. И ее отец, и муж пользовались электробритвой, и для нее было в диковинку, что мужчина использует пену для бритья и безопасную бритву-станок.

— Тебе что, не нравятся электробритвы? — поинтересовалась Саманта и, взяв в руки его одеколон «Инглиш Лезер», открыла флакон и понюхала запах.

— От своего отца я унаследовал густую бороду. Электрическая бритва просто «буксует».

Прислонившись к стене рядом с зеркалом и играя флаконом, она смотрела, как Майк водит бритвой по лицу, затем споласкивает пену в раковине. Поймав в зеркале ее взгляд, он подмигнул ей.

Улыбаясь ему, она подумала — до чего же это все прекрасно!

Майк закончил бриться. Подержал под горячей струей воды салфетку и набросил ее на несколько мгновений на лицо; после этого стер с него остаток пены. Потом обернулся к

Саманте и, приблизив лицо почти вплотную к ней, спросил:

— Ну как? — При этом он повернул голову сначала в одну, затем в другую сторону.

Она с улыбкой прикоснулась к его щекам, ощутив под пальцами свежевыбритую кожу. У нее возникло желание дотронуться пальцами до его губ, может, даже поцеловать их.

— Кожа нежная, как на попке у новорожденного ребенка!

— Ты убеждена? — Майк потерся сначала одной, потом другой щекой о ее лицо.

Она положила руки ему на плечи и на какое-то мгновение закрыла глаза.

— Никакой щетины, которая могла бы оцарапать нежную женскую кожу, не так ли?

— Да, никакой щетины... — тихо проговорила Саманта, откинув назад голову. — Идеально выбрит...

Внезапно Майк отвернулся, и она непроизвольно нахмурилась. Обычно он при каждом удобном случае старался поцеловать ее, но этим утром не целовал еще ни разу. Ей и в голову не могло прийти, что это их утреннее уединение оказало слишком возбуждающее действие на Майка и он решил на всякий случай держаться от нее подальше. Не понимая его поведения, Саманта непроизвольно взглянула в зеркало и взвизгнула. И было от чего! Волосы торчали во все стороны, потому что вчера она легла спать, не высушив их. Схватив одну из расчесок Майка, она намочила ее и попыталась привести голову в порядок. Майк рассмеялся и поцеловал ее в шею.

— Ты выглядишь прекрасно, — искренне сказал он.

— Так же прекрасно, как Ванесса? — вырвалось у Саманты. Она испуганно прикрыла ладонью рот, сама не понимая, как могло случиться, что эта фраза выскочила у нее.

Майк удивленно поднял бровь.

— Значит, копаешься в чужих вещах?

— Конечно же нет! Я... Я хотела взять носки... Вот и все. Я вовсе не собиралась копаться в твоих личных вещах, просто не хотела тебя отрывать от дел. Мне и в голову не могло прийти, что ты будешь возражать, если я одолжу у тебя носки!

Она замолчала, увидев его самодовольную улыбку. И, гордо и презрительно задрав нос, дабы он понял, что она о нем думает, слегка оттолкнула его и вышла из ванной комнаты. Не оборачиваясь, добавила:

— Мне абсолютно все равно, кто такая эта Ванесса. Я не сомневаюсь в том, что у тебя полно женщин. Это для меня ничего не значит.

Но Майк не отвечал, и она обернулась к нему. Он стоял в дверях, облокотившись на дверную раму, и ехидно улыбался.

— Ты наконец уйдешь? — выдержав длинную паузу, поинтересовался он. — Мне нужно одеться... Впрочем, у меня есть другая идея...

— Ни о каких идеях знать не желаю... — Она сделала несколько шагов, но он схватил ее за

руку.

— И куда же ты направляешься?

— Хотя это и не твое дело... Я иду в свою квартиру.

Майк рывком прижал ее к себе, и Саманта стала вырываться из его объятий.

— Ну вот! Смотри, что ты натворила!

Она и не собиралась смотреть, зная уже, что произошло: полотенце с его бедер свалилось на пол...

Саманта изо всех сил пыталась смотреть только на его лицо...

— Я бы попросила меня отпустить, — произнесла она напряженным голосом, держась неестественно прямо.

Смеясь, он крепче прижал ее к своему сильному, теплому, совершенно голому телу.

Саманта все еще старательно фокусировала взгляд только на лице Майка. Но, начиная шевелиться в кольце его рук, чувствовала, как ее грудь прикасается к его груди. Она невольно взглянула краешком глаза на его темно-золотистый торс, и ей тут же захотелось сказать Майку, что он слишком много загорает. Потом у нее мелькнула мысль, что, может, это его натуральный цвет кожи. Может, он весь такой золотистый...

Майк наблюдал за ней: ее тело было совсем близко. Их разделяла только тончайшая ткань ее рубашки.

— Знаешь, пожалуй, я переменяю свое мнение о ночных рубашках голубого цвета. Они начинают мне нравиться. Это что, шелк?

— Хлопок, — скованно ответила Саманта. — Старомодная, скучная хлопчатобумажная ткань — как ты говоришь, для многодетной матери с фермы.

— Н-да... А Ванесса носила... — Он не успел договорить, как получил от Саманты кулаком в ребра.

Майк вздрогнул, притворился, что ему безумно больно, а затем рассмеялся, но из объятий ее так и не выпустил.

— Малышка Сэм, ты единственная женщина в моей жизни. Ванесса — давно в прошлом.

— Мне это безразлично. Может, ты наконец прекратишь изображать Тарзана ипустишь меня? Мне нужно подняться наверх и одеться.

Майк теснее прижался к ней, почти прикасаясь губами к ее шее, так что она чувствовала тепло его дыхания.

— Тарзан, говоришь? Это идея! Как насчет того, чтобы остаться сегодня дома и поиграть в воина-индейца и недотрогу, дочь миссионера? Вся твоя семья вырезана индейцами, а я спасаю тебя от смерти. Поначалу ты меня ненавидишь, пока я не заставлю тебя рыдать в экстазе, и мы с тобой...

Вовсе не желая этого, Саманта, однако, не смогла удержаться от смеха.

— Майк, ты сходишь с ума! Какой дряни ты начитался?

— Я схожу с ума от страсти к тебе, — проговорил он, дыша ей в шею, но все еще сохраняя между ними некую дистанцию, будто дал какой-то обет. — Ну, если тебе не нравятся индейцы, я могу тебе показать пару фокусов с красными шелковыми платками... или мы можем поиграть в пиратов и...

На этом речь оборвалась, так как его губы уже были заняты ее шеей.

Однако стоило ему слегка расслабиться, как Саманта внезапно нырнула под его руки и отскочила в сторону, с трудом скрывая улыбку, когда Майкл издал рев отчаяния.

Затем, повернувшись спиной, чтобы не видеть его наготы, вышла из спальни и, все еще улыбаясь, пошла наверх, чтобы одеться.

Она едва успела натянуть джинсы, как Майк уже постучался в дверь ее квартиры. Конечно, это была сплошная формальность, так как в двери зияла огромная дыра. Но, по правде говоря, он и не стал дожидаться, пока ему откроют. Когда Саманта вышла из спальни, на ходу застегивая кофточку, она увидела Майка, развалившегося в кресле и закинувшего ноги на диван.

— Ты еще не решила?

— Ты имеешь в виду, какую бы книгу прочитать сегодня? Кажется, я остановлюсь на этой прекрасной биографии капитана Бейкера, путешественника времен королевы Виктории. Да, наверное, именно с нее и начну.

Майк откровенно расстроился.

— Ну скажи, в конце концов, что нужно сделать парню для того, чтобы добиться свидания с тобой? Мой костлявый кузен...

— Он просто вежливо попросил, — сказала она язвительно, — и предупредил за сутки. Женщины ценят подобные вещи. Вообще приглашение на свидание требует немного больше тонкости, чем всякие предложения типа: «А давай поиграем в доктора... видишь, с меня упало полотенце...»

Майк медленно встал с кресла, подошел к ней и, взяв ее за руку, поцеловал ее пальчики с наигранной вежливостью и учтивостью.

— Мисс Эллиот, не оказали бы вы мне честь, позволив сопровождать вас сегодня?

— С фокусами, с красными платками или без? — спросила Саманта, покосившись на него.

— Это зависит от желания миледи! — И Майк вновь поцеловал ее руку, но на этот раз дотронулся до нее кончиком языка.

Саманта, улыбаясь, взглянула на склонившуюся перед ней копну черных кудрявых волос.

— И что же ожидает нас на этом свидании?

Майк сделал пренебрежительную гримасу:

— Конечно же, не катание на качелях и мороженое.

Поцеловав ее руку в третий раз, он озорно улыбнулся.

— Мы всегда можем нанести визит Ванессе!

— Только в том случае, если захватим с собой Рейни! — парировала Саманта, и ее улыбка стала такой же озорной.

Майк расхохотался и выпрямился.

— Как насчет более близкого знакомства с Нью-Йорком — Китайский квартал... Маленькая Италия... Виллидж... ну и что-нибудь в этом роде. Поверьте, этот город намного больше, чем Пятая авеню или Мэдисон-авеню, к которым, мне кажется, вы весьма адаптировались.

— Позвольте, я переоденусь и тогда...

— Нет, нет. Не извольте беспокоиться. Джинсы отлично соответствуют тем местам, куда мы поедем. — Он крепко сжал ее ладошку, и через пять минут они уже были у входной двери.

Впервые Саманта познакомилась с городом в выходные. Вместо прекрасно одетых и причесанных людей центральная часть Манхэттена наполнилась толпами приезжих: женщинами-туристками в бесформенных брюках или мешковатых платьях и толстыми мужиками, обвешанными фотокамерами поверх синтетических рубашек.

— Куда все исчезли? — поинтересовалась Саманта.

— В загородные дома и места отдыха под Нью-Йорком, — ответил Майк, уверенно держа курс на север.

Сначала он привел ее на уличную ярмарку в районе Первой авеню и Шестидесят седьмой улицы. Там Саманта увидела лотки бижутерии тридцатых-сороковых годов. Ее просто потрясла брошь в виде корзиночки с цветами, сделанная из серебра и самоцветов.

— Это «Трифари», — сказала продавщица, будто это что-то проясняло. Саманте ужасно хотелось приобрести брошь, но она и так слишком много потратила за вчерашний день и потому со вздохом положила вещицу на место.

Майк, не раздумывая ни секунды, тут же купил брошь. Однако когда он протянул Саманте подарок, она запротестовала, говоря, что это лишнее, что он и так слишком много для нее сделал. Он попытался насильно приколоть ей брошь, но она стала сопротивляться. Майк пожал плечами.

— Ну хорошо. Тогда, может, Ванессе понравится...

Метнув на него яростный взгляд, Саманта выхватила из его руки корзиночку и сжала ее в ладони так крепко, что та вонзилась в кожу. Улыбаясь, Майк разогнул ее пальцы, взял брошь и приколот ей на воротничок. Блестящая брошь не подходила к ее скромной одежде, но Саманте было все равно. Она была счастлива. Взяла Майка под руку, и они отправились дальше.

Спустившись по Первой авеню до «Саттон Плейс», Майк повел ее в маленький симпатичный парк, где сидели лишь несколько женщин с колясками, скорее всего, няньки. Дома, окружавшие парк, судя по всему, принадлежали очень богатым людям.

Саманта, как зачарованная, встала у литой железной ограды и смотрела на мост через Ист-ривер и на баржи, которые плыли вниз по реке. Майк подошел к ней сзади и обнял за талию. Как всегда, когда его прикосновения становились слишком интимными, она стала вырываться, но он сказал:

— Прекрати.

Это было сказано резким, почти грубым, повелительным тоном, которому она почему-то была не в состоянии противиться. Саманта стояла не шевелясь, она замерла в объятиях Майка, прикасаясь спиной к его телу и позволив себе несколько коротких минут наслаждаться этим прикосновением.

Обняв ее, он показывал ей достопримечательности на противоположном берегу реки; ее руки тихо легли на его голые локти, голова склонилась к его плечу. Саманта наслаждалась его теплом, крепостью его мышц и восхитительным чувством безопасности — когда он рядом, ничто и никто не может причинить ей вред.

— Майк, спасибо тебе за брошь.

— Не стоит, — тихо и нежно ответил он, будто те чувства, которые она испытывала, частично передались и ему.

В этот момент карапуз, не более двух лет от роду, чуть было не наскочил на ограду. Он неуверенно перебирал ножками, даже не глядя, куда его несет. Его няня что-то кричала вслед, но он и не подумал остановиться. И тут Майк одним ловким движением поймал малыша, не дав ему стукнуться об ограду.

Не понимая, какой он избежал опасности, но крайне удивленный и обиженный, малыш посмотрел на Майка. Его глаза расширились, затем наполнились слезами. Тогда Майк присел перед ним на корточки.

— Понимаешь, приятель, ты очень быстро бежал. Мог бы разнести эту ограду. Надо же было ее спасти, правда?

Ребенок кивнул и заулыбался. В это время подросла его няня, дама с избытком веса килограммов примерно в тридцать.

— Огромное вам спасибо, — поблагодарила она, взяла своего подопечного за руку и ушла. Мальчуган обернулся и помахал Майку. Тот помахал ему в ответ.

Майк повернулся к Саманте и протянул руку, она, ни секунды не размышляя, протянула ему свою и, крепко взявшись за руки, они покинули парк.

— Ты знаешь, а я ни разу не меняла ребенку пеленки, — проговорила вдруг она, вспоминая, как умело Майк обращался с малышом.

— Это не требует особого мастерства. — Он внимательно посмотрел на нее. — Знаешь что, надо нам с тобой отправиться в Колорадо и побывать у моих. Уж что касается детских пеленок, там ты сможешь вдоволь потренироваться. Готов побиться об заклад, что никто из моей семьи не станет возражать, чтобы ты поучилась на их детях. Через недельку станешь ведущим специалистом.

— Я бы не возражала, — серьезно заметила Саманта. — Я бы очень этого хотела.

Вместо ответа он крепко стиснул ее ладошку; они дошли до угла, где Майк поймал такси и попросил отвезти их в Китайский квартал.

К четырем часам дня Саманта безумно устала, но была счастлива — ведь она провела еще один замечательный день с Майком. Они ходили по городу, пока у нее не заболели ноги. Майк веселил ее, развлекал, водил по таким местам, о которых она сама никогда бы не узнала, например, показывал затерявшиеся в переулках малюсенькие лавчонки. Саманте ужасно понравилась лавка, где не было ничего, кроме различных игрушек с пружинным механизмом, Он показывал ей памятники, парки и ярмарки. Они слушали уличных музыкантов и глядели на игру бродячих актеров, которые оказались на удивление талантливыми. Саманта примеряла шляпки и уговорила Майка купить себе рубашку из хлопка с острова Бали...

Но самое большое удовольствие Саманта получила от их беседы. Всю дорогу они непрерывно болтали. Впервые с момента их знакомства Майк не изображал из себя Шерлока Холмса и не пытался выуживать у нее признания. Он не задал ни одного вопроса ни об ее отце или муже, ни о том, чем она занималась в школьные годы. Зато она в свое удовольствие расспрашивала о его жизни, о доме, о детстве.

Майк охотно рассказывал Саманте обо всех своих восьми братьях и трех сестрах, о родителях и многочисленных родственниках. Вспоминал о годах, проведенных в школе, колледже и аспирантуре. Он не скрывал от нее ничего и отвечал на любой вопрос. Только о других женщинах он не сказал ни слова. По его рассказам выходило, что у него никогда даже не было свидания с представительницей противоположного пола.

В четыре часа дня они сели за столик прямо на улице у входа в небольшой ресторанчик. Мимо них прошел очень красивый, мощного телосложения мужчина, и Саманта заинтересованно взглянула на него, но тотчас перевела взгляд на Майка. Тот сидел нахмурившись.

— Как ты думаешь, он занимается бодибилдингом? — спросила невинным голосом Саманта. — Нарращивает себе мышцы?

Взглянув на мужчину через плечо, Майк отхлебнул пива из кружки и пробормотал:

— Если он чего и наращивает, так это свое пузо.

Саманта рассмеялась. И это говорил человек, который только и делал, что ел мясо и пил пиво, пил пиво и ел мясо!..

В ожидании заказанного обеда, потягивая «колу» и откусывая булочку, она как бы невзначай поинтересовалась:

— Ты ведь не был женат?

Он не ответил. Саманта пристально посмотрела ему в глаза. Тогда, не отводя глаз, Майк тихо и серьезно начал рассказывать.

— Сэм, мне тридцать, и я здоровый нормальный человек. У меня были романы с женщинами. С Ванессой у нас продолжалось два года... Но я никогда не был влюблен. В нашей семье очень серьезно относятся к браку. Мы верим в те клятвы, которыми мужчина и женщина обмениваются перед алтарем. Я никогда не предлагал никому выйти за меня замуж. Я еще не встречал такую, с которой хотел бы прожить до конца своих дней, которая была бы достойна стать матерью моих детей. — Он взял ее руку. — А теперь я встретил тебя...

Саманта на мгновение потеряла дар речи. Она высвободила руку:

— Майк, я не...

— Если ты опять начнешь свою дребедень, что не хочешь связывать себя... Даже слушать не желаю...

Он устался в тарелку и продолжал мягко, тщательно подбирая слова:

— Я хочу задать тебе один вопрос и хочу получить честный ответ.

Саманта взяла себя в руки.

— Хорошо...

— Твой отец когда-нибудь... трогал тебя? Я имею в виду, в сексуальном плане?

Поначалу она вспыхнула гневом, но тут же успокоилась. В нынешние времена, когда все газеты пестрят заголовками с признаниями очередной женщины — жертвы сексуальных притязаний со стороны отца, такой вопрос не был совсем уж дурацким.

— Нет, — улыбаясь, сказала Саманта, — отец никогда не залезал ко мне в кровать и не дотрагивался до меня иначе, как с чувством заботы и отеческой любви. Майк, он был очень хорошим отцом.

— Тогда почему?.. — начал он и осекся. Он хотел спросить, почему же тогда она так относится к нему, но боялся услышать ее ответ. Может, все дело в нем самом. Может, он ей просто не нравится и в этом и заключается единственная причина, почему она отталкивает его.

— Вся беда во мне? — сам того не желая, все-таки спросил Майк. — Тебе нравятся мужчины другого типа? Вроде Рейни?!

— Майк, ты самый красивый мужчина, которого я видела. Разве может Рейни нравиться больше, чем ты!

Но он не улыбнулся. Этот ответ еще больше запутал его. Хоть он и узнал о Саманте так много, она все еще оставалась для него загадкой. Кто же она такая, эта мисс Саманта Эллиот? Однако чем больше времени он с ней проводил, тем больше убеждался: все хлопоты стоят того.

Майк поднялся и положил на столик деньги.

— Ты готова? Мне нужно возвращаться, чтобы успеть привести себя в порядок. У меня на вечер запланировано свидание.

Она медленно встала. Несколько мгновений назад он говорил ей о семейных узах, о крепости семьи, о детях... И вдруг сообщил, что опаздывает на свидание.

Глава 19

Домой возвращались в такси. Молчали. Трудно сказать, о чем думал Майк, а Саманта испытывала только одно чувство: самую что ни на есть обыкновенную, старомодную мучительную ревность. Это чувство было для нее новым, и не очень-то приятным. Она пыталась рассуждать здраво: чтобы испытывать ревность, нужно относиться к другому человеку, как к своей собственности, иметь право распоряжаться его временем и вниманием,

и... любовью. Но ведь Майк вовсе не принадлежал ей, а она — ему.

Саманта знала, что сейчас она крайне уязвима. В конце концов, она совсем недавно потеряла последнего близкого человека. А одиночество и страдания могут порой заставить думать, что ты влюблена, хотя на самом деле это обыкновенное чувство благодарности. Вот что для нее значит Майк. Она просто благодарна ему.

Это Майк сумел вытащить ее из состояния депрессии, в котором она находилась после смерти отца, заставил пробудиться к жизни. Для этого он использовал сочетание прямо противоположных подходов: всячески выводил ее из себя и одновременно был ласков и внимателен. Он дал ей то, чего ей так не хватало после смерти отца — надежду.

Правда, как считал Майк, в результате, сам того не желая, он втянул Саманту во что-то опасное. Но она ни на минуту не пожалела об этом.

Теперь же, когда они молча ехали в такси, она изо всех сил старалась подавить свое чувство ревности. Майк говорил, что он однолюб и никого раньше не любил. Но ведь вовсе не обязательно быть в кого-то влюбленным, чтобы назначать свидания. И, разумеется, квартирантки вовсе не касается, встречается хозяин дома с кем-то или нет. Однако ей казалось странным, что, получая явное удовольствие от ее компании, он в то же время собирается проводить вечер с другой.

— Та, с кем ты будешь встречаться сегодня... ты встречаешься с ней уже давно? — спросила она, как будто для того чтобы поддержать разговор. Может, это его мать устроила ему randevu с дочерью своей подруги.

— Три недели, — лаконично ответил Майк.

— А! Ну тогда тебе, конечно, надо пойти, — проговорила она вслух, а про себя добавила: «У тебя ведь уже есть перед ней обязательства».

— Да, пойти действительно нужно... — Он посмотрел на нее в упор. — Ты что, ревнуешь?

Она видела, что он старается изображать из себя такого героя — беззаботного и слегка ироничного, — но почувствовала натянутость в его тоне. Он явно что-то пытается скрыть, подумала она, сделав над собой усилие, чтобы не подать вида, что догадалась. Может, подумала она, он продолжает встречаться с Ванессой и не хочет, чтобы Саманта об этом знала? Как же глупо с его стороны скрывать от нее! Что он делает в свободное время — его сугубо личное дело. Он может встречаться с актрисочками, моделями, со всеми, с кем взбредет ему в голову, и это ни в коем случае ее не волнует.

Когда она думала о Ванессе или о любой другой женщине, которая могла бы появиться в его жизни, Саманта чувствовала, как все ее тело напрягается. «Но ведь это абсурд, — уверяла она себя. — Полная глупость. Майк и я всего лишь... друзья — и больше ничего. Обстоятельства заставили нас проводить много времени вместе, и уж если так случилось, нужно получать от этого удовольствие. Вот и все. Конечно, он, может быть, чувствовал себя одиноким, живя в таком большом доме, и был благодарен появившейся компании. Вот почему мы проводили так много времени вместе. Ходили на прогулки, разговаривали, смеялись... целовались...»

Она отвлеклась от своих размышлений и взглянула на Майка. Нет, этот человек никогда не будет одиноким, он так располагает к себе других, он такой общительный, заботливый...

Не глядя на нее, Майк произнес:

— Не смотри на меня так.

Саманта машинально отвернулась к окну. Что-то его явно беспокоит. И внезапно ее осенило: он врет. У него не назначено никакое свидание. Но зачем же он ее обманул?

Саманта поняла: он врет, чтобы защитить ее. Недаром же он говорил: «Твой отец доверил тебя мне, и я намерен оправдать его доверие». А теперь его мучает мысль, что покушение на нее отчасти произошло по его вине, так как он недооценил значение легенды о пропавших деньгах Однорукого Джо. И он готов на все ради ее безопасности. Даже на то, чтобы Саманта уехала с его родственником Рейни, которого он откровенно недолюбливал. Во всяком случае, ему совсем не нравилось, когда Рейни был рядом с Самантой.

Саманте вспомнилось, как Майк «ходил на свидание» в прошлый раз. Она с трудом сдержала улыбку. Майку тогда очень хотелось, чтобы Саманта приревновала его, и он был страшно разочарован, когда этого не случилось. А потом сам признался ей, что встречался с восьмидесятишестилетней женщиной, которая, по его сведениям, работала в свое время вместе с Макси в ночном клубе.

— Я пойду с тобой, — сказала Саманта, когда они подъехали к дому.

— Ты пойдешь к чертовой бабушке, — отрезал Майк. И то, как он отреагировал, убедило Саманту, что она была права: куда бы он ни отправлялся, это имеет отношение к Макси. Ее затопила теплая волна радости. Саманта была готова отбивать чечетку на тротуаре, взобраться на ограду и петь «Танцуй под дождем», как в старом классическом мюзикле.

Но она взяла себя в руки. Пока Майк расплачивался с таксистом, медленно поднялась по ступенькам и вытащила ключи. Подоспевший Майк отстранил ее и открыл дверь своим ключом. Боже, улыбаясь, подумала Саманта, вот что значит старомодное воспитание: в любой ситуации неукоснительно действует железный закон — джентльмен открывает дверь перед дамой. Она чувствовала, что Майк сердится, и, чем больше он дулся, тем радостней становилось у нее на душе. Если бы это в самом деле было свидание с женщиной, он бы так не злился!

— Как ты думаешь, что мне надеть? — весело спросила Саманта. — Костюм или джинсы?

— Пижаму и халат! — сквозь зубы процедил Майк, запирая входную дверь. — Именно это тебе нужно, чтобы провести вечер перед телевизором.

— В субботу как раз нечего смотреть, так что я просто вынуждена пойти с тобой.

— Саманта, говорю тебе, ты со мной не пойдешь!

— Что, Ванесса будет недовольна?

Какое-то мгновение на его лице было написано полное недоумение, затем он ухмыльнулся. Однако Саманта уже достаточно хорошо его знала, чтобы определить, насколько наигранной была эта реакция. «Ура, я права, это не Ванесса!» — подумала она.

— К твоему сведению, у меня назначен ужин с Эбби!

— Где?

— Ты не знаешь это местечко. В западных кварталах Манхэттана. Шикарное заведение. Я,

наверное, буду очень поздно, может, даже останусь у нее на всю ночь.

— Тебе позволят остаться в приюте для престарелых на ночь?

Испуг, промелькнувший на лице Майка, убедил Саманту, что она попала в точку. Правда, он сумел быстро справиться с собой и забормотал что-то вроде: «Эбби не живет в приюте» и «Это такая знойная женщина», но Саманта просто стояла молча и посмеивалась над ним. Все ясно. Нет никакого ужина в шикарном заведении. Нет никакой знойной женщины. Просто Майк пытается разыскать ее бабушку.

Наконец он сдался.

— Черт тебя побери, Саманта, — его голос дрожал, будто он сейчас расплачется, — в аду я видал все эти твои штучки! Еще раз повторяю — ты не можешь поехать со мной! Эта женщина, возможно, знала твою бабушку. За ней могут следить люди Дока. Она может...

— Она может оказаться моей бабушкой, ты ведь так думаешь?

Майк резко отвернулся от нее; она чувствовала, что он ищет аргументы, чтобы заставить ее не ехать с ним. Но про себя твердо знала, что это бесполезно.

— Чему ты так радуешься, скажи на милость? — спросил он, обернувшись к Саманте. Улыбаясь, она подошла ближе.

— Я просто удивляюсь, отчего мне пришло в голову, что ты законченный лгун. Ты вообще не умеешь врать.

Теперь Майк явно разозлился: глаза его сверкали гневом, ноздри раздувались, кулаки были сжаты.

— Может, конечно, и так. Но зато я отлично связываю маленьких дурочек, которые не знают сами, что им на пользу.

Он начал надвигаться на нее.

Саманта сглотнула слюну. А что, если он и впрямь ее свяжет?

— Ты ведь не способен никому причинить боль, — храбро заявила она, когда Майк подошел вплотную и навис над ней.

Его ярость тут же прошла, и он обнял Саманту, да так крепко, что она еле дышала.

Она не делала попыток вырваться из его объятий. Наоборот, прижалась к нему и терлась щекой о его грудь. Невольно у нее мелькнула мысль: как же хорошо они подходят друг другу. Ее бывший муж был тощим и длинным, и они смешно смотрелись рядом. А вот Майк подходит к ней просто идеально.

— Послушай, детка, — начал он, — я не хочу, чтобы ты была замешана в этом деле больше, чем ты уже замешана сейчас. Я даже не хочу оставлять тебя одну на этот вечер. Кстати, я собирался предложить тебе переночевать сегодня у Блэр, или у Вики, или у...

— ...у Рейни! — закончила Саманта. Глаза ее были закрыты, на губах блуждала улыбка; как же давно она хотела вот так прижаться к Майку. Ему, судя по всему, было не менее приятно.

— Нет. Я вовсе не желаю, чтобы ты провела вечер с этой шваброй. — Майк взглянул ей в лицо. — Тебе ведь не нравится всерьез этот парень, а?

— Нет, — честно призналась Саманта (уже второй раз за сегодняшний день, но кто ж это оценит?!). Улыбнувшись, он вновь прижался щекой к ее затылку...

— Вот что мы сейчас сделаем. Эту старую даму я все-таки навещу сам — все равно это, видимо, ложный след. — Он в сомнении покачал головой. — Это уже седьмая старушка, с которой я встречаюсь. Каждый раз кто-то клянется мне, что именно эта старушка присутствовала в клубе, когда люди Скальпини устроили там кровавую баню, и каждый раз она оказывается либо придурочной, либо слишком молодой, или вообще никогда не слыхала о клубе «Джубели». Бездарная трата времени. Уверен, что и сейчас тот же случай. Я отвезу тебя к Блэр, она живет в том же районе. Затем, как только повидаюсь со старушкой, я заеду за тобой. Захватим Блэр и вместе отправимся куда-нибудь поужинать. Куда захочешь. Выбери: «Стеганный жираф», или «Радужную комнату», или...

— Нет, — отрезала Саманта. — Я еду с тобой.

— Саманта, сладкая ты моя, ну послушай меня. — Крепко прижимая ее к себе, он ласково поглаживал ее по голове и по спине. Саманта отнюдь не возражала, чтобы ее уговаривали подобным образом часа три подряд.

— М-м-м... Я вся внимание... Кстати, давай в самом деле поедим поужинаем после того, как навестим старушку! Я слышала, есть такое местечко, называется «Под знаком голубка»...

Майк отпустил ее. На сей раз он был предельно категоричен.

— Ты со мной не идешь!

— Ну хорошо. Значит, я с тобой не иду. Если ты не желаешь разыскивать мою бабушку вместе со мной, мне придется это делать самостоятельно. Кстати, сколько может быть приютов для престарелых в этом районе Манхэттана?

Он растерянно посмотрел на Саманту. На его лице отразилась целая гамма различных эмоций. Было ясно, что она поступит именно так, как сказала: Майк уже сталкивался с ее упрямством.

— Надень костюм, — холодно сказал он и отвернулся.

— Значит, потом мы все-таки сходим в ресторан? — спросила Саманта, но Майк не считал нужным ответить.

Приют для престарелых Саманте не понравился. Во-первых, внутри все выглядело сплошным уродством. Обстановка была подобрана исходя только из целесообразности, без всякой претензии на красоту. Пол был покрыт кошмарным серым линолеумом — подобный оттенок мог изобрести лишь какой-нибудь злодей из преисподней. А стены были выкрашены в такой ослепительно белый цвет, что, казалось, они светятся. Все лампы были исключительно дневного света и располагались только на потолке. При этом каждая трубка-лампа гудела так, что через день-другой могла свести с ума даже здорового человека.

Кроме этого, в приюте стоял специфический запах: пахло дезинфицирующими средствами и лекарствами. Саманту всегда удивляло, как это люди умудряются сделать так, что помещение насквозь пропитывается запахом лекарств. Высыпают на пол таблетки и дают их, что ли?

Майк заметил гримасу отвращения на ее лице и взял ее за руку.

— Это один из лучших приютов, — проговорил он. Саманта, закатив глаза, недоверчиво покачала головой. Потом еще раз огляделась кругом. Да, здешний декоратор был просто талантом. Он сумел сделать все, чтобы изуродовать этот старинный и в общем-то достаточно уютный дом. Высоко на потолке еще виднелись красивые лепные узоры, стены были толстыми и крепкими и не пропускали уличного шума. Но лепнину портили лампы-трубки, а стены были сплошь покрыты страшными плакатами со всякими «расписаниями», «распорядками» и «правилами». Например, такими: «Свет после 21:00 не включать!», «Громкая музыка запрещена!», «Запрещается слушать музыку в стиле рок!», «Танцы в столовой запрещены!», «Не бегать!», «Запрещается жевать жевательную резинку!». Пока Майк справлялся у дежурной насчет разыскиваемой ими старушки, Саманта знакомилась с правилами и размышляла, что же такое страшное должно было произойти в этих стенах, что вынудило запретить «жевательную резинку», «танцы» и «рок-н-ролл»!

— А, Эбби, — заулыбалась дежурная сестра. С такой улыбкой обычно говорят о шkodливой кошке или собаке, которые вечно что-то вытворяют, однако их все равно любят, этих маленьких хулиганов. — Сейчас Эбби поживает нормально. Одно время мы беспокоились, что можем ее потерять, но она выкарабкалась. Пойдемте, я провожу вас к ней. Не удивляйтесь, если она вам покажется немного странной. Она, знаете, любит прикидываться!

Саманта шла рядом с Майком по коридору вслед за сестрой и думала, какая же дряхлая, должно быть, эта Эбби.

Сестра открыла унылую серую дверь, и они вошли в комнату, такую же уродливую, как и все остальное в этом здании. Комната была так вылизана, что ради оживления интерьера хотелось положить куда-нибудь пару пылинок. Сверху лился безжизненный дневной свет, освещая каждый миллиметр помещения — серый пол, ярко-белые стены, мебель из нержавеющей стали.

— Ну вот мы и пришли, — радушно скачала сестра. — Надеюсь, мы хорошо себя чувствуем. Ведь у нас сегодня посетители.

— Пошла прочь, — сильным голосом произнесла женщина в кровати.

— Ну-ну, Эбби! Как можно говорить такие вещи, когда у тебя гости. Они приехали к тебе издалека.

— Из восточных кварталов, э? — Голос был полон издевки.

Пока сестра нашлась, что ответить, Саманта осмотрелась вокруг — на металлической, выкрашенной в белый цвет кровати, на белоснежной простыне лежала маленькая, худенькая женщина. К ее вене была присоединена капельница, а из-под одеяла свисали провода, ведущие к диагностическому прибору, отлично подходящему по колеру к окружающей обстановке. Женщина была очень старой, ее щеки провалились, а морщинистая кожа имела болезненный зеленоватый оттенок. Но даже сейчас, несмотря ни на что, можно было понять, что она когда-то была красивой, подумала Саманта. Хотя ее плоть явно сдала, в глазах светился ум.

Сестра отошла в сторону, и перед старушкой оказался Майк. Она осмотрела его с ног до головы, а затем, будто чем-то пораженная, уставилась на Саманту. После чего вновь перевела взгляд на сестру.

— Уйди! — приказала она. — Я хочу говорить с гостями с глазу на глаз.

Сестра заговорщически подмигнула Майку, как бы желая сказать: «Не правда ли, прелесть!» — и покинула комнату.

— Здравствуйте! Я Майкл Таггерт. Не так давно я написал вам письмо, но мне сказали, что вы только что перенесли операцию и не можете уделить мне время.

— Наверное, сказали, что я помру, не так ли?

Майк улыбнулся, но старушка теперь не спускала глаз с Саманты.

— А это что за красавица? Как тебе здесь нравится?

— Совсем не нравится! — откровенно заявила Саманта.

Глаза старушки загорелись, и она захихикала.

— Вижу, что у нас с тобой на многое взгляды совпадают. Что если ты подойдешь сюда и присядешь ко мне? Да нет же, не на стул, а сюда, рядом со мной, на кровать. Так, чтобы я могла рассмотреть тебя получше. У меня старые глаза, понятно?

Саманта не стала раздумывать. Многие боятся стариков — может, те напоминают им, что когда-нибудь и они сами станут такими же, — но Саманта к ним не относилась. Она много времени провела со своей бабушкой Кэлом и со своим отцом, когда рак пожирал его и он хирел на глазах. И потому тотчас уселась на кровать рядом со старушкой и не выказала никакого удивления, когда та взяла ее за руку. Хватка была сильной.

Теперь Эбби обратилась к Майку.

— Насколько я понимаю, это ты мне писал насчет Макси.

— Да, — тихо ответил Майк; он стоял возле кровати, глядя то на одну, то на другую женщину и внимательно следя за их движениями. — Я хотел бы узнать, что вам о ней известно?

— Зачем? — спросила Эбби, и Саманта увидела, как кривая линия на приборах поползла вверх.

Непонятно почему, но Майк не отвечал, а лишь переводил взгляд со старушки на Саманту и обратно. Поэтому Саманта ответила за него:

— Он пишет биографию Дока. Он хочет знать про Макси. И я тоже хочу узнать про нее. Вероятно, она приходится мне бабушкой. — Ее голос стал тише. — Мой отец перед смертью просил, чтобы я разыскала его мать.

Эбби молчала, но кривая на приборе стала зашкаливать.

— Макси умерла, — после паузы произнесла Эбби. — Это случилось где-то полтора года назад.

— Вы уверены? — на выдохе спросила Саманта.

— Точно. Мы дружили с двадцатых годов. Тогда мы были очень близки, потом наши отношения стали ровнее. Но мы постоянно поддерживали контакт. Она умерла где-то в Нью-Джерси, где провела последние годы. Я получила оттуда весточку о ее кончине. — Она взглянула на Саманту. — Ради всего святого, зачем такой симпатичной молодой девушке знать о такой старухе, как Макси? Тебе нужно выйти замуж вот за этого твоего молодого человека. Нарожать детей и забыть о прошлом.

Саманта, не глядя на Майка, проговорила:

— Это не мой молодой человек.

— Интересно, — сказала Эбби. — А это тогда что?

Она подняла руку Саманты с бриллиантовым обручальным кольцом.

— А... Это?!. Я... Ну, мы...

— Мой дядя Майкл просил меня разыскать Макси, — наконец заговорил Майк.

— И кто же это такой, твой дядя Майкл? — поинтересовалась Эбби без особого любопытства в голосе.

— Майкл Рэнсом, — тихо произнес Майк.

Эбби медленно повернулась к нему лицом. Она смотрела на него жестким взглядом, зрачки горели как угольки.

— Майкл Рэнсом погиб в тот вечер. Он умер двенадцатого мая 1928 года.

— Нет, он не погиб, — возразил Майк. — Люди Скальпини почти отстрелили ему ноги, но он выжил. На следующий день после этой бойни он позвонил моему деду в штат Колорадо и тот выслал за ним самолет. А затем сделали так, чтобы все думали, что Майкл Рэнсом погиб.

Эбби долго молчала — видимо, осмысливала информацию, которую ей сообщил Майк, — потом скосила на него глаза.

— Если твой дед был способен сделать такое, значит, он был богат и влиятелен.

— Да, мэм, совершенно верно.

— А как насчет тебя. Ты сможешь обеспечить это прекрасное создание?

— Да, мэм, смогу. Пожалуйста, расскажите мне о дяде Майкле.

Эбби, не выпуская руки Саманты, откинулась на подушки — стерильные и белые, как снег.

— Это был красивый мужчина. Женщины звали его Красавчик Рэнсом.

— Он был такой же красивый, как Майк? — выпалила Саманта и тут же опустила взгляд, стыдясь, что не сумела сдержать свои чувства. — Я имею в виду...

Эбби улыбнулась.

— Нет, дорогая, конечно, не такой красивый, как твой молодой человек, но Майкл Рэнсом был по-своему хорош.

— Откуда он родом — очень серьезно спросил Майк. — Он мне никогда не рассказывал о своем детстве.

— Он был сиротой. Семьи не было. Все, что у него было, так это его внешность и умение танцевать так, будто он парил в воздухе. — Она замолчала, а затем заговорила почти шепотом:

— Кроме того, у него была способность влюблять в себя женщин.

— И вы были в него влюблены? — спросила Саманта.

— Конечно... Мы все были в него влюблены — Женщина явно уклонялась от нежелательного разговора о себе.

— А Макси его любила?

Прежде чем ответить Майку на его вопрос, Эбби долго и пристально на него смотрела, будто старалась прочесть его мысли.

— Да. Макси его очень любила, — после паузы проговорила она.

Саманта взяла со стола у кровати свою сумочку и достала оттуда пожелтевшую от времени фотокарточку с одним обожженным углом. Она протянула ее Эбби.

— Это Майкл Рэнсом?

Майк чуть было не подпрыгнул к потолку от удивления, когда увидел эту фотографию. Он вырвал ее из рук Саманты, прежде чем Эбби успела ее разглядеть. Это был портрет красивого мужчины в учтивой позе, в смокинге и с сигаретой в руке. Такие портреты делали тогда в фотосалонах. Майк видел своего дядю Майкла уже в почтенном возрасте, но, вне всякого сомнения, здесь был запечатлен тот самый человек, которого он так любил.

— Откуда это у тебя? — потребовал ответа Майк.

Саманте такой тон явно не понравился. Она возмутилась: почему это Майк считает, что в первую очередь она должна была показать фотографию именно ему?

— К твоему сведению, эта фотография находилась в шляпной картонке с бабушкиными вещами, которую оставил мне мой отец. К ней была прикреплена записка, где говорилось, что, когда он был ребенком, его мать сожгла какие-то бумаги, а ему удалось вытащить этот портрет из огня.

— Почему же ты мне ее раньше не показала?

— По той же самой причине, почему и ты многое скрываешь от меня, — отрезала Саманта, сверкая глазами. — Каждый день ты мне рассказываешь что-то новенькое, о чем сам давным-давно знал. Так почему же я не могу иметь от тебя парочку секретов?

— Да потому что... — Майк запнулся, услышав хохот Эбби. Его лицо залилось краской.

— И это называется «не мой молодой человек»?! — поддразнила Саманту Эбби, поглядывая то на нее, то на Майка.

Но Саманте вовсе не было стыдно.

— Он думает, что мне четыре года, а он мой защитник и наставник. Он устраивает мне сцены, даже когда я иду в магазин!

Прежде чем Эбби успела открыть рот, Майк тихо произнес:

— Один из людей Дока пытался ее убить...

После этих слов улыбка тотчас исчезла с лица Эбби. Сначала она молча лежала, откинувшись на подушку, и пыталась привести в норму свое участвовавшее дыхание. Стрелки на приборах прыгали как ненормальные. Саманта, крепко сжав старухину руку, осторожно поглаживала ее. Успокоившись, Эбби вновь подняла голову.

— Да. Это Майкл Рэнсом, — сказала она. По ее интонации было ясно, что аудиенция окончена, однако Майк и Саманта сделали вид, что не поняли.

— А как было ее настоящее имя? — поинтересовалась Саманта.

— Максина Беннет, — нахмурившись, резко проговорила старушка.

— Как жаль, что я так и не смогла повидаться с ней, — поглаживая руку Эбби, вздохнула Саманта. Ее взгляд был устремлен куда-то далеко. — Я так много слышала о ней от деда Кэла и от отца...

— Кэл?! — Эбби заулыбалась, ее нахмуренные брови разошлись, она заметно успокоилась. — Макси рассказывала о нем. — Последние несколько лет он жил с нами, с отцом и со мной. Я тогда ходила в школу, и нам пришлось нанять сиделку-домработницу.

— Хорошая была сиделка?

— Нет, совершенно ужасная, но дед Кэл много попортил ей за это крови.

Эбби снова улыбнулась, но ничего не сказала, и Саманта продолжала:

— Она была чрезвычайно властная женщина и обращалась с дедом так, будто он несмышленный ребенок. Дед Кэл часто говорил, что уволил бы ее, но доводить и доставать эту особу стало его стимулом к жизни. Он творил с ней чудовищные вещи. Например, сыпал соль в ее шампунь, чтобы во время мытья ей щипало глаза. Однажды, когда она косила газон, он сделал большой кувшин чаю со льдом, только это был не чай со льдом, а в основном виски. Было жарко, она залпом выпила три больших стакана этого жуткого напитка — и свалилась в кухне на пол. А пока она находилась в бессознательном состоянии, дед сбрил ее усики.

Эбби и Майк засмеялись. В этот момент в комнату вошла сестра. Сначала она отчитала Саманту за то, что та сидит на кровати, а не на стуле, как положено. Затем отчитала Эбби за то, что она нервничала, и это не укрывшись от чувствительных приборов.

— Здесь предпочитают тех пациентов, которые находятся в коме, — прокомментировала Эбби. — Только они и соблюдают все правила этого заведения.

— Ну-ну, Эбби... Ты шутишь, не правда ли? А теперь мы скажем нашим приятным гостям «До свидания».

Старушка ухмыльнулась, стрелки индикаторов поползли вверх. Сестра велела Саманте и Майку тотчас покинуть палату.

Глава 20

— Куда ты меня повезешь ужинать? — счастливым голосом спросила Саманта, когда они выходили из приюта. — Мне тут попался на глаза итальянский ресторанчик «Бумажная луна» — тот, что на Пятьдесят восьмой улице. Он выглядит очень симпатично.

— Ужинать мы будем дома. — Майк схватил Саманту за локоть и пристально посмотрел на нее. — Мы едем домой. Ты должна показать мне коробку, которую оставил тебе отец.

— Но, Майк! Я хочу есть!

— Ты можешь заказать еду, как всегда делала. Позвони в «Бумажную луну» и закажи все, что хочешь. Но сегодня ты мне должна показать эту коробку.

Пока Майк ловил такси, Саманта не могла удержаться от колкого замечания:

— По-моему, это не очень красиво, когда кто-то от тебя что-то скрывает. Не так ли?

Он крепко сжал ее руку.

— Ты что, не понимаешь, что секрет покушения на твою жизнь, возможно, кроется в этой коробке?

— Не-ет... — медленно проговорила она. Подъехало такси. Открывая дверцу, Майк спросил:

— Так что же там, в этой коробке?

Не дождавшись ответа, он сжал зубы и сердито взглянул на нее:

— Ты так и не посмотрела, что там, правда?

— Разбирать личные вещи усопшего не является, в моем понимании, интересным времяпрепровождением. Я открыла коробку, увидела сверху фотографию, взяла ее, и на этом все кончилось. Похоже, коробка набита старым барахлом, тряпками той особы, которая, возможно, сбежала с гангстером.

— В этой коробке полно вещей, которые многое могут нам подсказать. В том числе и причину, почему кто-то пытается убить тебя.

Саманта непроизвольно погладила шею рукой.

— Ты ведь не думаешь, что мне по-прежнему что-то угрожает?

— Именно так я и думаю, — тихо проговорил он. — Я думаю, что чем больше становится людей, с кем мы встречаемся, тем больше возрастает опасность... Возможно, ты уже так глубоко впуталась в это дело, что, даже если поедешь в Мэн, все равно будешь в опасности.

Саманта отвернулась, поглядела в окно и тяжело вздохнула.

Полчаса спустя они уже были в доме Майка. Шляпная картонка стояла на кухонном столе. Саманта настояла на том, что, прежде чем открыть картонку, они закажут ужин. Майк неохотно поддержал эту идею. При всем желании Саманта не смогла бы объяснить, почему она так не хочет заглядывать в эту коробку. Она знала, что там лежат бабушкины вещи, и при других обстоятельствах ей было бы любопытно взглянуть на них. Но только не сейчас. Эта коробка... Ей казалось, что это ящик Пандоры, полный пороков и несчастий. Если они сейчас откроют ее, начнется нечто такое, что трудно угадать последствия.

Когда Майк собрался снять крышку, Саманта положила на нее руку.

Глядя на нее, Майк терпеливо ждал. Она несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Затем кивнула и сделала шаг в сторону, затаив дыхание, пока он открывал крышку.

Склонившись, он заглянул внутрь, лицо его нахмурилось. Саманта не выдержала, любопытство взяло верх, и она подошла ближе.

— Что там? — прошептала она.

— Боже, даже не верится... — Его голос звучал озабоченно.

— Что?! — Она подошла еще ближе и заглянула в коробку. И тут он неожиданно схватил ее и закричал: «По-па-лась!» Саманта чуть было не подпрыгнула к потолку. Судорожно схватилась за сердце, лицо пошло красными пятнами. Она изо всех сил стукнула Майка по плечу: — Ну, ты!

Смеясь, он залез в коробку.

— Я не знаю, чего ты боишься. Это только старое платье.

Он вытащил красное шелковое платье и протянул ей.

Поначалу Саманта не хотела до него дотрагиваться, но, когда Майк слегка изменил положение руки, увидела, как мягко переливаются складки, не устояла. Взяв у него платье, она медленно начала его расправлять, взяв за плечики и внимательно разглядывая. С благоговением в голосе прошептала: «Ланвин», прочтя этикетку на внутренней стороне — оно оказалось от знаменитого парижского модельера.

Это было великолепное платье из красного муара: прилегающий лиф на узких лямках и изысканно драпированная юбка, расширяющаяся книзу, немного приподнятая спереди и с небольшим шлейфом сзади. С правой стороны талии находилось украшение в виде солнца с лучами, усыпанное алмазной пылью.

— Кажется, ты позабыла свои страхи, — саркастически заметил Майк, но она проигнорировала его слова, не в силах оторвать глаз от платья, восхищенная переливами ткани при малейшем движении.

Майк вытащил из коробки пару туфель. Они были сделаны специально под платье — из красного муара, ремешки усыпаны алмазной пылью, высокие каблуки. Едва увидев их, Саманта поняла, что они именно ее размера.

— А посмотри на это — Майк протянул ей маленькую коробочку, обтянутую голубым вельветом. На подушечке лежала пара серег. Это были необычные серьги. Они были продолговатой формы, усыпанные бриллиантами. И по три крупных жемчужины у основания.

Майк даже присвистнул.

— Это серьги Дока, — прошептала Саманта. — Это их он подарил Макси в ту ночь, когда она исчезла.

Майкл вытащил свернутое в комок нижнее белье: персикового цвет крепдешинный лифчик, отделанный нежными кружевами, и такие же трусики. Тоненький, очень сексуальный пояс с подвязками и телесного цвета шелковые чулки.

На самом дне коробки лежали длинная нитка жемчуга и два бриллиантовых браслета. Майк изучил браслеты на свет.

— Я, конечно, не ювелир, но рискну сказать, что это на подделку не похоже, — объявил он, передавая их Саманте. Потом покатал в руках жемчуг. — Видишь, жемчужины достаточно неровные, такие неровности встречаются только в натуральном жемчуге.

— Натуральный?

— Наверняка, — подтвердил он, кладя ожерелье на стол.

Саманта положила туда же браслеты, и оба уставились на то, что было разложено перед ними: красное вечернее платье, туфли, необыкновенные серьги, браслеты, ожерелье, нижнее белье. Кажется, это был полный комплект вещей, которые были на женщине в ту роковую ночь, в 1928 году.

— Если эти вещи были у твоего отца, — задумчиво произнес Майк, — то больше нет сомнений, что твоя бабушка и есть Макси.

— Да, — с трудом выдавила из себя Саманта. Но ей и не пришлось ничего больше говорить, так как раздался звонок в дверь. Прибыл ужин. Они накрыли его на одном краю стола и начали есть. Они почти не разговаривали. И никак не могли оторвать взгляд от вещей, разложенных на другом краю стола.

Их мысли были о страшной ночи 1928 года, когда, по той или иной причине, молодая женщина, одетая в шелк и бриллианты, вышла невредимой из кровавой бойни и с тех пор исчезла. Но исчезла ли? Если это в самом деле бабушка Саманты, то она отправилась в Луисвилл, штат Кентукки. Она была беременна. И три дня спустя вышла замуж за человека, который не мог иметь детей. Потом жила со своим мужем, родила ребенка, кажется, была счастлива, а в 1964 году неожиданно снова исчезла, на этот раз по-настоящему.

— Майк, — начала Саманта, — тебе хочется знать, что случилось в ту ночь? Действительно хочется?

— Да, — ответил он. — Я действительно этого хочу.

— Док утверждает, что Макси родила ребенка от него, однако Эбби говорит, что Макси любила Майкла Рэнсома.

— Я бы сделал ставку на дядю Майкла. Не могу себе представить, чтобы Док мог поделиться с кем-то даже своим семенем.

— Майк! — возмутилась Саманта, шокированная его грубостью. — А может, он действительно ее любил. Может, она была любовницей Дока, но была влюблена в Майкла Рэнсома. В конце концов, может, она любила их обоих!

Майк ничего не ответил. Он глядел на платье, на игру шелка.

— Ты обратила внимание, что на платье пятно?

— Да, — тихо сказала Саманта, глядя к себе в тарелку.

Она обратила внимание на пятно и инстинктивно почувствовала, откуда оно.

Встав из-за стола, Майк взял платье и начал рассматривать его на свет.

— Это ведь кровь, не так ли? Кажется, кто-то пытался его замочить, но ведь кровь смыть нельзя?

— Так много — нет.

— Ты не думала, чья это может быть кровь?

— Если судить по твоим сведениям о той резне, это может быть кровь целого десятка людей.

Майк продолжал смотреть на красное платье, освещенное лампой.

— Док сказал, что Макси была в задней части клуба, когда люди Скальпини открыли огонь, и что она больше не появлялась. Тогда это не может быть кровь дяди Майкла, он так и не покинул танцевальную площадку. Его там и ранили, там он и пролежал, пока врачи не забрали его.

А если судить по рассказу Дока, он почти все время находился в уборной. — Майк взглянул на Саманту. — Я отошлю это Блэр, чтобы она провела анализ. Если нам удастся получить группу крови, ее можно будет сравнить с данными медицинских карточек тех, кто был ранен в ту ночь.

Саманта встала и взяла у него платье.

— Они не будут его резать? — спросила она с грустью в голосе.

Майк хотел было ехидно заметить, что коробка лежала несколько месяцев и ее даже не открыли, что Саманта однажды видела это платье, но не пожелала достать его. А теперь ведет себя как ребенок, у которого хотят отобрать плюшевого медвежонка на благотворительные цели. Но он промолчал.

— Да нет. Они не испортят его. Но я думаю, что его нельзя выпускать из виду, пока мы не запотоколируем все это дело.

— Запотоколируем? Ты имеешь в виду — мы сделаем фотографии? Я могу его подержать. Или можно повесить его на стенку.

— Нет, так не пойдет, — нахмурившись, Майк пытался найти какой-нибудь выход. — Я знаю, как мы поступим. Почему бы тебе его не надеть на себя? Ты возражать не будешь? Похоже, оно тебе будет как раз.

Еще несколько часов назад Саманта не хотела и думать о том, чтобы заглянуть внутрь коробки, не говоря уже о том, чтобы копаться в старых вещах. А теперь? Надеть старинное, окровавленное платье?

Она дотронулась до бретельки лифчика.

— Думаешь, если я надену эту одежду, это поможет тебе в твоём исследовании?

Майку пришлось прикрыть рот ладонью, чтобы она не видела его улыбки.

— Ты окажешь мне лично огромную услугу, если наденешь это. Всего на несколько минут. Что, если ты пойдешь переоденешься, а я в это время схожу за камерой. Не спеши. Мне придется установить камеру на треногу.

Он еще не успел закончить фразу, как Саманта собрала все со стола в охапку, засунула обратно в шляпную картонку и направилась в спальню.

Там она быстро скинула с себя одежду и надела лифчик и трусики Макси. Прикосновение шелка к ее телу мгновенно преобразило Саманту. Она выпрямилась, подтянула живот и вскинула подбородок, затем немного подвигалась, чтобы насладиться ощущением скользящего по телу шелка. Когда она только прибыла в Нью-Йорк и заперлась одна в отцовской комнате, она слушала его пластинки с записями старых блюзов. Теперь же, стоя в нижнем белье Макси, она начала напевать старые песни Бесси Смит.

Она надела пояс и, поставив ногу на стул, стала медленно натягивать чулок. Когда нога заблестела шелком, вытянула ее, застегивая подвязку. Затем открыла шкаф, передвинула стул, чтобы он стоял против зеркала на дверце, и начала надевать второй чулок, глядя на себя в зеркало. Персикового цвета шелковый лифчик, трусики, шелковые чулки: голые бедра между шелком и шелком.

Интересно, почему все-таки пояс и чулки имеют столь сексуальный вид, думала она, вертясь в разные стороны перед зеркалом и получая удовольствие от увиденного. Колготки, которые затягивают женщину в нейлон от пояса до кончиков пальцев, совершенно не такие сексуальные. В них женщина себя чувствует будто сосиска в оболочке. Но когда ощущаешь голую плоть между шелком чулок и пояса, начинаешь чувствовать себя соблазнительницей, будто ты певица в ночном клубе Гарлема, а красавцы мужчины приходят специально ради того, чтобы послушать тебя.

Она прошла в ванную комнату и принялась внимательно рассматривать себя в зеркале; и тут же пришла к выводу, что ее лицо слишком бесцветно — совсем как у молодых девушек в церкви, а прическа слишком современна, слишком пушиста от всякой химии.

Саманта пустила воду, намочила щетку и пригладила волосы. Но, проведя щеткой единожды, уже не могла остановиться. Сделав слева пробор, она как следует намочила волосы и прижала их к голове, завив локоны возле ушей. А чтобы прическа держалась, сбрызнула их лаком. Взяв самый темный карандаш, ярко покрасила глаза, затем провела жирную линию по бровям, подчеркнув их излом. Губной помадой ей удалось придать верхней губе почти остроугольную форму, как она видела на картинках Клары Боу.

Отойдя от зеркала, Саманта всмотрелась в свое изображение и кивнула одобрительно. Она сама почти верила, что она Макси, готовая выйти на сцену, и ее любовник, и человек, дарящий ей бриллианты, уже ждут ее среди публики.

Она надела через голову платье, почувствовав, как шелк обхватил ее тело, осторожно разгладила его и взглянула в зеркало. «Макси», — прошептала она, видя перед собой не Саманту, а совершенно другую женщину, уверенную, что нравится мужчинам. Надела туфли, поставила ногу на стул и провела по ней рукой.

— Сэм, — крикнул за дверью Майк, — ты что, еще не готова?

— Ну ты, мужик! Сиди и посапывай. Эта киска стоит того, чтобы подождать! — бросила в ответ Саманта. Надела серьги Дока и браслеты, обмотала жемчужную нитку дважды вокруг шеи. Теперь она готова.

Она уже собиралась выходить, когда заметила на шкафу двух плюшевых собачек. У одной из них в лапах была деревянная палочка, сантиметров тридцать в длину. Осторожно отвинтив ее, Саманта замазала «штрихом» для машинки ее кончик. Когда она закончила работу, у нее в

руке было что-то, напоминающее тонкий женский мундштук с сигаретой. Она поднесла его к своим ярким губам, сложенным как для поцелуя, и, приоткрыв дверь, велела Майку выключить весь свет, кроме торшера, игнорируя его по-мальчишески грубое «да ладно тебе!».

Из спальни вышла уже не невинная, степенная Саманта, а Макси — певица, за обладание которой дерутся мужчины.

Майк присвистнул и даже забыл сделать снимок, когда увидел всплывающую Саманту. Он знал, что Саманта, его Саманта, не ходит так, как эта женщина. Она шла походкой манекенщицы, «от бедра», движения тела были волнующими и сексуальными. Она наступала на него, сверкая бриллиантами в ушах и на запястьях. Эта женщина так же отличалась от Саманты, которую он знал, как Дафния отличается от набожной домохозяйки-южанки. Майк невольно попятился назад. Эта женщина пугала и давила. При виде ее мужчине хотелось надеть смокинг и дарить ей подарки в вельветовых коробочках. Когда Саманта поднесла мундштук с лжесигаретой к своим новым губам, Майк плюхнулся на стул у кухонного стола, продолжая изумленно наблюдать за ней — абсолютно чужой и незнакомой.

Когда Саманта подошла совсем близко, она запела старый блюз, который исполняла когда-то Бесси Смит:

Наступила черная полоса,

Одна беда... другая беда...

Мой парень покинул меня навсегда.

Моя подруга его увела...

Многие считают, что нужно иметь черный цвет кожи, чтобы уметь исполнять блюзы, но это не так. Для этого нужно испытать страдания, а Саманта за свою короткую жизнь испытала их столько, что, казалось, блюзы были написаны специально для нее. Ее голос, хотя и не поставленный, был от природы сильным, а пела она чрезвычайно выразительно и эмоционально.

Боже, неужели не слышишь мольбу!

Неужто лишь темные дни впереди?

Улыбкой своей освети мне судьбу,

Счастье, о счастье, приди!

Она заставляла прочувствовать каждое слово, которое пела. Майк в самом деле ощущал боль женщины, у которой отбили любимого. Только так, и именно так нужно было исполнять эту песню, так именно она и задумывалась автором. Саманта ничуть не напоминала современную фольклорную певицу, которая бы могла взять в репертуар эту вещь, восхитившись симпатичной мелодией и духом подлинности и старательно подражала бы негритянскому стилю исполнения. Саманта никому не подражала. Она пела не столько голосом, сколько сердцем.

Уж не греет мне душу улыбка на фото,

Оно покрылось пылью густой.

Я одна — в крепких тоски тенетах,

Я одна — только блюзы мои со мной.

Когда смолкла эта короткая печальная песенка, Майк был способен только моргать, в смятении уставившись на Саманту — точнее, на незнакомку в красном платье, переливающимся на изгибах ее тела.

Она направилась к нему, и он окончательно остолбенел: такой походки он не видел никогда в жизни. Подойдя, женщина поставила кончик своей туфельки на край стула между его ног, наклонилась и поднесла к губам мундштук. Майку даже показалось, что он видит, как тонкая струйка дыма закружилась из уголка ее губ.

— Ну что, сладкий? — раздался совсем чужой голос. Он был низким, почти скрежещущим и в то же время завораживающим и притягательным — голос сирены, способный зазывать мужчин, даже если они знают, что идут на верную гибель.

— Саманта, — прошептал Майк, и, к его стыду, голос у него сломался, как у подростка.

Она засмеялась таким смехом, которому бы позавидовала Кэтлин Тернер, отвернулась и пошла. Она уходила, а Майк не мог оторвать взгляда от ее обнаженной спины — ее гладкая кожа была безупречной.

— Сэм, — позвал он, когда она направилась обратно в спальню. Но она не отреагировала. — Макси, — неожиданно вырвалось у него, и дыхание перехватило, когда женщина улыбнулась ему через плечо. Это была улыбка соблазнительницы, которая знала, как пользоваться этим оружием.

Когда Саманта исчезла в спальне, Майк наконец тяжело выдохнул и помассировал руки. Все это время он был в напряжении, и мышцы его болели. Стараясь успокоиться, он подошел к застекленным дверям, ведущим в сад, и посмотрел в ночь. Женщина, которая только что побывала в этой комнате, была ему незнакома. Она скрывала в себе много тайн, была способна на многое и, честно говоря, не особенно ему нравилась. Майк не отказался бы переспать с этой женщиной — она была чертовски соблазнительна. С другой стороны, возможно, он и не поддался бы соблазну, так как женщина, которая только что пела для него, скорее всего, знает о сексе больше, чем он, и способна искусно имитировать все, что угодно, — и оргазм, и нежную влюбленность. Это была полная противоположность Саманте с ее открытостью, нежностью, ее...

— Ну как? — раздался сзади знакомый голос.

Когда он обернулся, перед ним была прежняя Саманта: краска смыта с лица, на голове взбитая копна волос, маленькая фигурка спрятана в его мешковатом халате. Он, не задумываясь, ринулся к ней, заключил в объятия и поцеловал. Это не был поцелуй страсти, но поцелуй облегчения, поцелуй благодарности человеку, который вернулся после разлуки.

— Майк! — испуганно сказала она. — С тобой все в порядке?

Вместо ответа он обнял ее так крепко, что она с трудом могла дышать; и прошло несколько минут, прежде чем он пришел в себя и вновь обрел дар речи, для начала неестественно хмыкнув.

— Ты меня заставила поверить в раздвоение личности. — Майк взял Саманту за плечи и, отодвинув от себя начал пристально вглядываться в каждую черточку ее лица. — А с тобой все в порядке? Ты... ты такая другая. Ты была...

— Макси, — закончила она. — Я надела это платье и как бы стала ею. Хорошо получилось?

Он вновь прижал ее голову к своему плечу.

— Слишком. Очень даже слишком, чересчур...

— Майк, что произошло? Все, что я сделала, так это спела, ну и немного вошла в роль.

— Больше того. Ты перевоплотилась. Совсем изменилась.

— Немного перемены никогда не помешает...

Целуя ее, он заставил ее замолчать.

— Сэм, я не хочу, чтобы ты изменилась, стала другой. Ты нравишься мне такая, какая есть.

Прижимаясь к нему, Саманта никак не могла понять, что же его так расстроило, но ей было приятно, что она способна вызвать столь сильные чувства. К тому же ей пришлось по душе его комплимент.

— Майк, — тихо проговорила она, — ты мне тоже нравишься.

Только потом она поняла, насколько он расстроился: впервые он не настаивал, чтобы она провела с ним ночь. Это заставило ее улыбнуться. У себя в спальне Саманта посмотрелась в зеркало. Может, ей стоит почаще становиться Макси, подумала она. Возможно, не следует быть столь предсказуемой, скучной, «женщиной без сюрпризов». Поглаживая платье Макси, висевшее на спинке стула, она улыбнулась, потом, повинувшись какому-то импульсу, достала свою новую белоснежную ночную рубашку и надела ее.

Глава 21

В воскресенье, проснувшись около девяти часов утра, Саманта в белой ночной рубашке сидела, прижав колени к груди, в самом центре кровати в ожидании своей любимой телепередачи «Воскресное утро», которая начиналась ровно в девять.

Она смотрела эту программу с тех пор, как ее ведущего взяли прямо с улицы и усадили в студию. И все ждала, когда же с его лица сойдет это меланхолическое выражение, говорившее: «Лучше бы меня оставили на улице».

Первые несколько минут ведущий посвятил тому, что вкратце рассказал утренние новости, каждому событию умея придать свой особый колорит. И вдруг Саманта услышала слово «Джубели». Она насторожилась, широко раскрыла глаза и стала ловить каждое слово ведущего.

«Кровавая бойня Джубели» не так широко известна, как «Бойня Святого Валентина». Впрочем, и другие события, происшедшие в нашем городе в годы сухого закона, не столько известны по

сравнению с событиями в Чикаго. Возможно, тому причиной цинизм нью-йоркцев. Трагедия, которая произошла в тот воскресный вечер двенадцатого мая 1928 года, даже не получила среди жителей Нью-Йорка название бойни. Событие было мудро названо «сменой караула»: один босс гангстерской группировки расстрелял людей другого босса, но именно этот другой позже и прибрал все к рукам. После этой страшной перестрелки, в результате которой погибли семнадцать человек и свыше десятка получили ранения, гангстер Док Бэррет, которому было двадцать восемь лет, взял в свои руки контроль над нелегальной продажей спиртного в городе. Док приобрел многое, но и понес потери. Его друг детства, единственный, кому, по словам Бэррета, он мог доверять, человек с колоритной кличкой «Однорукий Джо» (еще в юности он потерял половину левой руки, закрывая своим телом Дока от пули), был убит в этот вечер.

Все эти события произошли в Гарлеме, в шикарном клубе под названием «У Джубели». В отличие от Дока клуб потерял все, что имел. Шикарное заведение было практически уничтожено: три тысячи выпущенных пуль в тот роковой вечер и несколько тысяч искателей сувениров в последующие несколько дней не прошли для него даром.

Ведущий отложил прочитанный текст и улыбнулся своей загадочной улыбкой Моны Лизы.

Пока ведущий рассказывал, на экране мелькали фасад и внутренний интерьер разваливающегося здания клуба. Ныне это был один из самых ужасающих районов Гарлема. Крысы шмыгают по полу. Затем смена кадра: перед зрителем изрешеченная пулями стена. Джубели до сих пор владеет этим клубом. Он не может ни продать его, ни при нынешних ценах на аренду содержать, поэтому на сегодняшний день клуб пустует.

«Клуб пустует, и некоторые утверждают, что он полон призраков. Но мы сегодня не будем говорить о кровавой бойне, даже о такой кровавой, какая произошла в тот день шестьдесят три года назад... Сегодня мы будем говорить о Джубели Джонсоне и о его музыке. Даже те страшные события, которые отняли у него все, не смогли уничтожить такого человека, как Джубели. Сегодня ему исполнился сто один год, но он по-прежнему поет и играет, и... счастлив!»

Вскочив с постели, Саманта побежала через ванную комнату к Майку. Он спал на животе, зарывшись в простыни и шесть пуховых подушек.

— Майк! Проснись! Взгляни, что передают по телевизору!

Он не прореагировал; она нагнулась к нему и дотронулась до того, что было видно — несколько сантиметров голого плеча и завиток черных волос.

— Майк, проснись! Ты все пропустишь!

Он не пошевелил ни одной мышцей. Если бы от него не исходило тепло, можно было бы подумать, что он мертв. Забравшись на кровать, Саманта схватила его за плечи и начала трясти.

— «Джубели» на экране! «Джубели», где работала Макси! Вставай!

Еще секунду назад, казалось, он был полностью отключен, и вдруг вскочил, схватил ее и, опрокинув на постель рядом с собой, начал тереться небритым подбородком о ее шею. Саманта расхохоталась.

— По какому такому праву ты меня будишь? — зарычал он с наигранным гневом. — Сегодня воскресенье, и мужчина имеет право отоспаться!

Смеясь, она старалась высвободиться из его объятий и увернуться от колючей щетины, щекотавшей ей кожу.

— Майк, по телевизору показывают про Джубели.

Его лицо внезапно изменилось, и он выпустил Саманту. Более того, резко отстранился от нее.

— Что случилось?

— Уйди отсюда, — в его голосе больше не было игривости. Он был абсолютно серьезен.

Было нетрудно догадаться, что он очень сердит, но она не могла понять почему. Может, он рассердился на то, что она его разбудила? Некоторые люди очень серьезно относятся к своему сну, но до сих пор было как-то не похоже, что Майк принадлежит к этой категории. Она слезла с кровати и начала извиняться.

— Прости меня. Я не должна была тебя будить, но мне хотелось, чтобы ты посмотрел передачу. Я, наверное, пойду и включу запись на видеомagnитофон, а ты сможешь посмотреть пленку потом.

Он отвернулся от нее и буркнул:

— Сними эту рубашку.

— Я... я не думала, Майк... — тихонько прошептала она, но голос даже ей самой показался неискренним.

— Я пришла сказать тебе о телевизионной передаче, и совсем забыла, в чем одета. Я вовсе не собиралась... — Она внезапно смолкла, так как он повернулся и глядел на нее. То, что она увидела в его глазах, заставило ее отшатнуться. Там были желание и страсть, тоска и нетерпение. И еще какое-то невероятное отчаяние, будто она владела чем-то, в чем он страшно нуждался, и, если она не даст ему это, он просто погибнет.

Непроизвольно поднеся руку к шее, Саманта сделала шаг назад. Она давно уже не боялась Майка, но сейчас она испугалась. Он потянулся к ней через кровать, и она торопливо отступила еще на шаг.

— Майк, — начала было она, но он молчал, лишь глядел на нее с этим странным выражением и все приближался и приближался к ней, медленно и тихо, как хищник перед броском.

Саманта вскрикнула и выбежала из комнаты, захлопнув за собой сначала дверь в ванную, затем в спальню. Она прижалась к двери спиной, ее грудь вздымалась. Возможно, Макси и могла бы управиться с молодым, красивым мужчиной, атакующим ее, но Саманта к этому еще не была готова.

Прошло некоторое время, прежде чем она смогла успокоить дыхание. Затем содрала с себя новую ночную рубашку и надела джинсы и блузку с длинными рукавами и высоким воротником, который закрывал всю шею. Затем отправилась в библиотеку, чтобы посмотреть там телевизор.

Прошло почти двадцать минут, прежде чем появился Майк. Когда Саманта посмотрела на него, то чуть не потеряла дар речи — его губы и кожа были почти синими.

— Что с тобой? — спросила она. Подошла к нему и положила на лоб ладонь. Его кожа была холодной, как у рептилии.

Отстранив ее руку, он прошел в комнату и сел на диван.

— Ледяной душ, — буркнул он, явно смущаясь того, что произошло недавно. — Еще не повторяли сюжет?

— Нет, — сказала она, пытаясь не улыбаться. То, как он прореагировал, понравилось ей. Конечно, он не оригинален. Мужчины часто ведут себя подобным образом — де того, как переспят с женщиной. Тем более с такой, как она. Нет, лучше дать Майку пофантазировать на ее счет, чем позволить ему сделать то, что, как ему кажется, он хочет — переспать с ней. Если она позволит ему, то он, наверное, на другой же день попросит ее освободить квартиру или просто заснет во время процесса.

— Кажется, этот сюжет будут повторять через минуту, так что ты ничего не пропустил. — Она протянула ему половинку разогретой булочки, намазанной плавленым сыром.

Но Майк проигнорировал протянутую булочку. Вместо этого он взял Саманту за подбородок, притянул ее голову к себе и губы сомкнулись. Он целовал ее долго, сладко, но не агрессивно. Только теплые пальцы держали ее за подбородок. Этот долгий-долгий томный поцелуй почти заставил ее отключиться. Прижавшись к Майку, она положила руку ему на плечо, и ее губы раскрылись. Казалось, все тело ее стало расплываться, превращаясь во что-то теплое и мягкое. Она хотела слиться с ним, затеряться в нем.

Когда Майк оторвался от ее губ, она почувствовала такую слабость, что не могла даже сесть, и, если бы он не поддержал ее, свалилась бы на диван.

— Ну почему, Сэм? — прошептал Майк. — Почему ты мне отказываешь? Сколько мне еще ждать? Ты что, хочешь, чтобы я сначала предложил на тебе жениться? Если это так, то я согласен...

Она прикоснулась пальцем к его губам, заставляя замолчать. Ей не хотелось обсуждать это. Во всяком случае не сейчас, когда чувство, которое зародилось между ними, было еще столь хрупким. Может быть, когда-нибудь потом она сможет рассказать ему правду о себе.

Майк заметил наконец в руке Саманты булочку, которая сильно пострадала во время их жаркого поцелуя. Хорошая половина плавленого сыра осталась на пальцах Саманты. Майк взял ее руку и очень медленно, нежно и сексуально облизал сыр с ее пальцев, заставив ее пережить ни с чем не сравнимое ощущение.

— Начинается твоя передача, — пробормотал он, все еще держа ее палец во рту.

— Что?..

— Передача. Джубели! Помнишь? — Он облизывал ее ладонь.

— Что?..

— Макси... Джубели... Смерть. Уничтожение. Бойня! Помнишь?

— Что?..

Оставив наконец в покое ее руку, уже совершенно чистую, Майк развернул Саманту к экрану телевизора. Но прошло немало времени, прежде чем она смогла сфокусировать внимание на сюжете о жизни и творчестве старенького музыканта. Показывали самого Джубели, который, несмотря на его сто один год, выглядел достаточно энергичным и проворным.

Майк обнял Саманту за плечи. Теперь на экране перед ними появилось обветшалое здание, которое когда-то было элегантным ночным клубом, выполненным в стиле модерн, в голубых и серебряных тонах. Джубели начал рассказывать о клубе, об артистах, о том, как женщины носили меха, как мужчины ухаживали за своими любовницами — и как после бойни жизнь больше уже не вошла в прежнюю колею, а сам он так и не нашел денег, чтобы восстановить этот клуб.

В конце передачи Саманта нажала на пульте дистанционного управления кнопку «выкл. звук» и обернулась к Майку.

— До Гарлема очень далеко?

— В философском смысле или по метражу?

Она скорчила недовольную гримасу:

— Конечно, в смысле расстояния!..

— Не забывай, что Нью-Йорк — это остров. Все здесь под рукой.

— Если я скажу водителю такси, чтобы он отвез меня в Гарлем, он будет знать, куда ехать?

— Успокой меня и скажи, что ты не замышляешь сделать то, что, как мне показалось, ты замышляешь! — проговорил Майк после минутной паузы, пристально глядя на Саманту.

Она встала с дивана.

— Если ты имеешь в виду, что я собираюсь нанести визит Джубели, то ты не ошибаешься. И я собираюсь это сделать до того, как еще кто-то сообразит, что старик пока жив.

— Кто-то — это тот, кто пытался тебя убить? — спросил Майк, встав перед ней и положив ей руки на плечи.

Она мягко отстранилась от него, опасаясь повторения происшедшего.

— Может, господин Джонсон что-то знает о моей бабушке — что с ней случилось в тот вечер, почему позже она была вынуждена покинуть свою семью... Может, он знает что-то такое, что оправдывает все страдания, которые она принесла своим родственникам. Может...

— Скажи честно, существует ли такой аргумент, который бы убедил тебя не ездить туда?

Саманта отрицательно покачала головой.

— Нет, Майк, меня ничто не остановит. Я бы хотела, чтобы ты поехал со мной, но если нет, я поеду одна.

— Это в Гарлем-то! Одна! Маленькая блондиночка в такой район города?!

— Неужели там так уж плохо, как показывают по телевизору?

— Еще хуже...

Она сглотнула слюну, а потом глубоко вздохнула и с трудом выдавила из себя:

— Все же я поеду одна, если будет необходимость. — Чувствовалось, что ее не покидает надежда, что Майк поедет с ней. В конце концов, существует предел человеческой смелости.

— Ну ладно. Одевайся. Надень что-нибудь попроще, без ярлычков модных модельеров.

Кивнув, она поспешила наверх переодеваться.

Когда Саманта и Майк подъехали, у дома Джубели уже собралась толпа. Майк договорился с водителем обычной машины — не таксистом, — что тот привезет их и будет ждать, чтобы отвезти обратно. Водитель — кажется, знакомый Майка — был здоровенный мужчина, с черной, как уголь, кожей; через всю шею у него тянулся огромный розовый шрам, уходящий под воротник рубашки. Нервничая, Саманта постоянно ему улыбалась, что, похоже, очень его веселило.

Во время поездки на север Гарлема Саманта сидела тихо, как мышка, так она была перепугана. Такая жуткая нищета — и всего в нескольких шагах от блеска и богатства Манхэттена. Такое трудно себе представить и понять.

Когда они наконец добрались до дома Джубели, единственного приличного дома во всей округе, Саманта даже охнула от расстройства. Казалось, здесь сейчас начнется восстание. Должно быть, весь Нью-Йорк смотрел передачу, и теперь все стекались поглазеть на Джубели, одолжить у него денег, предложить что-то купить или послушать написанные им песни.

У подъезда стояла высокая, крупная женщина с седой шевелюрой стального оттенка и абсолютно взбешенным выражением лица — когда-то, видно, весьма привлекательного. Держа щетку на изготовку, будто какое-то оружие, она пыталась помешать толпе приступом взять подъезд. Саманта видела, как двое уже получили щеткой по лицу.

Майк взял ее под руку.

— Кажется, сейчас не время, — сказал он и начал тащить ее к машине.

Но Саманта вырвалась.

— Нет. Я собираюсь поговорить с ним сейчас. Мне кажется, что у меня не хватит смелости еще раз возвратиться сюда.

— За последнее время это лучшая новость, которую я услышал.

— Майк, ты можешь мне помочь пробиться через толпу? Если я достаточно близко подберусь к этой женщине, то скажу ей, что хочу поговорить с Джубели по поводу Макси.

Майк подумал, что нет смысла терять время на уговоры; но и процедура проталкивания сквозь толпу тоже не радовала его. Кроме всего прочего, по правде говоря, он сам хотел повстречаться с Джубели и расспросить старика. Вглядевшись поверх толпы, он кивнул стоящему у машины здоровенному негру-приятелю. Тот, в знак согласия, кивнул.

Через мгновение Саманту, уцепившуюся за талию Майка, уже несло через толпу. Ее спину прикрывал здоровенный негр. Когда Саманта оказалась возле самых ступенек, женщина со

щеткой в руках сделала выпад против их троицы. Но негр поймал щетку за палку, пока она не успела обрушиться на них. За эти несколько секунд Саманта и Майк успели сказать женщине, что они хотят спросить Джубели о Макси.

По виду женщины было ясно, что ей знакомо это имя. С видимой неохотой она кивнула парнишке, стоящему сзади нее, и тот исчез за дверьми. Скоро он вернулся и помахал им, чтобы они зашли. Майк и Саманта вошли в дом, а их водитель возвратился к машине.

Внутри все было так, как и должно быть в доме, который приобрели очень давно, сразу отделали, а затем все эти годы не дотрагивались, не реставрировали и ничего не меняли. Правда, потолок и стены за долгие годы красили, наверное, раз сорок (немилосердно закрашивая при этом деревянные панели и резьбу), но никогда не отмывали перед покраской. Краска, нанесенная на грязь, растрескалась и облупилась.

Они проследовали за мальчиком по узкой лесенке вверх, где было светло и тепло. Казалось, здесь ничего не изменилось со дня рождения Джубели. Неожиданно из тени на площадке вышел человек, чуть не до смерти напугав Саманту. Это был высокий темнокожий мужчина, очень красивый, но с самыми злыми глазами, которые Саманте когда-либо приходилось видеть. Не то чтобы он был зол в данную минуту, — казалось, он был зол всю свою жизнь, зол навечно, на все и на вся.

Он бросил на Саманту надменный и презрительный взгляд и скрылся в глубине коридора. Проглотив слюну и получив ободряющую улыбку от Майка, Саманта продолжала путь вверх по ступеням.

Наконец мальчик открыл дверь, пропустил вперед Саманту и Майка и оставил их одних в комнате. Как только Саманта увидела эту комнату, она тотчас в нее влюбилась. Две стены от пола до потолка были заняты стеллажами, набитыми нотными тетрадями. Судя по пожелтевшим порванным титульным листам, здесь была собрана музыка со времен неандертальцев. В центре комнаты стоял огромный рояль, черный, блестящий; на таких во время больших концертов обычно играют люди, одетые в смокинги. Без сомнения, этот инструмент любили и ухаживали за ним.

Он блестел полировкой и на нем не было ни единой царапины. Несколько старомодных стульев с подлокотниками стояло вокруг него.

И Саманта, и Майк так увлеченно разглядывали комнату, что не сразу заметили маленького человечка, сидящего за роялем; его голову было почти не видно из-за пюпитра. Телевизионщикам как-то удалось спрятать морщины на его лице и его ужасающую худобу: казалось, на Джубели почти не было мяса, одни кости, прикрытые черной кожей. Он больше походил не на человека, а на мумию, и его блестящие глаза на старческом лице выглядели как-то неуместно и даже жутковато. Будто кто-то придумал вставить живые глаза в мумию, чтобы привлечь внимание посетителей музея древностей.

Саманта улыбнулась ему, и он улыбнулся ей, демонстрируя замечательные вставные зубы.

— Меня зовут Саманта Эллиот. Я внучка Макси, — сказала она, протягивая ему руку.

— Я бы тебя и так узнал. Одно лицо.

Его голос был еще звучен, и Саманта подумала, что он, наверное, никогда не переставал его тренировать, однако рука его на ощупь казалась чем-то вроде кусочка хорошей кожи. Пока он говорил, его пальцы произвольно тихонько перебирали клавиши рояля, а он, казалось, даже

не отдавал себе в этом отчета — играть на рояле было для него так же естественно, как и дышать.

Майк подошел ближе и начал объяснять причину их появления. Он рассказал Джубели о Доке и Макси, об отце Саманты, о биографии, над которой сейчас работает.

Джубели слушал, не переставая с отсутствующим видом перебирать клавиши. А когда рассказ Майка подошел к концу, взглянул на Саманту и произнес:

— Макси когда-то пела блюзы. Спой...

Улыбнувшись, Саманта запела блюз, который наигрывал старик, — «Блюз берега морского залива». Он заканчивался словами:

Твои уста полны обмана,

И лживой благодарности — ладонь...

На лице Джубели выразилось изумление, сменившееся затем удовольствием. Тем особым удовольствием, которое появляется у стариков, которые вновь видят что-то такое, что считали давно канувшим в Лету. На мгновение показалось, что он сейчас заплачет.

— Девочка, ты поешь совсем как она! — Джубели поудобнее устроился у рояля, его мартышечьи руки впились в клавиши. — А эту ты знаешь?

— «Блюз плакучей ивы», — тихо проговорила Саманта, услышав, как он подбирает мелодию. Казалось, вся сила, еще сохранившаяся в этом теле, сконцентрировалась в кончиках пальцев.

Саманта уже собиралась запеть, но в это время через окно донесся звук плачущей трубы. Звук ворвался, как привидение. Казалось, он лился из прошлого.

— Не бери в голову, — нетерпеливо произнес Джубели, — это всего лишь Орнет. Ты знакома с этой мелодией?

Саманта поняла, что речь идет о молодом человеке злобного вида, с которым они столкнулись на лестнице. И еще она поняла, что ее проверяют. Если этот молодой человек мог играть такую забытую мелодию, как «Блюз плакучей ивы», значит, он наверняка выучил ее из-за любви к подобной музыке, а не ради заработка. И, конечно же, он не верил в то, что она может исполнять блюзы.

Саманта открыла рот, и зазвучали слова старой песни о женщине, брошенной любимым...

Ах, я его любила,

Ласкала, целовала,

Готовила, стирала —

Старалась, угождала,

А он меня оставил все равно!

Ах, он меня оставил, мне жить одной придется!

Девчонки, как со мною, он с вами обойдется!

И «Блюз плакучей ивы» я пою...

Когда она кончила петь, Джубели не проронил ни слова, но, судя по выражению его лица, что исполнила она эту песню именно так, как надо. Весь его вид говорил: «Ты поешь точь-в-точь, как она».

Неожиданно, к удивлению обоих мужчин, Саманта подошла к окну и зло прокричала, как бы бросая вызов играющему на трубе:

— Ну, как я сдала экзамен, Орнет?!

Майк и Джубели рассмеялись. Смех последнего напоминал звуки, издаваемые старым дырявым аккордеоном.

— Такая же дерзкая, как она, — задыхаясь, проговорил старик. — Макси тоже ничего не боялась.

— Ну, чего-то ведь она боялась, — заметил Майк, — и мы хотим выяснить, что же это такое было.

Но Джубели так ничего и не рассказал им про Макси. Он продолжал играть на рояле, то и дело спрашивая Саманту, знает ли она эту песню, а знает ли вот эту, и повторял, что с того вечера, как Макси пропала, больше он ее не видел. Когда же Саманта спросила, есть ли у него какие-нибудь идеи по поводу того, почему же Макси пропала тем вечером, он буркнул, что никогда над этим не задумывался.

Человек дожил до ста одного года, а так и не научился убедительно врать, подумала Саманта. Она пыталась прикинуть, сколько же раз ей придется навещать этого старика, сколько исполнить песен из репертуара Бесси Смит, прежде чем он наконец расскажет ей все, что знает о Макси.

Прощаясь с Джубели, она поцеловала его в морщинистую щеку, предупредив, что, наверное, они скоро встретятся опять.

На лестничной площадке их подждал тот же мальчик, чтобы проводить обратно; однако на этот раз их провожатый сделал достаточно неожиданную для Саманты вещь — он взял Майку за руку. Она и раньше обращала внимание, что к Майку инстинктивно льнут дети, но все же тут было что-то странное. И лишь когда они выходили и Майк попытался незаметно что-то сунуть себе в карман, Саманта сообразила, что ребенок передал ему записку. Наверное, от Орнета. Но что бы это ни было, он наверняка будет держать в секрете ее содержание.

Пока они добирались домой, она старательно делала вид, что понятия не имеет о записке, ограничившись невинным замечанием:

— Орнет... Кажется, я где-то слышала это имя.

— Орнет Колман. Саксофонист, — пояснил Майк, глядя в окно машины.

Когда они вернулись домой, он тут же исчез в спальне. Конечно, для того, чтобы изучить

секретную записку, решила Саманта. Наконец он вышел, одетый в шорты и майку, с воскресным приложением к газете «Нью-Йорк таймс» под мышкой. Они сели обедать в саду (как обычно, заказав еду по телефону). Оба уткнулись в газеты. После обеда пересели в кресла, Майк по-прежнему читал газету, скрупулезно изучая финансовый раздел, а Саманта поставила на колени мини-компьютер и пыталась зафиксировать все известные ей факты о Макси.

Фактов было не так уж много. Макси была влюблена, а, может, и нет, в двоих мужчин или в троих, если считать Кэла. Но сколько бы там их ни было, в конце концов она бросила всех. Куда же она уехала и зачем?

Каждые несколько минут Саманта вскакивала с кресла и, бормоча что-то таинственное типа «мне нужна другая дискетка», исчезала в доме, где тут же приступала к поискам таинственной записки, пытаясь не затягивать время, чтобы Майк ничего не заподозрил. Она обыскала одежду, в которой он был с утра, просмотрела все ящички в гостевой спальне, куда он ушел сразу после приезда, даже проверила ботинки.

Лишь на шестой своей «вылазке» в дом она посмела заглянуть к нему в бумажник. Ей это казалось самым злостным нарушением закона о частной собственности, и она все медлила, не решаясь взять бумажник с полки. Но уж когда взяла, то обследовала его от и до. Там были три кредитные карточки — все «золотые» — и тысяча двести долларов наличными. От такой суммы у нее даже перехватило дыхание. Больше в бумажнике ничего не было — никаких записей с телефонными номерами или со счетами. Хотя, подумала Саманта, человек, который умеет так перемножать цифры, наверное, может с легкостью запомнить номер телефона.

Уже собираясь положить бумажник на место, она вспомнила, что у ее отца был бумажник с «секретом» — с потайным отделением, в котором он ей разрешал рыться. Саманта тут же пустилась на поиски и вскоре действительно обнаружила такой же «секрет» и вытащила из него квадратик плотной бумаги.

Тут ей просто стало дурно: это оказалась ее собственная фотография, сделанная в пятом классе. Что это: подарок Майку от ее отца или он взял фотографию из ее комнаты в их луйсвиллском доме, когда там останавливался? Почему он ее носит в бумажнике?

Чувствуя себя виноватой, она хотела убрать фото обратно в тайничок, но что-то мешало — без сомнения, записка была там.

«Нельсон... бар „Педди“ в Вилледж... Понедельник. Восемь...»

Со скоростью света Саманта умудрилась запихнуть все назад, положить бумажник на место, вернуться в сад и плюхнуться в кресло рядом с Майком. Любопытство не давало ей покоя и, посидев тихонько парочку минут, она спросила, какой телефонный номер у его отца. Не отрываясь от газеты, Майк назвал номер.

— А у твоего старшего брата?

— Тебе домашний, или радиотелефона в машине, или служебный в Колорадо, или в Нью-Йорке... или на даче в горах?

— Все...

Майк отложил газету и взглянул на Саманту.

— Это что — проверка?

— Номер моей карточки социального страхования?

Хитро улыбаясь, он ответил.

— Может, ты знаешь и номер моего текущего счета в банке?

Снова взявшись за газету, он произнес многозначный номер. Затем назвал ее секретный пароль для получения из автомата наличных денег при помощи кредитных карточек. Однако так и не сказал, откуда узнал его.

— Номер Ванессы?

— Вот тут ты меня поймала. Не уверен, что вообще когда-нибудь знал ее телефон.

Конечно же, он врал, но когда Саманта перевела взгляд с него на дисплей компьютера, то довольно улыбнулась.

В три часа она покинула сад и ушла на кухню. Там она начала громыхать дверцами шкафов, что-то разыскивая.

Привлеченный шумом на кухне, Майк поднялся посмотреть. Он застал Саманту сидящей на полу среди кастрюлек и банок. Вид у нее был потерянный.

— Пытаешься понять, для чего они? — улыбнулся Майк.

— Я пытаюсь сообразить, как сделать «коляску».

— Найми механика.

— Очень смешно! Просто обхихикаешься! — Она встала и принялась расставлять кастрюли по местам. — Я надеялась найти книгу, как смешивать коктейли.

— А-а! Вот какую «коляску» — коньячный коктейль? Ты что, хочешь напиток? — с воодушевлением поинтересовался Майк.

— Нет. Я просто хотела захватить с собой кувшинчик с «коляской», когда поеду вечером к бабушке.

Майк изумленно уставился на Саманту.

— Ч-что... э... ты имеешь в виду?

Она остановилась и взглянула ему в глаза.

— По какой-то непонятной причине ты, Майк, считаешь меня ужасно недалекой и полагаешь, что тебе удастся от меня многое скрыть. Но как только я увидела Эбби, я тотчас поняла, что это и есть моя бабушка. Они похожи с отцом, у нее такие же движения. Она даже кривит губы точь-в-точь, как отец. — Саманта наклонилась к Майку. — И ты тоже понял, кто она такая. Это было написано на твоём лице. Ты так поразился, что чуть было не потерял дар речи.

Схватив руку Саманты, он крепко сжал ее пальцы.

— Я ничего не сказал вовсе не потому, что считаю тебя глупой, а просто...

— Знаю, знаю, — улыбнулась она, тоже сжимая его ладонь. — Просто ты не хочешь, чтобы что-то случилось со мной. Ты считаешь, что мне опасно навещать ее.

— Верно.

Она тяжело вздохнула.

— Майк, ты такой счастливый, у тебя так много близких, а у меня — нет. Остались лишь Макси да я. И она там, в этом ужасном приюте, в полном одиночестве и днем, и ночью... а я здесь... А ведь ей осталось не так уж много...

Она начала дрожать; Майк обнял ее.

— Т-с-с... дорогая. Все в порядке. Если хочешь, мы навестим ее...

— Ты можешь не ехать со мной, — как обычно, Саманта тут же успокоилась в его объятиях.

— Щ-щас! Так я тебя и отпустил одну, — заявил он, поглаживая ее по голове. — Ты наверняка застрянешь в какой-нибудь крутящейся двери.

Саманта, улыбаясь, смотрела на него.

— Я надеялась, что ты пойдешь со мной. — Она высвободилась из его объятий. — А теперь, — ее голос стал деловитым, — как же все-таки смешивать этот коктейль?!

— Саманта, ты не можешь принести ей выпивку. Я не собираюсь говорить очевидные вещи, но она же очень больной человек. Не думаю, чтобы доктора позволили ей...

Она прикоснулась пальцами к его губам.

— Мой дед Кэл говорил: «Если ты помираешь, что тебе может навредить?» Он бросил курить еще в пятидесятых годах, но, когда врач сообщил, что ему осталось немного, он приобрел большую коробку дорогих сигар и выкуривал по одной в день, пока не скончался. Отец положил невыкуренные сигары ему в гроб.

Майк лишь недоуменно глядел на нее. Она пережила то, что он не мог себе даже представить. Она выросла среди «помирающих» людей, а ее отец долгие годы требовал, чтобы в доме не было солнечного света.

Он молча достал с полки над ее головой желтую книгу — сборник рецептов коктейлей.

— Ну-ка, посмотрим... Ага. В этот коктейль входят ликер «Куантро», лимонный сок и коньяк. Думаю, мы справимся.

— Майк, я тебя просто люблю! — засмеялась она и тут же смутилась от сказанного.

Майк, не отрывая взгляда от книги, произнес:

— Я очень на это надеюсь.

Прозвучало это так, будто сказанное ею не произвело на него ни малейшего впечатления, однако шея явно покраснела.

Саманта засуетилась, доставая из холодильника лимоны, и быстро заговорила, чтобы скрыть

свою неловкость:

— Надеюсь, у нас не возникнет проблем с приютом и нам разрешат побыть с ней. Майк, ты знаешь, что я хочу сделать? Привезти ей фотографии. Наверху у меня большая коробка с альбомами и просто фотографии — моего отца, мамы, деда Кэла и мои. Большинство из них сделаны уже без нее. Боже, но ведь не могу же я собственную бабушку называть Макси! Как, по-твоему, я должна к ней обращаться?

— Эбби, — серьезно ответил Майк. — Во всяком случае, до того как она сама даст тебе понять, что ты ее внучка, тебе не следует говорить, что тебе все известно. Бедная женщина, наверное, считает, что если станет скрывать от тебя, кто она есть на самом деле, ты будешь в большей безопасности.

Майк остановился, пораженный собственной мыслью.

— Послушай, Сэм! Главная твоя цель или, вернее сказать, цель, поставленная твоим отцом, — выяснить, что случилось с твоей бабушкой, так? Ты выяснила: она находится в доме для престарелых, подключенная ко всяким аппаратам. Если тебе это известно, то зачем мы сегодня утром побывали у Джубели? Зачем ты задавала вопросы о Макси, на которые у тебя уже есть ответы?

— Я знаю, где она, но не знаю, почему она там оказалась.

— Ну, Саманта... — застонал Майк.

Она отлично знала, что Майк не хочет, чтобы она впредь продолжала расследование. Но чем больше Саманте становилось известно о Доке и Макси, о Майкле Рэнсоне и Джубели, обо всем прочем, тем сильнее было ее стремление докопаться до истины. Был момент, когда она просто возненавидела свою бабушку за то, что та бросила семью... ушла, даже не оглянувшись напоследок. Но теперь она узнала ее, она видела слезы в ее глазах, когда заговорили о Кэле, это убедило Саманту, что Макси его очень любила. Более того, Макси любила свою внучку. Это стало очевидно, когда Майк рассказывал о покушении на нее.

— Интересно, что из еды любит моя бабушка, — задумчиво проговорила Саманта. — Как бы мне хотелось привезти ей... шоколадный пирог или что-нибудь такое, что она любит, но что врачи ей наверняка запрещают.

Майк обнял Саманту за плечи и заглянул ей в глаза.

— Есть ли такие доводы и слова, которые убедили бы тебя прекратить это расследование?! Может, ты изменишь свое решение, если я опять повторю, что тот, кто пытался убить тебя, кто бы он ни был, все еще следит за тобой, и ты его выведешь прямо на Макси? Мне кажется, что она не такая крепкая, как ты, и не сможет пережить, если на нее будет совершено нападение.

Саманта уже думала об этом и взвесила все за и против.

— Как ты думаешь, сколько ей осталось жить?

Майк не собирался ее обманывать.

— Когда я нашел ее, врачи сказали, что ей от силы осталось три месяца...

Саманта тяжело вздохнула.

— Если бы ты оказался на ее месте и многие годы пребывал в одиночестве, и вдруг появился шанс провести вместе с человеком, которого любишь, пару недель, ты бы пошел на риск?

Майк хотел было сказать, что вовсе не обязательно, чтобы, покинув дом в Луисвилле двадцать семь лет назад, Макси все это время жила в одиночестве. Однако решил промолчать. Вспомнив отвратительное заведение, где Макси сейчас находилась, он подумал: а может, она и вправду была все это время одна. Ведь если она сбежала из-за страха быть обнаруженной, ей просто не было резона начинать на новом месте шумную жизнь и привлекать к себе внимание. Он поспешил сменить тему разговора.

— Слушай, а среди этих семейных фотографий случайно нет такой, где бы ты была изображена в голом виде?

Саманта, смеясь, отпихнула его от себя.

— Только та, где я снята на запачканной подстилочке, когда мне было восемь месяцев.

— А как насчет восемнадцатилетней? Молодая, в самом соку...

— Что это значит? Что я теперь, старуха, что ли?

Майк пожал плечами.

— Тело молодое, разум старый. Эй, как ты думаешь, Макси любит икру? Мы можем заехать в русскую чайную и взять блинов.

Саманта все еще раздумывала над его высказыванием насчет «молодого тела и...»

— Мне кажется, она обожает икру... ну, в любом случае звучит это красиво. Надеюсь, что приют нам не окажет особого сопротивления.

Внезапно Майку пришла, как ему показалось, прекрасная идея; лицо его засияло.

— Насчет приюта положишься на меня. Я устрою так, чтобы ей позволили есть все, что душе угодно, и чтобы с этого момента за ней отлично присматривали.

Глава 22

Когда они подъехали к дому для престарелых, было почти шесть часов вечера. Саманта нарядилась в платье от «Валентине», на ней были туфли на высоких каблуках фирмы «Маноло Блахник», в руках она держала красную сумку от «Шанель». Теперь, когда она знала цену своим вещам, ей было просто страшно их носить и не хотелось даже думать о том, что предстоит забираться в вонючее нью-йоркское такси. Поэтому она с надеждой спросила Майка, не наймет ли он опять частную машину. Но он заявил, что на сей раз нет.

Огорченная отказом, Саманта никак не ожидала увидеть огромный черный лимузин, который остановился перед домом. И удивилась еще больше, когда из автомобиля вышел водитель в форменной одежде, и им оказался Рейни — родственник Майка.

— Добрый вечер, мисс Эллиот, — вежливо произнес Рейни, отдавая ей честь.

— Привез блины? — поинтересовался Майкл. Он крепко держал Саманту за талию, будто Рейни был каким-то пиратом, готовым в любую минуту похитить эту женщину.

— Так точно, сэр! — отрапортовал Рейни, щелкнув каблуками. Затем он помог им спуститься по лестнице и открыл заднюю дверь лимузина.

— Ты уверен, что знаешь, как управляют такими штуками? — спросил Майк явно без всякого оптимизма в голосе. — Фрэнк убьет нас обоих за одну лишь малюсенькую царапину...

— А кто такой Фрэнк? — забираясь в машину, полюбопытствовала Саманта.

— Мой старший брат.

Усевшись, Саманта прилагала нечеловеческие усилия, чтобы не вертеться во все стороны, разглядывая интерьер салона, а сидеть спокойно, как подобает леди, носящей модельную одежду и привыкшей ездить в лимузинах. Майк рассмеялся, глядя на нее.

— Давай, давай. Фрэнк возражать не будет...

И она с упоением начала открывать все дверки, заглядывать в ящички, включать и выключать телевизор... Майк тем временем послал факс в Колорадо и получил ответ от своего деда: «Майк, сынок, когда мы познакомимся с твоей Самантой?»

Саманта уставилась на Майка, желая получить от него объяснения по поводу того, что он сообщил о ней своим родственникам. Но тот лишь невозмутимо пожал плечами.

Наконец она утихомирилась и удобно уселась на сиденье, внимательно разглядывая Рейни, который уверенно вел автомобиль. Кажется, Саманта начала понимать, какие отношения сложились у них в семье.

— Если он это делает для тебя, то чем же ты ему отплатишь?

— Прогляжу его документы.

— Документы по инвестициям? И зачем ему это нужно?

— Все Монтгомери ничего не понимают в счете. Но зато, — с завистью добавил он, — отлично владеют словами.

— Ты так и не ответил на мой вопрос — почему Рейни хочет, чтобы ты просмотрел его документы?

— Я в этом хорошо разбираюсь, вот почему! — отрезал Майк.

Получив такой ответ, Саманте оставалось только с грустью констатировать, что она так для себя ничего и не выяснила.

Когда они подъехали к приюту для престарелых, Майк запретил ей сразу выходить из машины, продержав ее там еще минут десять.

— Хочу, чтобы все увидели, как ты выходишь, — пояснил он, уставившись в тонированное окно, через которое их никто не мог увидеть. А им было видно, как из каждого окна на лимузин с интересом уставились старики.

Наконец Рейни открыл для них дверь лимузина, и Саманта двинулась к дому со всей грациозностью, на какую была способна. Сзади, как свита, следовали Майк в своем роскошном синем итальянском костюме и Рейни в строгой форме водителя, с огромными сумками в руках.

Когда они подошли к столу дежурной сестры, в холле первого этажа столпились, кажется, все обитатели этого заведения, способные передвигаться. Четыре женщины и двое мужчин спустились прямо с капельницами, а еще две женщины привезли свою подругу прямо в кровати на колесах.

Майк, крепко сжимая руку Саманты, остановился у стола и бросил взгляд на рыхлую, бесформенную особу, сидящую за ним. Очевидно, она была здесь главной и пыталась выразить это всем своим видом.

— Мы приехали, чтобы увидеть ее высоко... — начал Майк, затем взглянул на побелевшее лицо Саманты и успокаивающе похлопал ее по руке. — Ах, да! Извини, дорогая, я постоянно забываю, что она не хочет, чтобы о ней знали правду. Под каким именем она сейчас скрывается?

Саманта растерянно хлопала глазами.

— Э-э... кажется, Эбби?! — продолжал Майк. — Неужто это имя ее высо... Ох, опять чуть было не проговорился. Княгиня никогда не простит мне, если я раскрою ее тайну...

Он нагнулся над столом, глядя на уродину медсестру с такой похотью в глазах, что чуть было не получил от Саманты пинка.

— Однако я убежден, что вы-то, несомненно, уже знаете секрет... э... Эбби, не так ли?

Женщина залилась краской, как школьница, но эффект юной непосредственности был омрачен тем, что прилив крови к лицу поднял дыбом многочисленные волосики, растущие у нее на подбородке.

— Ну конечно же, мы знаем о... о княгине...

— И безусловно проявляете соответствующую заботу? Только не вздумайте ей кланяться, она терпеть не может всякие почести. Разумеется, когда все свое детство проводишь среди целой толпы нянек и мамок, то с возрастом начинаешь просто ненавидеть все эти формальности. Вы должны понимать, не так ли? Но тем не менее...

— Интересно, что стало с этим сапфировым браслетом, который она подарила последней своей сиделке? — спросила Саманта, включаясь в игру. — Ну, помнишь ту сиделку, которая была так заботлива.

Она склонилась к сестре, доверительно улыбнувшись и делая вид, что сообщает ей нечто строго конфиденциальное. Но заговорила так, что ее было слышно в самом дальнем углу.

— Ее щедрость доведет семью до разорения. Если она начнет раздаривать драгоценности обслуживающему персоналу, пожалуйста, сразу сообщите нам.

— Ну... конечно же... непременно это сделаю, — пробормотала медсестра.

— А теперь не могли бы мы ее увидеть, — поинтересовался Майк, — без свидетелей.

— Конечно же. Сию минуту... Живо по палатам! — прикрикнула она на собравшихся в холле.

Затем, продемонстрировав недюжинные лакейские способности, сестра открыла дверь в комнату Макси-Эбби и тихо затворила ее за вошедшими.

Эбби дремала в своей кровати и, открыв глаза, долго фокусировала взгляд, прежде чем произнесла:

— Я не ожидала вновь увидеть вас.

Саманта, держа в руках коробку с фотографиями — она нарочно положила их в шляпную картонку, где лежало платье Макси, — быстрым шагом направилась к кровати.

— Не могли бы вы сделать мне одолжение? Вы единственный человек во всем мире, кого мне удалось разыскать, который так хорошо знал мою бабушку. Не могли бы вы сделать одолжение и просмотреть со мной эти фотографии?

— Фотографии?

— Моей семьи... Мне, право, неловко просить вас об этом, но я подумала, что вы могли бы мне кое-что рассказать. Не знаю точно, что именно, но, может, бабушка вам о себе что-то рассказывала.

— Зачем тебе о ней знать?

— Потому что я люблю ее, — просто ответила Саманта, — и мне кажется, что она бы тоже меня полюбила, если бы мы встретились. Джубели сказал, что у нас очень много общего.

— Ага, и его разыскала? — Эбби кажется, окончательно проснулась.

Майк подошел ближе и поставил огромную корзину с продуктами на край кровати.

— Она везде сует свой нос. Сегодня утром она кричала из окна на внука Джубели — Орнета и...

— Он ему приходится правнуком, — поправила Эбби. Затем лицо ее исказила гримаса — она явно жалела, что не сумела промолчать. Чтобы перевести разговор на другую тему, она спросила: — Что это там у тебя, молодой человек?

— Коньяк, — объявил Майк, доставая большую фляжку из нержавеющей стали, — и блины с икрой...

Казалось, Эбби сейчас расплечется от счастья и сожаления одновременно: ведь она отлично сознавала, что Саманте вовсе не стоило бы здесь находиться.

— Оба вы дураки, вам об этом известно? — тихо произнесла она, обращаясь к Майку.

— Это точно. Я-то это знаю. А вот Саманта, по утверждению очевидцев, точь-в-точь как ее бабушка. Ей хотелось показать вам эти фотографии, и вот мы здесь. Ей кажется, что если бы ее бабушка была жива, то ей непременно захотелось бы посмотреть на то, что она упустила в жизни. Посмотреть на своего сына и невестку, посмотреть, как росла ее внучка... Увидеть, как менялся с возрастом ее муж. Как вам кажется, ей было бы это интересно?

— Да, — мягко сказала Эбби.

— Замечательно! — воскликнула Саманта. — Вы думали, у нас будут поминки! Нет, у нас будет праздник! Майк, разливай... и подавай блины! И... — она сделала паузу, — я не знаю, как вас называть. Интересно, если бы Макси была жива, как бы она хотела, чтобы я к ней обращалась?

— Нана, — моментально ответила Эбби, — кажется, так она говорила.

— А вы не будете очень против, если я стану так обращаться к вам?

— Я вовсе не против. Ну, так где же моя выпивка? Я не пила коньячный коктейль уже много лет.

Саманта забралась к Эбби на кровать и поставила коробку с фотографиями себе на колени. Майк в это время довольно неуклюже завертывал красную икру и сметану в тоненькие блины и подавал их двум женщинам вместе с коньячным коктейлем в хрустальных рюмках.

Не прошло и получаса, как всякая неловкость между ними исчезла. После первой рюмки Эбби все чаще стала забывать добавлять «Макси бы...». Зато у нее начали проскальзывать фразы типа: «Я это отлично помню. Мы держали газонокосилку в этом старом сарае. Неужели Кэл так и не снес эту развалюху?»

Майк бессовестно дразнил Саманту ее детскими фотографиями. Он хохотал над карточкой, где Саманта была в гневе — наверное, не желала, чтобы ее снимали. А Эбби заступалась за Саманту, утверждая, что та была самым замечательным ребенком на свете.

Майк подлил коктейля в рюмку Эбби и заявил предельно грустным голосом, что насколько ему известно, Саманта по-прежнему самая замечательная детка на свете.

— Майк! — возмутилась Саманта. Эбби, конечно же, встала на ее сторону.

— Ты намекаешь на то, что такой здоровый жеребец, как ты, все еще не уломал эту сладкую нежную девочку с тобой переспать?

Сами слова и тон, каким они были сказаны, так смешно прозвучали из уст восьмидесятичетырехлетней старухи, что Саманта и Майк буквально взорвались хохотом.

— Почему это каждое поколение людей считает, что именно они изобрели секс! — делая вид, что сердится, проворчала Эбби.

— Что, если вы нам поведаете о сексе в ваши времена? — с энтузиазмом начал Майк. — Я хоть послушаю о чем-то сексе.

— Никаких подсказок ты от меня не дождешься, Майкл Таггерт. Тебе придется все постигать на собственном опыте.

Стало еще веселее, когда Саманта, как и обещала, показала фотографии, где она была совсем голенькая на пеленке. Эбби и Саманта хихикали над Майком, который издавал душераздирающие стоны, разглядывая карточки.

Но вот в комнате появился Рейни, и Саманта с Эбби тотчас поняли, что праздник подошел к концу. Они долго сидели обнявшись — сильное здоровое тело Саманты прижималось к дряхлому, теряющему силу телу ее бабушки.

— Не смей возвращаться, — прошептала Эбби. — Мне кажется, это опасно.

Высвободившись из ее объятий, Саманта сделала вид, будто не расслышала.

— Обязательно еще приедем. Большое спасибо за приглашение. Майк, ты готов?

Она покинула комнату не оглядываясь и не видела, как Майк наклонился, поцеловал Эбби в щеку, а затем вложил ей в руку клочок бумаги со своим телефоном и с телефонами своих

ближайших родственников. И тоже вышел.

По дороге домой Саманта сидела и молчала.

— С тобой все нормально? — спросил ее Майк.

— Конечно. Никогда не чувствовала себя лучше. Это было замечательно — провести вечер со своей бабушкой. Я просто немного устала, вот и все. Кажется, мне нужно пораньше лечь спать сегодня.

Больше Майк ничего не спрашивал. Когда приехали, Саманта пошла в дом, а он остался у подъезда поговорить с Рейни. Потом вошел следом, но Саманты нигде не было видно, и Майк предположил, что она сразу пошла спать. Сам он был слишком взвинчен, чтобы сразу заснуть, и потому решил сделать себе бутерброд и открыть баночку пива. Затем прошел в библиотеку и включил телевизор.

Саманта вошла так тихо, что он не почувствовал ее присутствия до тех пор, пока не поднял глаза и не увидел ее, стоящую перед ним. Чисто умытая, свежая, завернутая в его махровый халат, она выглядела потрясающе. Майку показалось, что ей необходимо ему что-то сказать. Он тотчас выключил телевизор и выжидающе посмотрел на нее.

Присев на диван, Саманта опустила взгляд на свои руки.

— Майк, — неуверенно начала она, — я хочу кое-что у тебя спросить.

— Конечно.

Крепко сцепив руки, Саманта продолжала:

— Я вот смотрю на этот дом и всю эту обстановку и понимаю, что это все стоит больших денег. Я знаю, что ты заплатил за мою новую одежду. И ты сказал моей бабушке, что твой дедушка весьма богатый человек, а ты сам мог бы содержать кого-то.

Залпом выпалив все это, она остановилась, чтобы отдышаться и успокоить свое бешеное сердцебиение. Ей было страшно неловко говорить с Майком на эту тему — ведь он и так дал ей больше, чем можно было ожидать.

Она взглянула ему в глаза.

— Майк, у тебя есть деньги? Я имею в виду — ты бы мог безболезненно одолжить некую сумму? — В ее глазах была мольба и извинение одновременно.

— Да, — после некоторой паузы ответил Майк, не желая вдаваться в подробности. Ему было приятно думать, что Саманта ничего не знает о его финансовых делах, потому что очень часто девушки встречались с ним и даже делали вид, что влюблены в него, только ради его денег.

— Я хочу попросить тебя... Ты мне не одолжишь денег? Несколько тысяч, можешь? Максимум тысяч десять. Я тебе отдам при первой же возможности.

— Все, чем я располагаю, — твое. А можно поинтересоваться, для чего они тебе?

— Я хочу приобрести мебель.

— Для своей квартиры?

— Конечно же нет! Это не для меня, а для бабушки. Я хочу превратить эту ее страшную комнату в прекрасный замок. Мне хочется купить картины — хорошие, настоящие; потом кресло и еще кое-что. Но я хочу, чтобы это все было высшего качества. Ведь когда-то моя бабушка носила настоящие бриллианты и жемчуга.

Саманта на минуту остановилась, потом очень тихо добавила:

— Можно просто арендовать мебель на какой-то срок. Ведь она ей надолго не понадобится.

Майк обнял ее и крепко поцеловал. Он ею гордился.

— Мы купим все, что ты считаешь нужным. Завтра же поедem в антикварные магазины, где знают мою сестру.

— Майк, я так боюсь, — прошептала она, избегая встречаться с его взглядом. — Я не хочу видеть, как еще один человек, которого я люблю, умирает.

Его пальцы нежно взяли ее за подбородок, приподняв лицо. Майк вопросительно взглянул на нее, пытаясь выяснить, что же ей сейчас нужно. Затем, будто поняв ее желание, обнял нежно и ласково, как обнимают тех, кого действительно любят.

Не отдавая себе отчета в том, что она делает, Саманта забралась к нему на колени и прижалась так крепко, как только могла. Она подтянула колени к груди, его большие сильные руки обхватили ее, и она почувствовала себя в полной безопасности, почувствовала его силу, жизненную энергию. Она слышала удары его сердца под своей щекой, а когда еще теснее прильнула к нему, ей показалось, что она чувствует, как кровь струится по его сосудам.

— Крепче, Майк, — шептала она, — держи еще крепче. Дай я почувствую твою силу, твое... здоровье.

Ее голос дрожал.

Майк обнимал ее изо всех сил, стараясь только не переломать ей кости. Его воображение нарисовало ему то, что постоянно видела она, — вот ее дед медленно теряет силы, доживая свои последние дни, и умирает у нее на руках; вот уходит из жизни отец, съеденный той же болезнью, и тоже умирает у нее на руках. Теперь она встретила последнее родное существо — бабушку... Майк ясно представил себе сухую, безжизненную, серую кожу женщины, над которой уже нависла смерть. Смерть уже делает первые попытки вырвать Макси у Саманты.

Несмотря на крепкие объятия Майка, Саманту стало трясти от нервного озноба.

— Сэм! — освободив одну руку, он поднес ладонь к ее лицу. — Посмотри на мою руку! Ты слышишь меня? Ну-ка смотри сюда!

Саманта медленно подняла голову. Она так сильно дрожала, что ее зубы стучали. Она не понимала, что именно делает Майк, но, повинуясь ему, стала смотреть на его ладонь.

— Смотри... Сильная... Здоровая... — говорил он, держа руку в сантиметре от ее глаз. — Надежная... Ты ее видишь?

И его рука действительно была сильной, просто светящейся здоровьем и молодостью. К его изумлению, Саманта внезапно поднесла его ладонь к своему лицу, к своим губам и начала часто вдыхать воздух, как бы вбирая в себя эту силу и здоровье. Немного повернув лицо, она

прижалась к его теплой, крепкой ладони щекой, закрыла глаза и положила голову ему на грудь, вслушиваясь в его сердцебиение. А он все прижимал ее к себе изо всех сил, гладил ее спину и хотел только одного — помочь ей как-нибудь, взять на себя часть ее боли, как-то остановить ту неизбежность, которая, как они оба знали, в любом случае придет. Но он ничего не мог сделать. Никакие деньги, никакая безумная любовь не в состоянии предотвратить человеческую смерть.

И даже после того, как Саманта заснула в его объятиях, он не переставал прижимать ее к себе, чтобы она могла расслабиться, впитывая его тепло, а он мог чувствовать ее маленькое тело, прижавшееся к нему.

Иногда, при мысли о том, как он ее любит, Майк испытывал щемящую, почти физическую боль внутри. Он совершенно не мог переносить разлуки с ней, будто боялся упустить хоть одну ее улыбку или не увидеть, как она насупит бровки. Невозможно передать, какое он испытывал удовольствие, видя, как она расцветает у него на глазах, как из того маленького зайчика, которого он впервые увидел, она превращается в женщину, которая смеет кричать из открытого окна на такого человека, как Орнет. Он наслаждался той радостью, которую она доставляла другим, — например, когда она подарила поцелуй Джубели, или когда была так мила с Дафнией, или когда забралась на кровать к Макси и обняла ее.

Одновременно его страшило упорство, с каким она преследовала людей, как-то связанных с Макси, и ее желание докопаться до столь далекой истины. Теперь Майк хотел бы никогда не слышать о Доке, не быть знакомым с Дэвидом Эллиотом. Но ведь не будь этого знакомства, он никогда не встретил бы Саманту.

Саманта полностью расслабилась, доверчиво прижавшись к Майку. И это доверие просто сводило его с ума. Он никак не мог понять, почему же она все-таки не хочет с ним переспать. Он задал ей все возможные вопросы, которые приходили ему в голову, изучал скрупулезно ее прошлое, делал все, чтобы она раскрылась перед ним. То, как она временами реагировала на его прикосновения, наводило его на мысль, что в детстве она, возможно, была изнасилована или получила какую-то иную травму, так что не могла теперь переносить прикосновения мужчины.

Однако Саманта все же позволяла Майку дотрагиваться до себя. И как! Казалось, она постоянно хочет, чтобы он ласкал ее, целовал, обнимал, просто держал за руку. Он был уверен, что если бы это зависело от нее, она бы спала с ним в одной постели каждую ночь, они бы засыпали в объятиях друг друга, и у нее не возникало бы никакого желания пойти дальше.

Он же мечтал о ней. Его и днем и ночью преследовали видения, как он занимается с ней любовью. Но больше всего он хотел убедить ее, что в сексе ничего плохого нет. Иногда он даже думал о том, чтобы довести ее своими поцелуями до бессознательного состояния и наконец переступить порог. Но Саманта как будто читала его мысли: как только у него появлялось намерение овладеть ею, она решительно отстраняла его от себя.

Но теперь он чувствовал, что его терпению приходит конец. Она никогда не ответит на его любовь. Из разговоров с ее отцом и с ней самой Майк понял, что ее бывший муж был его полной противоположностью. Может быть, ей просто нужен мужчина другого плана. Может, она способна реагировать лишь на такой тип мужчины, как ее бывший муж! Такой занудливый, скучный, полный формальностей...

А может быть, она воспринимает Майка только как друга. Есть же такие особы, которые

считают, что здоровые полноценные мужчина и женщина могут иметь платонические отношения, не осложняя их сексом. Возможно, и Саманта считает, что они могут жить под одной крышей, как добрые соседи.

Однако все эти раздумья и предположения имели массу «но». Например, почему же тогда она так чертовски ревновала его к любой другой женщине или почему глядела на него такими глазами, будто он сочетал в себе одновременно качества Аполлона, викинга и волшебника... Квартирисьемщики, как правило, не смотрят на своих хозяев так, что это вдохновляет их на подвиги.

Ну так какого же черта она не желает с ним переспать?

Уже за полночь он взял ее на руки и перенес в спальню. Она крепко обхватила его за шею, как маленькая девочка на руках у отца. Он уложил ее в постель, и она улыбнулась ему во сне. Ну и что же ему делать в такой ситуации? Надеть на нее пижамку?

— Саманта, — начал Майк, — мне бы хотелось быть одним из этих книжных героев, что способны раздеть героиню, не набросившись на нее с любовными приставаниями, но я так не могу. Тебе придется раздеться самой и залезть в ночную рубашку. Я так сильно хочу тебя, что не сумею держать себя в руках, даже если просто брошу взгляд на твое голое тело.

К концу этой речи она уже смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Майк, большое спа...

Но он уже захлопнул за собой дверь.

Глава 23

Утром, как только Саманта вошла на кухню и увидела Майка, читающего газету, она тотчас почувствовала, что он какой-то не такой. Он не отложил газету и не улыбнулся ей, как обычно, не подмигнул, как частенько делал. Вместо этого он продолжал заслоняться газетой и протягивал руку за кофе, даже не глядя. И когда она поздоровалась с ним, не взглянул на нее.

Поначалу Саманта подумала, что он, наверное, сердится на то, что она вновь навязалась на его шею со своими проблемами; но почему тогда он был так мил с ней вчера? И вообще Майк всегда такой обходительный и внимательный... Самое замечательное существо на свете, — подумала Саманта.

Подойдя сзади, она положила руки ему на плечи.

— Майк, по поводу вчерашнего... — начала она, но к ее крайнему удивлению, он не дал до себя дотронуться. Он не хотел ее прикосновения!

Майк по-прежнему сидел за столом, скрываясь за газетой.

— Майк, насчет вчерашнего, — на сей раз не дотрагиваясь до него, повторила Саманта. — Я не хотела навязываться тебе. Я не хотела требовать от тебя большего, чем ты мне уже дал. Тебе вовсе не нужно одалживать мне деньги на мебель, и кроме того...

— Саманта, — твердо произнес он. — Я не желаю ничего слушать на этот счет. Деньги меня меньше всего волнуют. Как только я соберусь, мы съездим и купим Макси мебель. Нам все равно необходимо сегодня уйти из дома. Сюда приезжает моя сестра, и я не хочу ей мешать. С

этими словами он вышел, даже не обернувшись, чтобы взглянуть на Саманту.

Весь день прошел в напряжении. Обычно они болтали не переставая, но сегодня, казалось, им просто не о чем было говорить. Майк, как и обещал, поехал с ней в мебельный «Нивелл», где Саманта долго ходила по всем этажам, полным антиквариата неопишуемой красоты. Затем он повез ее на антикварный рынок. Они посещали один чудесный магазин за другим, но Саманта не получала от этого почти никакого удовольствия. Она изо всех сил старалась думать только о Макси. Она купила пару симпатичных пододеяльников, флакончик духов и даже какие-то серьги. Но ничто не могло отвлечь ее от мысли, что Майк на нее сердится.

Самым худшим было то, что Майк старался все время держаться на расстоянии от Саманты, не давал ей приблизиться к нему. Казалось, ему ненавистны ее прикосновения. Ко второй половине дня Саманта безумно устала от всего этого, происходящее выводило ее из себя, а кроме того, будило неприятные воспоминания: вот так же к ней относился ее бывший муж. В начале их совместной жизни они ходили под ручку, постоянно искали возможность поцеловаться и дотронуться друг до друга, но несколько месяцев спустя ее прикосновения, казалось, опротивели ему. Неужели теперь все повторяется с Майком? Но с Ричардом такие изменения было проще объяснить, ведь она с ним спала. Ясное дело! Стоит раз переспать с Самантой Эллиот, и больше никогда не захочется.

Она так расстроилась, что когда днем случайно дотронулась до руки Майка, то рассыпалась в извинениях.

— Извини, пожалуйста. Я не нарочно. Я знаю, ты не желаешь, чтобы я дотрагивалась до тебя. Я не хотела...

Майк повернулся к ней.

— Сэм, ты так ничего и не поняла, да?

С этими словами он затащил ее в пустой коридор антикварного магазина и горячо прижал к себе, страстно целуя. Она оказалась в западне между стеной и его могучим теплым телом.

Наконец он оторвался от ее губ, и Саманта положила голову ему на плечо. Ее сердце стучало, как ненормальное.

— А я подумала, что ты возненавидел меня. Мне показалось, что...

Но Майк не желал слушать, что она скажет, не желал и обсуждать причины своего поведения. Он решил избежать объяснений.

— Я тебя сейчас отвезу к Блэр, и ты там останешься. Я должен уйти вечером, а тебе нельзя оставаться одной дома.

Саманта смогла лишь кивнуть. Она была счастлива, что он снова обратил на нее внимание.

Всю дорогу в такси он молчал, и она чувствовала, что он чем-то крайне обеспокоен. Но как она ни старалась, ей так и не удалось заставить Майка раскрыть причины его беспокойства. Он практически вытолкнул Саманту из такси на углу улицы, где находился дом Блэр, и подождал лишь несколько секунд, пока она не скрылась в подъезде.

— Кажется, ты не обойдешься без хорошего коктейля, — объявила Блэр, едва Саманта вошла в ее квартиру — небольшую, с удобной современной мебелью.

— Вы что, поругались с Майком?

— Я... я думаю, что да, — садясь на диван, начала Саманта. — Хотя практически ссоры никакой не произошло.

Саманта взглянула на Блэр, в ее глазах было отчаяние.

— Я не представляю, что же случилось. Майк сердится на меня, а я не знаю, за что.

— Секс, — тотчас ответила Блэр. — В начале таких взаимоотношений мужчины больше ни о чем другом не думают.

Саманта состроила гримасу, взяв протянутый Блэр стакан с джином и тоником.

— Да нет, причина не в сексе. В наших взаимоотношениях его просто нет.

Какое-то время Блэр, похоже, никак не могла сообразить, о чем говорит Саманта, а потом рассмеялась.

— Бедный Майк. Могу поспорить, он такого не ожидал. Еще в юности, когда он хотел затащить какую-нибудь девицу к себе в постель, ее стойкости вряд ли хватало больше, чем на сутки.

— Если он со мной переспит, он больше никогда не захочет со мной встречаться, — тяжело вздохнув, призналась Саманта.

Блэр была квалифицированным врачом, однако в данной ситуации ее большой женский опыт оказался полезнее. Она поняла, что с Самантой что-то творится. Глядя со стороны, невозможно было поверить, что Саманта и Майк не проводят в постели двадцать четыре часа в сутки, так как Блэр еще не видела пары, которая была бы столь очарована друг другом. Нормальному человеку, глядя на них, казалось, что он тонет в сиропе. Они шумно смеялись над малейшей шуткой друг друга, нервничали, когда кто-то из них покидал комнату, находя любой предлог, чтобы последовать за ним. Они смотрели друг на друга такими нежными и преданными глазами, что взгляд кокер-спаниеля показался бы просто враждебным.

Насколько Блэр могла судить, за все время пребывания Саманты в доме Майка они ни на шаг не отходили друг от друга, за исключением того дня, когда Сэм встречалась с Рейни, а Майк следовал за ними по пятам и получил камнем по голове от какого-то незнакомца, — история, в которую Блэр ни на минуту не поверила.

Прошлым вечером Рейни навестил Блэр и рассказал ей о том, как они ездили к бабушке Саманты. Рейни насмеялся над Майком, говоря, что у кузена постоянно такой вид, словно он не задумываясь бросится в огонь и в воду, если только Саманта его об этом попросит или если это произведет на нее впечатление.

— Молю Бога, чтобы никогда не втюриться так, как Майк, — заявил Рейни. — Кажется, он пристрелил бы меня на месте, если бы я дотронулся до кончика ее платья; а я бы, кстати, не отказался, учитывая, какие ножки под ним скрываются. Могу лишь позавидовать тому, как Майк проводит ночи.

А теперь Блэр узнала, что между Самантой и Майком ничего нет. Это произвело на нее приблизительно такое же впечатление, как если бы ей сказали, что Ромео и Джульетта никогда не любили друг друга.

— Куда сегодня отправился Майк? — спросила Блэр.

— Побольше разузнать о моей бабушке, — объяснила Саманта и вкратце рассказала о записке. — Он не хочет брать меня с собой — считает, что этот бар неподходящее для меня место. Ты знаешь, что он говорит обо мне? Что у меня старые мозги в юном теле. Он думает, что я... что я тип женщины-матери, скромная набожная девочка. Могу поспорить, что Ванессу он водил по барам...

— А что ты знаешь о Ванессе?

— А ты что знаешь о ней?

Блэр засмеялась.

— Ты знаешь, что Ванесса спала с другими мужиками во время их... гм... дружбы, и Майку было все равно?

Немного ошарашенная этой новостью, Саманта долго моргала.

— Мне довольно сложно в это поверить, потому что Майк один из самых ревнивых мужчин, кого я знаю. Он ревнует меня к Рейни, к этому городу, ко всему, чему угодно, ко всему, что мне нравится... кроме него. Порой кажется, что он ревнует меня даже к компьютерам.

— Ну, а Ванессу он не ревновал. Она была больше для показухи, всегда рядом, когда ему было нужно, и не надоедала, когда он хотел остаться один. Мне кажется, она была готова сделать все, что бы Майк ни пожелал, так как любила его деньги больше, чем его.

— А Майк богат?

— Да. — Блэр сделала вид, что разглядывает стакан с коктейлем, но на самом деле наблюдала за реакцией Саманты.

— Но Рейни сказал, что все Таггерты бедны.

— В сравнении с Монтгомери, так оно и есть. К своему совершеннолетию Майк получил по завещанию десять миллионов долларов. К сегодняшнему дню, учитывая его способности удачно вкладывать деньги, эта сумма, наверное, возросла раза в три.

Вздохнув, Саманта сказала, что начала об этом догадываться, и допила свой коктейль.

Блэр рассмешило, как это было сказано, — будто у Майка обнаружилось страшное, неизлечимое заболевание.

— Богатство Майка вовсе его не портит. Деньги позволяют ему быть свободным.

— Свободным выбирать любую женщину, которую он захочет, — расстроено проговорила Саманта, и Блэр чуть было вновь не рассмеялась. — Я думаю, что Майк...

— Мне кажется, тебе нет необходимости кому-нибудь рассказывать, что ты думаешь о Майке. Это написано у тебя на лице.

— Лучше бы это было написано на моем теле, — буркнула Саманта и бросила быстрый взгляд на Блэр. — Знаешь, чего бы я хотела?

— Чего же?

— Выглядеть как шлюха...

— Что?! — Блэр поперхнулась коктейлем.

— Кажется, у меня есть задатки актрисы. Я надела платье бабушки, которое она носила в двадцатых годах, и, понимаешь, ну, как бы превратилась в нее. Я спела Майку старый блюз, и мне кажется, он был немного шокирован, а если честно, то и я тоже. В общем, мне бы хотелось надеть открытое платье, туфли на высоких каблуках, поехать в этот бар и подцепить там Майка. Я никогда не смогу это сделать, будучи сама собой, но, если бы я играла кого-то другого и оделась бы соответственно, у меня бы, возможно, и хватило смелости. Не знаю, что бы я с ним сделала потом, но...

— Я больше чем уверена, что мой гиперсексуальный кузен уж придумал бы, что с ним тогда делать. Ты знаешь, у меня есть парочка тряпок, которые как раз могли бы подойти к этому случаю. Как насчет ярко-красного мини?

— Много выше колен?

— Много... Я видала бинты, чья ширина превосходила длину этой юбки.

— Это мне кажется подходящим. Можно посмотреть?

— Конечно. Сейчас я возьму лупу, и мы с тобой порыщем в шкафу.

Смеясь, женщины направились в спальню.

— Нет, ты только посмотри на эту! — проговорил Нельсон, весь окутанный сигаретным дымом.

Майк даже не обернулся, так как это уже было пятидесятое восклицание такого рода: этому балбесу то и дело казалось, что он видит самое прекрасное в мире создание. Отхлебнув из своей уже третьей кружки пива за вечер, Майк наклонился к худощавому маленькому человечку.

— Я дождусь в этом столетии, чтобы ты рассказал мне, что тебе известно?

Голос его звучал раздраженно, и вообще он был настроен воинственно. В течение последних двух часов, пока он находился в этом низкопробном баре, Майк пытался подкупить, запугать, уговорить — все что угодно — этого старого алкоголика, чтобы выбить из него информацию. Но пока безрезультатно. У него стало складываться впечатление, что аноним, написавший тогда у Джубели ему записку, просто наврал, намекнув, что этот Нельсон что-то знает.

— Смотри, она теперь покупает сигареты, — воскликнул Нельсон, уставившись куда-то вправо.

Вынув очередную пятидесятидолларовую купюру, Майк передвинул ее по столу.

— Это последнее. Если ты ничего не скажешь после этого, я ухожу.

— Не горячись. Тебе что, трудно посидеть немного с дядей, у которого наступила черная полоса в жизни?

Нельсон относился к тем людям, у которых черная полоса началась прямо от рождения. Во

всяком случае, сам он был в этом твердо уверен и считал, что если в детстве мать или еще кто-нибудь грубо с ним обходились, это даст ему теперь законный повод, чтобы страдать и заливать горе коктейлями в барах. Он был небольшого роста, худой, грязный, с лицом, как у ласки, и вел себя так, будто все ему были обязаны.

— Конечно, у тебя есть дела и поприятнее, чем торчать здесь с таким типом, как я. — Его голос был полон жалости к самому себе. — У тебя наверняка есть кто-то, кто тебя ждет дома.

Это был намек на то, что Нельсон совсем одинок, следовательно, несчастен и поэтому пьет и карманы его пусты.

— Это точно, есть такой человек, — проговорил Майк, думая о Саманте, о ее чистоте и порядочности. Как он хотел бы сейчас быть с ней. Джейн должна к этому времени уже управиться с квартирой, и Майку не терпелось продемонстрировать Саманте ее новые апартаменты, увидеть ее реакцию. Может, когда она осмотрит комнаты, она будет так счастлива, что бросится ему в объятия, он начнет ее целовать, а потом...

Нельсон щелкал пальцами перед носом Майка.

— Ты про меня забыл, парниша? Боже мой, кажется, она направляется сюда! Ты только посмотри. Высший класс! Такую фигурку я еще никогда не видел!

Был момент, когда Майку захотелось взглянуть на эту женщину, но комментарии его собеседника отбили всякую охоту.

— Может, кто из вас, мальчики, предложит даме прикурить, — раздался за плечом Майка низкий, звучный голос. Состроив гримасу, он взял спички и повернулся, чтобы дать женщине прикурить.

И буквально остолбенел. Невинная, безукоризненная, нежная Саманта предстала перед ним, одетая в красную блузку с таким вырезом, что почти вся грудь была оголена, а далее шла обтягивающая юбка, которая, как ему показалось, вовсе ничего не прикрывала, ни единого сантиметра ее длинных, стройных ног.

Когда она нагнулась над спичкой, он увидел глубокую, прелестную ложбинку между крупными, круглыми, великолепными грудями, которые так же, как и он, мог видеть сейчас любой проходимец в этом баре. Саманта положила свою руку на его, чтобы подвести кончик сигареты к горячей спичке. Прикурив, она выпрямилась, выставив вперед бедро, и кинула на Майка взгляд из-под длинных ресниц.

— Не возражаешь, если присяду?

Слишком занятый созерцанием Саманты, Майк совершенно забыл о горячей спичке; она догорела до кончиков пальцев, и он с проклятием отшвырнул ее.

— Детка, сядь рядом со мной! — пылко произнес Нельсон. — Ты здесь новенькая, да? На кого ты работаешь?

Саманта стояла, уперев локоть в талию и отведя руку с зажатой между пальцами сигаретой в сторону. Она смотрела на Майка сверху вниз.

— Может, ты наконец пригласишь меня присесть?

— Я наконец убью тебя! — прошипел Майк, но подвинулся, чтобы она могла сесть рядом.

Присев, она сделала неудачную попытку затянуться, но тут же закашлялась, чем явно испортила впечатление.

Майк, рассерженный, выхватил у нее сигарету.

— Что ты из себя строишь?

Он начал было тушить сигарету в пепельнице, но, передумав, поднес ее к губам и так глубоко затянулся, что за раз сжег полсигареты.

— Майк, ты что, куришь?

— Нет. — Он медленно выпустил дым. — Бросил два года назад. Ты многого обо мне не знаешь. Еще пару недель с тобой, и я запью.

— Это касается и меня, — проговорила она, глядя ему в глаза.

— Майк, похоже, вы знакомы, — вмешался Нельсон. — Может, ты нас познакомишь или так и будешь беседовать с ней один? Ты ведь не собираешься ее задерживать на весь вечер?

— Слыхала, Саманта?! Нельсон думает, ты проститутка.

Она наклонилась, и ее губы почти прикоснулись к губам Майка.

— А как ты думаешь, кто я? — промурлыкала Саманта.

— Товар налицо. — Майк одним глотком допил свое пиво. — Пошли-ка отсюда.

Но Саманта вовсе не собиралась уходить. Если она сейчас поедет с Майком домой, то ничего не изменится. По какой-то причине он сердился на нее и сердится до сих пор. Подозвав официанта, она заказала двойную порцию мексиканской водки.

— Не забудьте дольку лимона и каплю ликера, если он у вас есть. И чипсы принесите.

Не успел Майк открыть рот, как Саманту уже пригласили на танец.

— С удовольствием, — ответила она, вставая, но Майк положил руку ей на плечо, не давая подняться.

— Кажется, нет, — извиняющимся голосом сказала пригласившему Саманта.

Когда принесли ее заказ, она обратилась к Нельсону:

— Ну, и что же ты знаешь о моей бабушке? Насколько я понимаю, ты и есть Нельсон?

Чувствуя на себе взгляд Майка, Саманта отлично сознавала, что он все понял: ведь для того, чтобы об этом узнать, ей нужно было прочитать записку, а записку разыскать в его бумажнике.

— Знаю о ней немного, но о тебе мне бы хотелось узнать намного больше, — вызывающе ответил Нельсон.

Майк все еще глядел на Саманту, надеясь, что она наконец удостоит его взглядом, но она не

смотрела на него. Вместо этого со всей показной сексуальностью, на которую была способна, она сжала левый кулак, медленно его лизнула, насыпала на влажную кожу соль, игриво облизала ее и залпом опрокинула водку, после чего прикусила ломтик зеленого лимона.

— Боже, держи меня, — прошептал Нельсон, в то время как Майк молча уставился на Саманту. Взяв чипс, она макнула его в перечный соус.

— Осторожнее с этим! — предупредил Нельсон. — Он горячий, как лава.

Саманта подцепила на чипе основательную порцию густого соуса и съела, пока Нельсон с благоговением смотрел на нее.

— В Санта-Фе мы этим кормим грудных деток, — растягивая слова, проговорила Саманта и сделала глоток темного мексиканского пива. — Хочешь совет, Нельсон? Если кто-то в Санта-Фе предупреждает тебя, что это остро, то остерегайся, но если предупреждает житель Нью-Йорка, то рассмейся ему в лицо!

— Достаточно! — рывкнул Майк, схватив ее за руку и стаскивая со стула. Он вытащил ее на танцплощадку и, прижав к себе, начал медленно двигаться в танце. Одновременно он сердито шипел ей в ухо:

— Ты что делаешь? Хочешь задавить мужика своей крутизной? Если это твоя цель, то ты ее достигла.

Саманта терлась о него бедрами.

— Что с тобой случилось? И кто дал тебе этот фиговый листок?

— Тебе что, не нравится?

— Во всяком случае, не на твоём теле.

— Может, тогда снимешь?

Держа ее на расстоянии вытянутой руки, он заглянул ей в глаза.

— Сколько тебе нужно выпить...

— Немного. — Она положила голову ему на плечо. — Майк, ты почему сердишься на меня сегодня?

Не то от ее слов, не то от ее близости, от этих головокружительных прикосновений ее груди и бедер, а может, от ее вида в этой красной юбочке, которая была бы коротка и трехлетнему ребенку, — но только Майк смягчился и начисто позабыл причину своего гнева.

— Видишь ли, дорогая...

Она буквально таяла в его объятиях.

— Ты меня весь день называл только Самантой. Никаких там «Сэм, а Сэм...».

— Знаешь, ты меня просто убиваешь! Ты сводишь меня с ума. Кажется, нам пора расставить точки над «i» в наших взаимоотношениях.

— Тебе не кажется, что эту фразу положено произносить женщине? В ответ должна последовать реплика, что ты не хочешь себя связывать, а я тогда должна сказать...

— Почему бы тебе не помолчать! — Он вошел в медленный ритм музыки, его руки скользили вниз и вверх по ее спине, пальцы чуть прикоснулись к ее ягодицам... Они не замечали других людей в баре, казалось, они были совсем одни.

— Ты не можешь себе представить, как я хочу тебя...

— Ну почему же, я вполне чувствую...

— Не смейся надо мной, Саманта...

— Ну, прости меня, Майк, просто...

— Что? — резко спросил Майк. — Скажи, в чем причина?

Саманта вывернулась из его рук, подошла к столику, допила свое пиво и направилась к выходу. Это была глупость — одеться как уличная девка и соблазнить Майка; ведь под этой сексуальной одежкой была все та же самая обычная Саманта Эллиот, а не роковая женщина. Может, она и могла на время превратиться в певичку кабаре, надев на себя платье Макси, но даже мини-юбка Блэр не смогла избавить ее от страха перед сексом, страха уничтожить и испортить все отношения с Майком.

Когда Саманта отходила от столика, Нельсон вытащил клочок бумаги с именем и номером телефона.

— Позвони Уолдену, крошка. Он может многое рассказать о Макси.

Саманта взяла бумажку и запихнула ее в лифчик, хотя ей тут же стало ужасно щекотно; затем она кивнула и пошла к выходу.

Майк поймал ее за локоть.

— Ты куда без меня не идешь, — с этими словами он вытащил ее на улицу.

Но, кроме слов, у Майка были другие способы убеждения. Несколько секунд постояв на обочине тротуара в ожидании такси, он внезапно схватил Саманту и затащил во дворик сбоку от бара; его руки обняли ее, а губы жадно целовали шею. Саманта пыталась вырваться, но Майк, кажется, не понимал, что она не желает его ласки, и она была вынуждена прибегнуть к силе, резко отпихнув его. Майк, абсолютно и полностью ошеломленный, оперся спиной о кирпичную стенку, его руки с распластанными ладонями вытянулись вверх, будто его распяли.

— Но почему? — простонал он. — Почему, Сэм? Что ты имеешь против меня? Может, этот твой муж был так хорош в постели, что ты решила бережно хранить воспоминания о нем? Может, ты не в силах думать больше ни о ком, кроме него?

После этих слов Саманта засмеялась. Майк подумал, что она смеется над ним, лицо его исказила ярость, и он отодвинулся от стены. Но тут Саманта прижалась к нему. Она слишком много выпила, вначале у Блэр, потом в баре, и нынешнее ее состояние позволяло ей делать то, на что она никогда бы не решилась трезвой.

Будто нарочно, чтобы раззадорить ее, рубашка у Майка наполовину расстегнулась, и она

запустила туда руки, дотронувшись до его груди. Майк был действительно разгневан. И она чувствовала это. Он не отвечал на ее ласку, стоял, прижав руки к стене и глядя на нее.

— Ты не понимаешь, Майк, — мягко произнесла она.

— Тогда не могла бы ты объяснить? — холодно отпарировал он.

Ее руки были у него под рубашкой, она ощущала его железные мускулы. Многие женщины морщатся, глядя на накачанных мужчин по телевизору или на пляже, думают, что они слишком мускулисты; но Саманта так не считала. Когда она еще жила в Санта-Фе и вела группу по аэробике, то иногда заглядывалась, как в углу качают мышцы мужчины, и даже порой сбивалась с ритма, зачарованная зрелищем. Однажды некий Тим, готовившийся к соревнованиям по бодибилдингу, занимался в зале с двухсоткилограммовой штангой. Тим делал приседания, держа штангу, которая под своим огромным весом прогибалась по краям, железные блины с боков поддерживали двое мужчин. После того как он закончил упражнения, раздался смех — это одна из женщин в зале смеялась над Самантой, которая так увлеклась зрелищем, что остановилась, забыв про свою группу. Саманте было очень неудобно, и она поспешила переключить свое внимание на учеников.

Теперь она могла потрогать одного из таких мускулистых полубогов, вид которых заставлял думать, что они способны голыми руками поднять здание.

Ее рука пробежала по груди, затем по спине, ощущая боковые поперечные мышцы, которые делали его спину такой широкой и рельефной.

Майк не отходил от стены и не делал попыток дотронуться до Саманты. Он боялся, что она вновь его испугается. Если ей, чтобы гладить его, нужно его молчание и неподвижность, то он будет стоять, затаив дыхание, пока не умрет.

Его рубашка была поношенной и мягкой, и петли для пуговиц стали слишком широкими. Когда Саманта дотрагивалась до пуговиц, они выскальзывали из петель, и рубашка как бы сама собой расстегнулась до пояса. Ее руки сползли с груди на живот — твердый и ребристый.

Она продолжала гладить его. Сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз по-настоящему дотрагивалась до мужчины? Уж если на то пошло, гладила ли она мужчину вообще? Во всяком случае, ни к кому ей так мучительно не хотелось прикоснуться, как к Майку, с того самого момента, как она заглянула в его глубокие карие глаза, как почувствовала прикосновение его губ...

— Я хочу объяснить, — тихо произнесла она.

— Да, хорошо. Я слушаю. — Его речь была прерывистой, будто он находился в страшном напряжении. Руки он по-прежнему держал поднятыми, не дотрагиваясь до нее. Если бы кто-то посмотрел со стороны, то подумал бы, что женщина держит его под дулом пистолета.

— Проблема не в тебе, а во мне. Ты что, не понимаешь? Поначалу я боялась тебя. — Ее руки были у него на талии. — Вернее сказать, не то что боялась, а не желала связываться с мужчиной.

— Вот спасибо, объяснила! Сэм, скажи мне все, что у тебя на душе. Иначе не знаю, сколько я еще смогу выдержать.

— Я не хочу испортить то, что сложилось между нами. — Ее руки скользнули по его груди и

легли на плечи. Она уже почти сняла с него рубашку. Его тело было так прекрасно. Теплая, ровная, упругая кожа туго обтягивала твердые мышцы. Ей очень хотелось прикоснуться к ней губами, чтобы познать ее привкус. Была ли она солоноватая от пота после танца?

— А что именно сложилось между нами? — Его голос звучал резко и натянуто. На мгновение он прикрыл глаза. Вся жизнь девушки были для него легкой добычей, но та, которая была особо желанной — Сэм, — оказалась просто недостижимой. Иногда ему приходила в голову безумная мысль — завести ее куда-нибудь в глушь и взять силой, но он знал, что после не сможет жить с этим грехом. Как, впрочем, и она.

— Между нами вся нежность на свете, — проговорила она. — Вся доброта. У нас есть наша дружба, и приятные беседы, и радости, и всякие мелочи. Мы...

Неожиданно Майк опустил руки и взял Саманту за плечи, вглядываясь в ее глаза.

— Ты считаешь, что всему этому придет конец, если у нас будут интимные отношения?

Он ей нравился, пока стоял неподвижно и позволял прикасаться к нему, но она недостаточно выпила, чтобы забыть о правде.

— Да, Майк, настанет. Настанет, если мы переспим с тобой. — В голосе Саманты было отвращение. — В том, что касается секса, я просто ужасна.

Майк стоял растерянный; сначала он даже не понял, о чем она говорит. Затем его будто озарило.

— Теперь понятно, — мягко сказал он, взяв ее под руку. — Жаль, что еще не изобрели компьютерную программу для обучения сексу, тогда бы ты сумела научиться всем движениям и позам. — Впервые за последнее время он почувствовал себя хорошо. Он наконец понял, в чем заключается проблема, а главное — знал, как ее решить.

Саманта рассмеялась.

— Отличная идея, Майк. Кого можно попросить создать такую компьютерную программу?

Они вышли на улицу и поймали такси. Майк открыл Саманте дверь.

— Кажется, я смог бы внести свою лепту...

— Ты? А с какими научными трудами ты ознакомился?

— У меня собственный взгляд на секс. Собственные позы, движения, чувства. Я ни разу не читал никаких книг на эту тему.

Саманта забралась в машину и забилась в самый угол.

— А я прочла много-много литературы на эту тему.

— Да? И кто же тебя просил читать эти книги?

— Ричард. Он сказал, вдруг они мне помогут. — Она взглянула на Майка. Он сидел, устремив взгляд вперед, и даже не посмотрел на нее, будто не желая ее видеть.

— Теперь тебе все ясно?

— Да, — мягко ответил Майк, — мне все ясно.

Больше он не произнес ни слова, пока они не доехали до дома. Саманта все больше впадала в депрессию. Не надо было ничего ему рассказывать. Как там говорится? Лучше позволить людям догадываться, что ты дурак, чем открыть рот и дать им в этом убедиться. А она открыла рот и поведала Майку о своих проблемах с сексом. Он ей сказал когда-то, что она мастерица только делать вид, — и так оно и есть. Она могла нарядиться в уличную девку, но понятия не имела, как исполнять эту роль.

Она твердо решила, что дома сразу скажет Майку, что уедет завтра же утром, если, конечно, он первый не скажет ей, чтобы она уехала сейчас же. Ей было очень жаль, что она доставила ему столько хлопот, что он потратил на нее так много сил, времени и денег.

Майк очень спокойно заплатил таксисту, помог Саманте выйти из машины, а затем отпер входную дверь дома.

— Майк, — начала Саманта подготовленную речь, но Майк, не давая ей договорить, стал в буквальном смысле подкрадываться к ней, медленно и тихо наступать, как хищник.

— Майк, что с тобой?

— Все это время я был уверен, что ты мужененавистница. Иногда я думал, что проблема во мне, что я тебе неприятен. Однако ты никогда не избегала моих прикосновений, если только я не заходил слишком далеко.

— Конечно, дело не в этом. — Саманта пятилась в сторону гостиной. — Майк! Ты пугаешь меня, когда так смотришь!

— К черту! Это я-то тебя пугаю? Кажется, тебя ничего не пугает. Ты не боишься меня в прямом смысле. — Он уставился ей в глаза. — Ты боишься, что не понравишься мужчине!

Саманта почувствовала, как заливается краской от кончиков пальцев до кончиков ушей. Слава Богу, она в красном, может, будет не так заметно!

— Ты дурак. — Она постаралась взять себя в руки. — Только из-за того, что я сдерживаю твои наскоки, ты подводишь под это псевдонаучные теории и приходишь к выводу, что я не нравлюсь мужчинам! Смешно, честное слово!

— Ты не просто отшиваешь меня, ты отшиваешь мужчин вообще!

— Предпочитаю обезопасить себя от... — Она не договорила, так как уперлась спиной в стену гостиной.

Нависнув над ней, Майк придвигался все ближе, не давая ей проскочить между ним и стеной.

— Почему ты развелась?

— Мне кажется, это тебя не касается. — Она попыталась вырваться, но он уперся руками в стену по обе стороны ее головы.

— Так почему же, Сэм?

— Не твоего ума дело...

— Может, и так, но ты все равно мне расскажешь.

— Несовместимость, — бросила Саманта, отводя взгляд.

— Ты не умеешь врать.

— Не так, как ты. Ты-то умеешь...

— Так почему же?

— Он...

— Он что?!

— У него была другая женщина, — выпалила Саманте.

— Тогда он просто идиот, — мягко сказал Майк. — Зачем ему понадобилась другая женщина, когда у него была ты?

Она отвернулась, но в ее взгляде мелькнула признательность.

— Ты узнал, что хотел, а теперь убери руки.

— Сейчас уберу. — Майк схватил ее и начал целовать. Она приложила все силы, чтобы освободиться, но он крепко прижал ее к себе.

— Что с тобой случилось, Сэм?

— Пожалуйста, оставь меня в покое, — прошептала Саманта, опустив глаза.

— Ты что, прижималась к нему ночью, а он поворачивался на другой бок? — Пока он говорил, она все еще делала попытки вырваться из его объятий. — Сукин сын! Он был уже измотан после встречи с другой. Так?

Перестав сопротивляться, Саманта вспылила:

— Да! Да! Да! Это ты хотел услышать? Он по два раза в день встречался с ней, а ко мне не прикасался! Я для него не была женщиной. Я — повар, уборщица, добытчица денег, но не... — Она больше не могла говорить, и тогда Майк снова начал ее целовать. — Нет, прошу, отпусти меня...

— Почему мне нужно тебя отпустить?

— Потому что я не хочу...

— Не хочешь меня? К черту! Ты желала меня с первого дня нашего знакомства. Но вела себя так, будто ненавидишь меня. Я не...

Он замолчал. Его руки блуждали по ее телу. Он ласкал ее грудь, бедра, шею, руки, ягодицы. Но Саманта, собрав всю силу воли, стояла, не отвечая, даже не шелохнувшись.

— Сколько ты еще будешь мне сопротивляться? А, Сэм?.. Если я буду делать так... — Он наклонил голову, без труда сдернул кофточку с ее груди и нежно взял сосок в рот. — А, может, тебе больше понравится так?

Его губы скользнули по ее телу вниз, а рука ласкала грудь.

— Прошу тебя... — шептала она, закрыв глаза и прислонившись головой к стене.

— Что? Скажи, что ты хочешь. Я все сделаю, все, что ты скажешь... Все, что угодно...

— Тогда отпусти меня...

— Все, кроме этого. — Он поцеловал ее живот, затем выпрямился и принялся целовать лицо. На живот ласково легли его пальцы.

— Пожалуйста, Сэм, расслабься.

— Не могу.

Нежно целуя ее ухо, он одной рукой продолжал ласкать грудь, а другая медленно забиралась под юбку.

— Что ты желаешь? Нежности? Ласки?

Внезапно он резко отпрянул и начал рассматривать лицо Саманты, ее закрытые глаза, маску скованности, выражающую стремление держаться до конца.

— Не надо так, Саманта, — прошептал он. — Ты желаешь того же, что и я. Я хочу тебя.

С этими словами он умудрился одновременно сорвать с нее колготки и расстегнуть свои брюки, которые сползли на пол.

Прикосновения его рук к голой коже разбудили в Саманте похороненное на многие годы желание. Еще мгновение назад она стояла неподвижно, не отвечая на его ласки, но теперь буквально набросилась на него; ее руки, казалось, обхватили его всего, ногтями она царапала его могучую спину, зубами покусывала его атлетическую грудь, губами и языком она, казалось, хотела ласкать каждый изгиб его прекрасного тела.

На какую-то долю секунды он был поражен ее реакцией, ее голодом, затем его губы нашли ее рот, руки стиснули тело, отвечая ее желанию.

Неожиданно она замерла, охваченная страхом. Ей вдруг почудилось, что сейчас она увидит сонную скучную физиономию, какая всегда была у Ричарда перед тем, как они ложились в постель. Но перед ней был не ее бывший муж, перед ней был Майк, и взгляд его выражал желание и стремление овладеть ею и желание удовлетворить ее, а не только получить самому.

— Это я, Майк Таггерт, — сказал Майк, поняв ее замешательство, и прижался лицом к ее лицу. — Я совсем другой.

Когда он схватил ее и приподнял, чтобы войти в нее, Саманта чуть не закричала, но затем обхватила его талию ногами, скрестив их у него за спиной, и повисла так, пока он мощными толчками овладевал ею. Он проникал в нее все глубже и глубже, она вцепилась в него, ее ногти вонзились ему в спину, рот раскрылся в безмолвном крике.

Когда он кончил, сделав последнее движение и его голова упала на ее плечо, она чуть не закричала от огорчения, но сдержалась и ласково прижала его к себе.

Приподняв голову, он посмотрел ей в глаза, будто пытался найти в них ответ.

— Извини, родная, я очень тебя хотел. В следующий раз в первую очередь ты.

И хотя она понятия не имела, что он имел в виду, ей понравилось, как он отнес ее в спальню и поставил у кровати. Понравилось, как он раздевал ее и целовал ее грудь. Ее смущало только, что, лаская ее, раздевая, раздеваясь сам и прижимая к себе ее обнаженное тело, он все время смотрел ей в глаза, будто чего-то ожидал от нее.

Наконец, измученная тем, что не знает, как себя вести, она с отчаянием произнесла:

— Майк, я не знаю, что делать. Я не знаю... как.

— Девочка, не существует такого понятия «как». Не существует «это можно», а «это нельзя», кроме тех случаев, когда что-то не нравится твоему партнеру.

— Я не хочу разочаровать тебя. Я хочу...

Очень нежно он начал целовать ей грудь.

— Тебе так нравится?

— Да... Очень.

— Ты скажи мне, если тебе что-то будет неприятно.

— Но мне все нравится, что ты делаешь!

Майк, прервав на мгновение свои ласки, недоверчиво взглянул на нее.

— Ты что, боишься сделать что-то, что мне не понравится? — В его голосе прозвучало недоверие. — Хорошо. Попробуй. Начни ласкать и целовать меня. Можешь со мной делать все, что тебе взбредет в голову, Я весь твой.

Кто-то другой, может, и посмеялся бы над этими словами, но не Саманта. Саманта имела печальный опыт с Ричардом. «Здесь не трожь. Мужчины не любят, когда здесь трогают» или «Так никто мужчину не ласкает, ты что, не знаешь? Женщина в твоём возрасте должна об этом знать». С ним она была настороже. Она столько лет пыталась изучить все его правила и в конце концов стала стеснительной и неуверенной в себе.

— Мне кажется... — проговорила она, — ...я бы хотела ласкать тебя. — И после паузы добавила:

— Ты не будешь возражать?

Майк нежно поцеловал ее.

— И люди еще сомневаются, существует ли рай. Существует, прямо здесь, в этой комнате. Я весь твой, родная.

Держа ее за руку, он лег на кровать, но Саманта отвела от него взгляд, потому что его глаза не переставали следить за ней, а его тело ее смущало. Как бы прочтя ее мысли, он уткнулся лицом в подушку, так что она могла смотреть на него без смущения.

Саманта, как бы ради эксперимента, вытянула руки и провела по его плечам. Комната была освещена лишь одной тусклой лампой, и кожа Майка цвета меда, казалось, светилась. Так как он отвернулся, она могла трогать и разглядывать это прекрасное, мощное, мускулистое, голое тело.

Перед ней, казалось, был эталон мужчины.

Пока она гладила его спину, Майк, казалось, заснул — так тихо он лежал. Она начала целовать его тело, от шеи до пяток, потом легла сверху, прижимаясь к нему грудью и стараясь повторить своим телом изгибы его тела.

Настал такой момент, когда она позабыла, что под ней человек, она не думала, приятно ли ему то, что она делает, полностью растворившись в собственном удовольствии. Вспомнив, как она однажды видела в зеркале небольшие островки нежной кожи, не покрытые волосами, там, где ноги переходят в ягодицы, ей немедленно захотелось поцеловать их. Раньше ей это и в голову бы не пришло. Теперь же она испытывала острое наслаждение, впиваясь в них губами, проводя по ним кончиком языка. Все это время Майк лежал, не сделав ни единого движения.

Вскоре она лежала рядом с ним, ее тело пульсировало, и она судорожно вздыхала. Она хотела его, хотела чувствовать его в себе и боялась сказать ему это. Однажды, вскоре после свадьбы, она сделала глупость, попросив своего бывшего мужа: «Давай еще раз!» Он тут же вскипел, обвиняя ее в том, что она считает его плохим любовником. «Ты что, никогда не слышала, что мужчина сразу не может! Так уж, милая, они устроены».

И теперь она чувствовала робость. Она не хотела оскорбить Майка или разозлить его.

— Майк. — Саманта пыталась говорить как можно мягче, хотя ей было трудно управлять своим голосом. — Я подумала, может, мы могли бы... ну, если так можно сказать, повторить, что ли! Если это для тебя возможно, конечно...

Майк молниеносно вскочил, выйдя из кажущегося небытия, и налетел на нее с неистовством двенадцатибалльного шторма. Его руки вцепились в ее бедра, как железные клещи. Он набросился на нее с такой страстью, что Саманта ощутила себя на седьмом небе.

Майк тут же остановился, склонившись над ней с таким выражением лица, будто боялся, что убил ее.

— Сэм, дорогая, с тобой все нормально? Я тебе больно не сделал?

Саманта в удивлении поморгала.

— Боже, Майк, ну продолжай же!..

— Ух ты, чертенок! — Он раскинулся на кровати и потянул ее на себя.

Саманта ознакомилась с разными сексуальными позами по многочисленным брошюрам, которые ей подкидывал муж, но все познания эти были чисто теоретическими. Теперь, сидя на Майке, она глядела на него вопросительно: а что же мне делать дальше?

Положив руки за голову, Майк ответил ей взглядом: «Попробуй сама догадаться!»

Доверившись своему природному женскому чувству, Саманте не составило особого труда угадать его желание.

Она лежала рядом с Майком, вспотевшая, обессиленная, каждая мышца ее тела дрожала от слабости. Она мечтательно улыбнулась и произнесла: «Что это было?!»

В голосе Майка промелькнул оттенок самодовольства:

— Сэм, дорогая, ты только что испытала то, что обычно называется оргазмом. Ну и как тебе?

Саманта хихикнула:

— Майк, если бы я только догадывалась, что ты сможешь на меня произвести «такое впечатление», то в первый же день нашего знакомства схватила бы тебя силком, затащила в дом и разорвала на части на полу в прихожей.

— Тогда мы были бы квиты. В моих мыслях тебе была уготована такая же судьба.

— Да уж. Но как бы ты отнесся ко мне наутро?

— Говоря о чувствах и отношении друг к другу, сейчас у нас появились две возможности. Первая: мы можем, уютно прижавшись друг к другу, отключиться до утра. Вторая: можно наполнить ванну горячей водой, набрызгать туда чего-нибудь пахучего на твой выбор, потом долго вытирать друг друга, вернуться в кровать и предаться оральной любви.

С трудом приоткрыв веки, Саманта зевнула:

— Я так устала, Майк. Может, лучше выспаться?..

У него вытянулось лицо. Казалось, он был обижен, как ребенок, которому только что сказали, что ему не разрешили пойти сегодня в цирк.

Она снова зевнула и потянулась:

— С другой стороны, ванна бы не помешала.

Прежде чем она успела вымолвить еще слово, он уже нес ее в ванную.

Глава 24

После ванной Майк наконец спросил Саманту, почему все-таки она так долго не решалась переспать с ним. Майк старался, чтобы его вопрос прозвучал как можно равнодушнее, но ее это не обмануло.

— Ричард заявил, что я никуда не похужу в смысле секса.

— И ты в это поверила? — тон у Майка был такой, будто он разговаривает с самым глупым человеком на свете.

— Откуда, черт возьми, я могла знать, что он мне врет?! — почти прокричала Саманта. — У него было много женщин, а у меня только он один. Что, по-твоему, я должна была сходить в бар или еще в какое-то злачное место, подцепить мужика, переспать с ним и узнать, действительно ли я так плоха в сексе или нет? Вот что я тебе скажу, мистер Самоуверенность: если тебе внушили, что тебя не хотят мужчины, вскоре они действительно перестают тебя хотеть!

После небывалого наслаждения, которое Майк преподал Саманте, он спросил:

— Хочешь поговорить о твоём бывшем муже?

— Нет!

— Ой ли...

— Что это значит?

— Это значит, что еще не родилась такая женщина, которая удержится от соблазна поплакаться даже первому встречному, каким козлом был ее бывший муж или любовник.

Саманта, приподняв голову, бросила на Майка злобный взгляд, но он невозмутимо уложил ее голову обратно к себе на грудь. Какое-то время два чувства боролись в ней — желание поделиться с близким человеком и стыд за причиненные ей унижения. Ее замужество и развод были сплошным позором, однако ей вдруг захотелось рассказать Майку правду, не ту приукрашенную, подслащенную «правду», рассказанную отцу, а настоящую. Желание раскрыть душу взяло верх.

— Скорее всего, первые два года замужества были сносными. Мы не испытывали особенно бурных эмоций, но мы свыклись друг с другом. Ричард вместе с двумя партнерами управлял небольшой фирмой, я работала в «Компьютер Ленд». Мне казалось, что все нормально, что все так и должно быть. Но однажды он пришел домой и заявил, что «глубоко несчастен». Понимаешь, именно «глубоко». Он сказал, что всегда мечтал посвятить себя литературе, написать великий американский роман — роман века. Однако его мечте не суждено сбыться, потому что все свое время ему приходится тратить на то, чтобы зарабатывать деньги для семьи.

Саманта потрясла головой.

— Я просто обалдела. Я ведь тогда впервые узнала об этом его амбициозном проекте. И сразу почувствовала себя виноватой. Прожить два года с человеком, думая, что единственное его желание — это консультировать в своей фирме клиентов по поводу налогов... Мы сидели и разговаривали всю ночь напролет.

Она замолкла, уйдя в воспоминания; потом, после паузы, проговорила:

— Никогда, ни до, ни после, мы не были с ним так близки, как в эту ночь. Тогда мы и решили, что в течение года я буду зарабатывать на жизнь, а он займется литературой. Правда, на нем еще повисли все домашние дела, так как мне пришлось работать сразу в двух местах.

Внезапно ее охватил гнев.

— Я не знаю, что случилось! Поначалу все шло хорошо, но потом все чаще получалось так, что, вернувшись домой, я находила на кухне тот же бардак, что остался утром после завтрака. Мне приходилось прибираться, а потом отправляться на вторую — вечернюю работу, в гимнастический зал. За неделю накапливалось грязное белье, и воскресенье я посвящала стирке. Короче говоря, к концу года мне пришлось заниматься всей домашней работой и одновременно зарабатывать нам на жизнь. Но я не возражала. Каждое воскресенье вечером Ричард читал мне отрывки из своего «гениального романа», которому он якобы посвящал всего себя. Он никогда не рассказывал, о чем это произведение, о замысле в целом, только зачитывал эти отдельные кусочки...

Саманте пришлось остановиться, чтобы передохнуть.

— Иногда мы обсуждали, что купим и куда поедем, когда он получит многомиллионный аванс за свою книгу. Радужные планы на будущее помогали мне забывать об усталости, и я не возражала и дальше исполнять обязанности домохозяйки и добычицы денег.

Майк поглаживал Саманту по голове, и ей казалось, что воспоминания о жизни с Ричардом уплывают в прошлое.

— Короче говоря, наша договоренность насчет года продолжала оставаться в силе и через полтора года, и через два... К этому моменту я была так измотана, что даже не знала, жива я или уже умерла.

Она говорила, и Майк чувствовал, как напряглось ее тело.

— Но однажды мне позвонил на работу сосед моего отца.

Майк не перебивал ее, хотя именно он был тогда с Дейвом и настоял на этом звонке.

— Сосед сообщил мне, что отец умирает. Когда я это услышала, у меня было одно желание — примчаться домой, к Ричарду, чтобы он прижал меня к себе. — Саманта усмехнулась. — Когда я узнала о предстоящей смерти отца, мне показалось, что больше несчастий уже не может навалиться на одного человека... приехав домой, я обнаружила, что Ричарда нет. Наверное, я была тогда не в себе, но я начала копаться в его столе, чтобы найти хоть что-то, объясняющее, где он может быть. Ничего не обнаружив, я пошла к его книжным полкам. Наверное, Ричард думал, что я не посмею притронуться к его «книгам», поэтому даже не пытался скрыть свидетельства своего обмана. В книгах были отмечены некоторые абзацы. Я прочла подчеркнутые куски. Это их он зачитывал мне воскресными вечерами. Ни один из отрывков не был написан им самим, все они были украдены у других писателей.

Саманта тяжело вздохнула.

— Когда я поняла, что он не написал ни строчки, я захотела узнать, чем же он занимался все эти два года. Я подошла к его компьютеру. Когда я устанавливала для него «персоналку», первая его просьба была, чтобы я объяснила, как вводить кодовое слово, чтобы никто, кроме него, не мог прочитать записанную информацию. Мне потребовалось только семь попыток, чтобы найти слово-код, — имя его собаки, — влезть к нему в файлы и узнать, что он там пишет.

Последовала долгая пауза. Майк не вымолвил ни слова, терпеливо ожидая продолжения.

— На экране появился подробнейший дневник его сексуальных походов с его бывшей секретаршей. Знаешь, Майк, до сих пор никак не могу понять, почему он предпочел ее мне. Ты знаешь, я не тщеславна, но я красивее, намного умнее и остроумнее, чем она. Никак не могу понять... Я очень старалась ублажить Ричарда. Я старалась дать ему все, что его душе угодно. В чем же была моя ошибка?!

— Когда он тебе дал читать литературу по сексу?

— А, это... Когда я опозорилась. Через несколько месяцев после нашей женитьбы мы ходили смотреть кино — не помню, как называлось — и я потом сказала, что не понимаю, зачем посвящать весь фильм интимным отношениям, когда секс на самом деле такой скучный. Тогда Ричард заметил, что, возможно, наша сексуальная жизнь не была бы столь занудной, если бы я кое-что узнала о сексе.

— А как у тебя шли дела на твоих работах? Успешно?

— Да, — улыбнулась Саманта. — Я быстро продвигалась по службе в «Компьютер Ленд», а на курсах по аэробике меня сделали инструктором для преподавателей.

— А как было с карьерой у Ричарда?

— Я знаю, к чему ты клонишь. Поначалу у него все складывалось нормально, но затем он начал терять клиентов, и, как мне кажется, его партнеры решили от него избавиться.

— Похоже, ты его просто задавила.

— Ты знаешь, — вздохнула она, — мне это не раз приходило в голову. Я привыкла рассказывать ему только о моих промахах и ошибках. Он выслушивал, а затем начинал читать мне лекцию о том, что и как мне следовало бы делать, и после этого дня два был добрым и заботливым. Я скрывала мои продвижения по службе, но он узнавал о них по росту зарплаты.

— Может, та, другая женщина глядела на него как на сильного, умного героя?

— Да для этой и заяц бы показался профессором. Одно время она каждую пятницу вечером торчала у них в конторе и помогала Ричарду научить ее секретарской работе: например, отвечать по телефону, потому что она знала только: «Да-а...» и «Чего надо?!». Представь себе: этакая тетеха, глупая, простоватая, полная, с толстыми ногами, а голову она, по-моему, вообще никогда не мыла. К тому же еще грубая, совершенно без всякого вкуса и чувства юмора. И эта отбила у меня мужа! Когда мы разводились, Ричард сказал, что как любовница она значительно лучше, чем я. И добавил, что лучше переспать с пластиковой куклой для секса, чем со мной!

— И это он знал по собственному опыту?

Саманта рассмеялась.

— Может, такое общение и скрашивало порой его жизнь. Ах, Майк! Я просто не понимаю. Как это может быть? Неужели приятнее слышать о неудачах любимого человека, чем о его успехах? Я знала, что карьера у него не сложилась, рухнули все его надежды. Вот почему я согласилась зарабатывать за нас обоих и создать условия, чтобы он мог достичь чего-то настоящего значительного. Но он даже не пытался писать! Он не написал ни одного абзаца. Он потратил два года на то, чтобы кататься на лыжах, играть в теннис и... и...

— Трахать секретаршу.

— Вот именно... Но если я ему не нравилась, пусть бы подал на развод, а уж потом заводил себе любовниц! Почему он делал все, чтобы мне было так ужасно плохо?

— Возможно, он считал, что это будет справедливо, так как рядом с тобой чувствовал себя жалким неудачником?

— Да я же все делала для него! Зарабатывала, готовила, чистила, гладила, стирала...

— Ты управлялась со всем этим и одновременно делала удачную карьеру сразу на двух работах? Странно, что он вообще не убил тебя!

— Ты что, на его стороне? — взвилась Саманта, отпихивая его. Но он притянул ее обратно к себе.

— Твой бывший муж — дурак и запуганный трус. И за это наказан до конца дней своих самым страшным наказанием — потерей тебя!

Саманта обняла его и поцеловала в плечо.

— Ох, Майк! Я так старалась ублажить его во всем.

— Чего не скажешь по отношению ко мне! — захныкал Майк. — Ты мне никогда ничего не стирала, и мне даже в голову не приходило, что ты умеешь держать утюг.

Она не отреагировала на его шутку и внезапно стала серьезной.

— Насколько я понимаю, тебе от меня нужны секс и веселье...

— Ну, разумеется, что же еще!.. Знакомься: Майкл Таггерт — сама ограниченность...

Саманта посмотрела на него глубоким, выразительным взглядом.

— Нет, Майк, ты никакая не ограниченность. Вот Ричард был ограниченным. Он был мелочным, боязливым и жалким. А ты... ты способен любить.

Майк поцеловал ее в макушку и игриво схватил за грудь.

— Особенно в данный момент. Как насчет того, чтобы повторить... в предыдущей позе?

— Что, опять? — хихикнула Саманта. — Не знаю, смогу ли я так сразу.

— Хочешь, я тебя уговорю?

— Если это тебя не затруднит, — вежливо произнесла она, будто просила принести ей еще один бутерброд.

Но Майк ответить не мог, его рот уже был занят другим.

Глава 25

Саманта проснулась, проспав всего около часа. Однако она еще никогда так хорошо себя не чувствовала. Ей пришлось выбираться из-под тела Майка, поднимая его Отяжелевшие от сна руки и ноги, но и это ей нравилось. Наконец она встала с постели, взяв халат из ванной комнаты, закуталась в него и направилась к двери. Но вернулась и немного постояла у кровати, глядя на спящего Майка, распростертого на простыне, полностью расслабленного.

«Моя жизнь отныне изменилась, — подумала Саманта. — Изменилась на веки веков. Изменилась бесповоротно».

Этот вечер, проведенный с Майком, сделал ее другой, она почувствовала внутреннюю свободу и раскрепощение. Саманта улыбнулась; ей вдруг пришло в голову, что ведь она начала меняться с первой минуты их знакомства.

Забитая, запуганная серенькая мышка, которая впервые проехала на такси, превратилась в женщину, вытворявшую вместе с Майком невероятные вещи этой ночью.

Удивительно, насколько по-разному она вела себя с бывшим мужем и с Майком. Ричард не одобрял ее громкого смеха, не любил, когда она болтала, радуясь очередному повышению на работе или интересной прочитанной книге. Может, Майк прав, и она просто пугала Ричарда, если только не вела себя как монашка.

Саманта на мгновение склонилась над Майком и дотронулась до его волос. Вот он уверен в себе и в том, что делает. Она не смогла бы его подавить. Ее энергичность лишь радовала его, а не раздражала.

Завиток его волос окольцевал ее палец. Если бы существовали ангелы, у них были бы такие же волосы, подумала Саманта.

Посмеиваясь над собственной сентиментальностью, она направилась к себе наверх, чтобы одеться.

Первое, что ей бросилось в глаза, — дверь, которую проломил Майк, была заменена. Зная, что он планировал это, Саманта не удивилась. Но, открыв дверь, замерла. Вначале она решила, что не туда попала, и уже собиралась уйти. Потом спохватилась: да нет, не может быть, это же моя квартира! Только до чего же все изменилось!..

Стены гостиной по-прежнему были темно-зеленые, но занавески другие — молочного цвета с большими пурпурными розами, перехваченные широкой лентой под цвет стены. Уютное кресло было обито той же материей, что и занавески, а пурпурная обивка дивана — в тон розам. Пятнистый ковер повторял цвета, преобладающие в комнате, — зеленый и пурпурный. За диваном — длинный узкий столик из светлого дерева с инкрустацией, по бокам — две старинные черные тумбочки.

Осторожно ступая, будто боясь спугнуть сказочное видение, Саманта направилась к спальне, набрав воздуха перед тем, как решиться войти.

Спальня была отделана в голубых тонах — множество оттенков голубого и синего. На стенах были обои в светло-голубую полоску, а шелковые занавески — глубокого синего цвета. В центре комнаты большая кровать с колоннами, задрапированная в прозрачный ситец нежнейшего голубого цвета. Саманта подошла к кровати, чтобы ее рассмотреть. Полог был сшит в стиле «солнца» — ткань расходилась от центрального медальона мелкими складками. Стеганое покрывало было из нежно-голубой хлопчатобумажной ткани с изображением цветущих выюнков.

— Нравится? — раздался сзади голос Майка.

Она обернулась, переполненная эмоциями, даже не в состоянии ответить. Саманта не могла понять, зачем он это сделал, чем она заслужила такое отношение к себе. Глядя на него, она вспомнила прошлую ночь, проведенную в его объятиях, и подумала, что теперь она вправе, когда только пожелает, ласкаться и прижиматься к нему.

Руки Саманты обвили шею Майка.

— Спасибо тебе... Огромное тебе спасибо...

— Не хочешь испытать новую кровать? — спросил Майк, целуя ее.

— Жалко сразу измять такую красоту, — засмеялась она.

— А мы осторожненько, — голосом соблазнителя промурлыкал Майк, взяв ее за руку и подводя к кровати.

И тут Саманта бросила взгляд на красивые синие часы на ночном столике.

— Майк! Уже больше девяти! Мебель в приют должны привезти в десять!

— Сообразят, как ее расставить, и без нашей помощи, — прижимая ее к подушкам, прошептал он. Но Саманта вывернулась.

— Нам нужно там быть вовремя!

Майк, отвалившись на подушку, состроил гримасу, выражающую недовольство.

— Я поеду, если только получу обещание, что остаток дня ты проведешь со мной в постели.

— Ну, раз нет другого выхода... — деланно тяжело вздохнула Саманта.

Майк бросился за ней, она завизжала и убежала в ванную, захлопнув за собой дверь. Там по-прежнему все основные принадлежности, как и мраморные стены, были темно-зеленого цвета. Однако детали, вплоть до светильников, были заменены на нежно-розовые. Над раковиной и ванной висели ряды розовых стаканчиков. На вешалках — роскошные розовые полотенца с вышитыми монограммами «С.Э.». Стены выше мраморной плитки были покрыты обоями с орнаментом из больших роз.

Она оглянулась на Майка.

— Кто все это придумал?

— Джейн...

— Твоя сестра?

Когда он кивнул, Саманта засыпала его вопросами: как это Джейн смогла все сделать за столь короткое время; когда Майк все это замыслил; как он догадался, что именно ей хотелось? Она спрашивала без умолку, бегая по квартире, рассматривая каждую деталь обстановки. Майк следовал за ней и откровенно наслаждался ее удовольствием...

Еще ночью Саманта рассказала, что узнала от Блэр о его богатстве. Он был рад, что эта новость никак не отразилась на ее поведении. Теперь ему больше нечего от нее скрывать. Теперь не надо осторожничать, чтобы не проболтаться об их семейном реактивном самолете. Теперь он мог делиться с ней подробностями операций на бирже, которые приносили ему доход в четверть миллиона долларов. Теперь, наконец, он мог купить ей те золотые часики, которые она чуть было не съела глазами в витрине магазина «Тиффани».

— Если ты сию минуту не соберешься, то мы опоздаем к тому моменту, когда привезут мебель.

Саманта в благодарность еще раз поцеловала его и побежала приводить себя в порядок. Притащив свою косметичку в ванную комнату Майка и накладывая макияж, она начала такой разговор:

— Знаешь, что мне действительно не нравится в этом приюте для престарелых?

Майк протягивал в это время руку через плечо Саманты, пробуя дотянуться до бритвенного прибора.

— Судя по твоему тону, дорогая, это что-то еще, кроме вони, плохого обслуживающего персонала и жуткого интерьера... Я не ошибся?

— Да, кроме этого... Там нечего делать. Никаких развлечений; мне только один раз попался на глаза какой-то журнальчик. Если бы Джубели поместили в такую дыру и отобрали у него рояль, он вряд ли дожил бы даже до восьмидесяти.

Теперь Майк пытался рассмотреть себя в зеркале, девяносто процентов которого заслоняла Саманта.

— Если ты поторопишься, то у нас будет время остановиться на Пятой авеню и купить твоей бабушке какие-нибудь книжки.

Она рассмеялась.

— Майк! Это что, шантаж? Под этим предлогом ты хочешь выгнать меня из своей ванной?

— А ты клюнешь на эту удочку?

— Да. — Она чмокнула его в плечо и выскользнула из ванной.

Десять минут спустя Саманта уже проходила через вертящиеся двери магазина на Пятой авеню. Кажется, на этот раз она преодолела это препятствие без приключений.

Теперь у нее была другая проблема. За несколько «экскурсий» в город Саманта исчерпала весь свой кредит и когда всунула кредитную карточку в автомат, выдающий наличность, тот лишь забренчал, будто насмехаясь, и ничего не выдал.

— Майк! Чем я располагаю?

— В смысле денег или времени?

— Того и другого.

Он взглянул на часы:

— Ты можешь покупать все, что сможешь унести, но за двенадцать минут сорок секунд.

— Сорок секунд?!

— Имей в виду... прошло уже двадцать секунд.

Саманта как-то читала, что первая ошибка, которую совершают женщины в замужестве, — это когда утром после свадьбы приносят мужу завтрак в постель. Они хотят сделать что-то особенно приятное в этот особенный день. Однако муж воспринимает это как не что-то «особенное», а как знак, указывающий, что так отныне и будет всю совместную жизнь. Поэтому впоследствии чувствует обиду и разочарование, когда ему не подают завтрак в постель и он должен есть за кухонным столом.

Хотя Майк вчера и не женился на Саманте, однако... они все-таки были близки. Теперь он не смотрел на нее похотливыми глазами. Он смотрел на нее... в общем, смотрел, как муж. Появилось снисходительное отношение... Ей это было совсем не по душе. Вот и сейчас он, наверное, ожидал, что она выберет несколько книг и журналов, тогда он отечески улыбнется ей и скажет что-то типа: «Теперь ты счастлива?»

На лице Саманты засияла хитрая улыбка. Сейчас она покажет Майку, что она не новоиспеченная жена, подающая завтраки в постель. Он был достаточно богат, чтобы оплатить

урок, который она намеревалась ему преподать за эти двенадцать минут.

— Хорошо, условия приняты! — заявила Саманта. Нахмурившись, она обернулась к кассирше. — Мне нужны два пакета, б-ы-с-т-ро!

Скучающая женщина отреагировала мгновенно.

Вначале Саманта направилась в секцию детективов, в них она немного разобралась. Хватая книги с полок, она запихивала их в пакеты, которые поставила на пол.

Недалеко от нее, в секции «Научной фантастики», высокий хорошо одетый мужчина, пытаясь скрыть свое удивление, наблюдал за происходящим. Саманта уже обратила внимание, что местные жители вечно строят из себя утонченных особ, которые знают и повидали все на свете, но в действительности они очень любопытны и любят во все совать свой нос. Они всегда подглядывают, что делают люди вокруг, и пытаются увидеть что-то необычное — это они обожают. Другое дело, что нужно вести себя действительно неординарно, чтобы это было для нью-йоркца «необычным».

Любознательность, как это всегда бывает у жителей Нью-Йорка, взяла верх над хорошими манерами. Мужчина обратился к Саманте:

— Вы участвуете в состязании?

— Точно, — подтвердила она. — Представляю интересы приюта для престарелых. Все, что смогу набрать за двенадцать минут, мое.

После этих слов глаза мужчины засверкали.

— А по правилам вам могут помогать?

— Конечно, — ответила Саманта, ведь Майк ничего об этом не говорил.

— Я бы мог помочь в выборе фантастики, а жена — бестселлеров.

За пару минут слух о женщине, которая участвует в состязании, обошел весь магазин. Все хотели помочь. Два здоровенных цветных парня (один из них с выбритой буквой «Z» на затылке) поинтересовались, не нужно ли подобрать журнальчики.

— Каждого по экземпляру!

Парни обрадовались, будто выиграли первый приз в лотерею. Подпрыгнув, они вскинули руки в приветствии и побежали к стеллажам.

Мужчина с двумя детьми предложил помощь в выборе игр, женщина — аудиокассет, нервного вида юноша — видеокассет.

Когда истекло 12 минут, Саманта остановилась у кассы. Руки ее с трудом удерживали охапку романов. На столе образовались горы книг, журналов, игр и кассет. Она сама замерла в испуге, но решила играть до конца.

— Это все ваше? — спросил кассир, глаза его просто вылезли из орбит. Когда Саманта, не глядя на Майка, кивнула, кассир сказал, что должен позвать начальника. Майк, пораженный, наблюдал за этим зрелищем.

Когда к кассе подошел хозяин магазина, все, кто участвовал в «покупке» — почти весь магазин, — столпились рядом в полном молчании, ожидая, что будет дальше.

— Надеюсь, у вас есть чем расплачиваться, — строго заметил владелец.

Она кивнула головой, и кассир взял в руки первую книгу. Неожиданно Саманта выкрикнула:

— Стойте! — Окружающие затаили дыхание. Неужели она сдалась?! — Какую я получу скидку за оптовую покупку? — обратилась она к владельцу.

Толпа нью-йоркцев взорвалась одобрительными аплодисментами. Они узнали в Саманте «своего парня». После недолгого спора, в котором участвовали несколько человек, было принято решение установить скидку в двенадцать с половиной процентов.

После того как кассир выдал чек, а Майк оплатил его своей кредитной карточкой, народ повалил помогать — выносить покупки к такси. Им посчастливилось поймать такси, за рулем которого был коренной житель Нью-Йорка. Тот сразу сказал, что столько вещей не повезет. Еще одна страсть нью-йоркцев — спорить и ругаться. Начался базар. Туристы уже фотографировали сцену спора истинных, богобоязненных жителей Нью-Йорка, которая развернулась прямо посередине проезжей части. Они, конечно, слышали, что подобные вещи случаются в этом городе, но слухам не верили.

— Я все же это сделала! — произнесла Саманта, когда они наконец оказались в такси. Сказать, что они «сели», было бы натяжкой. Трудно было так нагрузить даже грузовик. В руках у Саманты было два пакета, четыре — под ногами, два — за спиной. Аудиокассета с блюзами торчала из сумочки — она хотела сама ее послушать, перед тем как передать в приют, — и на каждой кочке впивалась в почки. — Ровно двенадцать минут!

Майк в это время просматривал многометровый чек.

— Двенадцать минут, чтобы перенести к кассе полмагазина... одиннадцать минут на споры из-за скидки — причем с азартом восточных торговцев верблюдами... семнадцать минут на работу трех касс и использование трех рулонов бумаги для чеков... тринадцать минут на загрузку такси вместе с выслушиванием советов от половины Нью-Йорка, как это лучше сделать... Да, Сэм, ты управилась тютелька в тютельку.

Выглядывая из-под двух пакетов, она спросила:

— Ты не одобряешь меня?

— Отчего же, — честно признался Майк, с трудом высвободив руку, чтобы погладить Саманту по щеке. Его покровительственный взгляд вновь сменился на страстный.

Все еще улыбаясь, она откинулась на пакеты. Кажется, Майк не ожидает, что она будет носить ему завтрак в постель.

Машина доставки мебели не удосужилась прибыть вовремя, поэтому Майк и Саманта опоздали всего минут на двадцать. Они обнаружили Макси сидящей в кровати и командующей тремя вспотевшими верзилами, что вносили мебель в комнату. Врач в это время пытался выслушать ее сердце, держа стетоскоп у груди.

— Мамаша, сколько можно повторять, мы только вносим мебель, мы не вешаем картины, — бубнил один из верзил.

— Ну-ну, — входя, бросила Саманта, — кажется, ты контролируешь ситуацию.

Она чмокнула Макси в щеку. Врач собрался уходить. Когда они остались одни, Саманта начала рассказывать, в какое чудо превратил Майк ее квартиру, как Майк купил столько прекрасных книг и журналов, как Майк сделал это, как Майк сделал то...

Сам Майк в это время вышел за врачом.

— Ну, как она?

— Угасает... — сообщил врач, потом улыбнулся. — Но она счастлива. Стоит лишь пожелать, чтобы у всех моих пациентов были такие «феи», как вы... Только поаккуратнее с выпивкой, ладно?

— Сегодня — шоколад.

— Хорошо, — кивнул врач, лицо его стало серьезным. — Я надеюсь, ваша жена подготовлена к смерти Эбби.

— Да, Сэм к этому подготовлена, — произнес Майк. — У нее было много репетиций. Очень много...

Через три часа после посещения Макси в спальне у Саманты зазвонил телефон. Майк наконец сообразил, что это его частная линия, и нажал на аппарате соответствующую кнопку. Они лежали на новой кровати, и Майку пришлось отодвинуть ступню Саманты от своего уха, чтобы поднести к нему трубку.

— Майк, это ты?

— Мам! Как я рад! Слышу тебя очень хорошо...

Саманта стремительно отскочила от него, точно нагая дочка священника, застуканная во время мессы за греховным занятием. Она села, вытянувшись как струнка, придерживая простыню у подбородка.

— О Боже мой, нет! — голос Майка задрожал. Он посмотрел на Саманту: она была белая как полотно, будто ожидала сообщения о смерти близких. Майк прикрыл трубку рукой и прошептал:

— Моя семья прибыла в Нью-Йорк, чтобы с тобой встретиться.

Когда слова Майка наконец дошли до нее, она рухнула на кровать и почти готова была подумать, что лучше бы это было сообщение о чьей-то смерти...

— Сколько вас там? — тем временем спрашивал Майк в трубку. И после паузы: — А... Так много!.. Папа тоже?.. Отлично, будет приятно со всеми повидаться... Уверен, что ребятам тоже понравится здесь.

Лицо его, ранее выражающее испуг, теперь выражало ужас.

— Мам, ведь Фрэнк не приехал, да? Ведь не приехал?! Да нет, конечно, я рад буду его видеть... Нет, мам, мы с Рейни не поцарапали его дорогую машину... Сэм?.. Ах да, она тут рядом...

Саманта с интересом наблюдала, как Майк заливается краской.

— Мама! Как можно!.. Хорошо, хорошо, мы тут же отправляемся, только оде... э... сразу, как сможем. До скорой встречи.

Майк уже клал трубку на аппарат, а Саманта все еще слышала раздающийся оттуда смех.

Они долго лежали, не дотрагиваясь друг до друга, уставившись в потолок. Наконец Саманта смогла выговорить: «За что?!»

Майк повернулся на бок и провел пальцем по ее обнаженному животу:

— Я же тебе говорил, они хотят с тобой познакомиться.

— Зачем они хотят познакомиться? Что ты им сказал о... нас? Ты им не сообщил, что мы... ну...

Майк поморщился.

— Одна из основных причин моего отъезда из Колорадо — это их постоянный надзор. Правда, переезд в Нью-Йорк ничего не изменил. Они по-прежнему знают обо мне все. Но, возвращаясь к твоему вопросу, нет, я ничего им не сообщал о наших взаимоотношениях. Но вот Рейни, Блэр, Джейн и Вики — это уж точно. Стоило покинуть Колорадо! Съезд представителей семей Таггертов и Монтгомери состоится в этот раз в Нью-Йорке.

Саманта прижалась к нему.

— Боже, Майк, я боюсь! Что будет, если я им не понравлюсь?

— Как это? Ведь ты нравишься мне.

— Но ты же хотел меня как женщину.

— И что это должно означать? Что я неразборчивый? Видишь ли, если женщина красивая и сексуальная, если я хочу ее — это вовсе не означает, что она мне нравится!

— Как ты можешь делить женщин на красивых и которых ты хочешь, и женщин, которые тебе нравятся?

Майк пожал плечами; это, по всей вероятности, должно было означать, что он не знает и не намерен в этом разбираться.

Саманта встала с постели.

— Что мне надеть? Розовый костюм от «Шанель»? Красный от «Валентина» или серый от «Диора»?

— Джинсы. Они устраивают пикник в Центральном парке, там их соберется свыше ста человек.

Саманта плюхнулась, полагая, что на стул, но там, куда она хотела сесть, стула не оказалось...

Перегнувшись через край кровати, чтобы посмотреть на сидящую на полу обнаженную Саманту, Майк заулыбался.

Саманта зарычала.

— Ну же, девочка моя! Не так уж это и страшно. Всего-то человек сто рассматривают тебя, задают интимные вопросы. Мама хочет знать, подходящая ли ты пара для ее сына, жены братьев ищут в твоём облике и поведении изъяны, а папа...

И тут он получил подушкой по голове.

Глава 26

Прошло больше часу, прежде чем они добрались до Центрального парка. Для начала Саманта и Майк поссорились — он хотел, чтобы она надела обтягивающие джинсы и майку на голое тело.

Ссора немного затянулась еще и потому, что Саманта предпочитала все, что угодно, появлению в парке под пристальным взглядом многочисленных родственников Майка.

Наконец добрались до места, и Майк указал пальцем:

— Вот они!

Саманте понадобилось какое-то время, чтобы осмыслить, что эта толпа людей, способная населить небольшое европейское государство, и есть его родственники. Их было не сто, их было все четыреста, а может, даже и пятьсот. Не раздумывая, Саманта круто повернулась и заспешила в сторону спасительной Пятой авеню. Майк поймал ее за руку. Всю дорогу от дома до парка он посмеивался над Самантой и явно получал от этой ситуации удовольствие. Но тут он понял, что она не шутит и в самом деле перепугана до смерти.

Взглянув на свою семью, на бесчисленное количество детей, возившихся кругом, вообще на всю эту идиллию, он впервые подумал, что Саманта, возможно, и права; есть причины нервничать.

— Оставайся здесь, а я принесу тебе чего-нибудь расслабиться. — И Майк направился к родственникам.

— Майк! — сквозь зубы процедила Саманта. — Я пить не буду!

Однако он либо не слышал, либо сделал вид, что не слышит. Быстро прошел через кусты, чтобы Саманта постоянно могла его видеть, и подошел к сидящей на стуле под деревом женщине с грудным ребенком на руках. Майк о чем-то несколько минут говорил с ней, потом она кивнула, отняла дитя от груди и передала ему.

Саманте показалось крайне странным и то, что Майк зачем-то взял у кормящей матери ребенка, и то, что никто из окружающих до сих пор не сказал ему ни слова. Ведь это его родные, он не видел их по крайней мере месяца два, более того, они специально приехали сюда из Колорадо и штата Мэн ради того, чтобы встретиться с ним. Так почему же теперь они не обращают на него внимания?

А Майк уже стоял перед Самантой, протягивая ей спящего ребеночка, будто это был роскошный букет цветов. Саманта попятилась.

— Майк, я не знаю, как обращаться с детьми!

— О сексе ты тоже ничего не знала. Но ведь научилась! — улыбнулся Майк. — Возьми его.

Глядя на ребенка, она подумала, что никогда не видела ничего изумительнее, чем это розовое

создание. Подбородочек у него был испачкан молоком, и Саманта осторожно вытерла его краешком пеленки.

— Ему нужно срыгнуть, — сообщил Майк и принялся разворачивать малыша. Она с острым интересом наблюдала, рассматривая пухленькие ручки и ножки, розовое тельце в памперсе и крошечной рубашонке... Неожиданно Майк, набросив пеленку на ее плечо, прижал ребенка к ней.

Сработали инстинкт и желание — Саманта взяла малыша на руки.

— Идеальное сочетание. — Майк наклонился и поцеловал ее в губы. — Теперь надави ему слегка на пузико и погладь по спинке, чтобы он срыгнул.

— Так?

— Отлично!

Когда младенец срыгнул, Саманта с такой гордостью посмотрела на Майка, — она свершила чудо! — что тот рассмеялся. Но она чувствовала, что он тоже ею гордится.

— А вот и дядя Майк, — раздался голос неподалеку. Саманта и Майк взглянули в ту сторону. На них смотрела красивая девочка лет восьми. Ее золотистые кудрявые волосы были уложены в безупречную прическу, на ней было прелестное белоснежное платье с вышитыми бутонами роз, белые чулки и туфельки.

— Ну, мисс Лиза, — обратился к ней Майк, — не ты ли королева бала? Откуда ты взяла такое красивое платье?

— От «Бергдоф», естественно, — самодовольно ответила девочка, — это единственный приличный магазин в Нью-Йорке.

— Не кажется ли тебе, что ты немного сноб?

Девочку это ничуть не смутило, она взглянула на своего дядю игривыми глазами и приподняла ножку.

— Зато туфли куплены в «Ламстоне», — заявила она, имея в виду известный магазин для людей среднего достатка.

Рассмеявшись, Майк схватил девочку и подбросил вверх, а затем ткнулся губами в ее шею, произведя громкий непристойный звук. Он стал сигналом «свистать всех наверх!». Детишки начали сбегаться со всех уголков парка. Они бежали по полянкам и горкам, выскакивали из-за каждого дерева и валуна — и все набросились на Майка. Один парнишка повис у него на ноге, сев на ботинок, девочки-близнецы оккупировали его вторую ногу. Лиза изо всех сил отбрыкивалась от других детей, пытающихся вскарабкаться на него.

— Я первая его нашла! — кричала она.

Скоро Майк стал похож на восточного божка, усыпанного детьми. Они висели у него на шее, их ноги обхватили его за талию и грудь; двое парнишек пытались раскачиваться на его левой руке, а на правой сидела Лиза.

Саманта весело смеялась, глядя, как Майк еле передвигает ноги, окруженный толпой

кричащих, вопящих, смеющихся детей.

Когда подросли еще четверо и обнаружили, что все «места» на Майке забиты, он скомандовал им:

— Приведите Сэм!

Саманту объял ужас при виде надвигающейся неистово вопящей лавины детей. Она попятилась — их суммарный вес явно превосходил ее собственный. Крепко прижимая к себе дитя, она выглядела, как мать, окруженная стаей волков.

Ее уже сбили с ног, но вдруг она почувствовала, как сильные руки подхватили ее и малыша. Придя в себя от шока, Саманта взглянула в глаза спасителя — это были глаза Майка, только старше.

— Иэн Таггерт, — представился спаситель. Он произнес это так, будто стоял перед нею в бальном зале, а не держал ее на руках посреди Центрального парка. — Отец Майка... А кто это у тебя здесь?!

— Я не знаю, — глядя на ребеночка, ответила Саманта.

— Ты собираешься его отдавать?

Она покраснела, сообразив, что до сих пор прижимает к себе младенца, словно кто-то хочет причинить ему вред, а она намерена стоять за него насмерть. Она не догадывалась, что именно этим навеки покорила сердце Таггерта-старшего. Иэну никогда особо не нравились девушки Майка, они вечно беспокоились, как бы не запачкать свою одежду. А вот Саманта — другое дело.

Тут подросел Майк. Он передал матери ее младенца и подхватил на руки Саманту.

— Майкл Таггерт! Поставь меня! — возмущенно повторяла она, пока Майк нес ее к столику под взглядами всех собравшихся.

Началось знакомство. После первых двух десятков представленных ей людей Саманта уже даже не пыталась запомнить имена. Она была счастлива, когда попадались знакомые лица — Рейни, Блэр, Вики (которая умудрялась выглядеть элегантно даже в джинсах). Увидела наконец маму Майка — очень красивую женщину, и его сестру Джейн, которая декорировала ее квартиру. И еще обратила внимание на старшего брата — Фрэнка. Внешне он походил на всех остальных членов семьи, но выражение лица отличало его. Честные, открытые глаза Таггертов у Фрэнка были презрительно сощурены, изучая всех и вся, а нежные губы сжаты в узкую линию.

Когда Фрэнк, знакомясь, пожимал Саманте руку, он не заигрывал с ней, как другие братья, а оценивающе разглядывал и наконец заявил:

— Вы, конечно же, подпишете предварительный брачный контракт?

Майк, обняв Саманту за плечи, демонстративно отвел ее подальше от брата.

— В семье не без уroda, а теперь перейдем к «сливкам» нашей семьи.

Пока они шли, Саманта успела задать несколько вопросов и узнала, что Фрэнк поставил себе

целью стать миллиардером к сорока годам и, кажется, он ее достигнет. Саманте было смешно — Майк говорил о миллиардах и миллионах долларов, как другие говорят о десятках и сотнях.

Немного в стороне от шумной толпы под деревом сидела красивая молодая женщина лет двадцати. Казалось, она сошла с картинки из детской книги сказок — та самая принцесса, за которую готовы умереть храбрые рыцари, та, что почувствует горошину под десятком перин... На ней была длинная юбка в складку, газовая кофточка и шляпа с широкими полями, точно такая же, какую носила Скарлетт из «Унесенных ветром» на пикнике. На коленях она держала нарядно одетого, необычайно красивого ребеночка, как потом оказалось, сынишку одного из кузенов Майка. Рядом стояла изящная корзинка с томиком романтических новелл.

— Привет, Джилли, дорогая, — мягко поздоровался Майк. — Познакомьтесь, Саманта.

Женщины переглянулись, Майк извинился и, улыбаясь, ушел; он знал, что теперь Сэм приобрела в его многочисленной семье друга. А Саманта присела под деревом, и у них с Джилли начался разговор о прочитанных книгах. Вскоре к ним присоединились четверо детей; они не кричали, не визжали, никуда не лезли — просто сидели и слушали.

Потом одна за другой стали подходить женщины, они присаживались поболтать, и Саманта смогла перекинуться с каждой из них парой слов. Она с большим удовольствием поблагодарила Джейн за прекрасно отделанную квартиру, за великолепную мебель, за то, с каким вкусом подобраны цвета — вообще за то, как там все замечательно. Потом еще раз поблагодарила Вики за день, проведенный с нею в «Саксе», извинившись попутно за свою наивность.

Она чувствовала себя не в своей тарелке, разговаривая с миссис Таггерт, и когда та поинтересовалась, что Саманта думает о «ее» Майке, неожиданно для самой себя выпалила:

— У Майка нет недостатков, кроме того, что он постоянно врет, никогда не убирает за собой одежду, притворяется дурачком, когда чего-то не хочет делать, и абсолютно не замечает, что вся работа в его доме лежит на мне...

Пэт рассмеялась, с большим чувством сжала ладошку Саманты, сказав: «Добро пожаловать в нашу семью», и ушла играть со своими внуками.

Между знакомствами Саманта болтала с Джилли, точнее — рассказывала ей о Майке и Макси и обо всем, что произошло с ней самой с момента, как она попала в Нью-Йорк.

Через некоторое время, почувствовав себя увереннее, она покинула райский уголок Джилли и направилась к столикам. И тут, когда она разговаривала с молодой женщиной из семьи Монтгомери по имени Дуглас, у которой был очень приятный муж Риид и которая была уже на последних месяцах беременности, тут с Самантой произошло нечто такое, что она никогда в жизни не согласилась бы испытать еще раз.

Она только что взяла со стола оливку, и в это время откуда-то возникший Майк положил ей на плечо руку и поцеловал в щеку.

— Большое спасибо, что пришла сегодня, Сэм, родная...

Все было абсолютно пристойно и допустимо в такой обстановке, кроме одного: это был не Майк! Да, он был на него похож, на нем была одежда Майка, он был того же роста, но он был каким-то другим, у него был другой запах, он не так целовал...

— Отпусти меня! — сказала она, напрягшись в его объятиях.

— Кажется, никто не возражает, — хохотнул он, продолжая целовать ее шею.

Саманта очень старалась быть вежливой, но она не хотела, чтобы до нее дотрагивался чужой. Открыв рот, чтобы строго заявить это, она почувствовала, как рука этого человека сползает по ее спине все ниже и ниже. Ее охватила паника.

— Прекрати! — закричала она, вырываясь. — Немедленно прекрати... Пусти!

Ей уже было плевать, что вся семья Майка поразевала рты, глядя на эту сцену. Пускай думают, что хотят, мелькнуло у нее в голове.

— Уйди от меня... не прикасайся!

Выпустив Саманту, мужчина отошел, удивленно глядя на нее. И не только он. Все на нее смотрели, как на умалишенную.

И когда Саманта уже стала молиться, чтобы земля расступилась и поглотила ее, появился Майк, в большой компании родственников, с мячом в руке Саманта бросилась к нему.

Он крепко прижал ее к себе, но при этом так хохотал, что ей сразу стало ясно: он с самого начала знал об этом идиотском розыгрыше.

— Сэм, милая, знакомься — Кейн, мой брат-близнец.

Братья расплылись в улыбке, ожидая, что она тоже обрадуется и простит им их шуточку. Саманта не сомневалась, что они постоянно разыгрывали подобным образом своих девушек.

Но у Саманты не было настроения прощать. Она обернулась к Майку, ее глаза сверкали от гнева.

— Сделай одолжение, утопись в ближайшей луже! — резко бросила она, повернулась и пошла прочь.

Вся семья разразилась смехом.

Саманта уже почти скрылась из виду, когда Майк догнал ее.

— Сэм, сладкая моя... — начал он.

— Не смей со мной разговаривать, — отрезала она, а когда он протянул к ней руку, добавила: — И даже не думай дотронуться до меня.

И зашагала дальше; он — рядом.

— Почему ты так рассердилась?

— Я вылезая из кожи, чтобы произвести на твоих родственников приятное впечатление, а ты... ты подсовываешь своего брата, который начинает грязно приставать, чтобы я выглядела идиоткой перед всеми. Это было унижительно! Ты не подумал, какие чувства я буду испытывать?

— Да брось ты, — улыбнулся Майк. — Никто нас не может различить. Я был уверен, что ты

примешь Кейна за меня...

Саманта его долго и пристально разглядывала. Этой ночью Майк, видимо, растерял свои мозги.

— Сэм, Кейн и я — близнецы. У нас даже родинки и родимые пятна одинаковые.

Взгляд Саманты говорил: «Ну-ну. Что еще ты мне расскажешь?»

— Послушай, Майк, — подчеркнуто спокойно начала она. — Не говори ерунды. Твой брат совершенно нетакой, как ты. Если вы и близнецы, то не однойцевые; возможно, даже одному из вас было девять месяцев при родах, а другому восемь.

Майк возмутился.

— Сэм, Кейн и я даже побеждали на конкурсах как самые похожие близнецы!

— Тогда те, кто занял второе место, наверное, имели разный цвет кожи. А теперь, если ты не против...

Больше она ничего не успела сказать — Майк схватил ее и начал целовать. И не отпускал, несмотря на все ее старания вырваться.

— Сэм, хорошая моя, я, честно, не хотел тебя поставить в неловкое положение, правда. Просто мы с Кейном с детства любили разыгрывать людей. Это стало своего рода посвящением в семью.

— И я его не прошла... — печально произнесла Саманта.

Майк рассмеялся.

— Ошибаешься! Ты прошла посвящение с блеском. Пошли же, вернемся к семье. Увидишь, какие у тебя отличные результаты.

Она позволила ему обнять себя за плечи и привести обратно, но, как только они подошли к столикам, сразу увидела Кейна, который разговаривал с матерью...

— Если этот твой брат еще раз дотронется до меня... предупреждаю, он будет жалеть об этом всю жизнь. — Майк поцеловал ее в щеку.

— Не беспокойся, я ему не позволю до тебя дотронуться!

В его голосе звучала гордость, и Саманта решила воздержаться от вопроса, который вертелся у нее на языке: почему он до сих пор не удосужился рассказать ей, что у него есть брат-близнец.

На сей раз Майк не наврал: семья в самом деле была довольна тем, как Саманта распознала Кейна. Кстати, она поняла, почему никто не обратил внимания на Майка, когда он появился, — они просто думали, что это Кейн. Ей очень хотелось сказать всем окружающим, что, если они не видят разницы между братьями, им следует обратиться к глазнику. Кейн вовсе даже и не был похож на Майка. Уж если на то пошло, он совсем обычный, непримечательный...

Достаточно красив, это правда, но рот у него был вовсе не такой потрясающий, у него как-то не так завивались волосы, он совсем по-другому двигался, был чуть-чуть толстоват и не такой мускулистый, как Майк.

Весь остаток дня, до самого захода солнца, стал для Саманты сплошным испытанием. Все родственники, кроме родителей и Джилли, обращались к Майку, как к Кейну, и наоборот. Дважды Кейн пытался положить Саманте руку на плечо, причем один раз — когда стоял сзади... Черт возьми! Даже прикосновение было чужим.

Вечером, когда дети были уже сонными, а мужчины собрались в сторонке от женщин, чтобы поболтать, Саманте удалось наконец присесть и понаблюдать все это скопище людей со стороны. Носящих фамилию Таггерт здесь было несколько больше, чем Монтгомери, и за сегодняшний день она уже научилась их различать.

Мужчины Монтгомери весьма отличались от Таггертов как внешне, так и по складу характера. Все Таггерты были не меньше шести футов ростом, очень здоровые, крепкие и мускулистые. Когда мужчины собирались вместе, казалось, что проходит съезд тяжелоатлетов или многоборцев. От других мужчин они отличались тем, что все как один были замечательно красивы — большие глаза, пухлые губы, удивительно милые улыбки... Несмотря на их внушительный вид и обилие мышц, сразу можно было понять, что никто из них не способен обидеть даже муху.

Таггерты были те самые мужчины, кому женщина может без страха доверить свою судьбу; к кому всегда можно обратиться за помощью; кто, не задумываясь, бросится в горящий дом, ради спасения других рискуя собственной жизнью... Саманта прекрасно понимала, почему женщины, вышедшие замуж за мужчин из этой семьи, имеют так много детей. Она не сомневалась, что дело здесь не только в потрясающей сексуальной притягательности их мужей. Просто Таггерты очень любили своих детей и сохраняли трогательную близость к ним с самого рождения и вплоть до появления внуков. Они были не из тех мужчин, кто уходит по воскресеньям «пообщаться с друзьями». Глядя на них, Саманта думала: интересно, а ходят они вообще куда-нибудь без своих детей? Таггерты умели дарить любовь и ценили, когда любовь дарили им. Они не просто умели говорить о любви, а по-настоящему, истинно любили женщину — как в радости и веселье, так и в болезни, печали и скорби. Таггерты были из тех, на кого можно положиться. Такой мужчина всегда будет рядом в нужный момент.

Мужчины из семьи Монтгомери очень отличались от своих родственников. Они были более утонченные, тогда как Таггерты — более земные. Можно было не сомневаться, что Монтгомери сразу заметят, если кто-то перепутает Пуччини с Верди или намажет масло на хлеб рыбным ножом. Они всегда отличат запах поддельной «Шанели» от настоящей. Все Монтгомери без исключения были немногословны, замкнуты. Внешность у них была своеобразная: высокие (ростом они превосходили Таггертов), с красивыми, но резковатыми чертами лица, с ничего не выражающими глазами, рублеными скулами и подбородками, воинственно выпяченными вперед. И при этом неожиданно нежный рисунок рта. Саманте очень хотелось бы знать, смягчаются ли их лица, когда они влюбляются. А вообще, при всем том Монтгомери было очень легко представить поднимающими солдат в атаку или погибающими геройской смертью, обороняя своих людей или своих жен и детей, — смотря по обстоятельствам.

Саманта немного поразмышляла над тем, какую личную жизнь ведут Монтгомери. Интересно, они столь же воинственны в любви, сколь отважны на поле брани? И уж несомненно, они очень тщательно выбирают предмет своей любви. Смеются ли они когда-нибудь? Умеют ли плакать? Играют ли Монтгомери в мяч со своими сыновьями, разговаривают ли с дочерьми об их куклах Барби? Узнает ли она когда-нибудь ответы на эти вопросы? Она была уверена: Монтгомери позволяют знать о себе лишь то, что пожелают.

— Ну и к какому же выводу ты пришла? — спросила Пэт Таггерт, присаживаясь рядом. Этим

она дала понять, что наблюдает за Самантой и знает, о чем она размышляет. Может, в свое время, когда Пэт раздумывала над тем, выходить ли ей замуж за отца Майка, она вот так же сравнивала эти две родственные ветви...

— Я бы не возражала иметь роман с одним из Монтгомери, но замуж хотела бы выйти за одного из Таггертов, — сказала Саманта, но тут же пожалела, что произнесла это вслух.

Однако Пэт улыбнулась. Кажется, ей понравилась прямота ответа.

— Точно к такому же выводу пришла и я, правда, это было уже давным-давно.

Саманта, потупив взгляд, поглядела на свои руки.

— У вас не было... э...

— Нет. Однако я достаточно часто привожу старшего брата Рейни в пример Иэну.

Обе рассмеялись.

Уже начало темнеть, и все собрались уходить. Теперь Саманта осознала, что чувствует себя с этими людьми по-домашнему уютно. Она по-свойски болтала с женщинами, пока они все вместе убирали со столов — остатки предназначались для бездомных.

Майк подошел сзади и обнял Саманту за талию.

— Ну вот что, дамы... Сэм говорит, что в жизни не меняла ребенку памперс; так кто нам одолжит малыша на ночь?

— Я, — сразу откликнулась кузина из семьи Монтгомери.

— Я могу, — тут же прозвучал еще один голос.

— Майк, ты можешь взять моих двух мальчишек на любое время.

— Как насчет моих двойняшек? Уж лучше учиться на близнецах.

— Я использую только старомодные пеленки и английские булавки. Мне кажется, Майк, что Сэм следует потренироваться именно на пеленках.

Саманта стояла и растерянно моргала, удивляясь обилию предложений.

— Тебе решать, — обратился к ней Майк.

— Сколько можно взять детей? — спросила Саманта.

Такая ее реакция ввела семью Таггертов в замешательство. В отличие от многого другого к детям они относились очень серьезно. В семье Таггертов не было бездетных жен. Существовала даже своеобразная семейная шутка, которая всегда произносилась с гордостью, что от Таггерта забеременеет любая женщина, даже если врачи утверждают, что это невозможно. От них ухитрялись забеременеть даже те, что использовали гормональные противозачаточные средства и спирали. Один Таггерт сделал операцию, чтобы стать бесплодным, после того как его жена родила шестерых детей. Два года спустя его жена вновь оказалась беременной, и у него возникли сомнения по поводу ее верности. Оскорбленная супруга после рождения ребенка настояла на том, чтобы сделать анализ ДНК для выяснения

отцовства. Результатом анализа явились мольбы супруга о прощении, а также нечто более материальное — новый дом и трехнедельная поездка в Париж, где жена целиком обновила свой гардероб. На вопрос Саманты ответил Майк:

— Ты можешь взять одного или двух... или всех...

Она внимательно посмотрела на это множество детей — от крошечных существ, которым на вид было не больше суток от роду, до подростков, которые, похоже, только и мечтали избавиться на время от своих родителей. Саманте очень хотелось остановить свой выбор на толстом, улыбчивом малыше, которому было где-то месяцев восемь, но она указала на других...

— Вот эти двое...

Ее выбор пал на двух маленьких мальчиков лет примерно четырех. Они отличались тем, что были самыми грязными из всех детей. Замурзанные рожицы, одежда заляпана грязью, а руки!.. Но несмотря на это, мальчишки были ужасно симпатичные, с темными кудрявыми волосами, большими невинными глазами и нежными ротиками.

Услышав, что Саманта остановиласьистой парочке, Майк застонал под дружный хохот остальных. Она вопросительно поглядела на него.

— Сэм, это твой окончательный выбор?

— Майк!..

— Эти бандиты — мальчишки Кейна. Они ужасны — даже по понятиям Таггертов! Как насчет маленькой девочки Джейн? Смотри, какая она прелесть!

Саманта взглянула на девчущку в красивом чистеньком платьице, на ее ангельскую улыбку, затем перевела взгляд на этих близнецов, которые в данную секунду были заняты тем, что уничтожали друг друга.

— Я хочу мальчиков...

Майк состроил гримасу. Кейн со злорадной улыбкой похлопал брата по плечу.

— Сон, чудесный сон, мой дорогой. Как сладко, в отличие от тебя, я сегодня буду спать.

Майк с надеждой посмотрел на Саманту.

— Нет, Сэм... — начал было он, но она перебила его:

— Они мне напоминают тебя; и вообще мне кажется, что если их вымыть, они будут точь-в-точь как ты.

Это вызвало еще больше смеха у окружающих. Пэт горделиво улыбалась, глядя на своих двух сыновей.

— Есть все-таки справедливость на свете, если Бог дает вам таких же проказников-детей, как в свое время были вы сами. Саманта, ты права, дорогая. Ребята Кейна как две капли воды похожи на него и Майка в детстве, и Бог тебе в помощь, если ты решила познать, что такое дети, именно на этой парочке.

После бурного расставания с многочисленными прощальными поцелуями, объятиями и

сотнями приглашений посетить Колорадо и Мэн Саманта с Майком направились домой, ведя за руки близнецов.

Дома Саманта отправила мальчиков играть в саду, пока она стряпала ужин. Тогда-то ей и пришлось впервые столкнуться с неприятностями, предвидя которые Майк застонал еще в парке.

Нельзя сказать, что это были противные дети. Они не изводили взрослых, не делали им пакостей. По правде говоря, они были счастливы заняться собой и совершенно не обращали внимания на присутствие Майка и Саманты. Проблема заключалась в их непоседливости. Казалось, их целая толпа и они везде.

Саманта выглянула в сад и не поверила, своим глазам: ей показалось, что один ребенок лез на забор и вот-вот сорвется и расшибется насмерть, другой с невероятной скоростью карабкается на пожарную лестницу, третий взбирается по стене дома, причем находится уже почти на уровне второго этажа и тоже может в любой момент свалиться... четвертый пожирает розы вместе с колючками... пятый взгромоздился на спинку кресла и заставляет его балансировать на одной ножке...

— Майк! — в отчаянии закричала Саманта, глядя в сад через стеклянную дверь, вид у нее был совершенно беспомощный. — Сейчас они у нас погибнут... все восемь... нет, двенадцать!

Майкл даже не потрудился оторваться от своей газеты.

— Эта парочка умеет сама себя занять.

— Мне кажется, тебе бы следовало... — начала она полным ужаса голосом и замерла — один близнец уже долез по стене до второго этажа.

— Что хотела, то и получила.

Не веря своим ушам, Саманта посмотрела на Майка, скрывшегося за газетой. Очевидно, он не собирался ей помогать. Тогда она бросилась в сад, спеша сделать все, что в ее силах, чтобы уберечь детей от беды, а вернее, хотя бы удержать малышей от смертельно опасных трюков.

На самом деле Майк внимательно следил за происходящим, и ему было страшно интересно, что намерена предпринять Саманта. Прячась за стеклянной дверью, он беспардонно шпионил за ней, наблюдая, как она поначалу пыталась уговорить ребят, разговаривая с ними, как со взрослыми, урезонивая их, объясняя, что они находятся на волосок от смерти и что им необходимо сдерживать свои низменные инстинкты. Взамен она предложила бумагу, цветные карандаши и лимонад. Когда же все это не возымело ровным счетом никакого действия, она осторожно попыталась снять ребенка со стены. Но ничего не получилось — до него было невозможно дотянуться.

Майк увидел, что Саманта растерялась, не зная, что предпринять дальше, а его племянничек от удовольствия рассмеялся: он явно очень хорошо понимал, что перед ней стоит неразрешимая задача и что причина всему — он.

— Ах ты, маленький несносный проказник! — пробормотала она, нахмурившись. Мальчишка между тем продолжал карабкаться по стене, цепляясь за решетку для вьющихся роз, и весело хохотал, чувствуя поддержку брата, который вдохновлял его криками снизу. Через мгновение Саманта уже лезла за ним: они карабкались по стене, будто два краба.

Майк вышел в сад, готовый в любой момент поймать их, если они сорвутся, но тут Саманте удалось ухватить маленького негодника за штаны. Тот обернулся и посмотрел на нее. В его взгляде ясно читалось: ну а теперь что ты будешь делать? Она и в самом деле не представляла, как станет опускать своего пленника — довольно-таки тяжелого — на землю, но делала все, чтобы он не заметил ее замешательства. Однако хитрец, конечно же, сразу все заметил и был очень доволен собой.

— Ты что, позволишь, чтобы над тобой взял верх четырехлетний ребенок? — крикнул снизу Майк.

Не глядя на него, Саманта состроила мальчишке смешную гримасу и секунду спустя она уже схватила его (ей показалось, что он весит килограммов сто!). Только она собиралась спуститься на землю, когда решетка под ними обломилась и они полетели вниз. К счастью, сильные руки Майка успели подхватить их вовремя, и все трое плюхнулись на газон.

Как только ноги близнеца коснулись земли, он уже сцепился с братцем, а Саманта в это время, морщась, растирала свои руки. Они зудели, исцарапанные розами, и болели от напряжения.

— Теперь я знаю, зачем ты накачиваешь мышцы: чтобы подготовиться к воспитанию детей. Как ты считаешь, не пора ли ребятам отправиться в ванну?

Майк улыбнулся и нежно поцеловал ее. Она в недоумении огляделась.

— Майк, куда подевались мальчики?

— О-о-х! — тяжело вздохнул он. — Ты произнесла пло-хо-е слово.

— Что плохого в слове «мальчики»?

— Нет. Ты произнесла слово «ванна». После этого они улетучились. Если ты намереваешься их вымыть, тебе придется их сначала найти и отловить. Кейн, например, в подобной ситуации терпит поражение каждый второй раз. Он даже выработал теорию, исходя из которой, мальчики сами начнут мыться, когда станут ухаживать за девочками, а до тех пор — это ненужные хлопоты!

Саманта решительно сжала губы.

— Моя бабушка расправлялась с гангстерами, так что я как-нибудь справлюсь с двумя маленькими мальчишками. Все, что для этого нужно, — это хитрость и сила Геракла. Ну-ка, встань там! — приказала она и, когда Майк встал в противоположном углу сада, она громко воскликнула:

— Боже ты мой! Только посмотрите, кто пришел к нам в сад! Это же наши черепашки-ниндзя — сам Донателло с Микеланджело и Рафаэль с Леонардо!

И тотчас откуда ни возьмись появились два чумазых существа, которые немедленно были схвачены Самантой. Прогибаясь под их тяжестью, как штанга под грузом «блинов», она еще должна была выдерживать и невероятные вопли и визг сорванцов.

— Ты наврала! — кричал один из них, приятно поразив Саманту тем, что умеет говорить, а не только визжать и верещать во всю силу легких.

— Да, — спокойно подтвердила Саманта. — Учусь у вашего дяди Майка.

На какое-то мгновение ребята даже перестали сопротивляться, с уважением разглядывая своего дядю, но он выглядел совсем обыкновенно, так же, как и их отец, так что интерес к нему тут же пропал. Они возобновили свои попытки дать деру от Саманты. Но она, с виду такая маленькая, оказалась чрезвычайно сильной.

— Ну, вы оба! Сначала в ванну, потом я прочту вам сказку, затем спать! — И так как мальчишки продолжали брыкаться вырываться, она добавила: — Это самая страшная сказка, которую вы когда-либо слышали. Ужасные разбойники, страшные чудовища, добрые и злые волшебники...

Близнецы моментально притихли, слушая, о чем собирается им рассказать тетя Сэм.

Майк стоял в дверном проеме, наблюдая, как Саманта пытается оттереть с близнецов грязь, которой, казалось, они заросли с рождения. Ребята тем временем швыряли друг в друга мылом и губкой, время от времени окатывая водой Саманту. Как и Майк с Кейном, они были полными копиями, вплоть до родинок и родимых пятен.

— Так в чем разница между мной и Кейном?

— Видишь ли, Майкл Таггерт, если ты напрашиваешься на комплименты... — Она оборвала фразу, так как вынуждена была поймать брошенное мыло.

— Может, и напрашиваюсь, но разве ты на моем месте не заинтересовалась бы, когда всю жизнь все называют нас с братом полными копиями, а потом вдруг говорят, что мы даже и не похожи? И чем же мы отличаемся?

— Начать с того, что он меньше ростом. У него другое выражение глаз. Ты... лучше, чем он. Мягче.

— Может, когда я гляжу на тебя, мои глаза изменяются?

— Может. — Она повернулась к нему. — Но твои ресницы длиннее, уж это точно... и пушистее...

Майк засмеялся.

— Пушистее?

Застеснявшись, Саманта отвернулась.

— Я так и думала, что мне не следует распространяться на эту тему. Ты не такой, как твой брат. Совершенно не такой.

Кажется, Майк был вполне удовлетворен таким объяснением и вышел из ванной комнаты, напоминая место «национального бедствия».

После того как наконец-то дети были вымыты и уложены, Саманта и Майк добрались до постели. Саманта очень устала, и ей казалось, что ее энергия на этот день иссякла. Но стоило ей выйти из ванной в белой ночной рубашке и встретиться глазами с Майком, как через секунду они сжимали друг друга в объятиях, что-то лихорадочно шепча, срывая одежду, целуя и лаская...

Час спустя они тихо лежали рядом — ее голова на его плече, его руки обнимали ее тело.

— Мне это так непривычно, — говорила Саманта, — не то чтобы у меня это в первый раз. Конечно, у меня было... что-то в этом роде, — она засмеялась. — Но, Майк, если сравнивать, что такое заниматься любовью с тобой или с моим бывшим мужем, на ум приходит выражение Марка Твена: сравнить молнию и светлячка. Я не думала раньше, что можно получать такое удовольствие от секса, что он может быть таким... всепоглощающим...

Майк ничего не ответил.

Саманта медленно водила пальцами по волоскам на его груди.

— Ты, наверное, тысячи раз делал это... у тебя были тысячи разных женщин. Поэтому для тебя это... ничего особенного.

— Сэм, когда мне было лет четырнадцать, отец провел со мной первую из многочисленных бесед о том, как следует предохраняться во время секса. Он рассказывал о венерических заболеваниях и о нежелательных беременностях. С тех самых пор я всегда пользовался презервативами — всегда тоненькая пленка отделяла меня от женщины. Я предохранялся, даже когда она говорила, что в этом нет нужды, что она пьет гормональные таблетки, или еще что-нибудь в этом роде. Я всегда предпочитал предохраняться, чем потом жалеть о случившемся. Так было до вчерашнего вечера. Можно даже сказать, что я был в какой-то степени девственником.

— И так лучше? — нерешительно спросила Саманта. — Я имею в виду, без этой штуки?

— Несравненно. Намного, намного, намного... Никогда еще не испытывал ничего подобного. Даже не думал, что секс может быть таким.

Взяв его руку, она разглядывала ее, сравнивала со своей, перебирала его пальцы.

— Ну а теперь-то, как мне кажется, когда у тебя будет что-то с другими женщинами, ты уже не станешь предохраняться... Ты всегда станешь желать полной близости...

— Это точно...

Пальцы Саманты непроизвольно вцепились в его руку.

— Однако, Сэм, — тихо проговорил Майк, — когда-то наступает время кобелю остановиться.

Саманта не решилась поинтересоваться, что он имеет в виду, но эта фраза заставила ее сердце биться чаще. Неожиданно она повернулась к нему:

— Майк!.. Но ведь так... я могу забеременеть.

— Да ну!? — произнес он, не скрывая иронии и улыбаясь, но потом, слегка сжав ее пальцы, мягко спросил: — А ты была бы против?

Она пропустила его вторую реплику мимо ушей.

— Мне кажется, что это исключительно безответственно с твоей стороны. Тебе бы следовало что-то предпринять!

— Мне? А может, тебе?

— Я бы предприняла, если бы ты тогда — в первый раз, когда у нас все это произошло, — дал

мне хоть секунду на размышление! И кроме того, я тогда немного выпила и не могла как следует обо всем подумать...

— Знаешь, как звучит сексуальный зов южной красотки? «О-ох! Я та-ка-ая пьяная!» — ухмыльнулся Майк.

— Я тебе еще отомщу за это! — закричала Саманта, набросившись на него и пытаясь его щекотать; он увертывался, летели подушки, ночная рубашка Саманты путалась в ногах...

Внезапно оба замерли. Два чистеньких мальчика стояли у кровати и внимательно наблюдали за взрослыми. Глаза у них были печальные, и было ясно без слов, что им грустно и одиноко вдаль от дома и от отца и очень нужно, чтобы кто-нибудь приласкал их и утешил. Ни секунды не размышляя, Саманта и Майк одновременно подхватили ребят и втащили на кровать. Близнецы прижались друг к другу, свернулись в клубочек между взрослыми и тотчас заснули.

Саманте пришло в голову, что для Майка, наверное, нет ничего необычного в том, чтобы спать в обнимку с детьми на одной кровати. А для нее это было новое сильное ощущение.

— Майк, — прошептала она, — а ты можешь сделать двойняшек?

Она старалась, чтобы ее вопрос прозвучал легкомысленно, но вышло серьезно. Она желала Майка и желала от него детей.

Майк понял, что она имеет в виду: она хотела знать, могут ли они иметь своих детей, и его положительный ответ свяжет его на всю жизнь. Однако он уже связал себя с той самой первой ночи, проведенной вместе с Самантой, когда совершенно осознанно не стал предохраняться.

— Может быть, — наконец ответил он. — Хочешь близнецов?

— Да, я бы, пожалуй, предпочла близнецов, — ответила она так, что у Майка не осталось сомнений в истинности ее желаний.

Их пальцы крепко сплелись над головами спящих мальчишек.

Глава 27

Проснулся Майк от тихого скрежета ключа в замке входной двери. После покушения на жизнь Саманты он вообще разучился крепко спать — постоянно, даже во сне, был начеку и прислушивался к малейшему шороху. Но сейчас он понял, что это, должно быть, его брат Кейн. Несмотря на всю внешнюю браваду, он наверняка переживал по поводу «захвата» своих мальчиков и с трудом переносил их отсутствие.

Майк тихонько выбрался из кровати и на цыпочках вышел из спальни, одеваясь на ходу. Он все еще напяливал на себя штаны, когда в дверях показался Кейн.

— Кажется, дом еще стоит на месте, — проговорил он. — Ну как, мои чертенята устроили твоей даме веселенькую ночку или она была достаточно мудра, чтобы сбежать отсюда?

Не говоря ни слова, Майк поднес палец к губам и жестом велел брату следовать за ним. Осторожно приоткрыв дверь спальни, дал ему заглянуть внутрь. Саманта лежала на спине, обняв каждой рукой по близнецу. Один, уткнувшись головой в ее плечо, спал на животе, другой повернулся на бочок и крепко прижался к ней.

— Я их так давно не видел чистыми, что, наверное, не узнал бы, — тихо засмеялся Кейн. Майк прикрыл дверь. Брат растроганно взглянул на него. — Боже, как я тебе завидую!

Майк улыбнулся, но улыбка получилась немного грустная — он вспомнил покойную жену своего брата. Однако его печальные мысли были прерваны ликующим воплем «Папа!», и два человечка один за другим выбежали из спальни. Кейн поймал их теплые со сна тельца в свои объятия и направился в гостиную.

— Сэмми! — закричал один из близнецов, протянув призывно руку в сторону Саманты, но Майк загородил спиной дверь в спальню.

— Нет уж, маленький монстр! Вы ее достаточно долго истязали. Теперь она моя! — С этими словами он вошел в спальню, запер ее на ключ и, повернувшись к Саманте, которая только начала пробуждаться ото сна, сделал вид, что закручивает себе ус:

— Ну, моя красавица...

— Майк! — Саманта села в постели. — Нельзя... Я имею в виду, там же люди...

— Обычное дело у нас в семье, — хохотнул он, запрыгивая в постель и хватая ее за талию.

— Майк, правда! Нельзя... твой брат...

— Он отлично осведомлен насчет капусты, в которой находят детей. — Говоря это, он сражался с ней, стараясь снять ночную рубашку. Но вообще-то «сражался» — слишком сильно сказано. Саманта лишь продемонстрировала сопротивление. Не могла же она в самом деле допустить, что выиграет это сражение.

Когда Саманта, наконец, выбралась из спальни, то обнаружила, что Кейн расположился на кухне, по уши зарывшись в газету «Уоллстрит джорнал», а близнецы сидят тут же на полу и завтракают.

— Что это они едят? — спросила она, хотя отлично все видела; ей хотелось услышать признание от Кейна. У Саманты явно сложилось неприязненное отношение к этому человеку.

Даже не удосужившись поднять взгляд от газеты, Кейн спокойно, как будто так и надо, ответил:

— Печенье... «колу»...

Не задавая больше никаких вопросов, Саманта решительно собрала с полу бумажные салфетки с рассыпанными на них печеньями и банки с «колой».

Удивленный, Кейн выглянул из-за газеты. То, что она делала, не было для него неожиданностью. Он привык, что каждая женщина из его семьи пыталась заставить близнецов нормально питаться, но... безрезультатно. Его удивило другое: Саманта отобрала у детей еду, а они даже не делали попыток заорать в знак протеста.

Кейн с интересом наблюдал, как Саманта положила на стулья у стола подушки, — но его дети не едят за столом! — затем, чтобы не испачкать подушки, обернула их полотенцами и усадила мальчишек за стол.

Теперь Кейн даже не пытался делать вид, что читает газету. Перед ним открылась невиданная

картина: его разбойники-сыновья тихо сидели, пока Саманта варила им яйца, делала тосты и наливала молоко. Кейн был просто поражен. Насколько он знал, за последнее время эта парочка ничего, кроме ножек кузнечиков, шипов от роз и сахара, в пищу не употребляла. Дважды он сталкивался взглядом с кем-нибудь из них, вопросительно подняв бровь, но сын лишь ангельски улыбался в ответ, будто это было обычным делом, что они едят вареные яйца с тостами и сидят за столом, ничего не проливая и не просыпая.

С еще большим удивлением он смотрел, как после еды Саманта вымыла им ручки и рожки, — и опять ни звука протеста! — затем наклонилась и выдала каждому по печенью.

— А что мне будет за это? — проворковала она.

— Поцелуйчики! — хором прокричали мальчишки, совсем как в учебно-показательных фильмах пятидесятых годов.

Улыбаясь, близнецы поцеловали Саманту в ее нежные щеки, затем подставили ей для поцелуя свои мордашки. После этого они побежали играть в сад, но Саманта окликнула их, чтобы предупредить, что если они перепачкаются, то придется опять идти в ванную и все отмывать заново.

— И гениталии тоже? — спросил один из мальчиков.

Шокированная, Саманта обернулась к Кейну, ее глаза широко раскрылись.

— Он имеет в виду пальчики ног, — пожимая плечами, пояснил тот. — Он услышал это слово по телевизору, и я сказал, что оно означает пальцы ног.

— Да, дружок, — ответила мальчику Саманта. — Если вы перепачкаетесь, буду мыть вас от пальчиков ног до самого верха, а кроме того, поменяю все ваши вкладыши с мутантами черепашками-ниндзя на занудные взрослые... Как вам такое наказание, а?!

Дети со смехом скрылись в саду.

Саманта принялась мыть посуду, а Кейн с открытым от удивления ртом все еще смотрел на нее.

Повернувшись к нему со строгим и осуждающим видом, она заявила:

— Тебе не следует давать им на завтрак печенью, а «кола» — это же сплошная химия. И их гигиена оставляет желать лучшего.

В ответ Кейн буркнул что-то невнятное.

Саманта возвратилась к кухонной стойке. С самого утра ее не покидала мысль, что Кейн вдовец, и он мог бы, пока не найдет себе новую жену, оставить мальчиков с ней.

Глава 28

— Давай поговорим о твоём разговоре с Нельсоном.

— Нельсоном? — переспросила Саманта неопределенно. Ее мысли были заняты близнецами. Кейн увез их тотчас после завтрака, будто боялся, что мальчики слишком привяжутся к Саманте.

— Ну, мужик в баре. Ты его помнишь? Ты встретила с ним, когда выставила себя напоказ перед всем Нью-Йорком практически в голом виде.

Саманта расхохоталась.

— Ах да. Тот самый Нельсон. Майк, а как ты думаешь, мне хватит квалификации стать «девушкой по вызову» с оплатой не ниже пятисот долларов за ночь?

Майк хрюкнул в ответ. Затем проговорил:

— Так ты собираешься рассказать мне, что же Нельсон написал на том клочке бумаги, который передал тебе? Конечно, я могу поступить так же, как ты, и перерыть все твои вещи, но я выше этого.

Забрав его грязную тарелку, Саманта чмокнула Майка в кончик носа.

— Значит, так и не удалось тебе найти?

Майк смущенно отвел глаза, затем встал из-за стола и пошел за ней на кухню.

— Саманта, — позвал он, — что ты задумала?

— На листке было написано имя Уолден и телефонный номер.

Теперь она избегала глядеть на него, старательно загружая грязную посуду в моечную машину. Он развернул ее к себе и обнял за плечи.

— И что же ты сделала с этим именем и телефонным номером?

— Я позвонила по этому номеру. Кажется, мистер Уолден адвокат. Мы договорились о встрече у него сегодня в три часа дня.

— Так ты что, планировала идти одна? Может, ты намеревалась сказать мне, что собираешься пойти за кое-какими покупками, а сама ускользнула бы на эту встречу?!

— Майк! Не думай, что я хотела втайне от тебя встречаться с кем-то вроде Дока. Этот человек адвокат. Он довольно молод. Во всяком случае, моложе всех, кто что-то знает о Макси. Так что он не может быть замешан в том, что произошло в 1928 году. Мистеру Уолдену всего пятьдесят пять.

— И откуда же ты это знаешь?

— Я? Ну, я поинтересовалась у его секретарши. Я сказала ей, что спутала его с парнем лет 26, высоким блондином, с которым познакомилась в баре. Она ответила, что это точно ошибка, так как мистеру Уолдену пятьдесят пять, он женат, имеет четверых взрослых детей, он среднего роста и седой, и к тому же пузатый. Если ему правда столько лет, то что он может знать о моей бабушке? Как ты думаешь, он оформлял для нее какие-то юридические бумаги или же действительно что-то о ней знает?

— Мне кажется, что есть только один путь узнать, не так ли? Одевайся, и мы поедem к нему.

— Майк, тебе вовсе ни к чему ехать со мной. Я могу с ним встретиться, вернуться и все тебе рассказать.

Он был одновременно и взбешен, и растроган тем, что она пыталась оберегать его. В свое время Майк расставил все точки над «i», заявив, что не желает, чтобы Саманта продолжала совать свой нос в эту историю, которая привела к побегу ее бабушки из семьи. И вот теперь она продолжает расследование, но старается это от него скрыть.

Он нежно поцеловал ее:

— Дорогая, ты знаешь, что уже третий час? А если ты еще планируешь переодеться и все такое...

Саманта уже бежала к ванной.

В тринадцать Саманту и Майка проводила в кабинет мистера Уолдена худая, стеснительная с виду секретарша. Пока Саманта на несколько минут отлучилась в дамскую комнату, чтобы поправить прическу, Майк, глядя на симпатичную секретаршу томными глазами, успел у нее многое выведать. В частности, что адвокат специализируется по уголовному праву, защищает в основном людей, которые обвиняются в самых грязных делах, и умудряется делать так, чтобы они не схватили срок. Секретарша мило заикалась, когда рассказывала, какие известные лица из уголовного мира иногда посещают этот офис. И мистера Уолдена, подчеркнула она, вовсе не мучает чувство вины за то, что благодаря его гениальной защите самые страшные люди остаются на свободе.

— Связи с уголовным миром, — по дороге в кабинет говорил Майк. — Не случайно его знает Нельсон... Что с тобой?

Саманту просто взбесило то, каким способом Майк вытянул все эти сведения из ничего не подозревающей секретарши.

— Со мной абсолютно ни-че-го не случилось, — произнесла она ледяным тоном. — Почему это со мной что-то должно случиться? Если ты заглядываешь в вырез чьей-то блузки, это вовсе не означает, что со мной что-то случилось!..

Примирительно улыбаясь, Майк взял ее руку в свою.

— У нее пара очень симпатичных гру...

— Если в твоём вкусе тощие коровы! — сквозь зубы прошипела Саманта, вырвала руку и пошла впереди.

Когда они вошли в кабинет Уолдена, Саманта еще кипела, а Майк еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Мистер Уолден, точно такой, как его описали, бросил насмешливый взгляд на парочку, устраивающуюся в креслах, и коротко заявил:

— Я не берусь за бракоразводные процессы.

Рассмеявшись, Майк потянулся к руке Саманты, которая лежала на подлокотнике, но та ее отдернула.

— Нет, нет, мы пришли сюда по другому делу. Ваше имя мы узнали от Джубели Джонсона через посредника.

Веселое выражение лица Уолдена мгновенно изменилось.

— А, да, Джубели. Надеюсь, у него все в порядке и в семье его все живы-здоровы.

Именно тогда Саманта и увидела левую руку Уолдена. Когда она вошли в кабинет, то была так рассержена на Майка, что не успела даже толком взглянуть на адвоката и не обратила ни на что внимания, кроме того, что он с виду был такой милый и приятный человек, вылитый Санта-Клаус, не хватало только белой бороды и красной шубы. Такой, мелькнуло у нее в голове, точно не может знать ничего, что связано с Макси.

Но теперь она не могла оторвать взгляда от его руки, которая была татуирована от запястья до кончиков безымянного пальца и мизинца. Ногти на этих пальцах были покрыты черной эмалью и отполированы.

— Однорукий, — прошептала Саманта, потому что с первого взгляда казалось, что полруки отсутствовало. — Однорукий, — повторила она громче, перебив разговор мужчин.

Уолден улыбнулся, вышел из-за стола и протянул ей свою руку, ладонью вниз. Саманта взяла ее, разглядывая. Потом отпустила и посмотрела ему в лицо.

— Кто ты такой и что ты знаешь о Макси?

Уолден добродушно хохотнул — тоже совсем как Санта-Клаус.

— Когда я родился, меня окрестили Джозефом Элмером Грунвальдом-третьим. Так как моего отца звали Джо, то меня стали звать Элмером. Уродливое имя. Трудно достичь чего-либо в этом мире с таким именем, так как большая часть твоей жизни уходит на то, чтобы выслушивать шутки о герое-полицейском Элмере Фадде. Из-за имени я возненавидел полицейских и много размышлял о моем деде — гангстере.

— Это Однорукий? — спросил Майк.

— Да, — ответил Уолден. — Однорукий Джо мой дед. Моему отцу исполнилось девять, когда Однорукий был убит, и он всю жизнь боготворил его. Вместо того чтобы признаться, что его папаша был не кем иным, как наемным убийцей, он создавал из него героя. И я в детстве постоянно слышал, насколько велик был Однорукий. — Он немного помедлил. — Когда Однорукий погиб, семье передали какую-то сумму денег, однако моя бабушка израсходовала их за полгода.

Уолден поднял свою левую руку и начал ее рассматривать.

— Когда мне было шестнадцать, я впервые напился, а когда очнулся, обнаружил, что ходил в салон татуировки и сделал вот это со своей рукой в память о дедке. Отрезав, я, естественно, захотел избавиться от татуировки, но отец сказал, что это предзнаменование.

Саманта и Майк поглядели на него с недоумением. Уолден тихо засмеялся.

— У моего отца была богатая фантазия. Он женился, когда еще был совсем мальчишкой, вскоре должен был родиться я, так что у него не было времени посещать школу. Когда он увидел мою руку, то заявил, что это моя судьба — стать адвокатом и защищать таких людей, как мой дед. Не представляю, как шестнадцатилетний парень с жуткого похмелья, а еще с татуировкой на руке, мог ассоциироваться у моего отца с адвокатом, но вся эта затея мне понравилась. Я поступил в юридическую школу, мечтая о том, как посвящу свою жизнь спасению оклеветанных, а в результате защищаю отбросы общества.

Выражение его лица явно входило в противоречие с теми словами, которые он произносил. На вид он был крайне доволен собой.

— Зачем? — спросила Саманта.

— Деньги, моя дорогая. Эти подонки совершают свои злодеяния, потому что они приносят им кучу денег, а я их защищаю — и это сделало меня богатым человеком. Мои родители прозябали в двухкомнатной квартире с пятью детьми. У меня же целый верхний этаж дома на Пятой авеню, да еще и усадьба в Вестчестере. Я послал четырех своих дочерей учиться в лучшие школы, а моя жена заказывает себе одежду в Париже.

Он улыбнулся наивности молодых симпатичных людей, сидящих перед ним. Оба, конечно же, думали — их мысли легко можно было прочесть по лицам, — что никогда не променяют свою душу на деньги. Однако, судя по тому, как они были одеты и как вели себя, ни он, ни она никогда не сталкивались с голодом и холодом, их никогда не вышвыривали посреди ночи на улицу, потому что они задолжали за квартиру. Его дочери были похожи на эту симпатичную Саманту: нежные, ухоженные, не знающие кошмарных воспоминаний нищеты. Сам того не подозревая, мусор, который он защищал, делал полезное дело — помогал чему-то чистому и хорошему.

— Когда мне исполнился двадцать один год, я стал называться О. Уолден — это имя я использовал в юридической школе. Такое имя помогало мне знакомиться с блондиночками на теннисных кортах, а позже я рассказывал бездельникам, которых защищал, что «о» в моих инициалах означает «Однорукий», так что и это помогло мне.

— Помогло, так как они слыхали о тех трех миллионах Однорукого? — вставил Майк, на что Уолден улыбнулся.

— Вы провели расследование, не так ли?

Майк рассказал ему о биографии, которую он пишет, о Макси, которая приходится Саманте бабкой.

— А вы можете что-нибудь рассказать нам о ней? — поинтересовался он.

— Ничего, — ответил Уолден. Его глаза прямо смотрели в глаза Майка и ни разу не моргнули.

«Умелый лжец, с большим опытом», — подумал Майк. И продолжал засыпать его вопросами:

— Не знаете даже названия приюта, где она находится? И понятия не имеете, кто оплачивает за нее все счета?

После этих слов Уолден откинул голову и расхохотался.

— А, поймали меня, так? Да, я знаю, где Макси, но я за нее не плачу. Если вы хотите узнать об этом, то спросите ее, откуда поступают деньги.

— Она притворяется, будто она некая Эбби, и не признается, что она на самом деле Макси.

— А, ну это вполне понятно. Вероятно, она опасается за эту вот девушку. Боится, что Док с ней что-нибудь сделает, а если не он, так еще кто-то. В определенных кругах еще живет легенда о деньгах Однорукого. Вы, конечно, знаете, что Эбби — это ее настоящее имя? Нет?! Ну как же: Мэри Эбигейл Декстер. Когда она подписывала контракт с Джубели, чтобы петь в клубе, то

поставила вместо подписи свои инициалы; но М.Э.Д. звучит как «сумасшедшая», вот она и поставила М.А.Кс. А бухгалтер Джубели, явно нуждающийся в очках, подумал, что написано МАКСИ. Так это имя и привилось.

Майк пристально поглядел на Уолдена: тот явно утаивал что-то от них и не собирался расставаться со своими секретами.

— Кто-то залез в мой дом и пытался убить Саманту...

Уолден даже бровью не повел, услышав об этом. Ведь он ежедневно сталкивался с убийствами, смертью и насилием.

— И что же? Удалось схватить преступника?

— Нет, — с усилием ответил Майк. — У вас есть идеи по поводу того, кто бы это мог быть? Из тех, кого вы знаете?

На это Уолден опять улыбнулся.

— Это мог быть любой из тысячи людей, которых я знаю. Среди них нет ни одного, кто бы не смог залезть в окно и совершить покушение на жизнь красивой девушки. Все, что вам нужно, так это назвать место и время покушения, и я смогу вам рассказать, кто это был.

Саманта уже открыла рот, чтобы начать говорить, но Майк ее опередил.

— Февраль 1975 года. Место — Луисвилл, штат Кентукки, — выпалил он, не глядя на Саманту. Она в недоумении смотрела на него — ведь это были дата и место смерти ее матери.

— Мне нужно идти, Майк, — тихо сказала Саманта, но он даже не шевельнулся и продолжал пристально смотреть на Уолдена.

Тот резко нажал кнопку на селекторе и велел секретарше принести все материалы, связанные с местом и временем, о которых сообщил Майк.

— Все данные, которыми я располагаю, в компьютере, так что подождем совсем чуть-чуть, — проговорил он, и в комнате повисла тишина.

Пять долгих минут ожидания Уолден сидел в своем кресле, рассматривая свалившихся на него посетителей и пытаясь понять, что же движет ими, кроме работы над упомянутой биографией. Он размышлял над тем, знают ли они до конца, какой грязной тварью в действительности является Док, или считают его симпатичным старикашкой, который уже давно поборол в себе дьявола и имеет право, спокойно дожить свой век.

Когда секретарша положила на стол толстое «дело», Уолден склонился над ним.

— Так, я отлично помню это чудовище. Его отправили в газовую камеру лет десять тому назад, и мало кто этого места больше заслуживал. Я был его защитником, но, к моему счастью, это дело невозможно было выиграть. Вечером перед казнью он попросил меня прийти к нему в камеру, чтобы рассказать мне все о своей жизни. Мне бы очень хотелось сказать вам, что его мучили угрызения совести, но на самом деле он просто хотел, чтобы я записал его рассказ для телевизионной передачи или кинофильма. Он мечтал о славе Аль Капоне.

Уолден быстро листал страницы.

— Я не собирался ему говорить, что лучше умру, чем сделаю из него народного героя, однако все, что он рассказал, я записал, на случай, если кого-то из моих подзащитных будут обвинять в преступлениях, которые совершил он.

Наконец Уолден отыскал нужную страницу. Водя пальцем по тексту, он бормотал:

— 1975. А, вот... Мать честная, в этом году он был очень занят. Четверо... нет, пятеро погибли от его рук, и все жертвы — члены мафии. Хотя, постойте, вот...

Бросив взгляд на Майка, он продолжал:

— Луисвилл, штат Кентукки. Февраль. Грязное, очень грязное дело. Боже праведный! Я и забыл о нем... Он разыскивал деньги Однорукого. Наверное, его кто-то нанял для этого, но он не сказал, была это его инициатива или он выполнял заказ. Вероятно, хотел доказать мне, что он был достаточно умен, чтобы убивать людей по собственному плану, а не только по чьим-то указаниям.

— Что же он натворил? — тихо спросил Майк.

— Он убил женщину. Сказал, что получил наводку, будто кто-то в ее семье знает о деньгах Однорукого, отправился в Луисвилл, похитил женщину, пытал ее, чтобы она рассказала. Так... Он прижимал ее к раскаленной батарее, но, поняв, что она ничего не знает, выволок на улицу и задавил машиной. Он рассказал, как женщина умоляла его не причинять зла ее маленькой дочке. После того как он убил женщину, он еще несколько недель пробыл в этом городе, встречался с девочкой, задавал ей кучу вопросов, чтобы выяснить, не знает ли она или ее отец об этих деньгах. Затем пришел к выводу, что они ничего не знают, и убрался из города.

Уолден посмотрел на Майка и Саманту. Еще минуту назад они выглядели бодро, у них был здоровый румянец, но сейчас они казались бледными и измученными. Он увидел, как Майк ласково взял Саманту за руку, а она судорожно вцепилась в подлокотник кресла — и лишь тогда понял, что та женщина скорее всего была матерью Саманты.

— Я... Я очень... — начал он и замолчал. Уолден, человек, который никогда не лез за словом в карман, впервые не знал, что сказать.

Майк встал.

— Мистер Уолден, большое вам спасибо за помощь. Я думаю, нам пора.

— Послушайте, я прошу прощения, что рассказал вам этот случай. Я не хотел...

И опять он не знал, что сказать, и только молча смотрел, как эти двое покидают его кабинет.

— С тобой все в порядке? — спросил Майк, когда они уже вышли на улицу. Саманта кивнула.

— Нормально... Нет, правда, Майк, со мной все нормально. Но, знаешь, я бы сейчас немного прошлась... Одна. Так что встретимся позднее.

— Ты уверена?

— Абсолютно. — Он продолжал выжидающе смотреть на нее, но она в подтверждение своих слов улыбнулась и сжала его руку.

— Майк, это произошло много-много лет назад. Я уже пережила смерть матери, и в общем-то не имеет большого значения, как именно она погибла. Смерть есть смерть, наступила ли она от несчастного случая или это было убийство. Теперь я просто хочу побыть одна. Может, схожу в церковь...

Она еще раз улыбнулась и повернулась, чтобы уйти.

Майк поймал ее за руку и повернул к себе лицом. Надо признаться, она была неплохой актрисой, и если бы он не знал, что ей только что пришлось услышать, то никогда бы не сказал, что она страдает. Но Майк теперь видел ее насквозь. Она хотела остаться одна именно потому, что страдала. Большая часть ее жизни прошла в печали и отчаянии, которые она привыкла таить в себе, ни с кем не делаясь.

— Ты пойдешь со мной.

— Нет, я... — Саманта пыталась освободиться, но он держал ее крепко.

Мимо проезжало такси. Громко свистнув, Майк остановил его, открыл дверцу и запихнул в машину Саманту. Она попыталась с ним заговорить, но он велел ей молчать. Потом, когда они уже подъезжали к дому, взял Саманту за подбородок и повернул лицом к свету. Ее, кожа была бледной и скользкой на ощупь, дыхание — неровным.

Такси остановилось, Майк заплатил, выскочил, вытащил Саманту, подхватил ее на руки, взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и влетел в дом.

Они еле успели добежать до туалета, как Саманту начало рвать. Он поддерживал ее своими большими руками за лоб и за талию, пока ее буквально выворачивало наизнанку. Когда желудок стал совсем пустым, но она все еще сгибалась над унитазом, содрогаясь в конвульсивных спазмах, Майк подошел к раковине, намочил холодной водой полотенце, прижал к ее лбу, затем спустил воду в унитазе и накрыл его крышкой.

Ему пришлось помочь Саманте подняться с пола, чтобы она присела.

— Мне стало лучше, — шептала она. — Со мной все хорошо.

— Какого черта все хорошо! — Он быстро вышел, принес апельсиновый сок и заставил ее выпить. — И это тоже. — Он протянул ей мятные таблетки, а когда она протестующе завертела головой, сжал ее подбородок и засунул таблетки в рот.

Потом снова намочил полотенце, выжал и положил ей на лоб. Лоб был горячий. Что нужно делать в такой ситуации, думал Майк. Что нужно делать, чтобы пережить такой страшный удар, какой получила сейчас Саманта? Он пытался, представить, что испытывал бы он, если бы узнал, что грязный негодяй пытал и убил его мать — только потому, что решил, будто ей известно о каких-то деньгах.

— Когда ты была ребенком, — начал Майк, осторожно обтирая ее пылающее лицо холодным полотенцем, — и ты болела, кто за тобой ухаживал?

— Мама, — прошептала Саманта.

— А после? — Он опустил полотенце в ожидании ответа, но она молча отвела взгляд. Потом сделала попытку подняться.

— Я пойду. Я хотела бы теперь прилечь.

— Лечь в постель? Одной?

— Майк, пожалуйста. Я правда не хочу...

Он уже собрался возмутиться. Неужели она подумала, что он способен требовать от нее секса в такой момент? Но тут же вспомнил ее рассказ, как она спешила домой к мужу, узнав, что отец умирает, — ей хотелось, чтобы он ее обнял. Майк начал ласково гладить ее по щеке. Бедная девочка. Муж подвел ее тогда, его не оказалось рядом; а еще раньше, когда умерла ее мать, точно так же подвел ее отец, в котором она так нуждалась. Пожалуй, настало время, чтобы мужчина не подводил ее.

— Сэм, я тебя не брошу одну. Может, твой отец нарочно предоставил тебя самой себе, чтобы ты быстрее стала взрослой, но я тебя не брошу. — Майк взял ее на руки и, укачивая, как ребенка, вынес из ванной.

— Поставь меня, — сопротивляясь, потребовала Саманта.

— Я не позволю тебе остаться наедине с собой. — Остановившись на мгновение в коридоре, он заглянул ей в глаза. — Можешь считать меня диктатором, тираном... кем угодно, но сегодня ты не останешься одна. На сей раз ты не будешь переживать смерть близкого человека в одиночестве. — Она снова попыталась отпихнуть его, но он прижал ее к себе еще крепче. — У тебя силенок не хватит оказывать мне сопротивление.

Он зашагал не в свою спальню, как она ожидала, а к двери, выходящей в сад. По пути захватил плед с дивана. В саду опустился в кресло, держа Саманту у себя на коленях и прижав ее голову к своему плечу.

— Расскажи мне о своей маме... — попросил он.

Уткнувшись в его теплое, мускулистое плечо, она покачала головой. Сейчас ей больше всего не хотелось вспоминать о своей матери, думать о том, как ее прижимают к раскаленному радиатору, а она умоляет не трогать ее девочку.

— Какой был ее любимый цвет?

Он подождал ответа, но, когда понял, что она отвечать не будет, продолжал:

— Любимый цвет моей мамы — синий. Она считает что это цвет спокойствия, а имея столько детей, ей больше всего в жизни хочется мира и спокойствия.

Саманта сидела тихо, пока он закутывал ее в плед. Светило солнце, в воздухе струилось ласковое, душистое тепло, но ее тело было как ледышка. Осторожно отведя с виска ее влажные волосы, Майк еще крепче обнял Саманту, пытаясь согреть. Сам не зная почему, он решил во что бы то ни стало заставить ее заговорить.

— Мама тебе пела? — Саманта не отвечала. — Я тебе никогда не говорил, что моя прабабка была известной оперной певицей? Ее звали Ля Рейна. Никогда не слышала такого имени?

Она покачала головой.

— Мой отец сохранил несколько пластинок, которые она записала. Очень приличный голос,

даже я так считаю. Меня, правда, поражает, что всем остальным членам нашей семьи медведь на ухо наступил. Как это несправедливо, правда?

Саманта все еще не произнесла ни слова. Он гладил ей спину и все так же крепко прижимал ее к себе. И она вдруг подумала о том, о чем старалась никогда не думать: что после смерти матери никто ее не держал на руках. Отец тогда три года безвылазно провел в затемненной комнате. Чаще всего он не затруднял себя даже тем, чтобы побриться или переодеть пижаму, а ел ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Саманта тогда делала все, чтобы как-то поддержать его, но самым главным для нее было не показать отцу собственные страдания. Она не могла допустить, чтобы он увидел ее печаль, увидел, как она одинока, как ей не хватает его, как она скучает по маме...

— Желтый, — наконец прошептала Саманта. — Мама любила желтый цвет.

Проходили часы, а Майк все сидел, обняв Саманту, и слушал, как она рассказывает ему о своей матери, о том, что мать значила для нее. Вспоминая слова Саманты о том, что она и ее отец после смерти Эллисон Эллиот стали похожи на часы, у которых кончился завод, он почувствовал в ее рассказе какие-то новые нотки: она стала винить себя в смерти мамы. Он теперь понимал, что на уровне подсознания Саманта искренне считала, что вина за смерть мамы лежит на ней. Более того, она думала, что и отец винит ее в этом. Почему же еще Дейв ее изолировал, не хотел взглянуть на своего единственного ребенка, не общался с ней, не заботился?.. «Чертов эгоист!» — выругался про себя Майк. Он лишь лелеял собственную печаль и не задумывался о том, что переживает его дочь.

Майк вспомнил своего брата: Кейн безумно тосковал после смерти жены, он был совершенно выбит из колеи, но продолжал делать все, что в его силах, ради мальчиков, которые просыпались среди ночи, плакали и звали маму.

А Саманта не плакала, ни тогда, ни сейчас. Она была бледна, ее бил озноб, от слабости она даже не могла шевелить руками, но глаза ее были сухи. Возложив на себя запрет плакать, она так наказала себя за смерть матери и за страдания отца.

— А маленькая я была просто ужас какой-то! — говорила между тем Саманта. — Эгоистка, требовательная, и хотела, чтобы все всегда было по-моему. Один раз мама купила мне пару замечательных вельветовых ботиночек, а я была такая противная, что не хотела их даже примерить. Я хотела красные кожаные...

— И что сделала твоя мама?

— Она сказала, что не поедет обратно в такую даль, чтобы купить мне другие ботиночки. Сказала, что не собирается вырастить какую-то примадонну и что мне нужно брать, что дают.

— Ну и получила ты свои красные ботиночки? — мягко спросил Майк, которому вовсе не нравилась вся эта история. Это уже была третья история из серии, где она выступала в роли ребенка-дьявола, а не обычного немного избалованного дитяти.

— Да, конечно. На следующий день я сказала матери, какие замечательные у нее волосы и какие голубые глаза. И как я рада, что она не выглядит такой старой, как мамы моих подруг, которые все без исключения толстые и страшные. Она улыбнулась и спросила, что я имею в виду. Ну а я ответила, что все вспоминаю одно платье на витрине магазина «Стивард», которое бы так хорошо на ней сидело.

— И она тебя вновь отвезла в город?

— Она заявила, что такая тонкая лесть и такая выдумка ради того, чтобы добиться желаемого — достойны вознаграждения. Однако предупредила меня, что если в витрине магазина не окажется такого платья, то я пожалею о затеянном.

— Надеюсь, платье оказалось не выдумкой?

— Я прямо вспотела, пока мы ехали в город. Вдруг на витрине магазина окажутся лишь мужские вещи! Но «Стивард» не подвел меня. Мама купила платье, а я получила свои ботиночки. — Саманта немного помолчала. — Ее похоронили в этом платье...

Майк продолжал обнимать ее, гладить по голове, выслушивать одну историю за другой, но с каждым новым самообвинением Саманты он сжимал губы все жестче. Блэр предложила ей подлечиться. Лечиться от чего? Как? Чтобы какой-то врач твердил и твердил ей, что она не причастна к смерти своей матери, к депрессии отца?! Нужно было нечто гораздо большее, чем какие-то слова, чтобы Саманта поверила, что в случившемся нет ее вины.

Среди всего остального у нее промелькнул рассказ и о том, как ее отец привел для знакомства Ричарда Симса. Майку стоило задать лишь несколько вопросов, чтобы убедиться: она вышла замуж за Ричарда в основном потому, что этого желал ее отец. А почему бы и нет? Она ведь посвятила отцу свою жизнь, от двенадцати до двадцати трех лет, чтобы как-то компенсировать ту боль, которую, как она считала, принесла ему. Так почему бы не выйти замуж, если это доставит ему радость.

Адвокат ее отца сказал, что Саманта забросила личную жизнь и все время отдавала своему отцу, пытаясь вывести его из состояния депрессии. И настолько замкнулась в себе, что адвокат решил, будто она стала жертвой сексуального нападения отца. Однако ему не хотелось быть замешанным в этом деле, так что он даже и не стремился докопаться до истины.

Да, подумал Майк, с тех пор, как она потеряла мать, — а та была ее лучшим другом, — с тех самых пор, с двенадцати лет, ей не к кому было обратиться в горе и печали. Однако она делала все, чтобы быть хорошей девочкой, чтобы вернуть себе отцовскую любовь. Поэтому было вполне объяснимо, что она вышла замуж за того, за кого хотел ее отец. Может, она считала, что тогда он ее вновь полюбит...

И когда ее семейная жизнь не состоялась, ей опять-таки не к кому было обратиться. Не могла же она позвонить отцу и сказать, что муж, которого он ей выбрал, использует ее как вьючное животное. А ведь это Дейв Эллиот, как выяснил Майк, вложил необходимые деньги, чтобы Ричард стал компаньоном в той компании, где он работал. С самого детства Сэм росла изолированной от мира. Она так и не научилась заводить себе знакомства, у нее не было друзей, которым она могла бы излить душу.

Вспоминая о первом месяце, который Саманта провела в его доме, он теперь окончательно понял, почему она находилась в состоянии депрессии, почему старалась запереться в своей комнате и не выходить из нее. Ей хотелось замкнуться в комнате отца, думал Майк. Ей нужен был отец, пока он был живой, но когда он умер... Почему она все еще продолжала искать его во всем?..

Его все больше мучил вопрос, чем же ей помочь. Что сделать, чтобы доказать, что она не виновата ни в смерти матери, ни в добровольном затворничестве отца? Майк слышал, что депрессивное состояние — это не что иное, как гнев, направленный внутрь себя. Что же ему предпринять, чтобы направить этот гнев вовне? Он даже хотел, чтобы она начала бить посуду,

ругать отца за то, что тот ее бросил, проклинать мужа за то, что испортил ей жизнь. Он мечтал, чтобы она просто заревела.

Майк решительно встал и понес Саманту в дом. Она подумала, что он собирается отнести ее в кровать, и надеялась, что так оно и будет, потому что силы покинули ее. Но вместо этого он направился к выходу на улицу.

— Куда же мы идем? — устало спросила Саманта.

— Я везу тебя к твоей бабушке. Мне кажется, пора положить конец всей этой головоломке. Наступило время ответов.

Глава 29

Уже настало утро, когда Майк возвратился в комнату Макси в доме для престарелых. Накануне вечером, когда он привез Саманту, он потребовал, чтобы Макси рассказала ей всю правду. Заявил, что жизнь слишком коротка, в ней и без того много белых пятен, так что не стоит продолжать делать вид, будто они не знают, кто они есть на самом деле. Возможно, он был зол и сказал то, что не следовало бы говорить, но Саманте нужна была ее бабушка, пока та еще была жива, а Макси нужна была ее внучка.

После этих слов он их оставил наедине, и они проговорили почти всю ночь, а Майк, почти не сомкнув глаз, лежал на жесткой койке в маленькой каморке, которая гордо именовалась «гостевая». Несколько раз в течение ночи он заглядывал к ним — они все разговаривали...

— Как она? — спросил Майк входя. Ему негде было побриться, и, поскольку он спал одетый, одежда на нем помялась и имела несвежий вид. Улыбаясь, он взглянул на Саманту, которая спала, прижавшись к руке Макси. Она свернулась клубочком, рот у нее был приоткрыт, дыхание неровное, как у человека, перенесшего тяжелую душевную травму.

Майк шагнул к кровати:

— Давайте я теперь ее возьму. Она тяжелая, и ваша рука, должно быть, уже затекла.

Макси так на него посмотрела, что он даже отшатнулся. Потом состроил гримасу:

— Ну, видать, своя ноша не в тягость.

Макси смутилась.

— Да, не в тягость. Как бы я хотела так ее держать, когда она еще была маленькой... Как бы мне хотелось быть там, после...

— После смерти ее матери?

Макси отвела взгляд. Она знала, что вина за смерть невестки лежит на ней. Если бы она не вышла за Кэла замуж, семья Эллиотов не оказалась бы замешанной в дела Дока и Однорукого.

— Саманте сделали укол снотворного, — после паузы проговорила Макси. — Врач не хотел, но старики настояли.

Макси улыбнулась и бросила на Майка благодарный взгляд.

— С тех пор как вы привезли книги, игры и всякое прочее в этот приют, не говоря уже о том,

как вы преобразили мою комнату здесь, мне кажется, что наши старички для вас готовы сделать все что угодно. Вы для них стали какими-то полусвятыми, полуджиннами.

— Пусть вам Сэм мозги не запудривает. Я здесь ни при чем. До моей встречи с ней я жил типичной жизнью холостяка. Дни проводил в раздумьях, как приумножить и так уже достаточные мои капиталы, а ночи мне скрашивала одна красotka за другой, и все они были для меня одинаково безразличны.

Макси осторожно погладила щеку Саманты. За сегодняшнюю ночь она постарела еще сильнее. Разумеется, то, что она узнала о смерти Эллисон, не могло не сказаться.

— А теперь твоя жизнь переменялась?

Майкл подошел поближе, чтобы поправить упавшие на лоб волосы Саманты.

— Совершенно. Понимаете, теперь... У меня появился смысл...

Глаза Макси загорелись.

— Это хорошо, особенно если это касается моей внучки.

— Теперь мне есть ради чего жить. Может, это звучит странно, но мне кажется, я ждал Сэм всю свою жизнь. И знаете, что особенно удивительно? Похоже, ее отец знал об этом.

— Дэвид, — мечтательно произнесла Макси. — Мой красавец...

На какое-то время она ушла в свои мысли, глаза ее наполнились слезами. Она думала о том, что произошло за эти годы: разбитая жизнь ее внучки, смерть сына... Тогда, в 1975-м, если бы только она была там, смерть настигла бы ее, а не мать этой девочки...

Майк взял Макси за руку, которой она прижимала к себе Саманту, в крепко сжал ее.

— Дейв не хотел, чтобы я познакомился с его дочерью. В свое время мне показалось странным, что он так торопил меня с отъездом, пока не приехала его дочь, — особенно после того, как я жил в комнате его маленькой девочки, а не в гостевой.

Тут Майк умолк, так как наконец понял, что означала эта комната для Дэвида: время, навечно остановившееся на том холодном февральском утре, когда его жена была столь страшно убита. Остановившееся для него, а следовательно, и для его маленькой дочери.

— Дейв выбрал для Саманты мужа, — проговорил Майк, глядя Макси в глаза.

Прошло какое-то время, прежде чем она поняла, что он хочет сказать.

— Потом он выбрал для нее тебя. — Это не был вопрос, это было утверждение.

— Да. Дейв все повторял, что хочет компенсировать ей то плохое, что он ей сделал. Стыдно признаться, но я одно время думал, что он приставал к ней. Теперь я понимаю, что он имел в виду выбранного для нее мужа. Потому-то Саманта при первой нашей встрече и отнеслась ко мне так неприязненно: ведь меня тоже как бы навязал ей отец. А его первый выбор был крайне неудачным.

Макси усмехнулась:

— Однако его вторая попытка оказалась куда удачней, не так ли?

Майк не улыбнулся в ответ.

— Он чуть было не сделал роковую ошибку. Весь первый месяц в моем доме Саманта провела в одиночестве в своей комнате. И я это допустил. Я даже не представляю, что бы могло произойти, если бы не моя подруга Дафния, которая заметила, что Саманта... — Майк тяжело вздохнул, — думаю, она была на грани психического срыва.

Макси ободряюще сжала его сильную, молодую руку.

— Но ты ведь компенсировал ей упущенное время. — Ее голос повеселел. — Теперь, когда ты герой, спасший юную принцессу, как ты себя ощущаешь? Думаешь, совершил бескорыстный подвиг?

Майк так громко рассмеялся, что Саманта дернулась во сне.

— Поначалу так оно и было. Я считал себя мучеником. Как же так: я, такой благородный, спасаю ее от самой себя, а эта неблагодарная даже отказывается со мной переспать в виде вознаграждения за труды.

— Но ты решил эту загвоздку? — засмеялась Макси.

— Она решила. Она решила все проблемы. Благодаря ей я понял, насколько был одиноким все эти последние годы, насколько все мне надоело. Сэм смотрит на жизнь так, будто все для нее впервые и все так интересно. Наверное, только те, кто по-настоящему пережил что-то в жизни, не воспринимают как должное приятные мелочи, которые нас окружают.

Майк погладил Саманту по щеке.

— Вы бы только видели ее на пикнике с моими родственниками! Она так гармонично влилась в мою семью, будто жила в ней с самого детства. Как ее дети заобожали! А ведь они не переносят плохих взрослых, у детей на них нюх.

Отойдя от кровати, Майк начал рассматривать висящий на стене идиллический викторианский пейзаж, написанный маслом. Однако Макси чувствовала, что думает он о другом. — Она вам что-нибудь рассказывала о пикнике?

— Кое-что. Кажется, она замечательно провела время. — Даже если бы Саманта описала весь тот день по минутам, Макси не сказала бы об этом, так как было очевидно, что Майк сам хотел что-то рассказать.

— Я так рассердился на мою маму за все это мероприятие. Я-то в отличие от Сэм знал, что ее проверяют. Она не рассказывала, что у меня есть близнец?

— Нет.

Переведя взгляд с картины на Макси, Майк криво усмехнулся:

— Она не упомянула об этом, так как это не имеет для нее значения... Все, что считают важным другие люди во мне — что, можно сказать, отличает и выделяет меня, — похоже, ничего не значит для Сэм. Ей безразличны мои деньги, безразлично то, что у меня есть брат-близнец. Иметь такого брата вообще-то неплохо, но иногда у тебя возникает такое чувство, что

ты не единственный и не неповторимый, что ты в отличие от других лишь часть целого. Одной из причин, почему я сбежал в Нью-Йорк, было то, что в маленьком городишке, откуда я родом, даже мои родственники постоянно спрашивали меня, я это или мой брат!

Майк прервал рассказ и провел рукой по полировке столика из вишневого дерева.

— В нашей семье есть такая примета. Дурацкая и глупая. Не знаю, откуда она взялась. «Следует жениться на той, которая различит братьев-близнецов».

Макси поглядела на Майка, ожидая продолжения. Но он молчал. Она попыталась осмыслить услышанное.

— Значит, вся твоя семья прибыла сюда, чтобы посмотреть, отличит ли Саманта тебя от брата? В этом и заключалась проверка?

— Вкратце — да. Пять лет назад мой близнец Кейн позвонил маме из Парижа и сказал, что безумно влюбился в красавицу француженку и собирается на ней жениться. Мама поздравила его и повесила трубку. А затем велела мне сесть на сверхзвуковой «Конкорд», отправиться в Париж и встретиться с этой девушкой. Она не уточнила, для чего, но в этом не было необходимости, я и так знал.

— Чтобы увидеть, отличит ли парижанка тебя от брата?

— Да.

— Ну, и отличила? — поинтересовалась Макси.

— Нет. Кейн не знал, что я прилечу. Я отправился к нему на квартиру, а эта оказался дом ее родителей. Я постучал — никто не открывал; я обошел дом кругом и оказался во дворике. Там я ее и увидел. Действительно, красавица, Кейн был прав. Едва она меня увидела, тотчас вскочила с кресла, подбежала, бросилась в объятия и просто фантастически поцеловала. К моменту, когда появился Кейн, она уже почти содрала с меня рубашку.

— Твой брат разозлился, увидев тебя с его девушкой в таком щекотливом положении?

— Нет. У нас это не принято. Он понял, что произошло, но даже не взглянул на меня, потому что знал, что она не способна отличить нас и никогда не сможет. Каждый раз, когда я был рядом, она спрашивала, кто я — Кейн или Майк.

— Что с ней произошло? Ты говоришь о ней в прошедшем времени.

— Она погибла в катастрофе. Кейн чувствовал себя опустошенным. Он ее обожал, но...

— Но что?

— Мои родственники так ее и не видели, и было такое чувство, что она погибла потому, что не подходила Кейну, не была, как бы... его духовной парой.

— А что произошло на этом пикнике?

Майк ухмыльнулся.

— Сэм тотчас почувствовала, что Кейн — это не я. Брат даже не мог в это поверить. Он ее проверял весь день. Подходил в ней сзади и клал руку на плечо, но Сэм даже не нужно было

видеть его руки — она чувствовала, кто он, и тотчас говорила что-то вроде: «Что тебе нужно, Кейн?» Причем достаточно резким тоном.

При этом Майк расплылся в довольной улыбке.

— Мне кажется, она его недолюбливает.

— А что он думает о ней?

Майк ненадолго задумался. Вспомнил, как его брат смотрел на Сэм, которая возилась с его детьми, вспомнил, как он глядел на нее во время пикника.

— Если я завтра помру, думаю, что мой брат попросит ее руки. На коленях будет умолять ее выйти за него замуж.

Майк засунул руки в карманы.

— Благодаря Кейну я понял, как я счастлив, скольким обязан Саманте. Если б она не ворвалась в мою жизнь, я бы, наверное, женился на ком-то вроде моей последней подруги и прозябал бы остаток своих дней без особой радости и без особого горя, так... серединка на половинку... Но все время чувствовал бы себя неуютно, жизнь была бы какой-то неполной.

Макси взяла его за руку.

— Господь услышал мои молитвы и послал тебя. Если бы мне сказали, что исполнят единственное мое желание перед тем, как мне покинуть этот мир, я бы попросила, чтобы моя внучка была в таких любящих и заботливых руках.

— Вам нечего беспокоиться. Я ее люблю больше, чем это укладывается в голове. Я даже не могу припомнить, что у меня была за жизнь до тою, как я ее повстречал. Пытаюсь, но не могу вспомнить, что же я все это время делал, как я жил. — Майк улыбнулся. — Может, просто ждал, пока она придет ко мне. Может, как я уже говорил, это судьба. И Дэвид Эллиот был тем, кто вручил мне мое счастье.

Он обвел рукой комнату — антикварная мебель, кар» тины на стенах, ковер на полу...

— Все это — ее идея. Знаете, она каждые десять минут говорит мне: «Большое тебе спасибо», — и каждый раз после этих слов я чувствую себя виноватым. Ведь все, что я сделал, так это истратил какую-то сумму денег, что для меня совсем безболезненно, а она отдает всю себя. Она так много дает мне, вам, моему брату и его сорванцам-детям... Даже когда она, казалось, ненавидела меня, она так беспокоилась обо мне, когда я разбил голову.

— Ну и что же ты собираешься с ней теперь делать?

— Первое — чтобы она забеременела.

Макси от чистого сердца рассмеялась, да так, что введенный зонд запрыгал, будто он тоже хохотал.

— Ты безнравственный молодой человек!

— Что-то вроде бабушки Саманты? — тихо произнес Майк. — Или как Майкл Рэнсом?

— И как давно ты об этом узнал?

— С тех пор как впервые раздел Саманту, а это, нужно сказать, было не так давно. У нее такое же родимое пятно, как было у дяди Майкла. — Майк пристально глядел на Макси. — Вы ей уже рассказали?

— Да, рассказала. Я рассказала все, что ей нужно знать. А теперь хотелось бы, чтобы ты забрал ее отсюда. Отвези ее в этот ваш маленький городок в штате Колорадо и смотри за ней. Оберегай ее.

— Теперь-то мы увязли в этом деле по самую шею. Слишком много людей думают, что мы уже почти раскрутили цепочку, которая ведет к деньгам Однорукого, и проявляют к Саманте нездоровый интерес. Мать Саманты не была в безопасности в штате Кентукки, и Сэм не будет в безопасности в Колорадо.

— И что ты будешь делать? — в голосе Макси прозвучал страх.

— Мне необходимо решить всю эту головоломку. Мне нужно узнать, что же случилось в ту ночь. Узнать всю правду, всю до конца.

Глава 30

Три дня Майк обращался с Самантой так, будто она была сделана из стекла. Она все время молчала, только отвечала на его вопросы, почти ничего не ела. У нее пропал интерес практически ко всему: к компьютерам, к книгам и, как с огорчением констатировал Майк, к сексу.

На четвертый день он не выдержал и вызвал в помощь тяжелую артиллерию — близнецов Кейна. В шесть утра дверь в спальню отворилась, и две маленькие фигурки ворвались туда с криками: «Сэмми! Сэмми!»

Кейн стоял в дверном проеме и наблюдал за происходящим. Саманта целовала грязные мордашки, которые лезли прямо к губам, а Майк безуспешно пытался от них отбиваться.

— Когда начнутся репетиции? — поинтересовался Кейн.

Услышав это, Майк мгновенно вскочил с постели и быстренько вывел брата из комнаты. Саманта, казалось, ничего не заметила, и лишь после того, как выкупала близнецов, накормила их и выставила гулять во двор, обратилась к Майку:

— Какие это репетиции?

Впервые за много дней она проявила к чему-то интерес. Майку очень хотелось ей все рассказать, но, с другой стороны, он боялся признаться ей в том, что задумал. Хотя отлично понимал, что все мосты сожжены и нет возможности отменить задуманное.

— Я пытался придумать, как можно выяснить, что же произошло в ту страшную ночь 1928 года, — начал Майк. — Мне кажется, что люди — и я в том числе! — хотят тебя защитить, уберечь и потому придерживают свои знания при себе. Но я понял, что единственный путь защитить тебя — это положить всей этой истории конец, а конец ей наступит лишь тогда, когда все станет известно.

Саманта села за стол напротив Майка и Кейна и, попеременно глядя в глаза то одному, то другому, сказала:

— Мне нужна вся правда. Давайте выкладывайте, без утайки.

Майк и Кейн одновременно заговорили, перебивая друг друга.

— Фрэнк купил ночной клуб Джубели, а Джейн уже скупает вещи, чтобы обновить там обстановку, а отец уже готовится, чтобы возглавить «гангстеров», а Вики уже взяла отпуск, чтобы всех соответственно экипировать, а мама работает над тем, чтобы всех вовремя накормить, а ты будешь петь вместе с Орнетом, а Уолден будет изображать своего деда и...

Услышав, что она должна петь с Орнетом, Саманта перебила их и потребовала разъяснений. Самое интересное, что эту миссию взял на себя Кейн. По глазам Майка было видно, что он опасается ее реакции.

Для начала Кейн, который, насколько она могла понять, был в курсе всех событий, заявил ей, что все герои этой истории врут.

— Джубели не говорит всего, что знает. Уолден вообще отказывается рассказывать, Макси слишком боится за тебя... Док говорит, но ему никто не верит...

Вкратце его рассказ сводился к следующему. Маше наконец придумал, как распутать эту загадку. Он решил с помощью своей семьи и Саманты воссоздать события 12 мая 1928 года. Они должны перестроить и восстановить клуб Джубели, чтобы он вновь стал таким, каким был в ту трагическую ночь, а затем разыграть в нем все события, включая автоматные очереди и т.д.

После того как Кейн в принципе изложил идею, его брат начал разъяснять некоторые подробности. Накануне братья засиделись до глубокой ночи, и Майк рассказывал Кейну о жизни Саманты, о том, как она хорошо себя вела после смерти матери, — милая девочка, которая никому никогда не доставляла никаких хлопот, никогда не обращалась ни к кому за помощью, а следовательно, ей никто и не помогал. Она вылезала из кожи, стараясь угодить отцу, вплоть до того, что даже вышла замуж за человека, который ей никогда даже не нравился, и старалась ублажить мужа, и сердилась на себя, а не на него, когда, не могла его удовлетворить.

Рассказывая Кейну о том, что произошло с мамой Саманты, Майк заметил, что после каждого нового ужасного удара судьбы Саманта замыкалась в себе на пару дней, а затем вела себя так, будто ничего и не произошло. Многие годы подряд ее жизнь состояла из сплошных трагедий; их было так много, что большинство людей такого бы просто не пережили. Но Сэм не только выжила, но и продолжала выполнять свои обязанности, будто ничего не происходило. Майк сказал брату, что, если бы у него была цель лишь восстановить события той ночи, можно было бы ограничиться рассказом Макси, но Майк представил себе, как Саманта сидит в своем скромненьком костюмчике, которым она так гордится, и тихо выслушивает очередную трагическую историю, затем встает и говорит: «Куда мы сегодня пойдем ужинать?» Что бы ни рассказала Макси, Сэм запрячет услышанное глубоко в себя, подавит свои эмоции, и жизнь потечет, как и прежде.

Однако Майк очень хорошо помнил газетные истории о женщинах, которые внезапно, без каких-то особых причин, кончали жизнь самоубийством. А потом выяснялось, что виной всему были глубоко затаенные, загнанные внутрь переживания и проблемы, корни которых чаще всего уходили в детство...

Он боялся за Саманту, боялся, что если она по-прежнему будет носить в себе свою скорбь и гнев, то взорвется, как вулкан, — если не сейчас, то когда-нибудь потом, лет через двадцать.

Но было ясно одно: Саманте необходим шок, чтобы излить чувства, что накопились в ней за многие годы.

Именно по этой причине Майк и затеял весь этот спектакль, заявив Саманте, что это делается ради восстановления истины. Но Кейн отлично понимал, что если бы речь шла только об истине, то Майк охотно отказался бы от этой затеи и предпочел больше никогда даже не слышать имен Дока или Макси. Он потерял желание узнать правду о тех давних событиях. Теперь его единственной целью стало благополучие Саманты. И раз существует какая-то возможность помочь ей, он это сделает, невзирая на затраты, на время, на усилия, на количество людей, которые нужны для этого.

Перед Майком стояла весьма непростая задача — привлечь Саманту к этому представлению. Понимая, что это станет для нее испытанием, он вместе с тем не видел другого способа помочь ей обрести спокойствие, в котором она так нуждается.

Он не мог сказать, что считает нужным, чтобы Саманта собственными глазами увидела всю эту кровь и узнала всю голую страшную правду о том, как какой-то гангстер уничтожил ее семью; поэтому он говорил Саманте, что это будет лишь небольшое развлекательное представление, которое даст возможность его родственникам чем-то занять себя и позабавит всех.

Кейн успел заметить: Саманта частенько упрекает Майка в том, что он врет. Сейчас он врал ей совершенно безбожно. Но только потому, что был уверен: Саманта никогда не примет участия в этом спектакле, если узнает, что он разыгрывается ради нее. Ради Майка — другое дело.

Кейн молчаливо слушал, как Майк вешает ей на уши лапшу: мол, Джубели что-то скрывает, что Уолден знает намного больше, чем рассказывает, а теперь, если он, Майк, сумеет получить недостающие ответы, то наконец сможет достичь цели всей своей жизни и закончить книгу... Кейн отлично понимал, чего добивается его брат, и еще никогда он так им не гордился. Поймав взгляд этих глаз, так похожих на его собственные, Майк, как всегда, мгновенно прочитал мысли своего близнеца и улыбнулся, немного смущенный, но в общем очень довольный.

Саманта выслушала Майка, и ей стало не по себе.

— А кто же будет зрителем? — допытывалась она, широко раскрыв от удивления глаза. — И как мы наберем нужное количество актеров? И потом, даже если нам это удастся, потребуется куча времени для репетиций.

Хотя она и не произнесла это вслух, было ясно, что она подразумевала: у Макси нет столько времени.

— Привлечем родственников, — одновременно, как уже не раз случалось, ответили Майк и Кейн.

— Майк, — снова начала Саманта, пытаясь быть как можно более рассудительной. — Это же свыше ста человек, их нужно одеть в стиле двадцатых годов. Это обойдется...

— К черту! Монтгомери заплатят... или Фрэнк. Он может купить в Лос-Анджелесе ателье по шитью костюмов и заработать на этом капитал. Он всегда умудряется на всем разбогатеть. Так что не беспокойся о деньгах...

Саманта опустила глаза, потом опять взглянула на Майка. На лице ее появилась гримаса. Она

вспомнила об Орнете, а это воспоминание всегда вызывало у нее тошнотворное чувство.

— А что с оркестром?

— Мы попросим Джубели.

Она посмотрела на них, как на идиотов.

— Джубели сто один год!..

— И к тому же он с ума сходит от безделья, — закончил ее фразу Майк. — Если только нам удастся избавиться от его сварливой дочери, то могу поспорить, он с удовольствием поможет.

Саманта хотела сказать, что затея пугает ее. И не только потому, что ей придется петь перед всеми этими людьми и играть перед ними такую сложную роль. Ее страшило другое. В эту ночь были убиты люди; следствием этой ночи спустя годы стала гибель ее матери, а бабушка была вынуждена всю жизнь скрываться. Она вовсе не была уверена в том, что желает взглянуть прямо в глаза дьяволу.

Майк видел, что она сомневается. Он протянул руку и сжал ее пальцы.

— Мне кажется, идея представления понравится Джубели и Уолдену с этой его татуировкой. Ну, а Макси, когда увидит, что все согласны участвовать, тоже согласится.

— А как насчет Дока?

— Док будет за всем этим наблюдать, — после долгой паузы ответил Майк. Саманта рассмеялась.

— Могу себе представить пригласительный билет: «Мисс Саманта Эллиот и ее труппа имеют удовольствие просить Вас принять участие в спектакле в клубе Джубели, который посвящен самой жуткой ночи Вашей жизни».

Ни Майк, ни Кейн, казалось, не смотрели друг на друга, но Саманта чувствовала, что они быстро переглядываются.

— Майк, — тихо проговорила она, — как же ты планируешь его заставить присутствовать?

— Это моя забота, — надменно процедил Майк.

Но Кейн не мог ей врать. Да у него и не было на то столь важной причины, как у Майка, который понимал — случись что с Самантой, и жизнь его кончена. Кроме того, Майк знал за Самантой грешок совать свой нос куда не следует.

— Мы его похитим, — брякнул Кейн. Саманта кивнула головой: она так и подумала, когда Майк сказал, что Док будет наблюдать за спектаклем.

— Ну и что же уже сделано? — спросила она. Все последние дни, несмотря на овладевшее ею с новой силой чувство скорби по покойной матери, она чувствовала, что Майк чем-то очень занят.

На сей раз Майк и Кейн открыто переглянулись. Взгляд Майка был полон гордости, будто он только что говорил брату, что его Сэм самый смелый человек в мире, а теперь эти слова получили подтверждение.

Они начали обсуждать подготовку спектакля, и Саманта тут же увидела, что многое еще не учтено и требует немедленной доработки: кто, например, будет играть Дока и как он выглядел в молодости; где будет находиться штаб-квартира для проведения многочисленных необходимых встреч и переговоров; где останутся родители Майка, не в гостинице же?

Кейн сидел и попивал кофе, наблюдая, как ругаются Майк и Саманта: она непременно хотела, чтобы приехавшие родственники остановились в доме Майка, а он был от этой идеи отнюдь не в восторге.

— Да пойми же ты, они просто счастливы пожить иногда в этих своих отелях! У них будет отличное обслуживание, уборка, кормежка... а у меня — покой, тишина и личная жизнь...

— Да, в Нью-Йорке везде отличное обслуживание, — согласилась Саманта. — А где остановится твой брат? Твой брат-близнец и его прекрасные детишки?

— Эти бандиты кто угодно, только не «прекрасные»! — почти заорал Майк. — За одно это утро они уже умудрились сожрать половину моих роз и вырыли в саду маленькую ямку, куда может свалиться целый грузовик! Если их поселить здесь, они сотрут это место с лица земли.

— Ах, вот как! — Она поджала губы. — Ну конечно! Твой дом! Твои родственники! Здесь ничего моего нет, насколько я понимаю, даже моей квартиры? Я должна была это понять с самого начала. Ведь я просто твоя квартирантка, и никто больше. У меня тут никаких прав.

Майк обнял ее.

— Ну, детка, я вовсе не имел это в виду. Конечно, у тебя есть права. Если ты хочешь, чтобы все родственники сюда переехали, да ради Бога!

Глядя из-за плеча Майка, Саманта подмигнула Кейну. Может, она и применила незаконные приемы в этой схватке, но ведь выиграла же, а это главное. Кейн отсалютовал ей кофейной чашкой.

Глава 31

После того как Саманта преодолела свои сомнения по поводу самой возможности воссоздания эпизода из прошлого, она с особым рвением взялась за работу. Первое, что она сделала, — это пригласила все ключевые фигуры спектакля на обед и организационное собрание.

— И я сама буду готовить, — заявила Саманта. В ответ Майк ехидно заметил, что для нее готовка означает тыкать в телефонные кнопки пальцем, пока он не заболит. Проигнорировав его выпады, она дала ему и Кейну длинный список необходимых покупок; туда входили такие экзотические продукты, как свежие стручки зеленого острого перца («не те ужасные, консервированные, в банках»), тмин, поджаренный маис с сахаром и так далее...

К вечеру, когда начали съезжаться родственники, дом был полон ароматами тушеного перца, жареной кукурузы и запеченного мяса. Весь день Майк, Кейн и близнецы выполняли распоряжения Саманты, будто солдаты в армии. Взрослые резали лук и перец, пассировали и обжаривали, мальчикам было велено раскрошить хлеб для пудинга.

Все приехали голодные. Майк начал разливать «маргаритас» [1].

Джубели прибыл со своей седой, зверского вида дочкой, однако уже через пять минут отправил ее домой, с ним остался его правнук Орнет.

Пока все поглощали тарелками мексиканскую пищу, восклицая, какая она острая, просто невозможно есть, и одновременно накладывая себе очередную порцию, Саманта действительно поверила, что из этой затеи что-то выйдет. Люди уже начали раскрывать кое-какие свои секреты. Джубели, например, велел тем, кто будет работать над ролями парней Скальпини, первым делом переговорить с ним. Уолден (только взрослые дети были допущены на вечер, но и те были поражены татуировкой на его руке) заявил, что ему нужно кое-что рассказать Саманте-Макси.

В середине обеда, когда уже стало так шумно, что трудно было услышать друг друга, отворилась парадная дверь и вошла Блэр, а с ней на специальной кровати приехала Макси, присоединенная многочисленными трубочками к своим аппаратам.

— Я пыталась ее отговорить, — объяснила Блэр своим докторским голосом, — но она так умоляла меня. Ну, осталось еще чего-нибудь поесть?

Джубели и Макси на какое-то время оставили наедине — подержать друг друга за руки и посмотреть друг другу в глаза. У них были секреты, известные только им двоим. К удивлению Майка, и Уолден, оказалось, знал Макси очень даже хорошо. Более того, относился к ней с таким уважением, словно она была царствующей особой или, к примеру, волшебницей.

— Кто будет играть роль Дока? — громко спросила Саманта, держа руку на плече своей бабушки. Она пыталась развеять мрачную атмосферу, сгустившуюся в доме с приездом Макси: уж очень та выглядела слабой.

— Конечно, было бы неплохо для начала выяснить, что он из себя представлял в те годы.

После этих слов в разговор вступила Макси. Всю дорогу, пока ее везли в карете «скорой помощи», Блэр рассказывала ей о том, как планируется воссоздать тот вечер, поэтому Макси знала, что от нее требуется.

Блэр сказала Майку, что кровь на платье Макси — первой группы, с положительным резусом. Это могла оказаться кровь многих из тех, кого застрелили в тот вечер. Но это не была кровь Майкла Рэнсома. У него была другая группа. Уже после прибытия Макси явилась Дафния с шестью подружками. С ее появлением народ зашумел, ибо она появилась в немыслимо ярком и безвкусном наряде — совсем как туристы из Техаса, что приезжают в Санта-Фе. На ней был костюм с ниспадающей сверкающей бахромой, с черными и белыми перьями, торчащими на плечах. После того как Саманта познакомила ее с семьей Майка, он объяснил всем, что Дафния и ее подружки будут выполнять роль хора для Саманты. Один из юных родственников Майка просто разинул рот при виде Дафнии. Когда к нему вернулся дар речи, он спросил у Вики, нельзя ли будет помочь ей снимать с девушек, мерку для их костюмов. Вики закатила глаза, но одна из девиц, посмотрев на чистеньких, аккуратно подстриженных молодых людей, заявила, что они не имеют ничего против, если мальчики их обмерят, это лишь даст им возможность почувствовать себя учительницами в классе.

Когда Саманта показала всем наряд Макси, Рейни сказал: «Туфли хорошие», — и все рассмеялись. Спросив, что в этом смешного, Саманта получила ответ, что мама Рейни обожала туфли, и у нее даже была специальная комната, полная туфель. Тогда она на полном серьезе поинтересовалась: «Какого размера?» — это вызвало еще больше смеха.

Они ели хлебный пудинг и тонкие лепешки, а тем временем распределяли роли и обсуждали, где и как репетировать. Часть людей во главе с Вики должна была готовить костюмы, а затем быть в числе публики. Джилли должна была стать всеобщим историческим консультантом,

отвечая всем на вопросы, что и как надевать, как себя вести, какой использовать жаргон. Решение о необходимости изучения жаргона того времени было принято, когда один из родственников Майка заявил, что слово «кайф» пришло из двадцатых годов.

Лишь один раз у Саманты возникло желание отказаться от всей этой затеи — когда отец Майка, Иэн, начал обсуждать вопросы тренировки по стрельбе из автоматов. Он увидел лицо Саманты и пояснил, что оружие будет как в кино, но она тут же вспомнила случай, как застрелился один актер, играя с пистолетом, заряженным холостыми патронами.

Было уже поздно, когда все разошлись, превознося до небес кулинарные способности Саманты.

— Я уже сто лет не был в Санта-Фе, — стоя в дверях, проговорил Иэн. — Я помню, что это достаточно изысканный городок.

— Я бы не сказала, что он такой уж изысканный, — без улыбки ответила Саманта, — но невесты там заказывают посуду и серебро по каталогам лучших фирм.

Иэн, посмеиваясь, спускался по лестнице, а Пат и Саманта в это время договаривались, что родители завтра же переедут к Майку. На прощание Пэт поцеловала Саманту в щеку.

Когда все разъехались — Макси и Блэр в приют, Кейн с мальчишками в отель, чтобы забрать вещи и утром тоже переехать сюда, — Саманта и Майк наконец остались одни. Их глаза встретились.

И уже через мгновение, уцепившись друг в друга, занимались любовью прямо на полу в вестибюле, потом перебрались в гостиную, затем в библиотеку... Им казалось, что они не видели друг друга целый год. От избытка чувств Майк начал придавать телу Саманты самые невероятные позы, но она после длительных занятий аэробикой была столь гибкой, что легко поддавалась этому, а ее ноги без всякого напряжения оплетали его бедра, талию, плечи и даже шею... Только под утра силы покинули их и они забылись сладким сном.

Сущая пытка репетировать с этим Орнетом, думала Саманта. Еще никогда в жизни она не встречала такого расиста; и после того как она его так прямо и обозвала — в ответ на четвертое по счету заявление, что у нее слишком белая кожа, чтобы петь блюзы, — в комнате воцарилась тишина. Орнет был просто оскорблен: он считал, что только белые могут быть расистами, а если Саманта обиделась, так она дура, и больше ничего!

К тому моменту, когда Майк вошел в спортивный зал приюта для престарелых, Саманта уже стояла на стуле и кричала прямо в красивое лицо Орнета, он отвечал ей тем же. Макси и Джубели в сторонке с обожанием глядели на своих чад.

— Кто побеждает? — присев рядом с Макси, поинтересовался Майк.

— Кажется, ничья, как ты считаешь, Джуб?

— Ничья, ничья. Похоже, Орнет встретил достойного противника.

Склонившись, Майк сообщил старичкам, что он уже договорился с владельцем фирмы грамзаписи, чтобы записать выступление Орнета.

— Кто знает, что из этого всего выйдет, хотя бы останется запись.

Улыбаясь и одобрительно кивнув головой, Джубели заметил, что все это замечательно, но Саманта минуту назад опять обозвала Орнета расистом, и им с Макси не следует отвлекаться, а надо следить за поединком, как всем остальным обитателям приюта.

Ранним утром, за два дня до спектакля, Саманту вырвало. «Нервы», — объяснила она Майку, когда он протягивал ей полотенце. Как и прежде, он держал ее голову, пока она склонилась над унитазом. Потом озорно улыбнулся и предложил наконец позавтракать. Саманта тут же вновь со стоном прижалась к унитазу.

Ближе к полудню она пришла в себя, съела тосты и выпила соку, запив им витамины, которые подал ей Майк. И с ехидной улыбкой поинтересовалась, как продвигаются его танцы. Саманте потребовалось четыре дня, чтобы вытянуть из него, как он готовится к своей роли Майкла Рэнсома. Когда он не выдержал ее приставаний и наконец сказал, у него был такой мученический вид, что Саманта не могла удержаться от хохота. Майк, оказывается, брал уроки бальных танцев.

вернуться

1

Разновидность мексиканской водки.

В одиннадцать утра они поехали к Макси. Майку пришлось три часа ждать за закрытой дверью, пока Макси рассказывала Саманте все, что знала о той ночи 1928 года. Когда наконец Саманта вышла, она выглядела бледной и измученной.

— Выяснила? — взяв ее за руку, поинтересовался Майк.

— Да... В основном, но не до конца. — Губы ее поджались, превратившись в узкую линию. — Ну и бандит этот старикашка!

Майк понял, что она имеет в виду Дока. Ей явно хотелось выругаться, но не находилось нужных слов, чтобы выразить то, что она испытывает к этому человеку.

Все шло слишком гладко, и непременно должно было произойти нечто такое, что омрачило бы эту идиллию. Утром, за день до спектакля, после того как Саманту в очередной раз вытошнило, позвонил Кейн и сказал, что заболел один из близнецов. Он уверял, что ничего серьезного нет, но Саманта почувствовала, как он взволнован.

— Блэр сейчас с ним. Она говорит, что беспокоиться не о чем, но мне не хотелось бы оставлять его. Может, Майк возьмет папу или Фрэнка с собой за...

— За Доком? — закончила за него Саманта.

— Да, — выдохнул Кейн, радуясь про себя, что в свое время не посвятил ее во все подробности. — Папа знает, что делать.

Саманта тотчас пришла к Майку в библиотеку и пересказала разговор с Кейном.

— Ну конечно. Я возьму отца. — И Майк направился к двери, но Саманта преградила ему путь.

— Я поеду с тобой.

— Очень-очень-очень смешно! — мрачно проговорил он, протягивая руку к дверной ручке. Но она схватилась за нее первая. — Послушай, Майк. В этом есть резон. Я знаю, что вы там выдумали с Фрэнком... и не вздумай мне врать! Твой брат думает, что за деньги можно купить все.

— Ему это обычно удается.

— На этот раз его деньгами была подкуплена охрана в доме Дока.

— И это было совсем не так трудно. Им не платили жалованье уже столько времени! Они живут его обещаниями, что скоро, мол, поступит кругленькая сумма из Европы, но, мне кажется, он на мели. Фрэнк узнавал — нет никаких поступлений.

— И у кого же он наводил справки — у своих друзей с биржи?

— Деньги есть деньги везде! Фрэнк интересовался в таких местах, о которых тебе и знать не следует.

— Конечно, Сэм такая простушка. Слишком глупая, чтобы узнать факты!

— Сэм не простушка, а Сэм — в большой опасности. Очень дорогая для меня Сэм, — отрезал Майк.

Немного успокоившись, Саманта пристально посмотрела на него.

— Сколько из охранников удалось подкупить?

— Большинство... Ну хорошо, хорошо — восемьдесят процентов. С тремя нам так и не удалось связаться. Кроме них, есть еще обслуга в самом доме. Так что лезть в дом опасно, — Майк нагнулся к ней, — Саманта, у этих людей оружие.

Она сделала глубокий вдох.

— Майк, я маленькая. Я могу проникнуть туда, куда ты и твои мускулистые братья — не можете. Я могу перелезть через ограды и влезть на деревья. Представляешь, если тебе и твоему отцу придется лезть через забор? Кто кого будет подсаживать туда? А меня можно в случае необходимости просто перекинуть...

— Ага, чтобы ты приземлилась аккуратно на свое красивое личико!

— Прекрати разговаривать со мной свысока, как с ребенком! — Ее рука легла ему на грудь, выражение лица смягчилось. — Майк, вам просто необходимо взять меня с собой. Если что-то случится, Док не посмеет убить меня, и я смогу вас защитить.

— Почему же это он не убьет тебя? Он же знает, что ты не его внучка.

— Да просто я теперь знаю, что случилось с деньгами Однорукого! — тихо сказала Саманта. — А если Док с нами что-нибудь сделает, то не видать ему ни гроша!

Глава 32

Им пришлось перелезть через стену.

Спрятав машину в тени деревьев, Майк и Саманта подошли к воротам и убедились, что они заперты. Майк уверял, что Фрэнк подкупил охранников на воротах и те должны были их отпереть.

— А может быть, они подъехали не к тем воротам?

В нескольких шагах стояло дерево с толстой ветвью, протянувшейся через кирпичную стену. Взобравшись на дерево, Майк помог влезть на стену Саманте и кинул пару кусков очень вонючего мяса в густую неухоженную траву по ту сторону стены, чтобы убедиться, что собаки не выпущены, как и было условлено. Потом Саманта подала ему руки, сжав пальцы в замок. Майк лег на ветвь и медленно опустил ее со стены на землю, затем спрыгнул сам.

— Беги! — приказал он, делая рывок. Она неотступно следовала за ним.

Как они и рассчитывали, боковая дверь в дом была не заперта и были включены небольшие светильники, чтобы они могли пробраться, не задевая за мебель. Майк обратил внимание, что кое-где столы и стулья были просто убраны с дороги.

Когда они пробирались мимо кухни, услышали голоса, хотя было уже за полночь и в доме все должны были спать. Затаив дыхание, они на цыпочках пробрались мимо и начали подниматься по лестнице.

Одна из половиц закрипела, когда Саманта наступила на нее. Через секунду появился охранник, всматриваясь в темноту, но молниеносная реакция Майка спасла их. Он успел втолкнуть Саманту в открытый сбоку дверной проем и закрыл за собой дверь.

— К старости ты становишься нервным, — услышали они мужской голос.

— Что-то сегодня происходит неладное... нутром чувствую! — ответил второй мужской голос. — Думаешь, со стариком все в порядке?

— Он нас всех переживет. — В тоне, каким это было сказано, не чувствовалось особой любви к своему хозяину.

Когда охранники ушли, Саманта вслед за Майком, вышла из укрытия. Кажется, он выучил наизусть весь план дома — свободно шел в нужном направлении и знал, какие надо отворять двери.

Док уже подждал их. Он не спал, не читал книгу, он просто ждал, полностью одетый, сидя на заправленной кровати. Он даже не моргнул от удивления, когда в дверях появились Саманта и Майк.

— Я слышал, как вы шли по лестнице, — проговорил он. — Из вас никогда не выйдет домушников.

— Предоставим грабеж вам, — агрессивно заявил Майк. — Мы здесь не за тем. Вы идете с нами!

— Да, я хотел бы посетить этот ваш спектакль, который вы приготовили для меня. Много лет прошло с тех пор, как кто-то ради меня устраивал такие грандиозные мероприятия. Поэтому я ни за что не пропущу его.

— Что вы о нас знаете? — прошипела Саманта. Когда он обернулся к ней, то на какое-то

мгновение кровь в ее жилах застыла: в сумерках Док вовсе не выглядел жалким старым инвалидом. Это был молодой, бессердечный гангстер — бандит, которому наплевать на все и на вся.

— Я бы никогда не дожил до моих лет, если бы всегда не был в курсе дел, что происходят вокруг. Я знаю, что вы подкупили большую часть моей охраны, чтобы они оставили открытыми двери и не спускали на ночь собак, — Он гадко улыбнулся. — Я запер центральные ворота. Мне не хотелось, чтобы все у вас так легко вышло. А через семь минут спустят собак...

После этих слов первое, что пришло Саманте в голову, — что им с Майком нужно уходить, и как можно скорее. Кажется, о том же самом подумал и Майк, но перед тем как покинуть комнату, он схватил на руки высохшее тело Дока и побежал, перепрыгивая через две ступеньки. Саманта бросилась за ним. Когда двое сонных охранников выглянули из кухни на лестницу, троица уже была в саду. Майк бежал так быстро, что Саманта еле за ним поспевала, но мысль о собаках и вооруженных охранниках придавала ей сил. Она не знала, куда бежит Майк, но бежала за ним, след в след, будто от этого зависела ее жизнь, что, впрочем, было недалеко от истины. Когда Майк внезапно остановился, Саманта по инерции врезалась в его спину, но он даже не шелохнулся. Перед ними была узкая калитка. Саманта нервно оглянулась и дернула за ручку, но обнаружила, что калитка заперта на большой цифровой замок.

— Какая комбинация цифр на замке? — Майк нагнулся к старику, лежащему на его руках.

Док лишь расплылся в довольной ухмылке и промолчал.

— Имей в виду: когда появятся псы, я им для начала брошу тебя...

— Молодой человек, — начал Док таким тоном, будто он восседал на троне, а не был на руках у похитителя, — не врите. Вы относитесь к тому типу людей, которые ради чужого человека пожертвуют собственной жизнью.

Саманта подумала, что кто бы ни был этот Док, но он хорошо разбирается в людях. Она знала, что Майк безусловно не способен на такой жестокий поступок, как бросить дряхлого старика своре собак.

— Что нам теперь делать? — прошептала она, перепуганная до смерти возможной перспективой.

Мгновение Майк глядел на Дока, который с большим интересом наблюдал за ними, потом оглянулся на Саманту.

— Попробуй — 12-5-28, — сказал он. Это была дата кровавой бойни, дата, когда Макси сбежала от Дока.

Трясущимися пальцами Саманта набрала код. Когда замок не открылся, она в ужасе посмотрела на Майка.

— Набери комбинацию заново, — спокойно посоветовал он, будто у них было полно времени.

После второй попытки замок открылся, и они выбежали через калитку. Саманта на секунду задержалась и вновь заперла калитку на замок в надежде, что это задержит собак и преследователей.

Они помчались к спрятанному под деревьями, взятому напрокат накануне, мини-грузовичку.

Кит — старший брат Майка успел установить на грузовичке сзади тент, помог закрепить в машине баллон с кислородом и кое-какое необходимое, оборудование из «скорой помощи».

Теперь же в задней крытой части грузовичка сидела и ждала их Блэр, готовая принять Дока и оказать ему помощь в случае, если он не выдержит поездки, а она обещала быть нелегкой. Майк занес Дока в машину и уложил его на кровать, крепко пристегнув. Саманта села на место водителя. Увидев это, Майк подбежал к кабине и велел ей немедленно занять место пассажира.

— Я поведу, — спокойно заявила Саманта.

— Черта с два! — рывкнул Майк и попытался столкнуть ее на соседнее сиденье, но она была уже пристегнута ремнем.

— Майк, я умею водить! Я ездила в Санта-Фе четыре года и ни разу не попала в аварию! — В ее устах это прозвучало почти как: «Я три года подряд завоевывала главный приз на супергонках „Индианаполис-500“!»

Именно в этот момент раздался первый выстрел. Майк понял, что у них нет времени на споры и, вскочив на подножку перед раскрытой дверцей, велел ехать. «Ехать» — это было не то слово. Им навстречу мчались три огромные машины. Саманта маневрировала, объезжая их, как на аттракционе, только эти гонки были настоящие. Расстояние между машинами порой было не больше сантиметра.

Когда три атаковавшие машины остались позади, Саманта дала по тормозам и приказала Майку залезть в машину. Без единого слова он перекатился через крышу, прыгнул в кабину на место пассажира, хлопнул дверью и пристегнулся ремнем. А когда она вновь нажала на газ, посмотрел на нее с уважением. На секунду она повернула к нему лицо и улыбнулась.

— Думаешь, это было сложно? Ты бы видел, что делается на обычном перекрестке в Санта-Фе! Никаких правил! Кто самый крутой, тот первый и проскакивает. Я привыкла никого не пропускать!

Для Майка эта поездка стала сущим адом. За ними гнались три машины, а Саманта летела по шоссе в город, ныряя из одного ряда в другой, как живой челнок, скачущий в ткацком станке. Маленький грузовик оказался не только до тошноты быстрым, но и крайне маневренным; более того, у него все четыре колеса были ведущие, так что он, наверное, смог бы въехать на телеграфный столб, облитый маслом. Когда Саманта увидела справа дыру в ограждении дороги, то резко вывернула руль вправо, переехала насыпь, проехала между бетонными плитами — и оказалась на другой дороге. Погони уже не было.

Зато когда они добрались до приюта для престарелых, вместо людей Дока их преследовали три полицейских автомобиля.

Саманта бросилась вверх по лестнице, предоставив Майку и Блэр выяснять отношения с полицией, которой они должны продемонстрировать спящее тело Дока и объяснить, что эта гонка оправдана тяжелым клиническим случаем.

Саманта, вбегая в комнату бабушки, знала, что Макси не спит и ждет ее — она была в курсе события этого вечера.

— Сделали! — выдохнула Саманта и присела на кровать к Макси. Та обняла ее и мягко сказала:

— Значит, он здесь...

— Да! — прошептала Саманта.

Он здесь, думала Макси. Док тут, под одной крышей с ней, после стольких лет...

Глава 33

Все утро Саманта не выходила из туалета — сказались последствия после вчерашнего плотного ужина. Остаток дня перед спектаклем она вместе с другими женщинами, которым предстояло играть роли подружек гангстеров, разнощиц сигарет, официанток, провела в салоне красоты. Там ей сделали прическу с волной и прочли лекцию о том, какую косметику использовали в двадцатых годах и как именно. Все устроила Вики. Женщины были счастливы, возбуждены и постоянно хихикали. Одна Саманта была серьезной. Она сидела под сушилкой для волос и листала последний номер журнала «Нью-йоркская женщина».

В доме Майка тоже царил суеда. В доме находился штаб подготовки к вечеру. С общего согласия Пэт Таггерт взяла на себя роль руководителя труппы. «Вырасти дюжину детей и увидишь, что нет в жизни ничего, что можно было бы назвать трудностью!» — говорила она Саманте.

Одна спальня превратилась в «срочную примерочную», другая — в гримерную, где работала пара классных спецов, приглашенных Вики. Две комнаты были выделены под репетиции. Одну из них оккупировал отец Майка, который наставлял своих «актеров». Когда он увидел, что Саманта после возвращения из салона слоняется без дела, он просто хлопнул дверью перед ее носом.

Ближе к вечеру Саманте удалось укрыться в уголке сада, где она наконец себя почувствовала сама собой. Трудно описать, что она испытывала: волнение и предвкушение, спокойную уверенность и лихорадочное возбуждение... Жаль, что Майка нет рядом — думала она. Он был где-то далеко, но, где и что делает, не сказал.

Когда внезапно объявились дети Кейна с книжками сказок, Саманта поглядела на их отца с благодарностью и улыбнулась. И, втащив довольно тяжелых мальчишек к себе на колени, принялась читать им сказки.

Но вот наконец Вики сказала ей, что пора ехать в клуб Джубели и готовиться к выступлению. Поцеловав близнецов на ночь и думая о том, как ей не хочется их оставлять, Саманта вышла к поджидающей ее машине и отправилась в Гарлем.

Пока все работали, а она репетировала с Орнетом, ей не позволяли взглянуть на то, как переделывается клуб. Теперь, войдя туда с черного хода, ведущего на сцену, она тихонько отошла от Вики и проскользнула в зал, где спряталась в тени, чтобы ее никто не видел, и начала следить за происходящим.

Джейн провела грандиозную работу. Клуб выглядел как типичный образец стиля «Арт Дека» — самого модного в 1928 году. Все было выдержано в бирюзовых и серебряных тонах. Танцевальная площадка перед оркестром казалась инкрустированной серебряными листиками. Крошечные столики — похоже, их было не меньше сотни, — покрытые длинными бирюзового цвета скатертями. В центре каждого столика стоял небольшой светильник.

На помосте находился оркестр, где Орнет — невероятно красивый в своем смокинге — разговаривал с музыкантами. В руках он держал свою любимую трубу. Вид его заставил

Саманту улыбнуться. Ее уже не могла обмануть эта яростная маска: она знала, что под ней скрывается добрый и славный парень, настоящий музыкант, больше всего в жизни любящий музыку. Он только ужасно боялся показать свою доброту. Теперь же он «разогревал» свой оркестр небольшой джазовой миниатюрой, перед тем как начнется настоящая работа — блюзы. В 1928 году — счастливом и радостном времени, еще до краха фондовой биржи и начала Великой Депрессии, вся страна сходила с ума по блюзам. Но после краха народ хотел слышать песни бодрые, такие, например, как «Вновь настали счастливые дни». В результате такие певицы, как Бесси Смит, сошли со сцены.

Из своего тайничка Саманта наблюдала, как в клуб стали собираться люди — элегантные мужчины и смеющиеся женщины в длинных роскошных нарядах. Мода 20-х годов может показаться какой-то бесформенной, но своей простотой она подчеркивала линии женского тела. Когда женщина шла, ткань как бы обволакивала ее, и это было очень сексуально.

Вошли одновременно две очень красивые женщины, их кавалеры-«гангстеры» следовали за ними. У мужчин был суровый, самодовольный, даже, пожалуй, самовлюбленный вид.

Глядя на них, Саманта попятилась еще дальше в темноту. В своих брюках и блузке она чувствовала себя явно инородным телом в этой компании. Постепенно клуб начал заполняться, и чем больше становилось людей, тем больше она ощущала, что провалилась в какую-то временную дыру, в самом деле очутившись в 1928 году.

При виде вошедшего Майка Саманта машинально прижалась спиной к стене, наблюдая, как он свободно чувствует себя в клубе, где, очевидно, знал каждый угол. Он заигрывал буквально с каждой женщиной, но Саманта не испытывала ревности: это не был ее Майк. Этот человек был Майк Рэнсом. Красивый, в отлично сшитом смокинге, он по-другому держался, у него была другая походка, даже фигура была другая.

Он подошел к одной красотке — иначе ее не назовешь. На ней было слишком много грима, движения неловкие, смех слишком громкий и, по мнению Саманты, слишком пышная грудь. Майк пригласил ее на танец. Взвизгнув от восторга, женщина вскочила и подала ему руку. Прежде чем взять ее, Майк посмотрел в сторону мужчины, сидящего за столиком, как бы спрашивая разрешения. Глядя поверх своего огромного живота, «упакованного» в безвкусный жилет, черный в желтую полоску, тот снисходительно кивнул, как король своему подданному. Преступник, чувствующий свое превосходство над другими... Интересно, он и вправду полагает, будто достиг в жизни чего-то значительного, подумала Саманта.

Майк вывел красотку на серебряную танцевальную площадку, освещенную таким мягким светом, что в его лучах даже баба-яга выглядела бы очаровательной, обнял ее и повел в танго. Саманта даже задыхнулась от возмущения, обнаружив его очередной обман. Он говорил ей, что практически не танцует, что способен лишь крепко прижать партнершу и тереться об нее весь танец. Теперь же она воочию убедилась, что о таком партнере можно лишь мечтать. Даже эту нескладную и неумелую толстуху он ухитрялся так ловко и красиво крутить, поворачивать и наклонять, что она казалась почти изящной. Да с ним и манекен стал бы хорошим танцором.

Когда танго окончилось, Майк проводил красотку к ее гангстеру. Затем, получив от него разрешение, поцеловал ей руку.

— Эй, парень! — окликнул его гангстер, властно махнув рукой.

Что бы ни испытывал Майк, услышав подобное обращение, он не показал виду, а подошел к гангстеру, и тот сунул ему в карман пиджака десятидолларовую купюру. Саманте пришлось

приложить массу усилий, чтобы сдержаться и не выскочить из своего укрытия. Как смеет это ничтожество, чья заслуга состоит лишь в том, что он занимается темными делишками, так обращаться с Майком?!

— Ты готова?

Вздрогнув от неожиданности, Саманта обернулась и увидела Вики. Та была уже в длинном блестящем атласном платье синего цвета. Прическа ее была украшена белыми перьями, а на лбу красовалась тройная нитка бриллиантов, и Саманта была уверена, что камешки настоящие.

— Да, готова, — тихо ответила она.

Следуя за Вики в гримерную, Саманта чувствовала, как с каждой минутой все больше теряет ощущение реальности. Это чувство еще усилилось, когда Вики открыла дверь. Гримерная была залита ярким светом. Дафния и другие девушки в разной стадии готовности сидели перед длинным зеркалом; повсюду были разбросаны платья, перья, какие-то флаконы и блюдечки с остатками грима.

— Лила? — прошептала Саманта.

— Да, сладкая моя, слушаю? — Лила, она же Дафния, обернулась и окинула ее взглядом с ног до головы.

— Самое время быть готовой. Твой выход... — Наклонившись, она шепотом добавила: — Ты же не хочешь разочаровать Майка в последний вечер.

Это был удар ниже пояса. Саманта потеряла дар речи, ведь Лила не должна была знать, что это будет последним выступлением Макси в клубе Джубели.

Оглянувшись на других девочек, Лила прошептала:

— Не дрейфь, никто из них не проболтается.

Не Макси, а пока еще Саманта — кивнула.

— Твое платье, — проговорила за спиной Вики, и, обернувшись, Саманта увидела то самое платье Макси. Это не была подделка, как первоначально планировалось. Майк сказал, что снять с него копию обойдется слишком дорого, поэтому Джилли связалась с Обществом американского костюма и через них достала у реставраторов специальные средства, чтобы привести платье в порядок.

У Саманты просто затряслись руки, когда она взяла у Вики это платье.

— Драгоценности на столе, нижнее белье — сзади.

— Ни пуха ни пера, — сказала Лила и отправилась вместе с другими девочками на выход. За ними вышла Вики.

Стоя в продолговатой комнате, одна-одинешенька, с платьем, которое еще недавно было залито кровью, Саманта почувствовала, как по спине пробежал холодок. Обернувшись, она увидела кушетку, как обычно, заваленную всяким бархлам — рваными чулками, замызганными блузками, туфлями с оторванными каблуками. В углу была еще одна свалка одежды, и Саманта

точно знала, что где-то там, внизу, находилась дорожная сумка Макси, где хранились все сбережения Макси и Майка: около пяти тысяч в стодолларовых бумажках.

Все еще дрожа, она повесила платье на спинку стула, разделась и стала надевать нижнее белье Макси. И опять, как раньше, мгновенно ощутила себя другим человеком, будто эта одежда имела волшебные свойства. И не удивительно, подумала Саманта, надевая шелковую комбинацию. События, свидетелем которых стала эта одежда, вполне могли оказать на ткань сверхъестественное воздействие.

Несколько дней назад бабушка Саманты рассказала ей все, что в действительности произошло в ту ночь и что изменило судьбы стольких людей, вплоть до того самого момента, как она вышла из служебной двери клуба и в руках у нее была дорожная сумка и мешочек Однорукого.

Слушая этот рассказ, Саманта порой ощущала все так ясно, будто это происходило с ней самой, а порой на нее находило какое-то оцепенение. Всего за несколько дней до этого она узнала о страшной смерти своей матери от рук убийцы-изувера. Есть ли предел переживаниям, которые может человек вынести, да что вынести — просто осмыслить?!

Саманта уже надела платье Макси и присела перед трюмо подправить свой макияж.

— Десять минут до выхода, Макси! — раздался мужской голос из-за двери.

Через десять минут ей нужно будет выйти перед всей этой публикой и петь. Ей нужно будет сделать то, что сделала в ту ночь Макси.

Внезапно она бросила взгляд на запертую дверь уборной, грязную, но крепкую. В конце концов, никто же не заставит ее выйти отсюда, если она не захочет!

Саманта сделала над собой усилие и вновь вернулась к зеркалу. Это ведь только спектакль — внушала она себе. Она лишь исполняет роль, и тем самым помогает Майку. Он использует фотографии сегодняшнего вечера в своей книге, к тому же он...

Наклонив голову, Саманта сжала ладонями виски. Она не могла заставить себя относиться к этому как к спектаклю. Не могла не думать о своей матери и о своем деде Кэле, о том, как он был одинок после исчезновения жены... Воспоминания настойчиво бились в голову и не давали покоя.

Все последующие трагедии имеют корни в этой ужасной ночи 28-го года: исковерканные судьбы, убийства, ненависть...

— Я не смогу... — прошептала Саманта, но тут взгляд ее упал на коробку пудры на столе. Обычная коробка — белая с синим, рядом пуховка из шерсти ягненка, с розовой лентой на ручке. В коробке — самая обычная пудра.

Она взяла пуховку и посмотрела на нее. Может, вся эта история началась тогда, когда Макси высыпала пудру Майку Рэнсому на голову?.. Саманта прикрыла глаза и так сидела какое-то время, вспоминая все, что ей недавно рассказали, не отталкивая эти мысли, а давая им оформиться в единое целое...

— Твой выход, — раздался голос Вики.

Когда мисс Саманта Эллиот встала, подправляя светлые волны своей идеальной прически, она уже была Макси и была готова к выходу.

Мэри Эбигейл Декстер пыталась застрелить своего четвертого отчима, когда ей было четырнадцать лет. А спать с ним он заставил ее еще два года назад. Она очень переживала, что не убила его. Но она была в бешенстве, и плакала, да к тому же еще зачем-то целилась в его неправдоподобно маленькую голову, а не в громадное тело, — и в результате пуля лишь задела кончик волосатого плеча, а не влетела прямо в его мерзкий смеющийся рот.

Выстрел и вид собственной крови настолько напугали этого ублюдка, что Эбби наконец удалось то, что она давно и тщетно пыталась осуществить, — она сбежала из развалюхи, в которой они обитали.

Она шла без еды два дня. К голоду ей было не привыкать, так как ее мать обычно была слишком пьяной или слишком занятой своими мужиками, чтобы накормить единственную дочь. Уйдя достаточно далеко от своего «родного» городка (где она, судя по всему, несла наказание за грехи родителей), Эбби продала пистолет и купила билет «в одну сторону» до Нью-Йорка, где надеялась скрыться.

Первое, что она сделала, приехав в Нью-Йорк, — на мизерный остаток денег приобрела себе дешевое платье, туфли на высоком каблуке и помаду, чтобы выглядеть как можно старше. Потом нашла на лавочке в парке вчерашнюю газету и стала читать объявления, подыскивая себе работу.

Единственным стремлением Эбби было жить так, чтобы не зависеть от мужской похоти.

В газете было не так много объявлений с предложениями о нормально оплачиваемой работе для женщин и, конечно же, не нашлось ни одного, где предлагалась бы работа для неквалифицированной четырнадцатилетней девочки, которая к тому же находилась в бегах. На четвертый день пребывания в Нью-Йорке Эбби собрала всю свою смелость, отправилась в бар в районе Гринвич Вилледж и спросила, нет ли для нее работы официантки. Хозяин лишь бросил на нее взгляд и коротко отрезал: «Нет!» Но Эбби, доведенная до отчаяния двухдневной голодовкой, ночами, проведенными на скамейках в парке, дешевыми туфлями, до крови стершими ноги, начала умолять. Ей еще никогда не приходилось о чем-то умолять, хотя она и хлебнула горя с мамашей, ее бесчисленными хахалями и кратковременными мужьями. Но сейчас Эбби умоляла.

— И сколько же тебе лет, малышка? — спросил хозяин.

— Двадцать один! — выпалила Эбби.

— Да-да! А я Папа Римский! — Вилли знал, что нарвется на неприятности, если возьмет на работу этого подростка, — девчонке, по его прикидкам, было не больше пятнадцати. Но он сумел разглядеть под этими давно не мытыми волосами и неумело намазанными губами, что у нее есть мозги и внешность! А главное — выражение глаз у нее было совсем не «безразлично-коровье», как у большинства официанток, которые сохраняют этот взгляд с 16 лет до глубокой старости, если, конечно, не умрут раньше от какого-нибудь венерического заболевания.

— Ладно, детка, считай, что ты получила работу, — сказал он, — но первая жалоба, — и ты на

улице.

В ее взгляде было столько благодарности, что Вилли нервно заерзал в своем кресле. Он полез в карман и достал двадцатку.

— Вот... аванс. Достань себе приличную одежду и поешь...

Эбби, не в силах сказать ни слова, молча глядела на мужчину и на купюру в его руке.

— Ну, ступай, ступай. Приходи завтра вечером, в семь!

Увидев ее на следующий день, Вилли понял, что не прогадал — у девки был вкус. Она была одета строго и элегантно, как на картинках журналов мод. И еще он понял, что с этого момента жизнь его изменится.

За два года его низкопробная забегаловка с борделем превратилась в уважаемое заведение, куда приходили приличные «леди и джентльмены». Эбби, которая мечтала об уважении и ответственности, целиком взяла бар в свои руки. Она сменила обстановку и форму официанток, ввела строгие правила и сама следила за бухгалтерией. К концу третьего года Вилли уже ходил в сшитых на заказ костюмах, а в галстук у него красовался бриллиант в три карата.

Шел 1924 год, когда семнадцатилетняя Эбби встретила молодого гангстера с короткой кличкой Док. Она тотчас почувствовала в нем такие же амбиции, как и у нее.

Док был небольшого роста и довольно хилый — явно недоедал в детстве. Через всю шею у него тянулся шрам от старой, некогда ужасной раны. Глазки его постоянно бегали. Он прихрамывал на одну ногу, но ходил быстро, то и дело оглядываясь, и все время вертел в руках пулю на цепочке, свисающую с жилета.

Его тенью был высокий, неуклюжий, глуповатого вида детина с наполовину оттяпанной левой рукой — откуда и его кличка. Однорукий Джо следовал за Доком повсюду, даже в туалет. А еще он пробовал еду Дока перед тем, как тот начинал есть.

Когда Док впервые посетил бар, Эбби сама его обслуживала, что делала крайне редко. Что-то в его бегаящих глазах и неровной походке подсказало ей, что у них родственные души. С тех пор она обслуживала его только сама.

За шесть месяцев, которые Док посещал бар, он не сказал Эбби ни слова. А потом к ней вдруг подошел Однорукий и объявил, что Док желает с ней поговорить в своей машине.

Эбби не торопилась с ответом. Она догадывалась, что нужно от нее Доку — чтобы она стала его любовницей. В принципе, она бы не возражала: гангстер — это защита. Кроме того, они обычно делают дорогие подарки, которые можно продать и на эти деньги открыть свое собственное дело. И еще — гангстеры долго не живут, что, на ее взгляд, тоже было неплохо. Ей только не нравилось, что придется заниматься с ним любовью, а она не хотела иметь дело ни с каким мужчиной вообще. Судьба матери и ее многочисленные мужья навсегда отбили у Эбби охоту к сексу.

Однако она решила выслушать предложение Дока, вышла на улицу и села в его длинный черный лимузин. Туда же уселся и неизменный Однорукий. То, что предложил ей Док, страшно удивило Эбби: он действительно хотел, чтобы она была его любовницей, но только для вида.

Условия следующие — между ними нет интимных отношений, а у нее нет других мужчин. За это он берет ее на содержание; если захочет, она может бросить работу у Вилли и целыми днями делать себе прически и полировать ногти. Но Эбби была очень предана Вилли, хотя он и недоплачивал ей и ни разу не поблагодарил за все, что она для него сделала. Она хотела остаться у него — он так в ней нуждался. Доку было ровным счетом все равно, и Эбби облегченно вздохнула: слава Богу, этот оказался не из требовательных.

Сидя на заднем сиденье лимузина, она согласилась на условия Дока и получила от него первый из многочисленных подарков: бриллиантовое кольцо. За год к этому прибавились: полностью меблированная квартира на ее имя, меха, одежда, драгоценности. С ее стороны требовалось выходить с Доком, куда ему вздумается, и всегда блестяще выглядеть, так как это имело для него особое значение: весь мир должен был видеть, что у него самая классная женщина.

В 1926 году, когда ей было девятнадцать, Эбби бросила работу у Вилли. Незадолго до этого она наняла оркестр для его заведения. Однажды певец неожиданно сорвал голос. Эбби лихорадочно искала замену, но бесполезно. Тогда она решила попробовать развлечь публику сама.

И едва она вышла на сцену, как сразу же почувствовала, что это ее призвание. Все, включая Дока и Вилли, считали, что Эбби холодная, как лед. Никто даже не догадывался о тех чувствах, которые кипели у нее внутри и находили выход, только когда она пела. Эбби не умела сказать о том, что чувствует, но она могла это спеть. Каждое слово блюзов, которые она исполняла, было переполнено страданием.

После ее выступления слушатели громко аплодировали стоя, и Эбби поняла, что ей нужно от жизни.

Единственным человеком, который не хотел, чтобы она пела, был Вилли. Он смотрел в будущее, понимал, что теперь Эбби уйдет от него, а он был не в состоянии вести дела без нее. И поэтому сказал ей, что поет она плохо, что публика аплодировала исключительно ее внешности, а вовсе не таланту. С этой минуты он навеки потерял ее преданность. Эбби могла простить ему и жадность, и неблагодарность, и все что угодно, — но не эту ложь.

Она заявила Доку, что хочет уйти от Вилли и петь в хорошем месте. И тот устроил ее в клуб Джубели в Гарлеме — клуб, где женщины сияли в ореоле драгоценностей, а мужчины — в ореоле собственной власти. Именно тогда, подписав двухгодичный контракт у Джубели, она и получила имя Макси.

Макси было трудно приспособиться к новому месту из-за того, что другие женщины невзлюбили ее. У Вилли женщины боялись собственной тени, и все были ей чем-то обязаны. У Джубели же девушки из хора сами были любовницами гангстеров, а некоторые работали на Скальпини, который был значительно более могущественным, чем замухрышка Док.

И надо же было так случиться, что вдобавок ко всем ее хлопотам — изнуряющие ежедневные репетиции, коллеги, которые в лучшем случае относились к ней прохладно, а в худшем — с ненавистью, вызывающая все большее раздражение необходимость постоянно прекрасно выглядеть для Дока — появился еще и Майкл Рэнсом. Он был нанят Джубели танцевать с посетительницами, чьи кавалеры были слишком толстыми, слишком ленивыми или просто слишком устали.

Майкл Рэнсом действительно стал для Макси проблемой, так как все девочки в клубе были в него влюблены. Да это и понятно. У него был крутой подбородок и глаза цвета штормового

моря — не то голубые, не то серые. У него были густые вьющиеся светлые волосы и крупные нежные губы. Но главное, за что девочки обожали Майкла Рэнсома, это были его манеры. Ему достаточно было взглянуть на женщину, и он сразу чувствовал, что ей нужно, и давал ей это. Он мог быть нежным и соблазнительным, грубым и требовательным. Он всегда был именно тем, в ком женщина нуждалась, о ком мечтала. Недаром говорили, что он может соблазнить женщину, не сказав ей ни единого слова. Ему стоило только бросить медленный, ленивый взгляд своих удивительных глаз поверх фужера с шампанским, и женщина чувствовала, как ее охватывает жар, дурманит ей голову, и стряхнуть это наваждение нет ни сил, ни желания... Говорили еще, что если взгляд Майкла еще кое-кто и выдерживал, то, услышав его голос, устоять не мог уже никто. Голос был томный, глубокий и мягкий. Майкл Рэнсом брал женщину за руку, за кончики пальцев, глядел на нее своими туманными, полуприкрытыми глазами, затем притрагивался губами к ладони и шептал: «Я люблю тебя!»

Осечки у него не произошло ни разу. Он получал от женщины что хотел, и она еще говорила ему «спасибо».

Но вот Майкл Рэнсом познакомился с Макси.

Когда Макси только начала петь в клубе, Майкл заглянул в гримерную (не имело никакого значения, что там переодевались девочки, он и так каждую отдельно видел голой в постели) и предпринял «ускоренный» вариант соблазнения. В конце концов, зачем тратить много сил на девушку, которая поет с такой страстью, как Макси — она должна кипеть эмоциями.

Но вместо легкой победы, на которую он рассчитывал, Макси, не говоря ни слова, обрушила на его голову целую коробку пудры. Сначала ни Майк, ни девочки не могли поверить в реальность происходящего. Еще никто не отказывал Майку. Переспать с ним стало своеобразным посвящением в члены клуба.

Когда же они наконец сообразили, что произошло, трудно было понять, кого это больше взбесило. Уже не один месяц прошел после так называемого инцидента с пудрой, а Макси все ощущала мелкие гадости, которые устраивали ей девочки: пропала косметика, одна туфля лежит не там, где она ее оставила, на платьях появляются пятна... Макси мужественно все терпела, никогда не жаловалась, ни разу даже слова не сказала никому из девочек, напротив, всегда была вежливой и радушной.

Но месть девочек — это были пустяки. Выдержать постоянные колкости Майка Рэнсома было сложнее. Он действительно рассердился, что она отказала ему, да еще при большом стечении народа. После еще двух неудачных попыток соблазнить ее он оповестил весь клуб, что Макси просто фригидна, дал ей кличку «Снежная королева» и утверждал, что она считает себя выше того, чтобы работать в ночном клубе.

Он все время ее изводил.

Именно Лила, прима-танцовщица, первая заявила Майку, чтобы он нажал по тормозам, что у нее уже в печенках все его жалобы и что она начинает уважать силу духа Макси и то, как она держится. Именно Лила впервые пригласила Макси пойти вместе прошвырнуться по магазинам, попросив ее помочь выбрать платья, которые не были бы слишком кричащими. Макси немного насторожилась, не зная, что замышляют девочки, но согласилась и осталась очень довольна. Девочки наконец поняли, что Макси вовсе не надменная, а просто скромная, а Лила предположила, что бедная девчонка никогда не имела друзей и не знала, как заводить знакомства.

После этого девушки приняли ее в свой кружок, приглашая к себе и принимая ее приглашения.

Однако Майкл по-прежнему был зол на Макси. И только поэтому удвоил свои усилия, чтобы добиться ее благосклонности. Но у него опять ничего не вышло. Майкл был готов на убийство, когда Лила решительно потребовала, чтобы он отстал от Макси, и хлопнула дверью гримерной.

Но жизнь Майкла переменилась в один вечер. Обнаружив, что оставил в клубе свой бумажник, он через час после ухода вернулся за ним и нашел клуб запертым и темным. Раздраженный, он вспомнил, что окно в туалете на втором этаже не запирается. Недолго думая, Майкл сложил пирамиду из мусорных контейнеров и влез в окно.

Взяв свой бумажник и собираясь уже уходить, он услышал какой-то шум. Пошел по коридору и заметил тусклый свет, что пробивался из-под двери женской гримерной. Осторожно приоткрыв дверь, Майкл увидел Макси. Она сидела за столом и плакала. Плакала так, как всегда плачут дети-сироты, как плакал когда-то и он сам: горько и тихо, будто боялась, что если ее услышат, то накажут.

Совершенно безотчетно Майкл сделал то, о чем всегда мечтал для себя; подошел к ней, встал на колени и обнял. После первой реакции — оттолкнуть Макси доверчиво прижалась к нему. Наверное, Майкл рассмеялся бы, если бы кто-нибудь попробовал объяснить ему, что он переспал с таким количеством женщин только потому, что стремился быть с кем-то рядом, хотел, чтобы кто-то любил его. Майкл привык считать, что полностью независим от всех и ни в ком не нуждается. Ему приятно было думать о себе как о мужчине типа «пришел, победил, ушел». Таким, впрочем, его считали и женщины. Ни у одной из них не было серьезных намерений по отношению к красавцу танцору. Когда Майк почувствовал, что Макси никак не может успокоиться, он отнес ее на разбитую старую кушетку у стены, усадил, отодвинув кипу платьев в блестках и искусственных бриллиантах, рваного нижнего белья и дырявых чулок, и крепко прижал к себе.

Совершенно естественно их губы слились в поцелуе. Та злость, что они питали друг к другу в течение многих месяцев, мгновенно превратилась в страсть. Их руки торопливо скользили по одежде, расстегивая ее и срывая. Они занимались любовью на старой кушетке один, два, три раза подряд, молча, не говоря ни слова, будто боялись, что слова могут положить конец волшебству и каждый из них превратится в совершенно другого. Майк боялся, что Макси станет обычной женщиной, как все другие, боялся услышать от нее слова: «Это было отлично, Майк, но мне пора к мужу!» А Макси боялась увидеть его холодные глаза и прочитать в них, что она всего лишь очередная «женщина Майка Рэнсома».

Уже светало, когда Макси решила заговорить. Усталая, пресыщенная, она лежала в объятиях Майка и чувствовала себя впервые в жизни в безопасности. Больше всего она не хотела, чтобы это когда-нибудь кончилось.

— Если о случившемся узнает Док, нам обоим конец.

Сердце Майка часто застучало, и он какое-то время тихо лежал, успокаиваясь. Ее слова означали, что она хочет продолжать встречаться с ним.

— Это станет нашим секретом, — наконец произнес он, и Макси кивнула. Секреты хранить умели оба.

Несколько месяцев они тайно встречались в маленькой квартирке без отопления и всяких удобств, которая зато была сущим раем для тараканов и крыс. Но Майкл и Макси этого не

замечали. Конечно, они занимались любовью, но это было далеко не все. Они часами болтали, рассказывая друг другу о своей жизни. Впервые и у нее, и у него появился настоящий друг, которому можно было излить душу.

Оба старались изо всех сил, чтобы в клубе ничего не заметили. Они делали все правильно, говорили нужные слова. Майкл по-прежнему обзывал Макси «сучкой с холодным сердцем» и насмеялся над ней, а Макси презрительно задирала нос, когда он появлялся где-то рядом.

Но женщин обмануть невозможно. Начать с того, что Майкл перестал волочиться за каждой юбкой, даже стал сдержанно вести себя на танцплощадке. Кроме того, если раньше при виде Макси глаза Майкла загорались от ненависти, то теперь они загорались от любви. Не просто от страсти, а именно от любви.

Чувствуя, что девочки начинают догадываться об их взаимоотношениях, однажды вечером Макси даже плеснула ему в лицо бокал шампанского — только для того, чтобы доказать всем свою ненависть к этому человеку.

Но Майкл все испортил: он схватил Макси за плечи и крепко поцеловал в губы, и девочки сразу сообразили, что для них двоих это привычное занятие. Когда Майкл вышел из гримерной, наступила долгая тишина, а потом Лила произнесла:

— Дорогая, тебе нужно быть очень осторожной с таким человеком, как Док.

Макси оставалось лишь кивнуть головой.

Глава 35

12 мая 1928 года

Макси еще никогда в жизни не была так счастлива, как этим вечером. И все вокруг казалось ей сегодня прекрасным, начиная от зеркального шара, висящего над головами и бросающего по сторонам радужные отблески, и кончая лицами окружающих. Клуб сегодня, казалось, был полон до отказа людьми Дока, но даже их грубые манеры не могли испортить счастливое настроение Макси.

Трудно было исполнять блюзы, трудно было петь про то, как твой парень бросает тебя, как он больше тебя не любит, зная, что на самом деле этим вечером она уезжает отсюда вместе с Майклом. Вещи ее уже собраны и стоят, дожидаясь нужного часа. Макси и Майкл должны тайком выбраться из города и отправиться куда-нибудь на Средний Запад или в Калифорнию — куда угодно, лишь бы их там не могли найти Док и его люди. Она пела и наблюдала, как Майкл танцует с какой-то женщиной, чьи волосы по цвету и по структуре очень напоминали солому. Ее рука обхватила его могучие плечи, а челюсть тыкалась ему прямо в ухо. Каждый раз, оказываясь недалеко от сцены, он подмигивал Макси и закатывал глаза на лоб. И песня страдания в устах Макси превращалась в нежную любовную серенаду.

Наконец настало время перерыва и Макси на сцене сменили Лила и девочки.

Когда она бежала по темному коридору в сторону гримерной, навстречу вышел Джубели.

— Тебе не следовало бы так себя выдавать, детка, — мягко сказал он. Было ясно, что он имеет в виду: то, как она сегодня пела, и то, как весь вечер улыбалась Майклу.

Макси была рада, что в темноте не видно, как краска расплзается по ее щекам. Она чувствовала вину перед Джубели, что не рассказала ему о готовящемся побеге, но ведь они с Майклом договорились, что об их планах никто знать не будет. А никто — это значит никто. Ни одна душа. И никаких прощаний.

Делая вид, что не понимает, о чем он говорит, Макси проскользнула мимо Джубели и направилась к гримерной, но по пути ее схватил Майкл, появившийся из тени, и потянул в темный дверной проем, целуя так, будто от этого зависит его жизнь.

— Майкл, — начала было она, но ей мешали его губы и руки. — Майкл! Нас никто не должен видеть!

Он нежно взял в ладони ее лицо и поцеловал.

— Как поживает мой мальчик?

— С нашей девочкой все в порядке. Она чувствует себя в безопасности и счастливой, — ответила Макси. — Так же, как и ее мать.

Он вновь ее поцеловал.

— Так же, как и его старик отец.

Оба тихонько рассмеялись. Майкл упорно называл своего будущего ребенка «он», а Макси «она».

Собрав все свои силы, она отпихнула его от себя.

— Еще три часа. Через каких-то три часа ноги нашей здесь не будет.

Внезапно ее обуял страх.

— Майкл, ты ведь не... Я хочу сказать, что...

Они прижал палец к ее губам.

— Ты хочешь сказать, что я лишь играю твоими чувствами? Что я обрюхатил тебя и теперь брошу, чтобы ты в одиночестве воспитывала моего сына? Да, это так. Моя истинная мечта — до конца своей жизни протанцевать с безмозглыми дурочками на этой танцплощадке, а досуг проводить в компании гангстеров. Где еще услышишь такие возвышенные разговоры (тут Майкл заговорил гнусавым, противным голосом): «Эй, ты, Большой Нос! Скольких ты пришел сегодня? Всего троих?! Я сподобился на четверых! Ты проиграл спор. Гони десятку!»

Макси захихикала.

— Майкл, ты просто урод. Теперь давай дуй отсюда, пока нас никто не застукал.

После еще одного поцелуя, оттягивающего расставание, он возвратился на танцплощадку, а Макси отправилась в гримерную поправить прическу и макияж, перед выходом на сцену. Не успела она накрасить губы, как, взглянув в зеркало, застыла на месте, не веря своим глазам. Маленький мальчик, лет девяти, неслышно отворил дверь и встал в дверном проеме. По щекам его медленно катились слезы.

Макси обернулась к нему.

— Что произошло? — В ее голосе звучало не только Искреннее беспокойство, но и страх. Этот клуб, напичканный такими людьми, как Док, всегда вызывал у нее страх.

— Кто-то застрелил моего папу, — тихо ответил мальчик.

Не говоря больше ни слова, Макси встала. Ее глаза были широко раскрыты. Она подошла к мальчику и протянула ему руку. Крепко ухватившись за нее, он повел Макси в кабинет Джубели.

Она даже не сразу увидела лежащего на полу мужчину — он был частично скрыт от взгляда письменным столом и дверцей открытого стенового шкафа. Это был Однорукий Джо, тот самый, который постоянно ходил по пятам за Доком. Макси сначала приняла его за мертвого: в голове у него зияло пулевое ранение — маленькая аккуратная дырочка на покрытом шрамами лбу, из которой почти не шла кровь. Но затем, к ее ужасу, глаза Джо приоткрылись.

Макси села на пол и нежно положила его голову к себе на колени.

— Джо! — прошептала она, ласково глядя его волосы. Она уже чувствовала, как кровь вытекает из выходного отверстия раны на затылке прямо на ее платье.

Джо взглянул на Макси, но тотчас перевел глаза на плачущего сына, стоящего у него в ногах. Макси как-то никогда не воспринимала Джо как отца, впрочем, она вообще о нем редко вспоминала — ведь он был всего лишь тенью Дока.

— Позаботься о нем... ради меня, — прошептал Джо, все еще глядя на сына.

— Тихо! — велела Макси. — Я сбегаю за врачом!

— Нет! — выдохнул Джо, и глаза его закрылись. Макси подумала, что он умер, но глаза приоткрылись вновь. — Слушай... должен сказать...

— Да, да, я слушаю, — прошептала Макси, наклонившись. Не особенно сведущая в медицине, она все же поняла, что врач ему уже не поможет.

— Док убил меня!

Такому Макси, поверить не могла. Если Док и был способен о ком-то заботиться, так это был Джо.

— Нет. Он не мог это сделать!

— Не нужен ему... Плохой стрелок... Дурак...

Макси по-прежнему держала его голову, чувствуя, как с теплой кровью вытекает жизнь Джо, но она все еще не могла поверить в то, что он говорил. Внезапно Джо начал тянуться к лацкану пиджака, и Макси догадалась, что ему нужно достать что-то из кармана. Она засунула руку в его карман, стараясь помочь, и достала матерчатый мешочек на застежке — в таких банки перевозят деньги.

— Я знал... — прохрипел Джо. — Это случится. Я... взял деньги. Они помечены... Не трать...

Держа в руке мешочек, Макси кивнула головой.

— Конечно, нет. Я не буду их трать.

— Помоги мальчику... — Джо сделал попытку приподняться, его глаза горели от страшного напряжения. — Клянись!

— Да! — сказала Макси. Слезы полились ручьем из ее глаз. — Клянусь, я присмотрю за ребенком.

Джо обмяк. Силы почти покинули его.

— Док не знает... о мальчике. Мальчик... секрет... Деньги... секрет...

— Я сохраню твои тайны, — проговорила Макси. — Все, все...

Тут она поняла, что Джо умер.

Макси нежно положила его голову на пол и, обернувшись к ребенку, обняла его, а тот вырывался и ревел: «Хочу к папе!»

Что-то ей подсказало, что у нее нет сейчас времени успокаивать мальчика. Док заранее сообщил ей, что *его* нынче вечером в клубе не будет, что у него другие неотложные дела. Именно по этой причине она и Майкл запланировали сегодняшний вечер для побега. Но сейчас она чувствовала, что вот-вот должно случиться что-то страшное, и у нее зашевелились волосы на затылке от этого предчувствия. Что заставило Дока наврать ей и к тому же убить человека, который был его другом и телохранителем?!

Она резко отпустила мальчика и вскочила. Времени было в обрез, это она знала наверняка. Ей необходимо привести мальчика в порядок, устроить его, добраться до Майкла и убраться из клуба. И не после выступления Макси. Им нужно бежать сейчас!

Таща одной рукой ребенка, в другой держа мешочек с деньгами, Макси вбежала к себе в гримерную. Там под кипой белья была спрятана ее толстенная дорожная сумка. В ней было все необходимое для предстоящей дороги, а под подкладкой лежала пачка сто долларовых купюр толщиной с палец. Это были все ее сбережения. Макси, не задумываясь, вытащила деньги из-под подкладки и сунула их в блестящую блузку Лилы, висящую на спинке стула.

— Кто твоя мама? — обратилась она к мальчику, стараясь не передать ему свое паническое настроение, которое у нее самой все возрастало. Однако ей это не удалось.

Мальчишка не мог понять, что она имеет в виду. Его мама была его мамой, вот и все!

Макси взяла его за подбородок; может, это вышло немного грубее, чем ей хотелось.

— Скажи мне правду: у тебя хорошая мама?

У Макси был слишком большой опыт относительно «плохих мам», чтобы довериться женщине лишь потому, что она носят ставшее священным имя матери.

Мальчик вновь не понял, что от него хотят.

Отчаявшись, Макси спросила:

— Она бьет тебя? Дома у вас чисто? Часто посторонние мужчины остаются с мамой на ночь?

Тут мальчик вновь заревел.

— Она никогда не бьет меня... она всегда стирает, убирает и чистит все... и только папа спит с ней в постели...

Макси почувствовала себя виноватой перед ребенком, ей захотелось приласкать и успокоить его. Но она не могла сейчас этого сделать. Отведенное ей время подходило к концу. Она знала, что ей нужно срочно добраться до Майкла и уходить из клуба.

Она достала пачку денег из блузки Лилы и сунула ее в руку мальчика. Это все, что у них с Майклом было, и она не знала, как они обойдутся без денег в дороге, как будут потом обустраиваться. Но времени на рассуждения у нее тоже не было. Сейчас самым главным было выбраться отсюда живыми.

— Отдашь это своей маме! — велела Макси. — Скажи ей, что вам надо уехать из Нью-Йорка. А теперь беги как можно быстрее! Скажи ей, что нужно уехать сегодня же!

Моргнув несколько раз своими зареванными глазами, мальчик выскочил из гримерной и выбежал через черный ход на улицу. Несколько секунд Макси провожала его взглядом. Потом хотела зайти обратно в комнату.

Но туда она не зашла. Там стоял Док. В руках он держал пистолет. Его толстенный ствол был направлен на нее. Не говоря ни слова, он жестом велел ей войти.

Макси не чувствовала панического страха, как можно было бы подумать. Она ощущала во всем теле странную тупую тяжесть и ясно понимала, что ее жизнь кончена. Такой человек, как Док, конечно, не мог допустить, чтобы его обвели вокруг пальца и обманщик остался безнаказанным. А Макси теперь не сомневалась, что Док знает о ее взаимоотношениях с Майклом. У нее даже мелькнула мысль — может, она и заслуживает такого наказания, ведь она по собственной воле согласилась с его условиями, а сейчас нарушила их.

Док беззвучно шагнул за ней в комнату и запер дверь огромным ключом, о существовании которого Макси даже не догадывалась. Ей захотелось быть смелой и встретить смерть достойно, с высоко поднятой головой. Она повернулась к нему лицом и посмотрела прямо в глаза. Док присел напротив.

— Как ты узнал?

Улыбнувшись едва заметной улыбкой, от которой Макси бросило в дрожь, он пожал плечами. Очевидно, не желал вдаваться в разъяснения.

Да он просто получает удовольствие от все этой сцены, подумала Макси, разглядывая его. Боже! Он просто наслаждается! Он равнодушен ко всем радостям жизни, ему безразличны еда, вино, секс, чья-то любовь; его будоражит только одно — ощущение, что скоро прикончишь человека. Ощущение, что от тебя полностью зависит Жизнь и смерть другого живого существа. Почувствовав, что ей больше нечего терять, она спросила:

— Зачем ты убил Джо?

Док вновь пожал плечами.

— Он был слишком неуклюжим. К тому же он больше мне не нужен.

— Так же, как и я?

— Совершенно верно.

Сделав глубокий вдох, держа руки за спиной, она присела на краешек стола. Она чувствовала, как кровь Джо на ее платье высыхает, превращаясь в жесткое, отвратительное пятно.

— Тогда кончай скорей! Сейчас идет номер девочек, скоро они уже будут здесь.

Док расплылся в улыбке.

— Нет, не будут...

Макси показалось, что у нее за секунду выкачали всю кровь. Не зная, что именно задумал Док, она чувствовала, что во всем этом непременно замешан Майкл.

Даже не успев подумать, что же она творит, Макси кинулась на Дока. Он был маленький и щуплый, но сильный и одним ударом ребра ладони свалил ее на пол.

Медленно, преодолевая боль, она приподнялась и села. Кровь сочилась из угла губ. Она посмотрела на Дока.

— Убей меня, — прошептали ее губы, — убей сейчас же!

Все еще улыбаясь, Док нежно проговорил:

— Еще не время. За этот вечер ты будешь умирать неоднократно.

Сначала Макси подумала, что он имеет в виду пытки и истязания, но потом услышала первые выстрелы автоматов и людские крики и вопли. В ужасе, ничего не понимая, она рванулась к двери, чтобы бежать к Майклу, но дверь была заперта. Она неистово дергала за ручку, изо всех сил пытаясь вырваться.

— Дай мне ключ! — наконец крикнула она Доку, оглушенная выстрелами и воплями мужчин и женщин, пытающихся избежать кровавой бойни, которая развернулась в главном зале.

— Если у тебя есть хоть капелька сострадания, дай мне ключ!

Но Док, со своей загадочной ухмылкой на лице, даже не шелохнулся. Он сидел и наблюдал за ней, совсем как ученый, наблюдающий за очень редким экземпляром какого-то животного.

Автоматным очередям, казалось, не было конца, а Макси все царапала и царапала дверь, пока не обломала все ногти. Тогда, содрогаясь от рыданий, она сползла по двери, прижавшись к ней спиной.

Она плакала, и ей казалось, что боль в ее душе уже никогда не пройдет. В этот момент взгляд ее упал на нечто такое, что она сперва решила, будто оно ей мерещится. Справа от нее стояла большая, переполненная всякой всячиной — от одежды до тубель и черт знает чего еще — сумка Лилы. С краю из нее торчала ручка маленького пистолета. Лила когда-то говорила, что всегда носит с собой маленького «телохранителя», а когда девочки рассмеялись, показала им двухзарядный дамский пистолет.

Макси даже не успела подумать, как уже молниеносным змеиным броском выхватила пистолет и, развернувшись всем телом на полу, нажала на курок. Как-то она уже совершила ошибку, целясь человеку в голову; теперь же она стреляла в живот, быстро выпустив обе пули.

Не нужно было никакого медицинского образования, чтобы понять, что пули скорее всего заделали позвоночник: ноги Дока как будто подломились. Раздался громкий пронзительный крик, Док свалился со стула, и пистолет выпал из его руки.

Макси не было дела до пистолета Дока — все ее мысли были заняты тем, как добраться до Майкла. К этому моменту автоматные очереди прекратились, но по-прежнему раздавались крики и стоны, полные боли и страха.

Макси стала обыскивать карманы Дока, а он смотрел на нее взглядом, полным боли и ненависти. Наконец она обнаружила ключ и трясущимися руками начала открывать дверь.

— Прошу... — голос Дока остановил ее. — Прошу, помоги мне...

На мгновение доброта и жалость заставили Макси замешкаться, но через несколько секунд она уже бежала в главный зал клуба.

То, что она увидела, привело ее в ужас: везде была кровь, кровь, кровь. На полу валялись люди с оторванными руками и ногами. Лила лежала в луже собственной крови. Половина ее лица прекрасно сохранилась, другая же была превращена в кровавое месиво. Макси успела заметить еще трех девушек. Все они были мертвы.

Переступая через тела, она продолжала искать Майкла. И увидела его в тот самый момент, когда появившиеся санитары натягивали окровавленную простыню на лицо, которое она так любила. Она устремилась к нему, но ее остановил врач, схватив за плечо.

— Он мертв... Вся его нижняя часть буквально изрешечена пулями.

Макси в истерике начала извиваться, пытаясь вырваться от врача и броситься к Майклу.

— Либо ты немедленно успокоишься, либо я буду вынужден сделать укол, который свалит тебя с ног, — жестко сказал врач. — У нас здесь вполне достаточно раненых, которым нужна срочная медицинская помощь. Не хватает еще тратить время на уцелевших, которые устраивают истерики!

Макси некоторое время с удивлением смотрела на врача.

«Уцелевшая! Это я-то уцелевшая? — думала она. — У меня же душа разорвана в клочья!»

— Ну вот. Так-то лучше, — проговорил врач, когда Макси перестала вырываться. — Вам, наверное, надо бы теперь отправиться домой.

«Отправиться», — подумала она. Да, это так. Ей нужно бежать, потому что, если она останется здесь, ей не позволят прожить и двух дней. Ее собственная жизнь ей была безразлична; главной ее заботой был отныне ребенок Майка, которого она вынашивала.

Макси как-то сразу перестала замечать скрюченные тела и кровь на полу и чисто автоматически зашагала назад в свою гримерную. Мельком взглянув на лежащего на полу Дока (хотя она прекрасно чувствовала, что его глаза следят за ней), она взяла свою дорожную сумку и тот мешочек, который ей передал Однорукий Джо. Где-то внутри у нее все больше нарастало желание поднять с пола пистолет Дока и застрелить его, но Макси не стала этого делать. Его глаза молили положить конец его страданиям и унижению. А она не хотела избавлять его от страданий, как избавляют умирающую любимую собаку. Она очень хотела, чтобы он остался жить и страдал бы так же, как и она, весь остаток своей жизни.

Не оборачиваясь, она решительно направилась к черному ходу и вышла из клуба.

Глава 36

1991 год

У Саманты было такое чувство, будто она только что вышла из гипнотического транса. Она уже была не Макси, а Саманта Эллиот, и был уже не 1928, а 1991 год. Ей почему-то казалось, что Майк обязательно возьмет кого-то играть роль Дока, но он сделал по-другому. Этот маленький человек с иронической улыбкой на лице предстал перед ней собственной персоной. Все события того времени были воссозданы так, как они происходили в действительности. После стольких лет ни одна деталь не была упущена.

Той ночью 1928 года Макси выстрелила в Дока и повредила ему позвоночник. Однако на протяжении двух лет он сумел скрывать от всех, что стал инвалидом, а потом объявил, что пострадал в автомобильной катастрофе. Макси лишила его способности двигаться, и она же лишила его всех денег, которые по указанию Дока Однорукий Джо украл у Скальпини. Переполненный ненавистью к Макси за ее измену, Док еще в те давние времена поставил своей целью убить ее и всех тех, кто хоть что-то о ней знал. В 1964 году ему на глаза попалась фотография счастливой Макси с внучкой. Его охватила безумная радость — и такая же неистовая ярость. И, ослепленный ею, он совершил ошибку — решил позвонить Макси, чтобы напугать ее. И к тому времени, когда посланный им наемный убийца прибыл в Луисвилл, она уже успела скрыться.

В 1975 году, уже растеряв свою власть и мощь, он снова послал человека в Луисвилл, чтобы выяснить, не знает ли кто-нибудь из близких Макси об исчезнувших деньгах Однорукого, а точнее сказать — его деньгах. Теперь Саманте были известны все эти подробности, а скрюченный человек сидел в инвалидной коляске прямо перед ней. И в ее руке был пистолет. С такого расстояния она наверняка убила бы его, независимо от того, заряжен пистолет боевыми или холостыми патронами, стоило только нажать курок. До сего момента она воспринимала Дока лишь как старика-инвалида, но теперь видела перед собой того самого человека, который устроил бойню в ночном клубе, полном народу, только ради того, чтобы застрелить соперника, от которого забеременела «его девушка», пошел на убийство своих людей, чтобы овладеть нелегальным рынком спиртного, ловко переложив ответственность за это на другого гангстера-босса.

— Вы лишили жизни человека, который вас любил больше, чем самого себя, — прошептала Саманта, имея в виду Однорукого. — Вы уничтожили всех, кто был хоть как-то близок вам. Стоила ли игра свеч? Теперь вы сидите тут, одинокий, всеми забытый старик, которого никто не любит, никто во всем мире. Вы были изуродованы собственной алчностью. Стоят ли эти страдания всех денег в мире?

Док рассмеялся ей в лицо.

— Ты маленькая глупышка. Думаешь, все такие, как ты? Вот ты задаешь вопрос — стоили ли все эти страдания... Да! Стоили. Я ни секунды не скучал в своей жизни. Я взял от нее все, что хотел. Я выиграл каждую партию той игры, которую затеял. Больше нечего взять от жизни. Я выиграл.

— А моя мама... — прошептала Саманта.

— Она была ничем. Однорукий Джо — был ничем. Макси — была ничем, хотя она чуть было не

обыграла меня. Мне стало известно, что у нее появился любовник, но я никогда не знал, что она была от него беременна, пока этот твой здоровенный парень не рассказал мне об этом. Я отлично знал, что мы с тобой не одной крови, и я никогда бы не встретился с тобой, если бы это не касалось денег.

Саманте было трудно понять и принять его доводы. Хотя, может, он не так уж не прав, и ей только кажется, что все, «как она». Ведь ей всегда больше всего на свете хотелось любви и дружбы. А если бы все хотели того же, не было бы таких людей, как этот...

— Я ненавижу вас! — прошептала она.

Док расплылся в улыбке — мягкой, ласковой, будто читал все ее мысли. И тут Саманта поняла, чего он хочет — чтобы она убила его. Она попыталась взглянуть на него глазами, не затуманенными ненавистью, и вновь увидела беспомощного старика инвалида... Несчастливого, жалкого, да к тому же еще и нищего. Майк сказал ей, что, насколько они могли выяснить, Док остался без гроша. Все его деньги ушли на то, чтобы спрятаться и защитить себя. Кто бы заботился о нем, не покупай он всех этих людей? А теперь его ждет приют для престарелых, где властная няня будет окликать его: «Тони?!»

И еще она поняла, что если сейчас застрелит его, то он отправится в ад с мыслью, что сумел выиграть решающий поединок. Из-за него Саманту посадят в тюрьму, и даже у мертвого убийцы появится новая жертва.

Немного отведя ствол от его головы, она выстрелила все шесть раз... в стену сзади Дока.

В следующий момент Майк уже держал перед носом Саманты рюмку с коньяком.

— Выпей, — велел он, и она заглотнула коньяк, правда, Майку пришлось придерживать ее руки, которые тряслись так, что она едва не расплескала все содержимое рюмки.

— Как?.. — Ее голос дрожал, и ей пришлось начать заново. — Как удалось Майклу Рэнсому выжить?

12 мая 1928 года

Когда дежурный врач увидел тело Майкла Рэнсома, у него не было никаких сомнений, что перед ним труп. Никто не может потерять столько крови и после этого остаться в живых. В нижней части его тела застряло, должно быть, не менее двадцати пуль. Его ноги были похожи на кусок фарша.

Но тут Майкл приоткрыл глаза, и врач закричал:

— Эй, кажется, этот еще...

Собрав весь остаток сил, Майкл схватил его за руку и прошептал:

— Если у вас есть какое-то милосердие, не давайте им знать, что я живой...

Врач видел, что сейчас этот человек потеряет сознание, и не понимал, о чем он говорит.

— Вы же истечете кровью до смерти!

— Если они обнаружат, что я жив, я потеряю гораздо больше крови.

В этот момент к ним подошел какой-то тип, под пиджаком у которого явственно угадывался пистолет, и поинтересовался, глядя на изуродованное тело Майкла: «Как этот?»

Врач понял, что это была «разборка между своими». Но странно, что на этот раз погибли и женщины. К примеру, все девушки из хора были буквально изрешечены пулями. Чудом уцелевший посетитель, видевший все от начала до конца, рассказал, что девушек обстреляли в первую очередь, будто автоматчикам было велено сперва покончить с ними. По его же словам, в мужчину, который сейчас лежал, накрытый простыней, стреляли трое. И по какой-то непонятной причине все трое стреляли ему ниже пояса.

Врач накрыл лицо Майкла простыней.

— Он мертв. — После этих слов громила кивнул головой и ушел. Вид у него был удовлетворенный.

Когда громила скрылся из виду, врач наклонился над Майклом и прошептал:

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы никто не узнал, что ты жив.

Впоследствии он очень переживал из-за женщины в красном платье, которой тоже пришлось сказать, что человек под простыней мертв — из опасения, что она выдаст их каким-нибудь невольным словом или жестом. Как только у врача появилась свободная минута, он тотчас поспешил за кулисы, чтобы найти женщину, но ее нигде не было. Он лишь обнаружил кровавое пятно в комнате, где, очевидно, была женская раздевалка и гримерная, но никакого тела тоже не нашел.

Затем врач выждал, пока увезли тех, кто официально числился живым, и отвез человека под простыней в госпиталь. Там на него накричали, что он привез истекающего кровью человека самым последним. А хирург прямо сказал, что бесполезно заниматься тем, кто одной ногой в могиле, а у него есть другие раненые, которые нуждаются в его помощи. Но врач стал умолять попробовать спасти Майкла, и, тяжело вздохнув, хирург разрешил направить его в операционную.

Два дня спустя тот же врач пришел в палату к Майклу и сообщил, что ему нужно бежать.

— Они проверяют больницу... Кажется, разыскивают тебя.

Затуманенный болью и таблетками, Майкл попросил врача помочь ему добраться до телефона — нужно срочно кое-кому дозвониться.

Он позвонил своему другу-однополчанину Франклину Таггерту, человеку, которому когда-то спас жизнь. Тогда в лазарете Фрэнк говорил, что, если ему что-нибудь будет нужно, пусть только скажет.

И вот теперь Майкл сказал своему другу, что ему нужна помощь.

Через каких-то два часа у больницы появился эскорт полицейских автомобилей, и Майкла отвезли в аэропорт к поджидающему его самолету. Майкла привезли в город Чандлер, штат Колорадо, в дом Фрэнка. Там ему была оказана самая лучшая медицинская помощь. К моменту, когда он поправился, семья его друга стала его семьей.

Все эти годы Майкл думал о том, что же случилось с Макси, но не решался разыскивать ее, боясь навести Дока на след. Он любил представлять себе, как где-то в надежном месте живут Макси и его сын. Но лишь в 1964 году, когда он увидел фотографию в газете, Майкл убедился, что женщина, которую он любил, не только жива и здорова, но и счастлива. Это было видно по тому, как Макси держала свою маленькую внучку. «Наша внучка», — подумал Майкл. Он тоже был счастлив — тем, что после него останется потомство. Именно когда он увидел эту фотографию, он и решил приступить к написанию книги под названием «Хирург».

1991 год

— Мне кажется, вам пора, — тихо сказала Блэр Майку, и в ее глазах он прочел то, чего так боялся.

— Сэм, — начал Майк.

Ей достаточно было взглянуть на него, чтобы все понять.

— Я не такая уж хрупкая и нежная... — проговорила она, теребя красное платье Макси. Спереди платье было заляпано кровью, но не настоящей, а бутафорской, на основе глицерина, которую используют при съемках фильмов и которая всегда выглядит свежей и красной. Рядом стоял Уолден. В спектакле он играл Однорукого. Его отец был тем самым мальчиком, который в ту страшную ночь прятался в стенном шкафу и видел, как Док убил Однорукого. И это Макси платила за образование Уолдена, его братьев и сестер. Как только она их нашла, именно ее поддержка помогла всей семье не умереть с голоду.

— Моя бабушка умирает, да?! — Саманта переводила взгляд с Блэр на Майка.

Они не собирались скрывать от нее правду.

— Да, это так... — кивнула Блэр.

— А бабушка знает?

— Да. Она хочет повидаться с тобой и с Майком. Хочет с вами поговорить.

— Да, да, — заторопилась Саманта. — Мне нужно многое узнать о дедушке Кэле.

Ей вдруг показалось очень важным узнать, любила ли человека, который был так дорог ей, Саманте, его жена. Или она любила одного Майкла Рэнсома.

Саманта совершенно искренне заулыбалась, когда увидела свою бабушку, лежащую в кровати, среди красивых розовых простыней и наволочек. Блэр еще рано утром перевезла ее из приюта к Джубели, чтобы она могла наблюдать за всеми приготовлениями к спектаклю. Но как только Саманта в образе Макси вошла в дверь черного хода, Блэр перевела свою больную в маленькую комнатку, которая когда-то была гримерной Майкла Рэнсома.

Как у них уже повелось, Саманта залезла к бабушке на кровать, но теперь Макси была слишком слаба, чтобы прижать внучку к себе.

— Расскажи, как это было, — попросила Саманта, поглаживая волосы Макси и чувствуя, как тепло уходит из ее тела. Голос ее тоже стал настолько слабым, что приходилось низко склоняться над ней, чтобы расслышать хоть что-нибудь.

— Я вышла из клуба, — зашептала Макси. — У меня не было багажа. Была налегке. Все, что было со мной, — сумка и мешочек, который мне передал Однорукий. Я добралась до железнодорожного вокзала и купила билет, истратив все наличные деньги, которые у меня остались. На эту сумму я могла доехать только до города Луисвилла в штате Кентукки, не дальше... В Луисвилле я вышла из поезда и присела на скамейку около вокзала. Очень хотелось есть — два дня я ни крошки не держала во рту. Человек, которого я любила, — погиб. Негодяй, которого я изувечила, наверняка жаждет мести. Я была на третьем месяце беременности. У меня не было дома... Не было — ничего. Все, чем я обладала, это десять тысяч долларов в банковском мешочке — меченые деньги, которые будут стоить мне жизни, если я истрачу хотя бы монетку. Еще у меня были кое-какие драгоценности, но если я их заложу — меня по ним найдут.

Макси остановилась передохнуть, а Саманта и Майк молча ждали, зная, что ей необходимо выговориться.

— Потом я пошла в женскую комнату на вокзале отмыть кровь с платья. И только там заглянула в мешочек и обнаружила сверточек на самом дне. В нем были крупные бриллианты, принадлежащие Доку, — стоимостью ровно в три миллиона долларов. Однорукий, видимо, успел вложить деньги в камешки, чтобы их проще было перевозить. Когда я увидела эти бриллианты, сразу поняла: если меня найдет Док или его люди, мне конец. Я отправилась в зал ожидания, раздумывая, покончить мне с собой или срочно придумать что-то, чтобы спастись.

Тут Макси сделала паузу и улыбнулась своим воспоминаниям.

— И тут рядом присел молодой человек и сказал: «У тебя выражение лица такое же мрачное, как мое настроение. Хочешь есть? Заодно поговорим». Я взглянула в его теплые, добрые карие глаза и ответила: «Да!» Вот так я и познакомилась с Калвином Эллиотом. Он привел меня в кафе и накормил. И я ему все рассказала. Он выслушал очень спокойно, и я видела, что он меня не осуждает. Когда я закончила свою историю, он рассказал о себе. Он только что уволился из армии, а в прошлом году умерли его родители — оба от сердечной недостаточности. А совсем недавно девушка, которую он любил еще с начальной школы, сбежала с парнем, которого знала всего неделю. И наконец, позавчера он узнал, что в результате перенесенной два года назад свинки стал бесплодным.

Внезапно Макси стала задыхаться. Саманте ужасно хотелось запретить ей говорить и дать отдохнуть; но обе они хорошо знали, что теперь никакой отдых уже не поможет.

Когда Макси продолжила рассказ, ее шепот был чуть слышен.

— Потом Кэл и я долго сидели, молча глядя друг на друга и не зная, о чем же говорить дальше. И вдруг Кэл сказал, что нам следует пожениться. Он сказал, что в этом есть смысл. У него никогда не будет своих детей, и жалко, если мой ребенок будет вынужден расти без отца. Он добавил, что хотя мы не любим друг друга и, возможно, никогда и не полюбим, то, во всяком случае, оба будем любить ребенка, а этого вполне достаточно.

— И ты согласилась? — спросила Саманта, чувствуя, как на глазах угасает жизнь в немоющем теле ее бабушки.

— Не сразу. Я напомнила ему, какие опасности будут нам грозить, если люди Дока найдут меня. Но Кэл заявил, что мы изменим мне облик и биографию, и они никогда меня не найдут. Я пыталась его отговорить от всей этой затеи. Я сказала, что ведь он ничего с этого иметь не будет, а Кэл рассмеялся и ответил, что я, наверное, давно не глядела на себя в зеркало.

— Ну, и ты вышла за него...

— Три дня спустя. — Макси прикрыла глаза. — И Док действительно не мог разыскать меня, пока не попалась ему эта фотография в газете... Ну, и мне пришлось уехать, но и этот шар не спас жизнь твоей матери.

— И ты смогла полюбить его? — Саманта как-то слишком громко задала этот вопрос. Кажется, ее испугали закрытые глаза Макси. Ей хотелось молить Бога, чтобы тот не забирал Макси к себе, но она понимала, как это эгоистично. Хотя Макси не говорила об этом ни слою, Саманта чувствовала, какую ежеминутную боль испытывает ее бабушка. И эта боль усиливалась изо дня в день. К тому же врачи сообщили «Саманте, что с тех пор, как она ворвалась в жизнь Макси, та отказалась принимать болеутоляющие средства, чтобы не упустить ни минуты общения с единственной и любимой внучкой. Она боялась, что эти средства слишком затуманивают голову...

— Да, — продолжала Макси, вновь открыв глаза. — Полюбить Кэла было очень легко. Конечно, он так не возбуждал и не волновал, как Майкл, и не был столь непредсказуем и интересен. Но Кэл всегда был рядом в нужную минуту. Всегда приходил на помощь, когда мне это было необходимо.

Макси подняла взгляд на внучку. Ее глаза были полны любовью.

— Кэл всегда любил меня... так же, как я любила его...

Вот так Макси и умерла. На ее лице запечатлелось выражение любви.

Глава 37

— Я начинаю о ней беспокоиться! — заявила Блэр Кейну. Они сидели друг против друга, расположившись на высоких табуретах у стойки в кухне городского дома Майка. Оба прислушивались к звукам, доносившимся из квартиры Саманты. Саманта рыдала. Блэр еще никогда не слышала, чтобы кто-то так рыдал, да к тому же так долго. Эта продолжалось уже несколько часов. Макси умерла приблизительно около двух часов ночи. Майк вынес Саманту из комнаты, где это произошло, и отвез ее домой. За ними поехали Блэр и Кейн. Родители Майка взяли ребятишек Кейна и отправились ночевать в квартиру Блэр.

Дома Майк сразу отнес Саманту наверх. Через закрытую дверь Блэр и Кейн слышали, как он орет на нее: «Плачь! Черт тебя побери, плачь! Твоя бабушка уж, наверное, стоит того, чтобы расстаться с этими твоими драгоценными слезками!»

— Ради всего свя... — начала Блэр и двинулась было наверх, дабы высказать Майку свое возмущение. Как он смеет обращаться так с человеком, который только что пережил такое потрясение!

Но Кейн остановил ее и сурово посмотрел ей в глаза.

С самого детства Майк и Кейн были больше, чем просто братья. Они никогда не имели секретов друг от друга. И сейчас по выражению лица Кейна Блэр догадалась, что происходят такие дела, о которых она не имеет понятия, но Кейн о них знает. И взгляд его просил довериться Майку.

А тот продолжал бушевать наверху. Они слышали его выкрики... и вдруг до них донесся плач Саманты — раздирающий вопль огромного страдания и горя, который отозвался эхом по всему

дому.

Блэр и Кейн сидели внизу и молча слушали этот страшный плач, не смея произнести ни слова. Да и что можно было сказать?

Спустя два часа Блэр сказала, что не может больше этого выдержать, открыла свою сумочку и вынула оттуда ампулу для инъекции.

— Я сейчас ей сделаю укол, чтобы она заснула.

Кейн взял ее за руку.

— В Саманте накопились слезы за многие годы, Блэр.

Она неохотно спрятала ампулу обратно и налила большой стакан воды.

— У нее может быть обезвоживание организма, — проговорила она и отправилась наверх. Когда она возвратилась, Кейн взглянул на нее вопросительно.

— Майк обнимает ее, а она все не перестает реветь, будто и не собирается никогда останавливаться.

Налив себе очередную чашку кофе, Блэр присела, чтобы продолжать вместе с Кейном свою молчаливую вахту.

Внезапно послышался крик Саманты — она выкрикивала что-то неразборчивое. Блэр и Кейн вскочили, глядя друг на друга. Крик стал еще громче, и они услышали, что Саманта ругается. *Ругается* так, что Кейн даже поднял брови в знак восхищения и уважения.

Затем раздался звон разбитой посуды. Блэр уже была готова опять пойти наверх и положить конец всей этой чепухе, но Кейн вновь взял ее за руку и остановил.

Крики, ругань, звон посуды, глухие удары — очевидно, по мебели — все это продолжалось где-то с час. Доносились отдельные слова: «отец», «Ричард», «секс», а особенно часто «Док» и «Однорукий».

Когда Блэр уже окончательно утвердилась в мысли, что Саманта не остановится никогда, вдруг настала тишина, и они с Кейном машинально взглянули вверх, недоуменно размышляя, что же такое произошло.

Через какое-то время по лестнице спустился Майк. Блэр еще никогда не видела, чтобы он выглядел так скверно: бледный, измученный, с черными кругами под глазами. Однако в глазах этих светилась радость.

— С ней будет все в порядке... теперь... — произнес он, присев на табуретку, которую освободил для него брат. Кейн положил руку ему на плечо. — Она уснула.

Увидев, явный скептицизм, написанный на лице Блэр, Майк взял ее за руку и крепко стиснул.

— С ней, правда, все в порядке. Плесните мне коньяку и налейте Саманте стакан молока, если не трудно! Мне нужно ее разбудить и сообщить ей кое-что очень важное.

После этих слов они с братом переглянулись. Майку не нужно было ничего говорить, Кейн и так понял, что он собирается сказать Саманте.

Держа в руках поднос с рюмкой коньяка и большим стаканом молока, Майк стал подниматься по лестнице вверх, где Саманта в полном изнеможении лежала на кровати. В спальне был полный кавардак, а по всей квартире там в сям валялась разбитые вещи, которые были когда-то специально приобретены для ее отца. Она била и швыряла все это, когда наконец смогла выместить свою злость на него за то, что он бросил ее одну после смерти матери, и за то, что фактически заставил ее выйти замуж за такого человека, как ее бывший супруг.

Поставив поднос на тумбочку у кровати, Майк разбудил Саманту, крепко обнял и сказал, что люди одни умирают, другие люди рождаются, и в этом-то и заключается смысл жизни.

— Майк, — усталым голосом произнесла Саманта, — о чем ты говоришь?

— О детях, — ответил он. — Новое идет на смену старому.

Она все еще непонимающе смотрела на него. Он бережно положил руки ей на живот.

— Ты вынашиваешь новую жизнь — того, кто сменит Макси и твою маму, твоего отца и твоего деда Кэла.

Саманта так вымоталась, что с трудом понимала его слова, но когда до нее дошло сказанное им, она крепко прижала его руки к своему животу.

— Ты считаешь?.. — Она пыталась говорить как можно спокойнее.

— Я в этом просто убежден! — Его вовсе не обмануло ее внешнее спокойствие, ее выдавало учащенное биение сердца, которое он ощущал под своей рукой. — В нашей огромной семье было где понабраться опыта. Я точно знаю: если женщину по утрам мутит, это значит, что у нее будет ребенок. Саманта, любимая, тебя же мутит почти целую неделю!

Она поглаживала руку Майка и свой живот.

— Как ты думаешь, у нас могут быть близнецы?

Майк поцеловал ее ушко.

— Кейн наградил свою жену близнецами с первой же попытки. А я ни за что не хочу отстать от него. Их непременно должно быть двое. Так что пей свое молоко и гляди, чтобы мои детишки были здоровыми. — И протянул ей стакан молока.

— Майк, я люб...

Прижав свой палец к ее губам, он покачал головой.

— Я знаю. — Он не желал слышать эти слова. Слова, которые звучали по телевидению, слова, которыми пестрели страницы книг, слова, которые были везде, куда ни бросишь взгляд, и от этого стали банальными и бессмысленными.

После крохотной паузы Майк улыбнулся.

— Да, между прочим, — игриво поинтересовался он, — ты ведь не собираешься иметь внебрачных детей?

Саманта улыбнулась в ответ и на секунду прикрыла глаза.

— Майк, можно у нас будет большая свадьба? Настоящая, грандиозная, огромнейшая свадьба?!

— Ты имеешь в виду, что хочешь такую, где все много молятся и говорят лишь об «объединении любящих сердец этих прекрасных молодых людей»?

Саманта мгновенно распахнула глаза.

— Боже праведный, нет! Я хочу, чтобы на свадьбе играл маленький латиноамериканский ансамбль. Хочу, чтобы было много вареных речных раков и много-много острой мексиканской еды и водки. Чтобы были танцы до упаду, которые не останавливались бы три дня. Хочу, чтобы было полно смеха и шуток и... много-много детей девять месяцев спустя!

Майк смотрел на нее светящимися от счастья глазами.

— С первой же минуты нашего знакомства я знал, что люблю тебя. Но до сих пор я даже не представлял, насколько сильно тебя люблю.

— Майк. — Саманта облизала усики от молока. — Сколько времени мы еще можем... ну, сам понимаешь... до каких пор это не будет вредить ребеночкам?

— До тех пор, пока тебя не отведут в родильное отделение, — с серьезным видом ответил Майк, поглаживая ее ногу.

— Нет, правда? — Она захлопала ресницами, старательно изображая глупенькую девочку. Майк разлегся на ее постели.

— Уж поверь моему опыту. Я-то насчет этого самого знаю практически все.

— А «это самое» не помешает врачам обследовать меня, перед тем как отправить в родильное отделение?

— Да нет. Врачи наверняка окажутся какими-нибудь родственниками, а они знают, как у нас в семье любят это дело.

— Как у нас в семье... По-моему, кончится тем, что я вас всех усыновлю.

— Конечно, дорогая, все, что ты желаешь. — Майк уже начал расстегивать ее кофту. — Да куда же подавалась эта чертова пуговица на этой чертовой штуковине?.. А-а-га! Вот она, голубушка... — И раздался звук рвущейся ткани.

Эпилог

Ее глаза озорно блеснули.

— А первый приют, который я открою, будет в усадьбе Дока в Коннектикуте.

Внезапно Саманта вздрогнула. Пораженная, она прижала ладони к животу.

— Майк! Как ты думаешь, могут уже близнецы начать драться?!

— Могут, — мягко ответил он. — Я думаю, это Макси через них хочет передать, что одобряет твои планы. А теперь пошли. — Майк протянул ей руку. — Пора кормить моих деток... — Остановившись на секунду, он посмотрел на заходящее солнце, лучи которого играли в волосах Саманты, делая их золотыми. — Всех троих...

Слово благодарности

Я бы не смогла написать эту книгу без всего того, что узнала о Нью-Йорке за последние десять лет. И мне кажется, не смогла бы написать ее, если бы не воплотилась в жизнь моя мечта — я приобрела собственную квартиру в моем любимом городе.

Я хочу поблагодарить Раулу Новик, специалиста по продаже недвижимости компании «Дуглас Эллиман», которая возила меня по Нью-Йорку в поисках этой замечательной квартиры. За время этих поездок она стала моим другом.

Благодарю Нэнси Миллер, сотрудницу «Банк оф Нью-Йорк» — отделения на Пятьдесят первой улице, которая помогла мне осуществить мою мечту, причем в процессе мне было легко и весело. Спасибо тебе.

Благодарю сотрудников компании «Покет Бук», которые с готовностью писали и переписывали рекомендации, чтобы я смогла пройти совет кооператива.

Джек Романос, который не только помог мне, но и очень лестно обо мне отзывался.

Билл Гроуз, который вместе со мной посетил квартиру, дал свое одобрение и высказал ряд советов.

Ричард Снайдер, кто так любезно помог мне во всем, что касалось моей квартиры.

Отец Лили Алис, известный также под именем Ирвина Апплбаума, мой издатель, который составляет для меня письма, поддерживает в нужный момент, дает мне деньги, водит на обеды и так веселит меня, что порой я не в состоянии встать со стула.

Всем вам огромное, огромное спасибо.

Я благодарна Кэрри Фирон, сотруднице компании «Путнам-Беркли», за то, что она показала мне ряд очень интересных мест в Нью-Йорке, — такие, например, как уличный базар и распродажа антиквариата на Второй авеню. Кэрри также была одной из первых читательниц этой книги и не уставала высказывать мне свое восхищение.

Я хочу поблагодарить всех сотрудников отделения компании «Компьютер Ленд» в городе Санта-Фе, которые продали мне все мои девять компьютеров, не считая восьми принтеров, — почти все, что у меня сейчас и осталось.

Моя подруга Джудит Макнот научила меня как «макнотизировать» мою книгу, внеся ряд рекомендаций. Затем она просидела всю ночь, читая моего «Ласкового Обманщика», а утром позвонила, чтобы сообщить мне, что ей очень понравилось!

Особо хочу высказать слова благодарности редакционным сотрудникам компании «Покет Бук» — тем невидимым героям, которые делают все, чтобы мои книги выглядели так хорошо. Я им достаточно докучала этой своей книгой. И... София! Мы все помним о тебе и любви.

Я хочу высказать слова благодарности Ламонту, который взбирался со мной на горы, пока я вынашивала сюжет этой книги. Это самый лучший слушатель, которого я когда-либо встречала. Он не выходил из терпения, когда я в сотый раз пересказывала ему одну и ту же сценку, над которой в тот момент работала. Ох, если бы у него не было четырех лап вместо рук и ног, я бы вышла за него замуж.

И особо я хочу поблагодарить двух очень важных в моей жизни людей: мою секретаршу и друга Гэйл и моего редактора и друга Линду.

mir-knigi.org